

Святой Григорий Богослов Назианзин, как пастырь и учитель пастырства архим. Григорий (Васильев)

Введение. Важность и польза изучения пастырской жизнедеятельности

Служение св. Церкви в должности епархиального миссионера, побуждало меня бороться с врагами св. истины теми же способами, к коим прибегают церковные раздорники: к изданию доступным языком изложенных бесед и листков и к бесплатному распространению их среди народа.

Такое стремление побудило меня основать свое собственное маленькое книгоиздательство под названием «На страже Православия». От его имени издано было до 300 названий, в количестве свыше 10.000.000 экземпляров.

Широкая бесплатная раздача этой литературы и снабжение ею солдат действующей армии явились причиной того, что, к сожалению, многих названий не сохранилось даже и у автора.

Попытку собрать в одно целое в разное время напечатанные и написанные брошюры и статьи, и произнесенные беседы, и поучения и представляет настоящее издание, состоящее из шести томов.

Первый – Церковные беседы.

Второй – Мысли и думы православного миссионера, изложенные применительно к церковным чтениям года.

Третье – В борьбе за трезвость. Тридцать бесед против пьянства.

Четвёртый – Пастырские заветы доблестным русским воинам.

Пятый – Св. Григорий Богослов, как пастырь и учитель пастырства

Шестой – К вопросу о благоустроении приходской миссии: конспекты чтений со световыми картинками, программы народно-миссионерских курсов, образцовые уставы приходских миссионерских учреждений.

Пять томов появляются в свет одновременно.

Шестой готовится к печати.

Собранием разрозненных статей и заметок автор желает принести посильную пользу и сельским православным священникам часто одиноким и беспомощным в борьбе с сектантством, неверием, пьянством и в деле благоустройства приходской жизни, и чадам св. Церкви, ищущим духовной пищи.

Участие автора во второй Великой Отечественной войне в качестве военного священника было поводом к изданию четвёртого выпуска, который всецело посвящён доблестным русским воинам, несущим тяготы беспримерной войны с врагом.

Совершенно не претендуя ни на богатство и оригинальность мысли, ни на разнообразие содержания, равно и не преследуя никаких иных целей, кроме посильного пастырского служения св. Церкви, наперёд смиренно приношу извинения за те недочёты, которые встречаются в издании: тревожное военное время, затруднения в печати и масса неотложных дел по обслуживанию военных, госпиталей и воинских частей московского гарнизона лишили меня возможности внимательно следить даже за корректурой.

Архимандрит Григорий,

Август 1916 г.

Москва

Введение. Важность и польза изучения пастырской жизнедеятельности

Важность и польза изучения пастырской жизнедеятельности великих отцов Церкви вообще и св. Григория Богослова, как пастыря и учителя пастырства, в частности. Что значит изучить деятельность пастыря. Неразрывная связь в пастырском служении жизни с учением. План работы. Характер и метод изложения.

«Полезно не оставлять в забвении те имена, которые возбуждают к добродетели»¹.

«Всё ветшает, ветшает даже прекрасное со временем; в остатке — или ничего, или самая малость. Где смыло землю стремительным потоком проливных дождей, там остаются одни мелкие камни. Посему, ни мало не удивительно, если скажу тоже о людях обыкновенных. Страшный же изрытый пропастями

овраг, — это мы, то есть, наше, забывшее чин свой, сословие (говорю сие со слезами); это мы, не на добро восшедшие на высоких престолах; мы, — председатели народа, учителя прекрасного; мы, которым дано в удел питать души божественной пищей, но которые сами истаеваем голодом; мы, врачи немощей и в то же время мертвецы, заражавшие непрестанно новыми и новыми недугами; мы, путеводители по стезям, может быть, стремнистым, по которым никого ещё не водили, даже не ходили и сами....; мы, не последовать которым, — правило самое короткое, и вместе урок, всего прямее ведущий к спасению мы, которых эта возвышенность обличает в худых нравах, а эта решётка отделяет от прочих не жизнью, но высокомерием»². В таких словах св. Григорий изливает свою скорбь по поводу тех недостатков, кои он встретил в современном пастырском служении.

В самом деле, прекрасно здание пастырства. Благолепным устроил его Основатель. Но подобно тому, как стремительный поток времени, бури и непогоды разрушают всё с течением времени, размывают скалы и камни, так и многовековая жизненная борьба Церкви с врагами спасения не могла бы пройти без вреда для её передовых вождей-пастырей, если бы Господу не угодно было от времени до времени воздвигать мужей, которые будили бы Церковь, особенно её служителей, часто склоняющихся под напором злых сил к косности и расслаблению, которые возбуждали бы их к доброй жизни своим словом и примером, и голосом Самого Бога не напоминали бы дремлющему пастырству об их высоких и священных обязанностях и о важности их призвания. Величавый образ этих мужей, для тех, которые отправляют свои пастырские обязанности не по внутреннему призванию, не из сердечных побуждений, но из-за позорных выгод, не как образцы стаду, но из-за господства над народом, — является зеркалом, в котором они могут со всей ясностью видеть как безобразие своих мыслей и поступков, так пленительную красоту пастырелюбивых апостолов и богодухновенных учителей Церкви³.

Вот почему «полезно, — по словам св. отца, — не оставлять в забвении те имена, которые возбуждают к добродетели» показывая нам на своём примере образцы реального воплощения в жизни и деятельности идеалов пастырского служения. Здесь в конкретных примерах даются прекрасные руководящие начала пастырского служения и способы действия пастыря в многообразных житейских положениях, даются не в теоретическом лишь их изложении, всегда оставляющем значительную долю для субъективного освещения их, но в фактическом их осуществлении. Отсюда открывается и незаменимая практическая польза восстановление в памяти великих примеров пастырства. Изучая их, пастырь увеличит свою духовную опытность, приобретёт и изощрит своё искусство пастырского душепопечения; в живых образцах он найдёт источник подкрепления своих духовно-нравственных сил для плодотворного и неустанного прохождения, предлежащего ему пастырского поприща; ими пастырь укрепит «опустившиеся руки и ослабевшие колена»; они вдохновят его бодро идти в личном пастырском опыте по тому пути, которым первым шёл «Начальник и Совершитель веры Иисус», которым шли проповедники Слова Божия, «дабы взирая на кончину их жизни, подражать их вере»⁴

«Счастливы тот муж, которому Бог дарует быть солью и светом Мира»⁵.

К числу таких счастливых принадлежит, бесспорно, Вселенский Учитель Церкви, св. Григорий Богослов Назианзин, который был не только необходимым человеком для своего времени, явив пример ревностного и настойчивого пастыря-подвижника и борца за всё прекрасное и доброе в человечестве, но и завещал потомкам драгоценные практические и теоретически основоположения пастырского служения. Его личный взгляд на пастырское служение; его пастырский любвеобильный дух; его личное осуществление пастырского долга, его пример воспитательного пастырского воздействия на пасомых и частного душепопечения; его неусыпная забота об охране чистоты веры в христианах; его отношение к врагам Евангельской истины и Церкви Христовой,

как внутренним, так и внешним; его трогательные заботы об устройении не только религиозно-нравственной, но и бытовой жизни духовных детей; его самоотверженно-покорное несение многообразных бедственных треволнений и невзгод житейских, воздвигнутых на него людской завистью; наконец, его эсхатологические чаяния, дававшие ему бодрость и вливавшие в его старческие силы живительную энергию для безропотного несения тяжёлого жизненного креста: все эти стороны его личного и общественного характера навсегда останутся памятником и его славной жизни и его славного учения. И не только памятником или зеркалом для желающих сверить свой практический пастырский опыт с образцом веры и нравственности будет пример пастырской жизнедеятельности Григория, а и маяком, привлекающим взоры путника в безгодную ночь, и источником вдохновения и ободрения, зовущим каждого пастыря на многоплодное, хотя и трудное, пастырское служение.

Но изучить пастырскую деятельность какого-бы то ни было авторитета в отвлечении от его личной жизни представляется невозможными. Это происходит по той причине, что в пастырском служении личность неотделима от дела. Пастырство — не профессия наряду с другими, каковые подвергают общественному вниманию и суждению только служебную, казовую сторону жизнедеятельности человека. Чиновник или общественный деятель оценивается постольку, поскольку мы соприкасаемся с его служебной деятельностью; вне служебных отношений он принадлежит самому себе, и каков он по существу, как живёт, как ведёт себя, — всё это — вне сферы нашего суждения о нём. Совсем иное в пастырстве. Эта священная должность неразрывными узами связывает официальную служебную деятельность носителя её с его частной интимной жизнью, с его личным характером, поведением, образом мыслей. При суждении о пастыре берётся во внимание не одно только то, как он исполняет свои обязанности и каковым он является в служебной сфере, но и то, каков он сам по себе, в своём нравственном существе; не только то, каким он кажется или хочет казаться, но, главным

образом, каков он есть на самом деле. Здесь преимущественную роль играют не слова, а дела, не учение, а жизнь пастыря. Вот почему в деле пастырского служения имеют значение даже такие, на первый взгляд безразличные, вещи, как одежда, телодвижения, привычки.

Так всецело захватывает пастырское служение человека, со всех сторон его внутренней и внешней жизни.

Если сказанное справедливо в отношении к пастырству вообще, то в отношении к св. Григорию Богослову оно особенно справедливо, ибо редко у кого так близко и так тесно выявлялось соотношение между личной жизнью и пастырским служением, как у этого Вселенского Учителя пастырства.

Вследствие сказанной тесной органической связи пастырского служения св. Григория Богослова с его личной жизнью, систематически излагать пастырскую деятельность его возможно лишь в неразрывном взаимоотношении с последовательным изложением обстоятельств его жизни, особенно же таких, в коих по преимуществу сказался в нём пастырь или учитель пастырства. Таким образом, сам собой намечается следующий естественный плач нашего наследования. Так как св. Григорий Богослов был не только практическим воплостителем идеалов пастырства, но оставил и теоретические взгляды на него, то, отнеся к первой части нашей работы всю практическую деятельность св. отца в связи с ходом его жизненного пути, во второй части мы изложим учение его о пастырстве. Затем, так как воспитание и приготовление к пастырству есть неотложное условие пастырской деятельности, каковое подготовление для избранников Божиих часто начиналось ещё до рождения и продолжалось во весь подготовительный период, то в первой главе первой части мы имеем изложить период до-пастырский, подготовительный, от рождения до возвращения Григория в Назианз по окончании образования; во вторую главу войдёт Назианский период пастырской деятельности Григория, его пастырство и архипастырство; в третью — Константинопольский период; четвертую займёт заключительный период, обнимающий последние шесть лет жизнедеятельности Григория. Детальное

распределение содержания второй части обуславливается самим составом учения о пастырстве. Так как учение св. отца о пастырстве имеет тесную связь с его сотериологической теорией, то, изложив последнюю, в первой главе представим общее учение о пастырстве, о его богоучреждённости, необходимости, важности, трудности, цели и задачах и об ответственности; во второй — о качествах лиц, приступающих к пастырству; в третьей — о средствах пастырского воздействия; в четвёртой — об участии пастыря в общественной жизни, об отношении к внешним благам, образованию и социальным неравенствам.

Сообразно нашей задаче — изобразить св. Григория Богослова, как пастыря и учителя пастырства, — мы старались придать нашему изложению тот характер, который должно иметь всякое изложение, если оно желает быть назидательным: учиться можно только на конкретном примере и в конкретном, так сказать, применении и изложении тех штрихов, часто мельчайших, из коих складывается человеческая жизнь и её сношение с людьми.

Эта же тенденция была причиной и другого явления в нашей работе — способа изложения и размера работы. Преследуя цель возможно точнее и полнее передать движение мыслей в речи св. отца, а часто и все оттенки её, мы, по необходимости, должны были держаться, возможно, ближе к тексту и допускать выдержки, иногда значительные, увеличивающие объём работы. Это особенно сказалось при анализе проповеднических трудов Григория, всех нами рассмотренных. Но иного способа точнее показать ход мыслей и оттенки речи св. отца, всегда поучительной, мы не видим. Без такой подробности, могущей показаться излишней, движение мыслей потеряло бы свою прелесть, а само изложение было бы ничем иным, как сухим констатированием общеизвестных фактов.

Намерение держаться в изложении возможно ближе к тексту было, затем, причиной и той тавтологии, которая иногда замечается. Это объясняется тем свойством речи св. отца, по которому он имеет привычку в разных случаях об одном и том

же говорить одними и теми же словами. Но то, что для другого было бы признаком слабости, для св. Григория Богослова является свидетельством систематического склада ума, однажды раз навсегда облекшего свои идеи в те или иные словесные формы и никогда потом не меняющего их. К тому же, при ближайшем рассмотрении таких мест, оказывается, что тавтологическая речь св. отца имеет своеобразные оттенки, оправдывающие её необходимость.

Часть первая. Св. Григорий Богослов, как пастырь

Глава 1-я. Период подготовительный, до- пастырский

Родина св. Григория. Его родители – Григорий и Нонна. Нравственная характеристика их. Благочестие Нонны. Обращение Григория в христианство и принятие епископства. Молитва Нонны о рождении сына и обет посвящения его Богу. Год рождения св. Григория. Благодетельное влияние домашнего религиозного воспитания и примера семейных добродетелей супружеской четы Григория и Нонны. Первоначальное воспитание св. Григория. Нарастание добрых навыков. Укрепление их в сонном видении. Первое посвящение св. Григория Богу. Брат Кесарий и сестра Горгония. Любовь к книгам и склонность к научному образованию. Амфилохий – учитель красноречия. Путешествие христианских юношей по центрам тогдашнего учёного мира, их смысл и значение для христианской культуры. Образовательное путешествие св. Григория в Кесарию, Палестину, Египет и Афины. Буря на море и второе посвящение Григорием себя Богу. Значение Афин для тогдашней умственной образованности. Быт и нравы Афинского студенчества. Школьная система и предметы преподавания. Соблазны жизни. Прибытие в Афины Василия. Друзья-каппадокийцы. Их совместная жизнь, занятия и влияние на окружающих. Значение для выработки нравственного характера Григория общения с Василием и с афинскими христианами. Отношения Григория к науке и научному образованию. Его учителя. Объём научного знания, доступного студентам того времени. Прощание с Василием. Прощание с Афинами и возвращение в Назианз. Результаты всего образовательного десятилетнего путешествия Григория. Красноречие. Любомудрие. Встреча в Константинополе с Кесарием и совместное прибытие в дом родителей. Выбор жизненного пути. Жизнь уединённо-созерцательная и подвижнически-отшельническая. Среднее состояние, придуманное Григорием для исполнения, и своих душевных стремлений, и сыновних обязанностей.

«Я один известен всякому, не тем,
что имею пред другими преимущество в слове
или в силе руки, но своими скорбями и сетованиями.
Может быть, дойдёт до того, что кто вспомнит о
Григории, которого воспитал Каппадокицам
небольшой диокессарийский город».
(Твор. Св. Григория Б. т. IV, 259–260. Изд. 1889)

Родиной св. Григория Богослова была Каппадокия, в древности самая восточная часть малоазиатской горной страны, нынешняя Карамания. Границами её были: с юга Киликийский Тавр, с востока Евфрат, с запада река Галисс, между гор. Тавром и Понтом Эвксинским, с севера — Чёрное море. По словопроизводству с Персидского языка, «Каппадокия» значит «земля хороших людей»; но это название далеко не соответствовало действительным качествам населяющих её народов индогерманского происхождения, называемых у Геродота Сирийцами, а у Страбона белыми сирийцами, в отличие от сирийцев в собственном смысле. Жители её пользовались одинаковой славой с Критянами и Карийцами отличались вероломством и продажностью⁶.

Один из небольших городов Каппадокийской области — Назианз — был местожительством родителей св. Григория, имевших там подгородное селение Арианзы. Люди богатые, владевшие работами и значительными средствами, доставившими им возможность впоследствии построить в родном городе великолепную церковь, — люди знатные, так как имели доступ к царскому двору (второй сын их Кесарий был придворным врачом и затем хранителем царских сокровищ в Вифинии), — Григорий — отец и Нонна были образцовой супружеской четой, по жизни составлявшею для всех общей предмет разговоров⁷.

Св. Григорий Богослов в таких трогательных образах описывает своих родителей — «Отец, Григорий старшей, простой нравом, прямодушный, чуждый всякого лукавства и памятозлобия, тихий, кроткий, терпеливый, не гневливый, «выше нужд земной оболочки», спокойный по наружности, горячий духом, обильный даром видимым, но ещё более

обогащённый сокровенным», был отраслью корня не весьма похвального, не в дому Божиим насажденного, но весьма странного и чудовищного, ветвь чуждая, маслина дикая, – был последователем одной темной мистической секты «Ипсистариев», соединявшей в себе языческое мудрование с иудействующим. Последователи этой секты чтили Единого Бога под символами света и огня, соблюдали субботу и правила касательно чистой и нечистой пищи, но отвергали идолов и жертвы и не принимали обрезания»⁸.

Мать – Нонна, дочь Филташиева, «равновесный талант мужу, только по телу бывшая женщиной, а по нравам превышавшая мужчин», славная всеми добродетелями, в женском образе носила мужское сердце⁹. Наследовав от предков своих Богоугодную веру, издревле и в предках посвящённая Богу, она для того и жила и заботилась о мире, чтобы всё, и самую здешнюю жизнь, преселить в жизнь небесную¹⁰. Как женщине глубоко благочестивой, Нонне крайне печально было иноверие мужа и её обязанность принадлежать одной половиною Богу, другой — миру. Подобно капле, медленным, но настойчивым падением пробивающей камень, она горячею молитвою, просьбою, своим нравом нудила мужа к умягчению его сердца¹¹. Плодом таких её забот было прежде всего обращение ко Христу мужа, дарованное ей в награду за её благочестие, несмотря на то, что оставление секты стоило Григорию ссоры с матерью и лишение имущества ¹². Но он принял это бесчестие охотнее, нежели иной самые высокие почести.

По неустанным молитвам Нонны, ведший невод Божий, берущий в плен одних ранее, других позднее, уловил, наконец, и душу Григория. В сонном видении Григории представилось, будто он поёт стих Давида «Возвеселихся о рекших мне — в дом Господень пойдем», – хотя ни разу до того случая он не был в храме, несмотря на мольбы жены. Нонна толкует это видение в хорошую сторону, убеждает Григория исполнить видение и успевает в этом. Пользуясь проездом чрез Назианз на Никейский Собор митрополита Кесарийского Леонтия и других епископов, Григорий предаёт себя Богу и проповедникам

истины, коленопреклонённый принимает оглашение, а затем и крещение. При выходе из воды «свет и слово осиявают его, назнаменуя избранника Духа Св.»¹³.

Григорий вскоре приемлет священство, хоть не так поспешно, как другие из его современников, но по тщательном очищении и испытании себя. «К своим природным качествами, позволявшим ему иметь сильное благотворное влияние на нравы людей, он присоединяет, усердное занятие Божиим Словом, в коем так успел, что хотя начал учиться поздно, однако приобрёл столько пастырской мудрости, что ни мало не уступал трудившимся долго, и получил от Бога ту особенную благодать, что соделался отцом и учителем Православия, хранителем истины, устройтелем своей малой церкви в оплот веры, подобно ковчегу во время потопа»¹⁴. Из дикой маслины он привит к маслине доброй и до того напоён её соками, что ему поручено прививать других, вверено врачевание душ. «Хотя и поздно призвал Господь в Свой многоплодный виноградник Григория, – сперва не овцу, потом как превосходительнейшую из овец, Он поставил пастырем и вождём Своего стада»¹⁵.

Если плодом пламенных молитв Нонны было «благочестие» её мужа, то не меньшим результатом их было и другое утешительное для неё событие – появление на свете» Григория сына. Будучи бездетной и желая иметь в доме своём рождение дитяти мужеского пола, «желая на коленях держать сына, что, конечно, вожделенно для многих», Нонна открыла своё желание Богу с просьбою исполнить его. Подражая свящ. Анне, она взывала: «Царь мой Христос! – Даруй мне увидеть сына, и юный плод чрева моего заключишь Ты в Своей ограде»¹⁶. И как сердце её было неудержимо, предваря дарование усердием, то Бог внял её молитве, и дорогой обет её не остался без исполнения: в ниспосланном сновидении ей ясно представилось и имя и образ св. Григория, – первородного сына её¹⁷. Рождение Григория имело место не ранее 328 или 329 гг.; в каковые Григорий старший принял епископское звание¹⁸, так как и рассказ об обстоятельствах своего рождения св. Григорий

помещает после повествования о посвящении отца в епископы¹⁹.

Нонна исполнила данный Богу обет о посвящении сына, она принесла младенца в святилище, а затем позаботилась и о том, чтобы рождённый по молитвам сын был совершенен по жизни²⁰. То великое служение, к которому предназначала мать своё дорогое дитя, требовало от неё особых забот о приготовлении его в добрый сосуд. И этими заботами она окружила сына.

Известно, какое неотразимое влияние имеет на образование характера и на воспитание воли ребёнка домашняя обстановка, тот дух благочестия или нечестия, который встречает в семье её новый член. Сила этого влияния настолько велика и могущественна, что кладёт отпечаток на всю духовную жизнь человека, являясь зародышем и почвой для последующих проявлений его духовной самостоятельности. Нужны особые условия жизни или усиленные напряжения воли для того, чтобы человек впоследствии отрешился от той духовной атмосферы, которой он питался в детстве, которую всасывал в себя одновременно с молоком матери. И если в св. Григории мы видим целый сонм добродетелей – скромность, смирение, всепрощение, любовь к врагам, горячий молитвенный дух жизни – и пр., то фундамент этих качеств был заложен в домашнем воспитании св. Григория.

Относясь осторожно к тем панегирикам, которые, по закону похвальных слов, воспевал св. Григорий своим «государю отцу и государыне матери»²¹, и останавливаясь на фактических данных, открывающих нам завесу домашней среды дома Григорьева, мы найдём в них подтверждение мысли о той обстановке, которая царила в родной семье, и тех условий постепенного воспитания ребёнка для предназначавшегося ему пастырского служения, который создали для св. Григория любящие родители, и которые показывают нам, как внимательно и старательно должно проходить воспитание всякого кандидата пастырской деятельности.

По свидетельству св. Григория, супружеский союз отца и матери был не плотским только союзом, но и союзом добродетели. Тихая, мирная, благочестивая настроенность

царила в этой семье. Добрая жена, составляющая основу супружеского счастья, была дарована Григорию в лице Нонны. Подчиняясь мужу, она была не только его сотрудницей, но и инициаторшей в делах благочестия. Если другие женщины одного с Нонной ранга и общественного положения, тщеславясь своей красотой, заботились о суетных женских украшениях, вели обычный светский образ жизни, посещали зрелища и увеселительным места, то Нонна знала одну красоту – душевную, одно благородство – благочестие. Ни богатство, ни знатность не затемнили в ней ясного понимания цели и смысла жизни. И эту цель, и этот смысл жизни она всегда имела путеводной звездой в своих поступках. Наилучшее употребление своему имуществу она видела в делах благотворения. Обедневшие родственники, сироты, вдовы находили в её доме приют, а в ней самой – свою лучшую заступницу. Она глубоко и верно понимала психологию бедности, почему не считала своей задачи исполненной, когда помощью только устраняла бедствие: она считала нужным щедростью доставить полное утешение бедствующим, умиротворив и успокоив тем возбуждённую нуждой и горем душу их. Какое тонкое, деликатное чувство!

Имея неусыпное попечение о благоустроении домашних дел и увеличивая своим трудом и благоразумным употреблением средств семейный достаток, она, однако, всей своей душой принадлежала Богу, подвигам молитвы и поста, соединяя жизнь деятельную с созерцательной. С утра ежедневной заботой её было посещение богослужений, время и место коих не могли скрыться от неё. С искренним благоговением она выстаивала и всенощные и дневные псалмопения. Святыню она чествовала молчанием; никогда не обращала хребта к досточтимой трапезе. Никогда она не плевала на пол в Божьем храме. За такое благоговение к Святыне Господней она удостоена была чести и жизнь свою окончить в молитвенном подвиге у подножия алтаря. Её ревность по вере Христовой была столь возвышенной, что она не считала возможным разделять свои чувства между Богом и миром: она не подавала руки и не целовалась с родственницами – язычницами, хотя бы они были

скромной жизни, она не разделяла с ними хлеба – соли, не посещала их домов.

Пусть эта сторона жизни Нонны даёт некоторым²² поводы к обвинению её в излишнем формализме и нетерпимости; мы видим здесь заботу о безраздельном служении Христу²³.

Смирение Нонны было необычайно: о своих молитвенных подвигах, о благодатных утешениях, подававшихся ей в сонных видениях касательно рождения сына, она таила глубокую тайну. О её сокровенных подвигах знали немногие верные служанки.

У неё была полнейшая преданность воле Божией, полное вручение своей воли водительству Божию до того, что она не считала возможным являться на праздничное богослужение в печальных одеждах, как бы ни глубока и свежа была её скорбь. Так «душе боголюбивой свойственно подчинять Божественному всё человеческое²⁴.

Святая Нонна сумела вложить в душу ребёнка такую — любовь к себе, такую благоговейную память, что св. Григорий пронёс эти чувства к матери до гроба, делая её незримой участницею во всех важнейших обстоятельствах своей жизни. Уже в силу одних этих чувств, св. Григорий приучался любить те добродетели, которые любила мать.

Если Нонна оказывала благотворное воспитательное влияние на сына благочестивой семейной обстановкой и личными своими добродетелями, то от отца он мог научиться благородному обхождению с посторонними людьми. Выделяясь своими общественными добродетелями, благодаря коим он так скоро был призван к пастырскому служению, Григорий старший в управлении Назианзской церковью проявил много благоразумия, справедливости, сдержанности, достоинства и бескорыстия. В распоряжении общественным церковным достоянием он был и бережлив и благоразумно расточителен. Не гонясь за славой и почётом, он не был заражён искомательством и ласкательством пред высшими, заносчивостью пред низшими. С, непоколебимостью воли он решал судебные дела, не потворствуя пороку в ущерб добродетели. Смиренный, он смирение поставлял не в согбеннии выи, не в понижении голоса, не в обритии головы, не в походке, как иные, а в

благоустроении своей души, в смиренном мнении о себе и в сознании и сокрушении о своих недостатках, обычных людям. Духовные качества отца особенно сказывались в отношении к согрешающим и провинившимся, каковое у него было скорее отеческим, чем карательным: он более угрожал, чем наказывал. Если вспомнить грубость нравов тогдашнего общества, насквозь пропитанного языческим мировоззрением, с его презрением к чужой жизни, то мы оценим всю высоту и благородство любвеобильного характера Григория-отца. И эта черта, – человеколюбие, более чем человеческое, – осталась неизгладимой и в характере сына²⁵. Вот та благочестивая среда, среди которой рос и мужался будущий светильник церкви. «От пелен воспитанный во всём прекрасном, – говорит он о самом себе, – потому что имел совершеннейшие образцы для себя дома, тогда ещё приобрёл я какую-то старческую степенность, и как облако к облаку мало-помалу скоплялось во мне усердие к усовершенствованию»²⁶.

Развитию благочестивого настроения сына особенно способствовала мать. Нонна употребила все усилия к тому, чтобы воспитать в сыне твёрдое желание быть достойным данного ею обета. Так, однажды, приведши сына к алтарю, она очистила его руки возложением их на божественные книги, и обняв его, трогательно просила его исполнить её матернее желание – стремиться к совершенству в жизни. «Это доброе богатство даю тебе, сын мой, для сей и будущей жизни, особенно для будущей, – говорила она²⁷. Это было первое посвящение Богу св. Григория. С того времени священные книги были первыми друзьями св. Григория, вдохновлявшими его к совершенной жизни. «С радостью читал я, говорит он, книги, в которых проповедуется о Боге»²⁸. Они обильно питали душу его священными переживаниями. По мере того, как Григорий возрастал, преуспевал в нём и укреплялся разум. Чтение Священных книг, а также общение с мужами, совершенными по нравам, – живыми образцами чистоты и святости жизни, каковыми, кроме родителей, могли быть девственники и отшельники, посвятившие себя подвижнической жизни, коих удобно было встретить Григорию в благочестивом доме

родителей, – рано заронили в его душу искреннее стремление к девственной жизни. Юная душа отрока охотно принимала в себя новый образ благочестия, подвигаясь сохранить печать целомудрия, обуздать плоть, питать горячую любовь к Божественной мудрости и к девственной монашеской жизни, – этому началу жизни будущей, к жизни, приносящей в дар Богу чистую любовь, безраздельную между миром и духом, и приводящей человека-бога, из земли сотворенного, к Богу небесному, с великим Божиим образом привлекая и помощника души – тело, подобно магниту, притягивающему железо²⁹».

Появление, укрепление и нарастание таких чувствований св. Григорий относит к милосердию Христа, Который явно беседовал с рабом Своим.

Так образовывали родители нежное сердце отрока, напечатлевая в нём святые настроения, подобно тому, как «недавно сседшийся творог принимает форму сосуда, в котором находится»³⁰.

Хотя ум отрока и был расцвечен «не худыми красками», хотя он и видел в окружающей его обстановке образцы добродетелей, но в тот период развития своего, когда ум, не имея в самом себе твёрдых умопредставлений, по необходимости отпечатлевает в сердце чужие нравы, требовалось совне сильнейшее закрепление возрастающих чувствований. И такое дано было св. Григорию в сонном видении, навсегда запечатлевшем в нём склонность к девственной и любомудренной жизни. Ему представились две прекрасная девы, по виду много выше земнородных, – Чистота и Целомудрие, предстояние, по их словам, Царю Христу и улаждающие красотами небесных девственников. Они полюбили отрока по его влечению к ним, целовали и убеждали соединить свой ум и светильник с их сердцами и светильниками, чтобы его просветленного, перенеся чрез эфирные высоты, могли поставить пред сиянием бессмертной Троицы³¹. Это видение побудило св. Григория стремиться к мудрости и до конца жизни остаться девственником, хотя у него не только не встречается пренебрежительных отзывов о супружеской жизни, но, наоборот, имеется восхваление её³².

Домашнюю товарищескую среду Григория составляли брат Кесарий и сестра Горгония. И Кесарий³³ и Горгония³⁴ много содействовали истинному христианскому образованию Григория, потому что были славны своими добродетелями. Кесарий был моложе Григория, но, при отличных дарованиях, не отставал от него в учении.

Совместное образование ума и сердца запечатлело кровный союз братьев сердечным союзом душ – дружеством.³⁵

С глубоким и неотразимым влечением к созерцательной и уединённой жизни в юноше Григории рано проявилось горячее стремление к научному образованию. «Ещё не опушились ланиты мои, а мною овладела какая-то пламенная любовь к наукам, – говорит он³⁶. Одарённый от природы богатыми способностями и необыкновенно пытливым умом, он хотел непременно познакомиться со всей тогдашней мудростью и соединить знание вещей божественных с науками человеческими. Григорий жаждал знания не только для самого знания, но и руководился при этом другими высшими целями: он хотел посвятить себя всецело служению церкви, которой служил отец и к которой он принадлежал всей душой сам, хотя и не был ещё крещён. Он видел, какую опасность представляли для церкви разного рода ереси, глубоко волновавшие её, и понимал, что для защиты и сохранения истины необходимо ложному знанию и суемудренному богословствованию противопоставить истинное знание и чистое богословствование.

У Григория особенно развивалась любовь к изучению красноречия, которое тогда считалось наиболее могущественным средством защиты истины. На изучение красноречия Григорий и обратил своё особенное внимание с целью «и не совсем чистые учения присоединить на помощь к учениям истинным, чтобы не дать преимущества над собой тем мудрецам века, которые, ничему дельному не обучившись, кроме суетного и пустого краснословия, состоящего в громких и благозвучных словах, этим самым превозносятся, и чтобы самому иметь возможность не запутываться в хитросплетениях лжеумствований³⁷.

Первым учителем красноречия для св. Григория был дядя по матери – Амфилохий, человек благочестивый, благородный, «насколько пламенный своим красноречием, настолько по нраву и сердцу являвший себя слаще мёда». Очевидно, и в этом выборе первого учителя родители преследовали не одну образовательную цель, но и воспитательную, дав сыну первым наставником благочестиво настроенного учителя. Благородный ученик сохранил к Амфилохию нежные чувства признательности, «словом возблагодарив его за слово, которому научился у него».³⁸

Хотя Амфилохий и имел «ключ разумения для всякой книги, смертным ли она писана, или пренебесным»³⁹, однако, он мог быть для Григория только первоначальным учителем. Удовлетворить запросам высшего любования небольшой город Назианз с его незначительными образовательными источниками, понятно, не мог. И Григорий в стремлении, чтобы «ничто из хорошего не ускользнуло от него и чтобы ему ни в чём не отстать от трудолюбивой пчелы, которая со всякого цветка собирает самое полезное»⁴⁰, в видах достижения намеченной выше цели, принуждён был отправиться в научное путешествие. По-видимому, Григорий, с его выразившимся стремлением к созерцательной жизни, всего естественнее было остаться дома, или присоединиться к сонму земных Ангелов, особенно после видения неземных дев. Но Промысл Божий судил иначе. Он уготовлял Григория в светильники Христовой Церкви, к тому высокому служению, которое должно было потребовать от Григория большого образования, нежели какое могли дать ему родители или иноки, в простоте сердечной пекущиеся только о своём спасении, но незнакомые с теми многосторонними сведениями, которые нужны защитнику веры, оплоту истины, учителю вселенной. В своём стремлении к любознательности Григорий не мог не видеть, что Господь приуготовлял его к чему-то необычайному, и что цель, которую поставлял себе Григорий в изучении светских наук, была совершенно согласна с предначертаниями о нём Промысла Божия, каковые предначертания Григорий впоследствии и осуществил к благу Церкви Христовой. – Для достижения этой цели Григорий и

решился, по примеру образованных людей своего времени, пройти школу полного тогдашнего образования. Так как состоятельный отец мог предоставить сыну необходимые для этого средства, то он с пламенностью юноши пустился в путь, «как полный отваги молодой конь»⁴¹.

Мы подошли к знаменательному явлению в истории христианского просвещения — стремлению последователей Христовой веры, призванной заменить собой язычество, черпать в недрах этого самого язычества средства для своего образования. Факт этот настолько знаменателен и богат своими выводами, что стоит того, чтобы остановить на себе наше внимание.

Правда, обычай путешествий с образовательной целью не есть порождение христианства вообще, и рассматриваемого периода в частности: он унаследован от лет древних и был довольно распространённым явлением Греции и Рима. Не говоря уже о таких классических примерах, как путешествие Платона в Египет и Испанию, сама система тогдашнего образования делала неизбежными образовательные путешествия: правительственных школ не было, а существовали школы частные, открывавшиеся софистами и риториками, за известную плату допускавшими к себе всех, желающих слушать их курсы. Так как многолюдные знаменитые города могли доставить софистам наибольшее число слушателей, то они, естественно, и группировались в тогдашних центрах торговли и искусств, в наиболее значительных городах Сирии, Палестины, Египта, Греции, Италии. А так как школы ютились по разным городам, то сама собой являлась необходимость переходить из города в город для слушания курса у того или другого мудреца. Бывало и так, что вся школа во главе с учителями странствовала из одного места в другое. Но всё это понятно было в среде язычников.

Имели ли достаточное нравственное основание христиане, владевшие истиной, посещать языческие школы, угрожавшие им духовной заразой? Какой смысл был в этих стремлениях достать из загрязненного источника чистой воды?

В среде христианского общества, действительно, было такое направление в воспитании юношества, которое весь умственный кругозор его заключало в изучение Слова Божия, не позволяя ему знакомиться с языческой литературой и наукой. Это давало повод образованным язычникам упрекать христиан в невежестве. Оправдываясь, христиане указывали на Божественное ведение Иисуса Христа, превышающее всякую учёность. Господь и Апостолы, говорили они, не предали нам суетных лжеумствований, но заповедали в простоте сердца сохранять веру, проявляя её в добрых делах. Языческие книги, по мнению таких христиан, нужно сжечь, так как в них рассказывается о множестве грехов, мерзостей и пороков, что развращает добрые нравы⁴².

Родители другого направления не нуждались языческой учёности и находили возможным и даже необходимым посылать своих детей к философам и риторам, внушая при этом держаться некоторых приёмов, которые позволяли бы им с безопасностью для чистоты их священных верований, обогащать ум научными познаниями и развивать формальную логическую способность мышления. Такие христианские юноши получали двойное воспитание: наряду с тщательным религиозным воспитанием, доставляемым в семье, в церкви, иногда при монастырях, они стремились получить высшее научное образование в языческой школе.

Из примера многих замечательных представителей этого направления, времени IV века, мы можем видеть, какими обширными и основательными познаниями обладали они по философским, естественным, историческим наукам, не чуждаясь поэзии, музыки. Имена свв. Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова и его брата Кесария служат блистательным тому подтверждением. Само собой понятно, что дома почерпнуть этой учёности христианам, которые едва только вышли из положения людей, повсюду и за всё преследуемых и гонимых, было невозможно. Своих школ они не имели ещё, а если и имели, то эти школы не могли удовлетворять общему стремлению к образованию по своей малочисленности. Из христианских школ более раннего периода

известна, например, только школа Пантена, преемника Афинагора (около 181 года), начальника Александрийской Академии. Кроме того, в связи с упрочением христианства и возникновением опасений за направление языческих риторов, известно устройство Константином Великим в Византии высшей школы Auditorium'a с учителями христианами⁴³; известна передаваемая церковным историком Сократом забота Императора Констанция оградить своих племянников Юлиана и Галла от совращения в язычество чрез язычников учителей⁴⁴. Но что было возможно и доступно императорским племянникам, то не было доступно всем или даже большинству христианской молодежи. Тем более, что центр образованности и учёности не был связан с двором, и высшее образование по-прежнему ютилось в классических городах.

Поэтому, останавливаясь на знаменательном стремлении христианских юношей к образовательным путешествиям, мы имеем в виду не стремления отдельных личностей к образованию, которые, как дело частное, могли быть явлением случайным, с характером субъективным, но с фактами объективно-историческими, стоящими не особняком от других обстоятельств своей эпохи, а генетически связанными с ними и представляющими собой прямое следствие известных исторических комбинаций, фактами, за коими скрывается известная историческая идея тогдашней церковно-исторической жизни. Не говоря уже о личных похвальных и поучительных качествах людей, жаждавших научного образования, не говоря о той неизмеримой пользе, которую приобретали эти личности, о том неизгладимом влиянии, которое оказывали на весь духовный склад их изучение наук, – в этом знаменательном стремлении христианской молодежи к изучению языческой учёности сказался дух того времени, чувствовалось перемещение центра тяжести, веяло новым направлением жизни.

Дело в том, что греко-римская цивилизация со времени появления христианства не показывала никаких задатков дальнейшего развития к благу человечества; она потеряла из виду всякий идеал, из которого она могла бы заимствовать

свою силу и знание. Чувствовалось, что языческая религия доживала свои последние дни: она изжилась, она одряхла, она давно уже перестала удовлетворять запросам пытливого разума. Философский скептицизм произвёл в её основах разрушительное и ничем непоправимое потрясение. В ней найдено было столько внутренних несообразностей и противоречий, что языческий религиозный идеал, прежде удовлетворявший античного человека, разлетелся, как дым, перед всепоглощающим анализом философствующей мысли. Религия, бывшая решительницей важнейших проблем человеческой мысли, становится предметом издевательств для комиков. С лёгкой руки Аристофана, высмеивавшего некоторые смешные стороны религиозного языческого верования, другие его преемники, как например Лукиан, предметом комического творчества избирают всё население Олимпа и всё содержание Пантеона⁴⁵. Особенно подорвано было доверие к язычеству внесением культа обожествления цезарей, их жён и приближённых, когда всем известные своими нравственными недостатками люди заживо возводились в ранг божеств и заживо принимали божеские почести. Потеряв кредит у языческого образованного общества, разрушаемая внутренними не исцелёнными ранами, языческая религия становится достоянием только тёмных народных масс, всегда и всюду наиболее консервативных. Лучшие люди с чувством глубокого разочарования и душевной неудовлетворенности бегут из полуразвалившегося здания религиозных верований и ищут спасения в философских системах, тщательно отыскивая проблески истины в учении их представителей.

В это время на смену языческой культуры появляется, и выходит на арену исторической жизни человечества новый строй жизни, новая культура – христианская, из малого зерна выросшая в тиши подземелий и катакомб в могучее дерево, раскинувшее свои ветви во все стороны вселенной. Гонимая, — внешне бессильная, Христова вера с новым укладом отношений, с новой культурой, растёт и крепнет под крики палачей и стоны истязуемых, обильно поливаемая драгоценной кровью своих мучеников. Она сильна и крепка внутренней

духовной силой, она полна жизнедеятельных соков, подобно молодому сочному растению.

Среди тяжких гонений и преследований она мало-помалу берёт перевес над язычеством и к началу IV века упраздняет её на культурно-исторической почве. Теперь, когда одряхлевшая греко-римская культура должна была уступить своё место на мировой арене своей молодой преемнице, новой христианской культуре естественно было подвести итог тому наследию, которое досталось новой владелице от старой. Трудно было сомневаться в том, чтобы многовековая жизнь людей в язычестве прошла бесследно для человеческого духа, не оставив ему никакого наследия, хотя бы в виде переживаний, впечатлений, дум... И действительно, человеческий гений создал довольно высокую образовательную культуру, процветавшую в широких размерах в классический период; настолько высокую, что она надолго оставалась предметом удивления, да и теперь ещё остаётся такой в некоторых чертах своих, как пример для подражания.

Языческий мир оставил много добрых плодов в области науки, литературы, философии... В этом богатстве нужно было разобраться и рассмотреть, что из него может быть принято и что отвергнуто. Кстати, в это время в христианском обществе начинает быть господствующим тот взгляд, что не всё в язычестве подлежит осуждению и отвержению. И вот церковь, в лице лучших своих представителей, устанавливает свой взгляд на значение древней классической литературы и науки для христианского просвещения, формулирует свои воззрения на языческую культуру и, в особенности, на отношение её образовательных элементов к политеизму. Между прочим, этот взгляд особенно ярко выражен в двух обличительных словах св. Григория Богослова на императора Юлиана, анализ коих мы надеемся дать в своём месте. А пока для нашей цели кратко укажем, что языческая наука и красноречие, по этому взгляду, не связаны, безусловно, с политеизмом, а как продукты общечеловеческого гения, как отеческое наследство⁴⁶, должны принадлежать всему человечеству, а не одним последователям политеизма; что связь между языческой религией и языческой

образованностью не неразрывна, не безусловна так, чтобы с отвержением первой надлежало отвергнуться и последней. Поэтому, языческая религия и образованность не одно и тоже: ставить и квалифицировать их наравне было бы важной ошибкой. Языческая религия, как верование каждого отдельного народа в данный исторический момента, со смертью народа умирает, изменяется. Наука же обуславливается не частной деятельностью каждого народа отдельно, но коллективными усилиями всех исторических народов, как выражение и итог общечеловеческого прогресса. Каждый народ не только владеет результатами своей культурной работы, но и вносит их в общую сокровищницу человеческих знаний, как фундамент или исходную точку для развития культуры последующих поколений, сам начав свою культуру с конечного пункта предшествующих народов, с готовой почвы их культурных результатов. Не будь этого закона исторического прогресса, не могло быть и культуры.

Когда с этим начинавшим преобладать и устанавливаться среди христианского общества взглядом на значение языческой культуры мы рассмотрим в результата соприкосновения двух культур и произведём при помощи этого критерия оценку завещанного язычеством христианству наследства, то увидим, что посылка любознательных христианских юношей в центры языческой учёности имела смысл командировки христианством лучших своих передовых сил для принятия от старой культуры результатов её духовного богатства, всего ценного, достойного усвоения и полезного для самого христианства, для пересаживания наилучших плодов её на свою христианскую почву⁴⁷. Язычество должно было исполнить свою последнюю историческую миссию: одряхлевшими руками оно передавало христианству свои культурные сокровища, какие успело накопить за весь продолжительный период своего существования, как залог для дальнейшего роста человеческого самосознания. Оно это и сделало, расписавшись в своей собственной несостоятельности и осязательно засвидетельствовав об историческом росте христианства.

Отвечая сказанным доселе на поставленные вопросы имелось ли достаточное основание для путешествия

христианских юношей в языческие ученые центры и какой смысл виделся в этих путешествиях, мы думаем, что вполне выясненным представляется не только дозволенность, но и необходимость таких путешествий, вытекающих из законов прагматической связи описанных исторических эпох, встречи и последнего обмена двух культур, древней и новой. Почему и путешествия эти не были случайными явлением, а имели глубокий смысл, были знаменiem своего времени, имели провиденциальное значение, скрывали за собой глубокую историческую идею, были причиной многих и добрых следствий для церковно-общественной жизни и науки, а потому, без сомнения, находились под особым водительством Верховного Распорядителя человеческих дел⁴⁸.

Первым городом в образовательном путешествии св. Григория была Кесария⁴⁹. Её, руководительницу и наставницу в слове, св. Григорий называет знаменитой «митрополией наук», как и митрополией городов, к ней принадлежащих и ею управляемых. Науками она первенствовала среди Каппадокийских городов. Науки же составляли её лучшее богатство, украшение и характерную особенность, «подобно надписи на оружии или на повести»⁵⁰. Св. Григорий слушал здесь уроки Картерия, «мужа превосходнейшего, который пользовался величайшей славой в вещах божественных»⁵¹. В надгробии ему св. Григорий называет его «управлявшим кормилом его юности, когда он на чужой стороне изучал слово»⁵². Картерий имел большое влияние на образование в Григории добрых нравов.

Сколько времени, и при каких обстоятельствах протекало пребывание Григория в Кесарии, неизвестно. Но особенно знаменательна встреча здесь Григория с Василием Великим, который, как и Григорий, после домашнего воспитания, искал образования в светских школах, – встреча, положившая начало трогательной потом дружбе двух выдающихся вселенских учителей церкви⁵³.

Возвратясь из Кесарии на некоторое время домой к родителями св. Григорий вскоре отправляется в процветающие тогда Палестинские училища, сопровождаемый братом Кесарием,

направлявшимся в Александрию, это «источное место всякого образования»⁵⁴.

В Палестине внимание св. Григория привлекла Кесария Палестинская⁵⁵, славившаяся учёностью своего ритора Феоспесия, или Теспесия, и своею библиотекою, собранною мучеником Панфилом⁵⁶. Здесь Григорий учился красноречию⁵⁷ и впервые познакомился с учением Оригена, вложившего в Кесарийскую библиотеку много пергаментных списков своих сочинений.

Сходство характера речи Григорьевой с учителем красноречия в Смирне – Полемоном, засвидетельствованное Иеронимом⁵⁸ даёт основание думать, что св. Григорий слушал и софиста Полемона, для чего, поэтому, посещал и Смирну.

«Источное место всякого образования – Александрия⁵⁹ со времени Птолommeев Лагов возведённая на степень столицы учёности и литературы своего времени, не могла не привлечь внимания глубоко даровитого и любознательного Григория.⁶⁰ Правда, цветущее время Птолommeев, — время расцвета наук, тогда здесь уже окончилось; однако, Александрия давала приют всевозможным религиозным, философским и естественным наукам. Её богатая библиотека в 400.000 свитков, уничтоженная из фанатизма Феофилом в 389 г. при Феодосии Великом, способна была удовлетворить самой любознательной пытливости. Её музей составлял центральный пункт образования и учёности.

Свою «пламенную любовь к наукам» Григорий вполне мог насытить здесь⁶¹. Грамматика в смысле древних была предметом особых занятий. Труды Александрийцев в математике и астрономии были замечательны. Здесь процветала критическая разработка греческих авторов, существовали отдельные «καὶόνες» – поэтов, лириков, трагиков, историков, ямбографов и т. п. Поэзия Александрийской школы носила особый отпечаток и славилась чистотой слова, гладкостью и правильностью построения стиха.

Но Александрия, со времени Пантена, Климента и Оригена, со своим знаменитым огласительным училищем, была центром и христианской образованности. Здесь жив был знаменитый

Дидим слепец, достойный преемник основателей и устроителей огласительного училища. Около 350 г. возвратился в Александрию из долгого изгнания столп православия — св. Афанасий; живы были подвижники аскетизма — св. Антоний и Павел Фивейские.

Александрийская школа отличалась возвышенно-спекулятивным характером и выпрненным идеализмом; с любовью она занималась вопросами, принадлежащими к области трансцендентального; труднейшие вопросы богословские не устрашали её, а, напротив, поощряли к наибольшему углублению в них. Но она постигала подробные вопросы более внутренним чувством, чем рассудком⁶².

Несомненно, что Александрия своими светскими и духовными сокровищами произвела на Григория громадное влияние, отразившееся на складе и направлении его ума, на выработке и характере его религиозно-философского мирозерцания. Знакомство его с Платоновой философией началось здесь. Большая и заметная зависимость Григорьева богословствования от Оригена и св. Афанасия объясняется уроками Дидима и общением с св. Афанасием. Аскетическое направление души, всецелая преданность Богу и отрешенность от мира, самоотверженное служение св. Церкви и решимость посвятить себя целожизненной защите православия от ересей, если не были навеяны, то были сильно подогреты и воспитаны примером жизнедеятельности св. Афанасия и беседами с св. отшельниками.

Цель странничества Григорьева не была бы вполне достигнута, если бы он не посетил последнего знаменитого центра языческой учёности — Афин, матери Платона и Демосфена, «этой обители наук, если для кого, то для меня, говорит св. Григорий, подлинно золотых и доставивших мне много доброго»⁶³ и в области религиозно-философского мышления, и в области сердечных чувствований, так как Афины сроднили душу его с душой Василия Великого.

Желание посетить Афины было так велико, что, не дождавшись благоприятного времени, Григорий садится в Егинский корабль. Был ноябрь месяц, время бурь и непогоды,

когда «плыть было бы делом дерзости, а не благоразумия»⁶⁴. Но Григорий смело хочет рассекать море, несясь прямо в Элладу. Однако около острова Кипра в Парфенском море корабль их не выдержал плавания и грозил неминуемой гибелью. Поднялась страшная буря, какой, по словам моряков, не бывало дотоле на их памяти. Всё погрузилось во мрак. Земля, море, эфир, омрачённое небо, – всё слилось в одну ночь, продолжавшуюся двадцать два дня. Только удары молнии освещали злое море и бедствующий корабль. Руль не действовал, корабль расселся, вода затопила подводную часть его, пресная вода ушла чрез трещины. Всех обуял смертный ужас. Отчаянный плач и крики пловцов смешивались с ударами громовых раскатов и со злоеющим поскрипыванием разбивавшегося судна. Все, и знавшие и не знавшие дотоле Бога, призывали имя Христово. Для Григория очевидная гибель была тем горестнее, что он не был омыт водами крещения, которые соединили бы его с Богом. Об этом он проливал слёзы, возносил вопли, заглушаемые шумом морских волн, простирали руки, терзал одежду и, ниц распростершись, лежал подавленный горестью. Невольно приходили на память ему молитвенное напутствование его матери и её пожелание о благополучном одновременном возвращении обоих сыновей. Вспоминалась прошедшая жизнь, от первого посвящения его Богу ещё матерью и до настоящего бедственного момента, и агония ужаса увеличивается сознанием неисполненного долга пред Богом.

И вот теперь, приводя на память многочисленные случаи чудодейственной помощи Божией, Григорий вторично, уже сознательно, посвящает себя Богу и всецело предаётся Его Водительству. «Твой я был прежде, Твой и теперь... Для Тебя я буду жить, если избегну опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасёшь меня, как дар суши и моря»⁶⁵, взывал он. Его горестный истерзанный вид обратил на себя внимание спутников; общее несчастье сделало всех благочестивее, и все соединились с Григорием в молитвенном вопле о спасении. А дома родители, извещённые сонным видением о бедствии сына, как потом выяснилось, возносили

свою горячую молитву об избавлении его от опасности, «как бы заговаривая волны».⁶⁶

Господь услышал мольбы родителей и самого страждущего, и даровал спасение всем пльвшим с ним, которые потом все приняли крещение и получили, таким образом, двоякое спасение. Финикийские купцы заметили крайнее бедствие корабля и, с опасностью для своей жизни, при помощи багров и сильных рук, спасли полумёртвых мореплавателей, доставив их в Эгинскую гавань на острове Родосе. Ближайший спутник Григория, один христианский мальчик, видел во сне св. Нонну, которая вошла в море, взяла корабль и извлекла его на сушу: св. Григорий всегда считал мать своим ангелом хранителем и участницей их общих обетов. В этом же своём спасении он видел промыслительную десницу Божию, извлекающую его из власти всегубительного демона, старавшегося погубить его⁶⁷.

Афины, око Греции, славились изучением языческой древности⁶⁸. Замечательно, что св. Григорий, описывая свое пребывание в Афинах, не упоминает ни о знаменитых величественностью и художественными украшениями языческих строениях, ни о монументальных сооружениях правительственных зданий, но прямо начинает говорить об интересующем его предмете — науках. Это и понятно: Афинская школа была первенствующей среди греческих школ. «Сюда стекались со всех концов земли молодые люди, желавшие усвоить себе древнюю образованность, несмотря на то, что из неё уже давно исчез дух древности»⁶⁹. Св. Григорий свидетельствует о весьма развитой среди Афинян страсти к софистическим спорам, своего рода спорту, привлекавшему греков не менее чем некогда Олимпийские игры⁷⁰. Отсюда, наплыв народа и вражда партий были здесь иногда столь велики и опасны, что правительственная власть принуждена была принимать в ограждение общественной безопасности особые меры.

К сожалению, истинная наука в Афинской школе почти исчезла. Философы и риторы тогдашних Афин были совершенно чужды духа Сократа, Платона и Демосфена. То были софисты, не имевшие почти ничего общего с древнейшей серьёзной и

глубокомысленной философией, но выставявшие вместо прежней простоты и естественности, искусственность и эффект, при том же преследовавшие не столько научные, сколько материальные цели.

Занятие учителей, обучавших древней литературе, сосредоточивались на красноречии, диалектических тонкостях и мистическом объяснении древнего религиозного учения и мнимой философии, соответствовавшей общему направлению тогдашней учёности. Но вследствие упадка в обществе интереса к философскому мышлению, имеющего своё объяснение в общем упадке греко-римской культуры; вследствие низведения самими учителями, жившими исключительно на получаемые от учеников деньги за слушание уроков, своего почтенного занятия к ремеслу; вследствие распространявшегося всё более и более среди общества взгляда на образование, как на способ наилучшего создания себе карьеры, чему более всего способствовало изучение софистического красноречия, – сами учителя все проникались духом ремесла и пошлостью низших классов общества. В то время, когда ученики, занятые в большинстве одной формой, не обращали внимания на самые мысли, учителя, потворствуя вкусам публики, стали заботиться не о самом знании, а о том влиянии, какое оно может доставить обладателю его. Главной целью образования стало не образование ума и изящного вкуса, а одно приобретение средств к жизни и достижение внешнего светского лоска. Эти явления находились, конечно, в тесной связи с общим упадком религии и нравственности. Вследствие такого понижения вкусов и вследствие таких требований от школы, учителя редко стояли на высоте своего призвания. Большинство из них были житейские неудачники, весьма бедные, часто не имевшие куска хлеба⁷¹. Вместе с тем, по словам того же профессора, порядки в школах царили необычайные: хозяевами положения являлись не учителя, а ученики, которые позволяли себе в обращении с учителями, с товарищами и с гражданами города всё, что только может, хотя и не на долго, занять извращённое чувство избалованных бездельников⁷².

Нравы студенческой молодежи довольно картинно и подробно описывает сам Григорий. Студенчество, по его словам, это – беспорядочная толпа по молодости и неудержимости в стремлениях. Из пристрастия не столько к самой софистике, сколько к своим учителям по вопросам, касающимся чести и выгоды последних, они приходили в такое неистовство, азарт и препирательство между собою, что вполне копировали тогдашние сцены вокруг бегового ипподрома. Их разделения на партии по учителям представляли из себя скопища необузданной вольницы, терроризовавшей население города, который разделили они на участки. Всякий новоприбывший, особенно если он был неопытен, неминуемо попадал в руки какой-нибудь партии, всеми мерами старавшейся сделать его своим прозелитом. Эта «ловля лисиц» часто переходила в «битву их за лисицы». Затем, следовало посвящение новичка, и — «баня» – аттический закон, в котором с делом смешивается шуточное, обычай, подвергавший новоприбывшего шуткам и издевательствам иногда более дерзким, чем остроумным. Уплатой главным софистам-акромитам известной суммы за своё водворение и за право ношения плаща оканчивался приём в товарищи новичка⁷³.

Было бы заблуждением думать, что теперь новоприбывший всецело предастся учебным занятиям. Нравы товарищеского кружка неотразимо действуют на его членов, особенно слабовольных. Кроме лени, пренебрежительного отношения к учителям, ещё более недобросовестного отношения к учебным занятиям, характерной особенностью «косматых юношей» того времени были – устройство шумных пирушек с непотребными песнями, в виде Милезейской пошлости «завещание свиньи»⁷⁴, взаимные побоища ученических кружков, пристрастие к разного рода зрелищам, особенно к конским ристалищам с их азартом и неистовством, в чём юноши старались не отставать от старших, посещение школ пантомимов с их безнравственными и развращающими чувство плясками и, как результата такого воспитания, почти поголовное половое воздержание, при чём этого рода «пути вавилонские» служили признаком

молодечества, одобрялись и являлись даже предметом гордости и похвалы в товарищеской среде.

Какое впечатление получалось в душе свежего человека от такой нравственной и физической грязи студенческой жизни, можно судить из примера св. Василия Великого, который, по словам св. Григория Богослова, скоро разочаровался в Афинах, «этом обманчивом блаженстве, сделался печальным, стал скорбеть духом и укорять себя за свой приезд в Афины»⁷⁵. Поэтому, тем ценнее для характеристики св. Григория выяснить, какова была его жизнь в Афинах, чему из внешней учёности он научился и какую пользу вынес из шестилетнего пребывания в школе.

В то время, когда другие молодые люди между своими собратьями, в порывах юности и отважной стремительности, предавались излишества, св. Григорий проводил тихую жизнь, жил в страхе Божию, «стараясь первенствовать между знавшими в том, что есть самое первое»⁷⁶. Домашнее воспитание в благочестиво-настроенной среде, образцы совершеннейшей жизни в лице родителей и близких лиц, личная воздержанная жизнь и, наконец, уроки благочестия своих предшествующих наставников помогли св. Григорию устоять и укрепиться среди товарищеских соблазнов. В его памяти на всю жизнь, как уже упоминалось, напечатлены были слова матери при первом посвящении его — Богу, когда она, освятив его руки свящ. книгами, убеждала его быть достойным её обетов. Ещё так недавно, во время бедственного морского плавания, он сам, уже вполне сознательно и свободно, вторично посвятил себя Богу. Наконец в самой Элладе Григорию пришлось перенести большое потрясение, когда во время постигшего её землетрясения, не видя ниоткуда помощи, ему вторично пришлось трепетать от того, что «душа его не была освящена той благодатью и тем озарением, которые подаются в купели»⁷⁷. Всё это способствовало развитию в Григории чувств страха Божия, столь благодетельных для человека как всегда, так в особенности в исключительные моменты его жизни. Таким исключительным моментом для св. Григория и был Афинский период его жизни.

В самом деле, он прибыл туда 24-х летним юношей и прожил 6 лет. Возраст этот, обычно, бывает временем расцвета и духовных и физических сил человека. Никогда более сильно и более страстно не проявляется жажда жизни, как в эту весеннюю пору человеческой жизни. Никогда бессознательные требования физической природы человека не бывают более настойчивыми и повелительными, чем теперь. Тридцатые годы жизни имеют громадное решающее значение и в формировке духовного облика человека. В эти годы нравственного перелома и кризиса вполне рельефно обрисовывается или духовный, или душевный человек, то направление и то содержание, какое он понесёт чрез всю свою жизнь, получает здесь своё решающее определение. В эту-то критическую пору созидания и утверждения своей духовной самоопределяемости в меру возраста мужа совершенного, св. Григорий, «подобно тому источнику, который среди горьких вод моря остается сладким, не увлекался теми, которые вели к пагубе, но сам привлекал друзей к совершенному»⁷⁸. Он не растворился в общем речном потоке, в общей студенческой массе, не смешался с ней, а создал свой необычайный для окружающей его среды образ жизни, который способствовал осуществлению той идеи, которая, изгнав его из родной семьи и страны, привела на время в Афины⁷⁹.

Господь и здесь оказал св. Григорию благодеяние, соединив его узами дружбы с человеком самым мудрым, который один и жизнью и словом был всех выше и который восполнил те недостатки характера Григория, какие могли быть губительными для него. Разумеется — св. Василий, «это великое приобретение для того века», прибывшего в Афины с той же целью, что и Григорий, только немного позже его⁸⁰.

Слух об учёности и способностях Василия предварил его приезд, так что к его приезду имя его было на устах у всех: на него возлагали большие надежды, его ожидали, его дружбы искали⁸¹. Зная характер Василия по Кесарийскому училищу, характер серьёзный, твёрдый, Григорий постарался избавить Василия от практиковавшегося обычая приёма в корпорацию-бани, каковой процессии не вынесла-бы душа Василя. Эта

дружеская услуга закрепила чувства двух каппадокийцев и была началом любви, «уязвившей их обоих»⁸². Вскоре Григорию пришлось оказать и вторичную услугу Василию в его софистическом споре с армянами, своим вмешательством пристыдив и поразив их. Наконец, когда Василий, составив себе невыгодное мнение об Афинах по первым столкновениям с неприятными сторонами школьной жизни в них, впал в скорбь, уныние и разочарование, Григорий во время подкрепил павшего духом друга, рассеял его сомнение и привёл в спокойное расположение духа, убедив, посредством доказательств, что учёность познаётся не по кратким и маловажным опытам, а в течение более или менее продолжительного времени и по тщательном испытании. Эти опыты взаимной дружбы повели к тому, что когда друзья открыли друг другу свои глубины сердечные, высказали всё, что их волнует и чем они живут, то они соединились между собой теснейшими узами любви, стали друг для друга всё — «и товарищи, и сотрапезники, и родные, потому что одинаковость чувствований и взаимная привязанность сделали их неразлучными»⁸³.

Особенно сильно и нежно привязался к другу Григорий. Это и понятно, если мы примем во внимание, что Григорий, при многих блестящих сторонах своего характера, имел такие черты, которые могли совершенно испортить его жизнь среди развращённых Афин. А именно, он был натура женственная, склонная к мистицизму, не имевшая надлежащей закалённости и настойчивости, крайне доверчивая и легко уступавшая и, притом, совсем не знавшая практической жизни. Вот эти-то недостатки и восполнял Василий, сильный делом и словом, практичный, настойчивый, мужественный, любивший доводить дело до конца.

У друзей — каппадокийцев был один общий предмет желаний — любомудрие, одна цель — Бог и стремление к совершенству, одно упражнение — добродетель, одно усилие, — отрешаясь от земного, жить для будущих надежд. Поэтому, как у каждого бывают более или менее характерные призвания, наглядно свидетельствующие об отличии от других, свои собственные или наследственные названия, по роду ли звания

или занятия, так у двух каппадокийцев было одно великое дело и имя – быть и именоваться христианами⁸⁴. Двое они составляли как бы одну душу, которая поддерживает два тела, были «чета не бесчестная» для Эллады. Всё у них было общее: вместе они учились, жили, размышляли. Основанием их тесной связи была связь не земная, скоропреходящая, подобно весенним цветам, но Божественная по содержанию, одухотворённая по проявлениям.

Много соблазнов окружало их, много поводов к падению было – вокруг. Пребывание в блестящей и полной — жизни эллинской столице, доставляя возможность в совершенстве изучить интересовавшие каппадокийцев науки, представляло, однако же, величайшую опасность для чистоты их религиозно-нравственных убеждений. Кругом их, на холмах и долинах, высились великолепные храмы языческих богов и их изображений, коим воздавалось всенародное поклонение и всевозможные почести. Их учителя были язычники, которые употребляли всё искусство красноречия, чтобы придать своей религии наилучший и привлекательный вид, облекая древнейшие мифы в философскую мистическую форму и скрывая всю нелепость и неприглядность их под покрывами метафор и аллегорий. И вообще, едва ли где-либо в другом месте было столько друзей и почитателей умиравшего уже тогда язычества, сколько их было в Афинах. Поэтому, не без основания люди благочестивые считали Афины душепагубными, каковыми они и были для других по той причине, что изобиловали худым богатством – идолами, которых там больше, нежели в целой Элладе, так что трудно не увлечься вместе с другими, хвалящими и защищающими их⁸⁵.

И однако, Григорий и Василий – «священная двоица», – оставались твёрдыми и недоступными ни для каких соблазнов: ни поэтический блеск, ни философское остроумие не в состоянии были затмить и уничтожить добрых христианских начал, вложенных в них домашним воспитанием. Они не понесли от идольского обольщения никакого вреда: друг друга они взаимно укрепили и поддерживали от соблазнов, как бы «золотыми столпами подперши создаваемый чертог

добростенный внутренней чистоты и непорочности»⁸⁶. Они были друг для друга как бы «правилом и отвесом которыми строители проверяют правильность возводимых стен»: когда колебался один из них, тогда по убеждениям и взглядам другого он определял, что прямо и что не прямо в его поведении или образе мыслей. Эта взаимная любовная поддержка повела к тому, что они, «сжавши и заградивши свои сердца от окружающего нечестия», самый предмет соблазна, – обилие Афинских идолов и аксессуаров языческого культа, – обратили в повод к утверждению в вере чрез познание обманчивости и лживости демонов, научившись презирать их там, где особенно было развито их почитание. Своим поведением они как бы походили на мимическое животное, которое остается целым среди окружающего его огня.

Одна душа проявлялась у Каппадокицев и в сближении с товарищами. Из последних они выбирали не наглых, а целомудренных, не задорных, а миролюбивых, таких, с которыми можно было бы сойтись не без пользы. Они всемирно избегали дружелюбия с порочными, полагая, что легче заимствовать порок, чем передать добродетель, равно как легче самому заразиться болезнью, чем другому сообщить своё здоровье.

«Из многих дорог, по которым ходила Афинская молодежь», нам известны были, – говорит св. Григорий, вспоминая это время, – две дороги, – одна, это – первая и превосходнейшая, вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая, это – вторая и неравного достоинства с первой, вела к наставникам внешним. Другие же дороги – на праздники, в зрелища, в народные стечения, на пиршества – мы предоставляли желающим. Ибо и внимания достойным не почитаю того, что не ведёт к добродетели и не делает лучшим своего любителя»⁸⁷. Так, «Эллада и любезная юность, и всё, и самая плоть уступили Христу»⁸⁸.

Таким образом, одновременное пребывание в Афинах и сближение, перешедшее в задушевную дружбу Григория и Василия, – настолько неразлучную, что отделить их значило бы то же, что рассечь надвое одно тело⁸⁹, имели неотразимо –

благотворное влияние на св. Григория: они помогли ему, одинокому среди развращённого сотоварищества, во взаимной дружеской поддержке черпать силу и энергию в огребании от всего злого и скверного; они способствовали укреплению и выработке его нравственного характера; они были оплотом и ограждением в бурном потоке жизни Афинского студенчества. Св. Григорий неоднократно свидетельствует о том невыразимо глубоком влиянии, какое оказывал на него твёрдый характер св. Василия с его положительностью и основательностью. "У меня и теперь ещё (уже на старости лет) текут слёзы при воспоминании о тогдашнем расставании», – вспоминал он⁹⁰.

Риторские школы и объём научного образования, представлявшие любознательности христианских юношей в Афинских высших школах времени пребывания Григория, приблизительно были следующие.

По свидетельству Сократа Схоластика⁹¹, Григорий слушал в Афинах знаменитых в то время риторов Имерия и Проэрессия. Имерий родом из Вифинии, был язычник, хотя всегда относился к христианам с умеренностью и терпимостью. Царский племянник Юлиан, одновременно с Григорием слушавший Имерия, впоследствии став императором, приблизил его к себе, в качестве секретаря. Проэрессий, родом из Армении, был христианин, однако, после эдикта Юлианова, принуждён был прекратить своё преподавание. В надгробии ему, св. Григорий величает его за красноречие «солнцем в сравнении с высокоговещими софистами, его соперниками; его речи – новородящими, приводившими в потрясение весь мир и производившими в Аттике новый гром»⁹².

Возможно, что Григорий слушал в Афинах и знаменитого ритора Ливания⁹³, впоследствии ведшего переписку с Василием Великим⁹⁴.

Обычный курс наук в тогдашних школах составляли 2 главные группы познаний: группа наук физико-математических и группа наук гуманитарных. Первая группа под именем *quadrivium*'а состояла из арифметики, геометрии, музыки и астрономии; вторая – *trivium*, из грамматики, риторики и диалектики⁹⁵. Все эти науки и служили предметом изучения

Григория, как это видно из перечисления им самим тех наук, в коих преуспевал его друг, а, следовательно, и сам он⁹⁶.

В приводимом перечне наук нет музыки. Но если принять во внимание, что у древних греков под музыкой разумелось изучение гармонии в гораздо более широком смысле, чем у нас, – именно управление страстями, самообладание, уравнивание желаний, молитва, – то о сем отчасти упоминает Григорий, когда говорит о «нравственном обучении»⁹⁷. С другой стороны, св. Григорий перечисляет такие предметы, кои не входили в нормальный курс и, очевидно, составляли предмет высшего изучения у свободных художников их. Сюда у Григория относятся: 1) *История*, заключающая в себе коллективную мудрость народов и собрание мыслей многих поколений; преподавание истории, достигая в классической древности высокой степени развития, относилось собственно к области литературы и под её именем составляло один из главных предметов преподавания в высших школах; 2) *Философия*, коей главный центр сосредоточивался в Афинах, с характером неоплатонической школы. Философы были представителями всей науки, всей мудрости, почему обычно и философия разумелась под названием «науки». В виду страсти древних к триадам, философия разделялась на 3 части – логику, физику и этику, из коих каждая в свою очередь делилась также на 3 части: 3) *Поэзия*. С ней Григорий мог познакомиться ещё в Александрии, имевшей корифеев этого искусства; здесь же, в Афинах, Григорий мог докончить своё совершенствование в области изучения законов поэтических форм и построений; 4) *Медицина*, – «Врачебная наука», в коей особенно преуспел, по словам Григория, св. Василий Великий, как необходимой, прежде всего ему самому по причине слабости здоровья. Не видно из творений св. Григория, чтобы он практиковал «врачебную науку». Но она составляла предмет особых вниманий христианских юношей и в силу её практической необходимости, и, главное, в противодействие языческому культу Эскулапа, для устранения повода к соблазнам и в этой стороне общественной жизни христиан; 5) наконец, *Нравственное обучение* в коем преуспевал св. Григорий,

относилось не столько к области научного изучения у риториков, сколько к области нарастания благочестивых навыков и укрепления в вере и святых чувствованиях, кои почерпал св. Григорий из посещения Афинских христианских храмов, из сношения с Афинскими христианами и из постоянного взаимообщения с св. Василием Великим, являвшим «как жизнь, равную учению, так и учение, равное жизни»⁹⁸.

Вот те науки, которые изучал св. Григорий в Афинах. О том, как относился он к ним, мы имеем свидетельство его самого. Он говорит, что в усвоении всех предметов обучения он следовал принципу: «брать всё полезное и откидывать всё бесполезное для желающих жить благочестиво»⁹⁹.

После шестилетнего пребывания в Афинах, Григорий должен был покинуть их. К этому влекло его и чувства любви к родителям и завершение своего образования. Своё отбытие из Афин он предполагает сделать совместно с св. Василием Великим. «Нужны, говорит он, стали объятия и слезные напутственные речи»¹⁰⁰.

Следует упомянуть, что в Афинах св. Григорий встретился с племянником и наследником Констанция, будущим императором Юлианом, в коем, он, как одарённый значительной проницательностью, провидел истинные качества этого злого порождения времени IV века, что и выразил в метком определении: «какое зло воспитывает Римская

империя»¹⁰¹. Если мы ещё упомянем, что трогательная сцена прощания и расставания с Афинами совершенно неожиданно закончилась для св. Григория прощанием лишь только с св. Василием, оставшимся непреклонным в своём решении возвратиться домой, Григорий же на короткое время остался в Афинах и занял должность учителя словесности, «в коей он показал первенство»¹⁰², – то Афинский период жизни св. Григория может считаться исчерпанным.

Пробыв в Афинах после ухода св. Василия Великого недолго, св. Григорий, «подобно гомерическому коню, разорвав узы сдерживающих, оставляет за собой равнину и несётся к своему другу»¹⁰³, возвращается в родную Каппадокию. Это было около 359 года.

Совершенно естественно в данный момент, когда св. Григорий, почти после десятилетнего странствования с научной целью, закончив своё образование в тогдашних центрах науки и литературы, возвращается домой не горячим порывистым юношей, каким мы его видели, а тридцатилетним мужчиной¹⁰⁴, «подобно кораблю, столько нагруженному учёностью, сколько сие вместительно человеческой природе»¹⁰⁵ совершенно естественно определить, к каким же результатам привело его десятилетнее странствование, что дала ему внешняя наука, какую пользу он извлёк из неё для себя и для Церкви Христовой, на служение которой, он уже дважды посвятил себя?

Св. Григорий не был из числа тех людей, для которых наука является только внешним украшением или развлечением. Более чем кто-либо другой он признавал изучение наук в высшей степени полезным для всех людей и во всех положениях.

Вот его мысли по этому поводу: «одна слава была для меня привлекательна, говорить он, – отличать познаниями, какие собрали восток и запад и краса Эллады – Афины; над этим трудился я много и долгое время. Но все эти познания я положил к стопам Христовым»¹⁰⁶. «Как нет в мире столь блестящего положения, которое не получило бы нового блеска от образования, так, равным образом, нет более прочного счастья и славы, как истинное образование, которого не может отнять ни превратности жизни, ни людская зависть». «Наука есть первое из благ... Славу знания я предпочитаю всему. Научные познания – прекрасный венец, который не поблекнет. Это – жемчужина, счастливым купцом коей должен сделаться всякий; это лучший сподвижник и спутник всей жизни и вождь на пути к небу; и в счастье и в несчастье оно – верный друг и сотоварищ»¹⁰⁷.

Таков первый результат общения св. Григория с образованным миром. У него не только не остыла любовь к науке, но он часто доходит до истинного пафоса, описывая величие и пользу образования. И эту восторженность перед наукой он пронёс, как увидим потом, чрез всю жизнь, уже на

старости всеми средствами стараясь доставить другим доступ к образованию.

Греческое энциклопедическое образование, пройденное св. Григорием, способствовало обогащению его ума познаниями и приобретению навыка правильно, изящно и свободно выражать свои мысли. Оно развило в нём формальную сторону ума, крайне необходимую как для каждого христианина, так, в особенности, для посвящающего себя на миссионерское служение церкви, для отличения истинного от ложного, для защищения веры от нападения врагов при помощи их же оружия – тонких изворотов и искусных диалектических приёмов. В этом отношении, особенно ценно было для св. Григория изучение и преуспевание в диалектике. Так как она, диалектика, была весьма развита и почитаема у современников св. Григория, пользовалась большим уважением и значением, а её знание почиталось необходимым для всякого учёного человека, то понятно, что св. Григорию, поборнику истины, нужно было быть «сильным и в ней, и особенно в той её части, которая занимается логическими доводами и противоречиями, а также состязанием, так, чтобы противнику легче было выйти из лабиринта, нежели избежать сетей слова»¹⁰⁸.

И он, как видно из его слов, этого достиг. Затем, развитие формальной способности мышления, давая св. Григорию возможность сравнивать христианское учение с доктринами языческих философов и выяснять безусловное превосходство первого над последним, крайне важно было для него в достижении и положительных результатов, – для научного раскрытия догматов веры и, вообще, для решения высших вопросов богословской науки. Оно нужно было для правильного толкования св. Писания, в каковом трудном и важном деле нужны были плоды учёности, так и природные дарования: и всестороннее развитие, и образование, и проницательность, и глубина мысли.

Но таким формально-методологическим значением важность изучения классической литературы и науки для св. Григория не ограничилась. Богатство и разнообразие приобретённых им знаний служило ещё как с одной стороны

приготовлением к высшему и основательному изучению оснований христианской религии, т. е. было пропедевтикой для богословского образования, так, с другой стороны, давало и материальное содержание такому образованию, обогащая самое содержание христианской литературы и науки ценными элементами античной интеллектуальной культуры. Таким образом, внешняя учёность была для св. Григория и служебным орудием, и дополнительным материалом, обогащавшим его для предстоявшей ему деятельности. Но к этому материалу св. Григорий относился разборчиво и осторожно: он заимствовал не всё, а только лучшее и полезнейшее, «подобно пчеле собирающей мёд и с вредоносных растений»¹⁰⁹.

Особенно любил св. Григорий красноречие, которое заменяло ему все радости жизни, было драгоценным стяжанием и основанием его жизни¹¹⁰. Он так развил свой природный дар красноречия, что сделался одним из величайших церковных ораторов.

В сочинениях св. Григория мы видим, затем, блестящее раскрытие тех знаний, умений, искусств и навыков, кои он стяжал во время своего образовательного путешествия по выдающимся центрам тогдашнего учёного мира. Он приобрёл все данные к тому, чтобы сделаться одним из творцов христианской богословской науки.

Итак, «до дна исчерпавши жадным умом сладкую чашу наук и научившись эллинской мудрости не слегка»¹¹¹, св. Григорий возвращается домой с целью посвятить себя любомудренной жизни.

Совершенно случайно по человеческим соображениям, но не без воли Божией, по молитвам матери Нонны, св. Григорий приходит домой в сопровождении брата Кесария, которого он встретил в Византии возвращающимся морем из Александрии, тогда как св. Григорий из Афин прибыл сушей. Встреча эта произошла помимо всякого соумышления или соглашения прибыть в одно время в один город. «Так Бог награждает любовь родителей к благонравным детям»¹¹².

Кесарю, приобретшему блестящими дарованиями и неутомимым трудолюбием громадную известность в изучении

врачебной науки, предстояла завидная карьера при дворе, внимание государей, знатное супружество, место в сенате.

Суета мирская соблазняла его. Он готов был уступить ей. Но св. Григорий обличает его в постыдном пристрастии к светскому званию и заставляет посетить родителей¹¹³.

Утолив жажду знания, св. Григорий мечтой своей жизни поставил любомудрие, которое он понимал, как «отрешение от мира и пребывание с Богом, чтобы чрез долънее восходить к горнему и посредством непостоянного и скоропреходящего приобретать постоянное и вечное пребывающее»¹¹⁴. Но прежде чем св. Григорию удалось для самого себя разрешить вопросы, каким путём идти к осуществлению своей мечты, ему пришлось покориться просьбам своих друзей, которые требовали от св. Григория, как долга, показать образцы своего красноречия. И он должен был удовлетворить этому недугу людей, выступив с речами. Но так как св. Григория совсем не интересовали «ни рукоплескание, ни говор удивления, ни упоения, ни поклонения, которыми обычно выражают восхищение пред софистами»¹¹⁵, то он решительно отказался от общественных должностей и начал готовиться к принятию крещения, которое теперь стало главным событием его жизни, долженствовавшим всецело соединить его со Христом и омыть все грехи его прежней жизни.

О самом совершении крещения св. Григория подробных сведений не имеется. Однако сам он свидетельствует о тех чувствах и переживаниях, которые вызвало в нём крещение. Оно было для него действительным отречением от мира и всецелым посвящением Христу. С этого момента всё, что имел св. Григорий, – его таланты, красноречие, будущие учёные труды – всё он обещает принести к подножию Престола Божия в качестве жертвы, «подобно тому, как иные, собрав своё золото, кидали его в глубину, доказывая тем свою духовную свободу в отношении к имуществу, и своё отречение от мира»¹¹⁶. Эту благодарственную жертву, этот дар свой св. Григорий ценит выше золота, дороже многоценных камней, ценнее тканей, святые жертвы подзаконной, угоднее всесожжений, ибо это – всё богатство его, коим он, как счастливый купец обладает,

которое он ценить и любит, – всё это он отдаёт за жемчужину, за наследие вечной жизни¹¹⁷.

Правда, стремление к единению с Богом и готовность всецело посвятить себя на служение Ему, обнаружилось в св. Григории ещё раньше, под влиянием домашнего воспитания. Теперь же изучение неоплатонической философии ещё более способствовало укреплению и развитию этого мистического стремления души св. Григория, причём оно у него не останавливалось на одной только теоретической стороне, как это было у платоников, а соединялось с практической стороной, – со стремлением к личному духовному совершенствованию. Стремление к теоретическому знанию и философскому созерцанию Высочайшего Существа у него тесно и неразрывно связано было со склонностью к подвигам добродетели и благочестивому самоотречению. Он полагал, что одного знания без добродетели для единения с Богом недостаточно: добродетель есть ступень, ведущая к созерцанию, которое, поэтому, возможно только для чистой святой души. По этим соображениям, в течение всей своей жизни св. Григорий стремился в пустыню, чтобы в подвигах аскетизма предаться созерцанию и мистическому единению с Богом. А так как стремление к пустынным подвигам непреодолимым препятствием служили разного рода обязанности, то он всю жизнь тяготился внутренним разладом: с одной стороны жаждой безмолвия пустыни, с другой сознанием долга служить церкви. «Мне надлежало бы, прежде всего, укрыть плоть свою в пропасть, горах и утёсах, думал он; там, бегая от всего, от самой сей жизни, от всех житейских и плотских забот, живя один вдали от людей, носил бы я в сердце всецелого Христа, к Единому Богу вознося чистый ум, пока не облегчила бы меня смерть, наступив вместе с исполнением надежд»¹¹⁸.

Так надлежало бы... Но жизнь церковная предъявляла к нему свои требования. Св. Григорию предстояло сделать выбор. Нужно было на что-либо решаться. И вот он зовёт во внутреннее судилище своих друзей – помыслы, этих искренних советников, и в страшном круговороте их старается найти решение своей жизненной задачи. Хотя давно было решено

бросить всё плотское в глубину забвения, нравилось это и теперь, но при ближайшем рассмотрении путей божественных, не так легко было найти путь лучший и гладкий. Два образа благочестивой жизни представлялись взору св. Григория: созерцательный, образ Илии, Иоанна Крестителя, и деятельный, путь проповедников, и истолкователей слова Божия; но последнее занятие – не дело пустыни¹¹⁹. Св. Григорий колебался, какой образ жизни избрать ему: удалиться ли в уединение, или остаться в мире жить девственником? Тот и другой путь, очевидно, были известны ему ещё из Александрии. С одной стороны жизнь пустынножизненная – «ἁγὴ ὑμῶν» жизнь св. Антония Великого, отшельническая, привлекала его своей строгостью; с другой, – жаждущий служить своими дарованиями ближним, он приклонялся к μυῖαδες, к жизни св. Афанасия, к простой и строгой жизни подвижников, которые проводили жизнь безбрачную, не уединяясь в пустыню, но занимаясь делами общественными. Однако же, и тот и другой пути не удовлетворяли св. Григория. Я примечал, говорит он, что люди, которым нравится деятельная жизнь, полезны в обществе, но бесполезны себе, и их возмущают бедствия, от чего мягкий нрав их приходит в волнение. Видел также, что живущие вне мира почему-то гораздо благоустроеннее и безмолвным умом взирают к Богу; но они полезны только себе, любовь их заключена в тесный круг, а жизнь, какую проводят, необычайна и сурова»¹²⁰.

Потому, св. Григорий решил создать себе средний путь, который примирил бы блага отшельников с невыгодами подвижников, заняв у одних собранность ума, а у других – старание быть полезным для общества.

Решающее значение в этой борьбе помыслов заняла любовь св. Григория к родителям: «она, как груз, влекла к земле.» Жалость к родителям, эта приятнейшая из всех страстей», побудила его избрать такой путь, который давал бы ему возможность уплачивать долг родившим за их постоянные заботы, и трепетание за сына, «как за глаз своей жизни», и удовлетворять своим душевным запросам¹²¹.

И вот, св. Григорий избирает «Царский путь»: он «отказывается от милой супруги и детей, от утех семейной и общественной жизни, богатство и власть не привлекают его, другим уступает он мягкие одежды, роскошные кудри, цирковые и театральные зрелища, а подклоняет свою выю под иго строгого целомудрия, по образу вечно-юных существ (ангелов)»¹²². Вместе с тем, он отказывается и от приглашения св. Василия Великого разделить с ним отшельническую жизнь в Понте и остаётся при родителях «лелеять их старость, водить их за руку, угождать их возрасту». Здесь он находит возможность подвизаться в любомудрии: не показывая и вида, что трудится для жизни превосходнейшей, он, однако, всецело принадлежит ей.

Так, оставаясь в миру и разделяя деятельную жизнь христианских руководителей, примеры коих в лице отца епископа были у него на глазах, он хранил привязанность к жизни монашеской, которую полагал «не в месте пребывания, а в обуздании нрава»¹²³. Скромно, не занимая никакой должности и надеясь тем сохранить в чистоте своё сердце, он как бы отходит от жизни, и в то же время принимает в ней участие постольку, поскольку это нужно было для его сыновних обязанностей, вполне справедливо полагая, что «услуживая родителям, он служит Христу»¹²⁴. Создав себе, в своём сердце, пустыню среди многопопечительной жизни в епископском отцовском доме, он хочет уйти в себя, чтобы безраздельно сосредоточиться на любомудрии, чтобы предаться любимому богомыслию и философствованию, богатый материал для чего он собрал в минувшие годы. Служение в священном чине или, как он говорит, «церковная кафедра» была достаточна для него, но он всем существом своим хотел стоять вдали её: она казалась для него недостижимой, и при том завидной, но опасной высотой, — тем же, чем бывает солнечный свет для слабых глаз¹²⁵. Поэтому, от жизненных переворотов он ждал всего, только никак не того, чтобы быть на кафедре. Но Господь судил иначе...

Глава 2-я. Назианзский период пастырской деятельности Григория

Внешние и внутренние условия пастырской деятельности в IV веке. Взаимоотношение Церкви и государства в IV веке и его результаты для православия. Император Константин и его преемники. Преобладание ариан и гонения на православных. Григорий в Понте у Василия. Раскол в Назианзской епархии. Выступление Григория на служение Церкви. Насильственное посвящение его в пресвитера и его отношение к этому событию. Бегство в пустыню и возвращение. Апология удаления. Слова вступительные и слово о бегстве. Анализ их. Умиротворение раскола и слово о мире. Император Юлиан и его отношение к Церкви. Два слова на Юлиана царя. Анализ их. Участие Григория в делах Кесарийской Церкви и судьбе Василия Великого. Император Валент и его отношение к Церкви вообще и каппадокийской в частности. Смерть Кесария и Горгонии. Надгробные слова им. Избрание Василия архиепископом Кесарии и значение этого факта для последующей судьбы Григория. Сасимы и Анфим Тианский. Посвящение Григория в епископа Сасим. Отношение к сему событию Григория. Слова при рукоположении. Разрыв между друзьями из-за отказа Григория отправиться в Сасимы. Характер пастырского служения Григория в сане епископа Назианзской Церкви с 372 по 375 гг. Его поведение в общественных бедствиях: в голод, при возмущении народа против налогов и при производстве новой переписи. Анализ слов на эти случаи. Участие в судьбе бедных. Слово о любви к бедным. Черты частного душепопечения и пастырского ходатайства за этот период. Смерть отца. Надгробное ему слово. Смерть матери. Отношение Григория к Назианзской Церкви Удаление в Селевкийский монастырь св. Фёклы.

«Не благочестно и не безопасно преходить
молчанием мужей, прославившихся благочестием»
(твор. св. Григория Богослова, II, 146)

Четвёртое столетие было весьма знаменательным в жизни Церкви Христовой и в жизни греко-римского общества.

Став религией дозволенной, христианство необходимо вошло в тесное соприкосновение с государством, оказывая на него своё влияние и, в то же время, считаясь с тем или иным отношением к себе со стороны высшего представителя государства – императора. Поэтому, в судьбе Церкви теперь имеют громадное значение этот новый фактор, как следствие реформированного строя жизни. Если в предшествующее века Церковь Христова считалась с государственной властью, как своим врагом и, в лучшем случае, с мирным недругом, только до времени не поднимающим своего оружия на неё, но за то и не вмешивающимся во внутреннюю жизнь и строй её, то теперь, с IV века, появляются государи, которые непосредственным вмешательством в вероучение и строй церкви производят такое замешательство и нестроение, какие могут быть измышлены только силами ада. В политическом отношении четвёртый век называют временем агонии римской империи. Тотчас после смерти Диоклетиана громадная всемирная империя начинает распадаться, теснимая ото вне со всех сторон варварами и раздираемая внутренними раздорами кесарей за обладание императорской короной. Единая римская империя, при огромном скоплении народов, сохранявших свои законы, обычаи и самобытность и связанных с империей только внешним образом, — уплатой податей и подчинением Римским проконсулам, — стремится к разложению на свои составные части, как только всемогущий дотоле римский меч начал опускаться. Чрезвычайное расширение империи на Восток вызвало перенесение столицы в Византию и способствовало старому Риму обособляться и ковать ковы против молодой соперницы. Это стремление быстро было усвоено, между прочим, римскими епископами, проявившими склонность наследовать бывшее значение императорской власти и восстановить её под знаменем папского престола. Вместе с тем, давно понижавшееся состояние нравов вылилось в упадок их, обусловливаемый умалением веры в богов и распространением материалистических учений. Таким образом,

начавшая политически дряхлеть империя обессиливается общественными нестроениями. Вместе с сим, своеволие и своекорыстие составляют отличительную черту в образе действий правителей этого времени. Напрасно с царского трона раздаются призывы к обществу на борьбу с глубоко внедрившимся злом. «Когда же, наконец, прекратится хищничество судей, когда исчезнет оно, повторяю я», – писал Константин Великий с исполненным горького негодования чувством. Всех подданных он призывал объявлять лично ему о незаконных поступках правителей, судей, вельмож, даже друзей своих. «Смело являйся ко мне и всяк объявляй свою жалобу: я сам всё выслушаю и сам отомщу за себя»¹²⁶. Очевидно, велико было зло, глубока была порча государственной машины, если требовались такие призывы, едва ли достигавшие, впрочем, своей цели. Слишком неустойчиво было положение самих императоров, слишком сильно было влияние евнухов, легко продававшихся. «Золото всегда ниспровергало истину», – любил говорить св. Григорий, характеризуя нравы современников¹²⁷.

Плачевно было состояние народов при указанном облике правительственных чиновников: равнодушные к общественной пользе и занятые своекорыстными расчётами, они нередко являлись бичами подвластных областей. Народ угнетённый, заброшенный коснел в невежестве, грубости, лености, беспечности, дикости. «Бесчеловечие и жестокость одного к другому стали больше, нежели у варваров», – замечает св. Григорий¹²⁸.

Это было время, полное важных событий в области церковной жизни и религиозной мысли, – событий, имевших громадное значение на всю последующую судьбу Церкви. Покончив со своими врагами, – иудейством и язычеством, и завоевав себе право на почётное существование трёхвековыми страданиями, Церковь, возведённая из катакомб и пустынь на трон кесарей, вступает теперь в период своего внутреннего развития, развёртывается теперь во всём блеске и величии. Христианский гений проявляется во всех областях знания – в богословской догматике, священной экзегетике, истории, поэзии

и пр., создавая золотой век христианской литературы. Обеспеченная со вне, церковь обращает свои силы на внутреннее своё развитие и на усвоение своего вероучения при помощи того наследства, которое завещала христианству языческая культура. Греческий пытливый ум пытается уяснить себе неизменный по существу истины веры в их научном понимании, и изложена с чисто-философской точки зрения и в их систематической последовательности. Но на этом пути его ждут разочарования... Ещё в III веке раскрытие христианскими апологетами догмата о. Св. Троице встречало оппозицию в христианах, воспитанных на началах гностицизма, отрицавшего Божество Иисуса Христа. Тогда появилось монархианство, или ересь антитринитариев, волновавшая церковь в III веке и открывшая путь к догматическим движениям IV века. Понятия единства и Троичности, сформулированные церковью в учении о Боге Едином по Существу и Троичном в Лицах, не сразу было усвоено сознанием человечества, но, при отсутствии строго определённого богословского языка и при неопределённости терминов οὐσία и ὑπόστασις, оно бросало исследователей его из одной крайности в другую, создавая ереси Феодота Кожевника, Павла Самосатского, Праксея, Савеллия и др. Poleмика с монархианством, вынуждая с особенной силой настаивать на различии Лиц Св. Троицы, послужила поводом к появлению среди Александрийских мыслителей идеи субординационизма, каковые идеи, доведённые в отношении Второго Лица Св. Троицы до крайности Арием, вылились в арианство, целое столетие глубоко и губительно волновавшее Церковь Христову. Мы не будем подробно излагать движение мыслей в системе Ария, но для нашей цели достаточно упомянуть, что, являясь, в сущности, уступкой учению язычества о сообщении божества существом второстепенным и продолжением гностицизма с его рядом эонов между Богом и миром, арианство привлекало в себе одних из епископов обманчивыми формулами, других – боязнью впасть в унитаризм Савеллия, уже осуждённого церковью.

Споры с еретиками о Троичности и о Божестве Сына волновали Церковь и вели к раздорам и распрям. Константин

Великий (306–337), занявший единодержавный престол после 18 летнего ожидания и устранения семи соправителей, был весьма огорчён, узнав об арианских спорах в Церкви, благоустройство которой он поставил делом своей жизни. «Возвратите мне мирные дни и спокойные ночи, иначе мне ничего не останется, как стенать и обливаться слезами! Доколе люди Божии взаимно разделяются гибельной распрей, могу ли я быть спокоен в душе своей» – писал он египетским христианам в послании с Осией Кордубским, считая эти споры личным делом между Александром, епископом Александрийским, и пресвитером Арием¹²⁹. Но как отношения, так и мероприятия Константина к этой распре были шатки и двойственны: то она представляется ему маловажной, то слишком важной. Восстанавливая на первом Вселенском Соборе церковный мир и заботясь о соединении епископов, Константин не вникал в сущность спорного вопроса и не заботился о прочности соглашения сторон. Склонив всеми мерами арианствующих епископов на компромиссы и заставив большинством из них подписать Символ, не заботясь об одинаковом понимании некоторых его выражений, он считал, что арианская сторона сделала достаточно шагов к примирению. Нежелание же ревнителей православия быть в общении с еретиками, осуждёнными Собором, и участниками либерального богословствования показывало, по мнению Константина, их не миролюбие и тем самым ставило их в ряды врагов его дела. Репрессии Константина против столпов православия служат лучшим тому доказательством: св. Афанасий томился в изгнании, ариане же торжествовали и захватили большинство церквей.

Драма в семье Константина, вызвавшая смерть Криспа и Фаусты, 1-й жены Константина, кровавая тризна, справленная после его смерти сыновьями над членами императорской крови для устранения их от наследования управления провинциями, пощадившая, впрочем, двух мальчиков Галла и Юлиана, ряд кровавых интриг среди трёх главных наследников империи – Константина 2, Констанса и Констанция, выдвинувший на место единовластителя Констанция, – как нельзя более

свидетельствуют о той порче нравов, которые воцарилась в тогдашнем обществе.

Констанций (337–361), воспитанный с детства в христианстве, ещё при жизни отца подпал влиянию ариан, водворившихся в его семье в последние годы, и всю жизнь был послушным орудием в их руках. Если уже царствование Константина Великого доказало отчасти, что иногда покровительство государственной власти бывает вреднее и опаснее для христианства, чем прямое гонение, то царствование Констанция утвердило эту истину ещё более¹³⁰. Раздор, нравственный и физический, дух нетерпимости, водворившийся между разными частями христианского общества, – были первыми плодами религиозной политики Констанция. Вскоре еретические волнения охватили, как пламя, весь Восток, глубоко разъедавая внутренний организм Церкви. Действительно царствование Констанция было эпохой самого широкого разлива арианских смут после первого Вселенского Собора. Хотя сами ариане разделились на множество отдельных партий, но все они были солидарны в одном – в упорной борьбе с православием и в насильственном пропагандировании своих заблуждений. Склонив на свою сторону императора и высших светских чиновников, ариане, под прикрытием государственной власти, действовали разрушительно в отношении к строю христианского общества, ещё не успевшему достаточно окрепнуть после трёхвекового давления язычества. Возведение на кафедру арианствующих епископов часто сопровождалось сценами насилия и даже убийства, как это, например, было при возведении и Григория в 341 году и Георгия 357 году на Александрийский престол.

Вот какую картину разгула и насилия ариан рисует нам св. Григорий Богослов. «Отечественные грады ниспровергнуты, тысячи людей падают, земля обременена пролитой кровью... Изгнан мир, похищено благолепие церкви... До того превращён порядок, что мы, сделавшиеся прежде из не-народа народом, из не-языка – языком, подвергаемся теперь опасности возвратиться в прежнее состояние. Оказывается, что удобнее было переносить злополучия и гонения, которые укрепляли и

теснее нас соединяли, нежели теперь ослабевать, когда мы совокупились воедино... Во всём – в пищи, во сне, в позорных делах есть мера сытости только нет у нас конца взаимным поражениям из-за учения веры. Священники вооружаются на священников, сословия восстают с неистовством против сословия... Кто должным образом изобразит вполне наши бедствия: осквернение храмов, храмы, сделавшиеся кладбищами, описания имуществ, бесчестия, ссылки? Какой вымысел воспроизведёт столько несчастий – побои, смерть, – изведение на позор епископов, всенародное закалание пресвитеров, мужей, жен, юношей, старцев?.. И бедствия выше слова, и страдания выше сил повествователя... Столько мы терпели, что невозможно и пересказать всех бедствий!.. И это бедствие, худшее землетрясение и повальных болезней, объяло мятежным духом не одну какую-либо часть народа, но целым страны: оно разделило Восток с Западом, угрожая окончательным разрывом во мнениях. Это хуже варварского нашествия, ибо истребляются не дома и города, создаваемые руками, но расхищаются души»¹³¹.

Св. Василий Великий общее состояние Церквей сравнивает с морской ночной битвой, когда, по причине темноты, ряды кораблей не различают ни друзей, ни врагов.

«На море сильная буря. Вода бьёт клубом вверх. Стремительный дождь, порывистый ветер... По действию водяных валов, корабли сталкиваются взаимно. Полное отсутствие боевого порядка. Беспощадное убийство. Зловещий шум, смешанные крики, всеобщее смятение... Совершенное безначалие, беснование честолюбия между управителями, споры о первенстве на том или другом корабле, когда он погружается уже в глубину»¹³².

«Достояние Божие, дополняет св. Григорий, сделалось бойницей дьявола, здесь расположился он станом, здесь были воинство лжи, защитники обмана, бесовские полчища»¹³³.

Неимоверные бедствия и испытания наводили на современников думу о признаках скорого второго пришествия. «Боюсь, не есть ли настоящее уже дым ожидаемого огня, не вскоре ли после сего настанет антихрист и воспользуется

нашими падениями и немощами, чтобы утвердить своё владычество?» – думал св. Григорий Богослов¹³⁴.

«За наши пороки, за овладевшее нами нечестивое учение о Св. Троице, постигли нас все сии бедствия и верх бедствий», – заключали православные¹³⁵.

И было чему ужасаться: Церковь находилась в опасности быть ниспровергнутой еретиками, «ибо одну часть церквей они уже имели в своей власти, на другую делали свои набеги, а третью надеялись приобрести полномочием и рукой царя, которая или уже была занесена, или, по крайней мере, угрожала»¹³⁶. В Сирии, Азии, Понте и Фракии встречаются только отдельные личности, посвятившие себя на борьбу с арианством. Остальной Восток, с Антиохии Сирийской во главе, был в распоряжении ариан¹³⁷.

Таково было положение церкви при Констанце. Таково же оно было и при других арианствующих царях до Феодосия Великого, особенно же при Валенте. Языческий историк Аммиан Марцеллин характеризует следующими чертами отношение Констанция к вере христианской. «Он смешивал совершенную и простую христианскую религию с ребяческим суеверием, и скорее посредством запутанного расследования, чем достойной организации, произвёл множество раздоров, и эти раздоры, когда они водворялись, он усиливал словесными спорами. Толпы епископов, разъезжавших туда и сюда на соборы, как они называют их, старались подвергнуть всякое постановление своему собственному решению, и через это Констанций серьёзно подорвал и расстроил почтовую службу империи»¹³⁸. А соборов при Констанции, действительно, было весьма много. Они совсем исказили истину Христову, обратив её в предмет взаимных препирательств.

Конец царствования Констанция (13 ноября 361 г.), вызвавший искреннюю радость и у язычников, так как этим открывался доступ к престолу последней надежде политеизма – Юлиану, и у христиан, выразитель взглядов которых блажен. Иероним воскликнул: «Господь пробуждается, Он повелевает буре; зверь умер, и спокойствие восстановилось»¹³⁹, – был началом выступления св. Григория Богослова на общественное

служение Церкви Христовой. Трудно было предположить, чтобы в это опасное для православных время, требовавшее напряжения всех сил, скрылся и в безвестности проводил дни свои такой образованный, даровитый и преданный Церкви человек, как св. Григорий, чтобы он оставался равнодушным зрителем всех тех ужасов и бедствий, которые постигли Церковь. «Подобно тому, как александрийским арианам Промысл Божий противопоставил Дидима, так жившим в других местах – св. Григория Назианзина», – замечает Сократ схоластик¹⁴⁰.

Но обратимся к св. Григорию. Изменив данному св. Василию Великому ещё в Афинах обещанию жить и любомудрствовать вместе с ним, изменив не добровольно, а в силу превозмогания закона, повелевающего служить родителями над законом товарищества и взаимной привычки, св. Григорий остался дома, "с насилием обуздав желание видаться с другом». Он хотел, как мы видели, сочетать блага монашеского уединения с благами жизни в миру. Он вёл аскетический образ жизни, спал на полу, одевался в грубые одежды; «сладкою приправою была у него соль, приятен кусок хлеба, питье трезвенное – вода»¹⁴¹. Дни он проводил в труде, а ночи в молитве. Находя счастье в безмолвии и самоиспытании, он горько жалуется на необходимость при управлении имениями отца входить во все хозяйственные мелочи и надзор за слугами, делавшими эту его обязанность сетью погибельной. Эта невольная суeta обращает мысль его к тому пустынному житию, в которое звал его Василий¹⁴², и он находит выход из своего положения, «примиряет требования обещания и долга намерением и предложением Василию Великому от времени до времени посещать друг друга»¹⁴³. Обменявшись с ним несколькими письмами с ироническими замечаниями об условиях жизни, – св. Василий Великий иронизировал над грязью и ненастьем Тиберинского округа, в коем жил св. Григорий¹⁴⁴, а св. Григорий над торгашескими наклонностями кесарийцев и другими невыгодами жизни в том городе, – и получив от него поэтическое описание избранного им уголка для уединения в Понте, св. Григорий решается навестить его и

отправляется «*Εἰς Βασιλείαν*», – т. е., играя именем св. Василия Великого, он означает им и место пребывания св. Василия Великого, и царство мира, открываемое ему пустыней.

Не раз впоследствии св. Григорий вспоминал то блаженное время, когда они, среди подвигов молитвы, поста и уединения, возили на плечах «телегу в гору с Авгиевым навозом для заравнения оврага», носили дрова и воду, тесали камни и сажали деревья. Золотой явор, посаженный «изнурённым монахом», остался, напоминать св. Василию Великому о друге. Питались они таким хлебом, что «зубы скользили по кускам, а потом вязли в них и с трудом вытаскивались, как из болота». И если бы не своевременная помощь Эммелии, матери св. Василия Великого, то подвижников давно не было бы в живых¹⁴⁵. Но среди монастырских и духовных и физических трудов, друзья не забывали своих учёных занятий: они сделали сборник ценных извлечений из творений Оригена, под именем «Филокалия, – выбор полезного для любословов», который впоследствии св. Григорий послал на память Феодору, епископу Тианскому¹⁴⁶.

В то время, когда св. Григорий наслаждался созерцательной иноческой жизнью в Понтийском уединении, в его отсутствие дома произошли обстоятельства, требовавшие присутствия при отце-епископе философски и богословски образованного сына.

Дело в том, что неопределённая сама по себе и затемнённая различными диалектическими тонкостями система Ария давала широкий простор в её понимании и толковании, что послужило основанием к возникновению среди ариан несогласий и распадению на партии, разногласящие в определении природы и отношении Сына Божия к Отцу. Так появились полуариане, азциане, евномииане, аномеи и др. «Греческая софистика говорит проф. И. Ковальницкий, соединилась с римским юридическим формализмом и адвокатской казуистикой, и появился длинный ряд вероопределений, полных намеренной неопределённости, двусмысленности, умолчаний, дающих полный простор произвольным толкованиям, – этих вероисповеданий без веры, написанных слогом антихриста, чтобы прельстить

простодушных»¹⁴⁷. Ещё на Первом Вселенском» Соборе выражение «*ομοούσιος*» — единосущный — вызывало нежелание многих ариан согласиться на внесете его в Символ, хотя они, в то же время, отвергали и учение Ария о тварности Логоса, как учение противное сущности христианства. Одни из таких признавали Сына Божия «*ὁμοιοῦσιος*» — подобосущный Божеству, — отчего и известны под именем омиусиан или «полуариан». Другие изобрели выражение «*ἀνὸμοιον*» — Сын, не сходный с Отцом. — Это «аномеи»¹⁴⁸ и т. д. Выходя из того положения, что символ должен был составлен только из выражений, находящихся в Св. Писании, многие епископы смущались термином потому особенно, что слово это ни библейское. В то же время они склонялись к символам Ария и других партий, имевших каждая свой символ, общим сходством коих была тенденция затмить и обратить в ничто догматику, принятую на Первом Вселенском Соборе¹⁴⁹.

Вращение в области трудных метафизических вопросов об отношении между собой двух естеств в Лице Иисуса Христа было доступно людям с сильным логическим мышлением и богословски образованным. Император же Констанций, не обладавший ни тем, ни другим, склонился, однако, по проискам ариан, к полуарианскому символу. Созванные им соборы Сирийский 357 г.; Селевкийский — 359 г. в Исаврии и одновременно Риминский в Италии отвергли и осудили «единосущный», одобрив полуарианский символ, составленный на Сирийском соборе. Император потребовал принятия этого символа во всей империи, угрожая изгнанием тех епископов, которые отказывались бы от принятия его.

Потому ли, что к полуарианскому символу склонялись также авторитеты, как Евсевий Никомидийский и известный учёный Евсевий Кесарийский, или по недостатку осмотрительности, но, во всяком случае, не по отступлению от веры Никейской, не из страха и человекоугодия, Григорий-отец подписал этот обольстительный документ. «Чернило не очернило его души, хотя и был уловлен по простоте, и, имея не коварное сердце, не уберёгся от коварства», — так оправдывал его сын¹⁵⁰. Правда, случай такого подписания не единственный

в то время: опасаясь упрёка в савеллианизме, обычном в то время для не следовавших Сирийскому символу, подобный же символ подписал и Дианий Кесарийский¹⁵¹, патрон св. Василия Великого, настолько увлекшийся Георгием Каппадокийцем, склонявшим его к полуарианству, что принял сторону противников св. Афанасия Александрийского.

Как бы то ни было, но монахи Назианские, в простоте сердца, державшиеся не умозрительных богословствований, а веры св. Афанасия, возмутились поступком своего епископа Григория-отца и произвели раскол в церкви. Счастливой и доселе мирной епархии грозили осложнения. При таких обстоятельствах присутствие Григория-сына сделалось насущной необходимостью для старика-отца, «как опора и жезл старости»¹⁵².

Паства Назианзская, желая в такое тревожное время слышать красноречивого оратора, присоединила свои просьбы к намерению епископа¹⁵³. Поэтому, уединение св. Григория было прервано: «извлекли из твердыни пустыни и как молодого пса не худой породы вывели против лютых зверей-еретиков»¹⁵⁴.

Отец знал образ мыслей своего сына, знал о любви к уединённо-созерцательной жизни, о его высоком уважении к сану служителя алтаря и о не желании связывать себя узами пастырского служения. Несомненно, что крепкая вера Григория, его ясное понимание церковных догматов, способность к борьбе с еретиками, при обширных познаниях, как в светских науках, так и в слове Божиим, были необходимы Церкви в такое смутное время. И вот св. Григорий был принуждён отцом и паствой принять посвящение в пресвитеры¹⁵⁵. Это произошло в праздник Рождества Христова 361 года.

Хотя такого рода насильственные избрания и посвящения в священный сан были обычным явлением того времени, но внезапно причинённое насилие — *τυραννία* — как гром поразило св. Григория своей неожиданностью и «заставило его переступить скромность, к которой он приучал себя всю жизнь»¹⁵⁶. Живо представилось ему, что его новое звание не только не совместимо с исконным желанием пустынной жизни, но и противоречит ему, и принуждает его навсегда отказаться от

него. Теперь привязанность к благу безмолвия и уединения овладела душой св. Григория ещё сильнее. Видя, что на заветную мечту его, лелеянную им сначала сознательной духовной жизни, поддерживаемую в нём предшествовавшими обстоятельствами его жизни, способствовавшими дать Богу даже обет безмолвия, мечту, уже начинавшую осуществляться в Понтийском уединении, сделано покушение, — Григорий не мог вынести такого принуждения, не допустил ввергнуть себя в мятежи и насильно отвлечь себя от такой жизни, как бы от священного убежища. Более чем когда-нибудь казалось ему, что «лучше всего, замкнув как бы чувства, отрешившись от плоти и мира, собравшись в самого себя, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседуя с самим собой и Богом, жить превыше видимого, носить в себе божественные образы, всегда чистые и несмешанные с земными и обманчивыми впечатлениями, быть и непрестанно делаться истинно чистым зеркалом Бога и божественного, приобретать ко свету свет, — к менее ясному лучезарнейший, пожинать уже упованием блага будущего века, сожительствовать с Ангелами, и, находясь ещё на земле, оставлять землю и быть возносимым Духом горе»¹⁵⁷.

Эту его духовную муку ещё более увеличивали соображения о высоте, святости, важности его нового сана с одной стороны, и сознание своих немощей, недостойности и неподготовленности — с другой. Неудивительно, если св. Григорий так сильно скорбел по поводу случившегося с ним, что «забыв всё — друзей, родителей, отечество, род, как вол уязвлённый слепнём, ушёл в Понт, надеясь там, в божественном друге найти себе врачество от горести»¹⁵⁸.

Имея теперь полную возможность разобраться в своих мыслях и чувствах, Григорий, при помощи Василия, умерил свою скорбь. В самом деле, какие побуждения руководили его отцом, когда он насильно возводил его на один из низших престолов?¹⁵⁹ Только добрые: желание духовными узами связать и привлечь его на служение Церкви, которой и сам он служил много лет, желание почтить сына предоставлением ему лучшего из того, чем он сам обладал. Только отеческая любовь заставила его сделать сыну это невольное, но необходимое

огорчение. Но не сам ли Григорий дал первый обет быть отцу жезлом в старости и опорой в немощи¹⁶⁰, ради чего он уже принёс однажды жертву, отказавшись от отшельнической жизни? Он всегда считал себя в долгу у родителей за рождение и образование¹⁶¹. Теперь, когда к нему предъявлен иск по этому векселю, имел ли он право отказываться от уплаты по нему?

«Нестерпимо стало мне, повествует он, после стольких жертв навлечь на себя гнев и лишиться родительского благословения, ради которого иные предпринимали недобрые средства»... Поэтому, «не лучше ли быть честно побеждённым, нежели одержать победу с вредом и незаконно»?¹⁶². Правда, уплата представляется таковой, что сопряжена с необычайной трудностью, с возложением ига Христова, при том в такое лукавое время, когда сыны благодати отверглись и стали сынами отступления, когда наступила как бы беспорядочная ночная битва, когда потребны долговременное любомудрие и особенная опытность¹⁶³. Григорий по совести не считает себя подготовленным и потому признаёт не безопасным принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и человеком. Памятны ему прещения Божии на недостойных служителей—Надава, Авиуда, Илия, Озу и др. Но памятно ему и вразумление Ионы, к Божиим намерениям осмелившегося присоединить свои соображения¹⁶⁴. Ему думалось, что «хорошо и уклоняться несколько от призвания Божия, как в древности поступил Моисей, а после Иеремия, но хорошо и спешить с готовностью на глас Зовущего, как Аарон и Исаия»¹⁶⁵.

Долго Григорий боролся с мыслями, придумывая, как поступить, находясь между двумя страхами, из которых один принуждал его остаться внизу, а другой — идти вверх. Поэтому, он колебался то в ту, то в другую сторону, подобно струе, гонимой противными ветрами. Наконец, страх оказаться непокорным превозмог другие соображения. Осталось ли бы какое извинение и место к оправданию Григория, если бы стал дольше упорствовать и отрицаться от возлагаемого на него ига служения?¹⁶⁶ Не было бы ли это дерзостью или непокорностью, а вообще невежеством?

Таковыми размышлениями св. Григорий смягчил свою душу как огонь — железо, и успокоил её. В помощники к сим размышлениям он взял время, этого наилучшего целителя душевных ран, и в советники — Божия оправдания, которым верил он всю жизнь. И потому, когда добрый отец, изнемогающий от старости и желая иметь сына при себе, прислал ему настойчивую просьбу, почтить последние дни его жизни и возвратиться, просьбу, поддержанную и пасомыми, среди коих внезапное и тайное удаление его произвело большой соблазн и различные толки, то Григорий «опять пускается в глубину, убоявшись слёзных отеческих угроз, ибо опасно было, чтобы нежность не обратилась в клятву: ибо таково бывает разгневанное простодушие»¹⁶⁷.

Возвращение св. Григория домой и его три первые Слова были началом его пастырской, вообще, и проповеднической, в частности, деятельности.

Это произошло в 362 году. Отсутствие Григория продолжалось недолго: в день таинства — Рождества Христова — он был помазан, в день таинства — Крещения Господня — удалился ненадолго; в день таинства — Пасхи — возвратился¹⁶⁸. Так как его удаление произвело в обществе неблагоприятное впечатление и породило разные толки о причинах удаления, то не без особенного намерения днём своего возвращения он избрал праздник Пасхи, как символ мира, почитая этот день самым приличным временем для примирения с раздражённой против него любовью отца и паствы Назианзской.

Просветимся торжеством, — говорил он в своём вступительном пастырском обращении к народу, — «и обнимем друг друга... Уступим всё Воскресению; простим друг друга, — я, подвергшийся доброму принуждению, и вы, употребившее доброе принуждение»¹⁶⁹. Слегка коснувшись мотивов своего бегства, Григорий восходит к идее праздника и в связи с ней даёт ряд назидательных мыслей. Исходя из события Воскресения Господа из мёртвых, он зовёт и себя и слушателей к обновлению духом, к возрождению, к умиранию для греха и к восстановлению себя в новую тварь. Добровольное предание

Господа на заклятие обязывает и верующих в Него предать самих себя всецело в жертву Богу... «Сделаемся богами ради Его, ибо и Он стал человеком ради нас»¹⁷⁰. Указав, затем на своего отца, как на пример безраздельного служения Христу, отдавшего и себя самого и своё имущество и, что дороже всего, своего сына, св. Григорий убеждает пасомых быть послушными зову их пастыря, которого характеризует евангельскими чертами¹⁷¹.

Казалось бы, что этого вступительного слова, дышащего смирением и любовью о всепрощении, было бы достаточно для того, чтобы примирить возмущённое чувство Назианзцев и умиротворить их, предав забвению случившееся. Но брожение в народе было сильнее, чем думалось. О причинах покорности и перемены в мыслях Григория всякий говорил и думал по своему: (одни одобряли его поступок, другие, водимые своими личными чувствованиями, судили более или менее пристрастно. Одни, например, обвиняли Григория в неустойчивости и легкомыслии, выразившихся в презрительном отношении к Божественным установлениям и к самим избирателям¹⁷². Другие догадывались, конечно, ошибочно, что посвящением на один из низших престолов не удовлетворено честолюбие Григория, желавшего большего, а потому устыдившегося сей низшей степени. Эта догадка была во вкусах того времени, когда люди, скудные благочестием, с неумытыми руками и нечистыми душами, смотрели на престолы, как на предмет соискательства из-за земных выгод¹⁷³. Третьи присовокупляли, что св. Григорий не оправдал возлагавшихся на него надежд, потому что оставили паству без руководства, опасаясь Юлиана, только что воцарившегося тогда. На все такого рода догадки, и несправедливые и обидные, Григорий счёл нужным ответить более подробным словом, в котором изложил причины и бегства своего и возвращения, а также свой взгляд на достоинство и задачи пастырского служения. Разумею классическое «Слово о бегстве»¹⁷⁴, всегда высоко ценившееся Церковью и вызвавшее к жизни и другие подобного же рода труды, как «Слова о священстве» св. И. Златоуста и «Об обязанностях» св. Амвросия Медиоланского.

Но прежде чем произнести это знаменитое слово, св. Григорий Богослов счёл нужным обратиться с обличением «К призвавшим вначале, но не сретившим», — к тем лицам, которые, содействуя возвращению его из уединения, не оказали достаточного внимания к нему и даже не пришли в церковь встретить его и выслушать его вступительное слово.

«Даже как странника не ввели в храм... Для чего то, что желали получить, пренебрегаете по получению, спрашивал он? По-видимому, лучше умеете желать нас, когда нас нет, нежели пользоваться от нас, когда мы с вами»¹⁷⁵. Этим равнодушием и невниманием они так огорчили его, что «и праздник не в праздник сделали »... «Таков закон, по которому удобно пренебрегается всё, что удобно препобеждается».

Указав, затем, на необходимость тесного единения пастыря с пасомыми и особенно в наступившее тревожное время, Григорий просит своё малое стадо оказать ему любовь, равную его любви, чтобы под его водительством, при помощи Св. Духа, пройти царским путём среди искушений и соблазнов. Слово о бегстве и как важен сан священства, и каков должен быть епископ», вероятно, произнесено было только в оправдательной своей части, литературно же была обработано впоследствии. Оно представляет собою особенную ценность, как по обилию и богатству мыслей, так и по художественному выражению их. Открывая своё сердце и его внутренние движения для тех, кто особенно тщательно наблюдал за всеми его поступками¹⁷⁶, пресвитер Григорий, кроме известных уже нам мотивов неожиданности посвящения, приводит новые основания, как своего удаления, так и возвращения. Подробно и картинно раскрывая упомянутые причины, Григорий говорит, что одной из них был, между прочим, низкий уровень духовенства, за которое ему приходилось краснеть, при чём общее стремление к учительству сделалось исключительным пороком его времени. Между тем, «не одно и то же значит водить стадо овец или волов и управлять человеческими душами». Умение пастырствовать таково, что в нём «и глубокая старость—недолговременная отсрочка»¹⁷⁷, «ибо всякий скорее принимает в себя в большей мере малый порок, нежели высокую

добродетель в малой мере». Опасаясь оказаться худым живописцем чудной добродетели, всякий пастырь, а, следовательно, и сам Григорий, должен «не знать даже меры в добре и восхождении к совершенству»¹⁷⁸. А это возлагает на пастыря долг и своего личного совершенствования и заботы о преуспевании в нём пасомых. Сравнив духовное руководство с врачеванием и частное душепопечение с искусством ухаживающего за зверями, приспособительно к свойству и характеру каждого зверя, Григорий одним из могучих средств пастырского воздействия считает «раздаяние слова», но не то «корчемствование» им, которое замечается у суесловов, употребляющих часто слово и для забавы. Вследствие такого взгляда на пастырское служение, уступить поле деятельности желающим прибытков, чтобы самому «раскланявшись с морем и выгодами издали, лучше жить с небольшим и скудным куском хлеба и влачить дни в безопасности и безмятежна чем кидаться в бóльшую опасность и возбуждать смех»¹⁷⁹.

Таким образом, в этом программном Слове намечены основные черты будущего пастырского служения Григория: всё для паствы, ничего для себя; бесстрашная и неумолкаемая проповедь, чистая и беспримесная правдивость, подвиги в уединении и аскетизм в постоянном общении с миром.

На пути открывшегося пастырского служения Св. Церкви Григорию предстояло, прежде всего, позаботиться об уничтожении раскола, произведённого в Назианзской общине неосторожной подписью его отцом полуарианского символа. Раскол был так силен и глубок, что угрожал единству Назианзской Церкви. Отделившиеся завели себе особых священников, поставленных посторонними епископами. Произошёл формальный разрыв, особенно опасный в то тревожное время и угрожавший надолго изгнать мир из епископии Григория. Иного усилия, красноречия и пастырского такта требовалось для излечения нанесённой раны. И мы видим, что св. Григорий оказался на высоте своего призвания, показав правильное понимание духа и нужд времени и глубокую любвеобильную терпимость к согрешившим и обидевшим,

терпимость, ярко характерную во всей его последующей пастырской жизнедеятельности.

Вопросу «О мире и по случаю воссоединения монашествующих» посвящено Слово 6-е¹⁸⁰. В нём, упомянув о предшествовавшем своём молчании, вызванном более чем равнодушным отношением верующих к его проповеднической деятельности, — а св. Григорий в ней то и полагал огромную силу и значение, — с другой, скорбными молитвенными воздыханиями и трудами по поводу разъединения, результатом каковых явилось «отриновение на некоторое время на ряду с другими удовольствиями и самого слова», — Григорий подробно восхваляет блага мира и осторожно касается причин разрыва. «Похвальна ревность по благочестию, говорит он, ибо несогласие за благочестие гораздо лучше согласия какой-нибудь страсти, но, тем не менее, вражду отделившихся похвалить нельзя: всем нужно беречь единство своей Назианзской Церкви, этого, хотя малого стада, но отличавшегося безмятежием и непоколебимостью в православии и державшегося подобно Ноеву ковчегу среди всемирного потопления в арианских смутах. Отверзать двери Церкви в такое опасное время непозволительно. Тем не менее, с возмущившимися братски, а не злонамеренно, Григорий и поступил по-братски: и самих отделившихся, и их, в сущности, незакономерно поставленных пресвитеров, он принял в братское общение, каковой мудрой снисходительностью был обеспечен мир. При том, все знали, что неосторожность подписи была следствием ухищрённых писаний и речений, так как все были уверены в православном образе мыслей своего епископа, чему доказательством служит скорое возвращение отделившихся. «Все знали, объясняет св. Отец, что он не погрешил мыслью, и чернило не очернило его души, хотя и уловлен в простоте, и имея нековарное сердце, не уберёгся от коварства»¹⁸¹. Достоин замечания скромность св. Григория, по которой он всё дело умиротворения относит к молитвам и увещаниям отца, а сам он «помогал только ему, как бы сопутствовал и следил за ним». Таким образом, внутренний мир был восстановлен, недоразумения устранены и

Назианзская Церковь во всё время пастырского служения Григория пользовалась благами согласия.

В то время, когда Григорий занимался умиротворением и благоустройством внутренних дел паствы отца и своей, над горизонтом Церкви Христовой скоплялись чёрные зловещие тучи.

13-го ноября 361 года умер покровитель арианства Констанций, процарствовавши 25 лет. На императорский престол вступил его племянник Юлиан, сын Юлия Констанция, родного брата Константина Великого, от второй жены его Василины, христианки. Спасшийся в христианском храме от смерти во время избиения членов дома после смерти Константина Великого, воспитанный в христианстве, крещённый и даже посвящённый в чтеца, Юлиан перенёс на религию понятную ненависть к убийце его семьи. Рано он стал почитателем язычества, восстановление которого в реформированном виде казалось ему его жизненным призванием. Воспитанный худыми представителями христианства, сначала в одном Каппадокийском замке и переселённый затем в Никомидию, он завязывает здесь тесные сношения с тогдашними учёными представителями язычества Ливанием, Максимом и Фемистием, кои посвящают его в языческие мистерии. В 354 году брат его Галл был убит. Такая же участь грозила и Юлиану. Но заступничество императрицы Евсевии спасло его. Его отправили для окончания образования в Афины, где он и встречается с Григорием, который своим проницательным оком провидел истинную сущность его¹⁸². В 355 году Юлиан был назначен правителем Запада, где он обнаружил большие административные и военные способности и заслужил любовь солдат варваров открытым почитанием древних богов и, в особенности, тавроболиумом, обрядом снятия с себя св. крещения и возвращения к язычеству¹⁸³. Всем этим он достиг того, смерть Констанция открыла Юлиану бескровный путь к единодержавию.

Кратковременное царствование Юлиана — 1 год, 7 месяцев и 14 дней, с 13-го ноября 361 г. по 27-е июня 363 г., — было полно событий, перемен и планов. Все его предприятия имели

одну главную цель — ослабить и уничтожить христианство и возродить древнее язычество. Для достижения этой цели он возвратил из ссылки всех ересиархов, запретил христианам образование у языческих риторов, лишил христиан льгот и удалил их от должностей при дворе и по управлению, как дело, якобы, несовместимое со смирением христианским; вместе с сим он отнимал у христиан

храмы и имущества¹⁸⁴. Для поднятия язычества он употреблял не только свой личный пример приверженности к нему, но и путь возрождения языческих учреждений. Лично он был усерднейшим из жрецов, хотя часто и одиноким. Он, окружил себя учёными софистами, которых успел наметить во время своего образования и которых называл «товарищами»¹⁸⁵. Языческие же учреждения он хотел оживить привнесением из христианства черт благотворительности, монашества, проповеди и проч.

Стремясь уничтожить и унижить Церковь в лице её достойных представителей, Юлиан не оставил без внимания известных ему по Афинам великих Каппадокийцев — Григория и Василия, коих он несомненно почтил бы честью Циклопа, т. е. последних соблюл бы на погибель». Первое столкновение Григория с Юлианом произошло по поводу распоряжения Юлиана об отобрании и уничтожении христианских храмов. Это повеление царя коснулось и Назианза.

«Стрелки, рассказывает св. Григорий, — посланные царём отнять или разрушить у назианзийцев храм, после нападения на многие другие места, с такой же дерзкой мыслью пришли и сюда, и начальник, по царскому указу, стал требовать храма»¹⁸⁶. Но Назианзская паства, во главе с епископом Григорием, так единодушно протестовала против такого насильственного захвата, что воины уступили и не тронули храма¹⁸⁷. К счастью, неожиданная смерть Юлиана в персидском походе прервала сей замысел царя, «этого злого порождения того времени»¹⁸⁸.

Смерть вероотступника произвела, понятно, разное впечатление на его подданных: язычники скорбели, христиане торжествовали и свою радость выражали повсюду в церквях, на

гробах мучеников и даже на зрелищах. Особенно велика была радость в Антиохии, которая, в случае благополучного исхода персидской войны, одна из первых подверглась бы применению новых мероприятий для возвеличения язычества, созревших в голове Юлиана. Для увековечения памяти почившего императора, так много потрудившаяся для восстановления демонического идолопоклонства и для поругания честного имени Христова, лучшие риторы того времени — Ливаний, Каллист и др., составили ряд панегириков Юлиану. В противовес им, св. Григорий, от имени своего и Василия, как лиц, знавших Юлиана и как представителей того красноречия, лишить христиан обучения которому пытался он, «за этот удар ногою», посвятил два обличительных Слова на царя Юлиана¹⁸⁹, с целью «пригвоздить к позорному столбу постыдные деяния его и воздвигнуть ему памятник выше столпов Ираклиевых, который бы обличал изменника и устрашал других отваживаться на подобное же восстание против Бога»¹⁹⁰.

Хотя Слова эти св. Григорий обещался создать не по подражанию мерзким речам и суесловию», т.-е., не по правилам языческого ораторства, ибо «вся сила и учёность века сего во тьме ходит и далека от света истины»¹⁹¹, однако, по существу, они представляют собой образец судебных речей того времени, так как составлены по плану произведений этого рода. В Первом Обличительном Слове св. Григорий, воздав Богу благодарение за избавление Церкви от гонителя и указав библейские примеры чудесного вспомоществования Божия своему народу, шаг за шагом излагает жизнь и факты христорборческой политики Юлиана и изображает процесс постепенного развития в нём христоненавистнических начал, по мере знакомства его с языческой литературой и с участием в разного рода волхованиях, гаданиях и суевериях. Такая подробная история злодейства под личиной кротости и злонравия должна была, по мысли автора, остаться для потомства тем же, чем бывает надпись на памятнике.

Во 2-м Слове св. Григорий излагает обстоятельства последних месяцев жизни Юлиана и его смерти, повествует о его стараниях натравить на христиан иудеев, о замыслах,

связанных с персидским походом, и даёт общую оценку его личности и деяний.

Исключительные по слогу и настроению, речи эти могли бы дать повод обвинять их автора в недостатке корректности, в отсутствии христианского смирения, в запальчивости суждения, — чувствах, столь чуждых св. отцу. Но сделать это нет особенно прочных оснований. В самом содержании Слов проведена всюду возвышенная нравственная тенденция, а объяснение фактов жизни Юлиана обставлено, большей частью, мыслями христианского нравоучения. Автор сам заявляет, что он говорит по закону, который повелевает не радоваться падению врага, и что от того, кто устоял, требуется сострадание»¹⁹². Св. Григорий зовёт, далее, современных христиан не к отмщению, что естественно было ожидать, а к всепрощению. «Простим во всём, говорит он, и чрез то соделаемся лучше наших обидчиков и станем выше их»¹⁹³. Если же Св. Григорий не находит возможным сказать об отступнике ни одного хорошего слова, то это понятно: христиане не могли простить Юлиану того переворота, которого причиной был он, гонясь за осуществлением гибельной химеры — восстановить язычество. Нужно принять в соображение и обстоятельства того времени, когда соблазна, произведённый Юлианом, был весьма силен и опасен для Церкви. В этом случае св. Григорий был только выразителем общественного мнения своего времени. Правдивые резкие отзывы и яркие порицания, являясь отголоском ужаса, возбуждённого в христианах преследованиями Юлиана, были, пожалуй, необходимы в целях удержания слабых христиан от сочувствия язычеству. Для язычников же пример Юлиана был ясным показателем тех результатов, к которым ведёт возвращение к старой языческой религии. Поэтому, чувства негодования оратора вполне понятны. Если-бы, наконец, в Словах св. Григория и было что-либо обидное для Юлиана, то нужно принять во внимание, что во время борьбы на жизнь и на смерть между христианством и язычеством и невозможно требовать хладнокровной оценки язычества со стороны христианских учителей.

С 368 года, с произнесения или составления помянутых двух Слов на царя Юлиана, до 369 года, до надгробного Слова младшему своему брату Кесарию, св. Григорий не произносил Слов. Обет безмолвия, о котором он говорит в надгробном Слове Кесарию¹⁹⁴, был наложен им на себя из-за той же любви к уединённо-созерцательной жизни, которая препятствовала ему идти на поприще общественного служения. Возможно, что кроме этой аскетической, так сказать, причины, у св. Григория были и другие цели, — например, научить слушателей быть более внимательными к его пастырскому слову или показать любителями пустых словопрений и богословствований, что к слову Божию надо относиться благоговейно. Попытаемся изобразить деятельность св. Григория в эти шесть лет на основании тех немногих данных, которые, хотя отчасти, открывают завесу рассматриваемого периода жизни и деятельности Григория.

В это время св. Григорий принимал деятельное участие в делах митрополии Кесарийской и в судьбе своего друга, св. Василия Великого.

В 362 году предстоятелем Кесарийской Церкви был избран Евсевий. Его избрание разделило народ и епископов на множество партий и возбудило неудовольствие Юлиана, с войском приближавшегося в то время к городу. Епископы, крестившие и поставившие Евсевия, лишь только разъехались, как начали сговариваться уничтожить сделанное и свергнуть Евсевия, выбранного, якобы, не по закону. Очевидно, ими руководили своекорыстные расчеты: из-за раздоров на митрополичьем престоле они желали извлекать свои выгоды, хотя, несомненно, действовали в руку еретиков-ариан. От имени отца, участвовавшего в поставлении Евсевия, св. Григорий дал твёрдый и решительный ответ против предложения пересмотреть эти дела, чем и восстановил колебавшийся мир в Кесарийской Церкви¹⁹⁵.

Между тем, царь приближался к городу, и его положение было «как бы на острие бритвы». Областной начальник, недружелюбный новопоставленному, угрожающе писал рукополагавшим епископам и, конечно, Григорию старшему,

чтобы они обвинили Евсевия. Ответ Григория, составленный, несомненно, его сыном, удивил своей смелой правдивостью не только начальника, но и царя. В нём слышится твёрдая защита права Церкви решать вопросы внутреннего самоуправления самостоятельно и независимо от вмешательства власти гражданской. «Достопочтенный правитель», — писал Григорий, — «мы во всех своих делах имеем Единого Судью и Царя, против Которого ныне все восстают... Для вас удобно сделать нам насилие..., но никто не отнимет у нас права располагать собственными нашими делами»¹⁹⁶. Юлиан уступил такому отпору.

Но если в этих делах участие св. Григория было косвенным, как соединённое с поступками отца, то в деле св. Василия Великого св. Григорий показал себя среди пастырей Церкви твёрдым и мудрым блюстителем правды и мира.

В 363 году св. Василий Великий внезапно был рукоположен в пресвитера. С ним повторилась та же история, что и со св. Григорием. Смущённый, он ищет сочувствия и поддержки у друга, который и оказывает ему эту услугу.

«И ты взят в плен, писал ему св. Григорий, как и я, — ты включён в список. Хотя обоим нам по сердцу любомудрие тихоходное, но пока не уразумею домостроительства Духа, надобно терпеть и не посрамить, как надежду возложивших на нас своё упование, так и собственную нашу жизнь»¹⁹⁷

А надежды, действительно, возлагались большие. Неопытный в богословии и нетвёрдо державшийся на престоле, Евсевий в молодом блестящем ораторе и богослове Василии Великом искал поддержки, и помощи в несении бремени пастырских трудов. И он нашёл её. Василий Великий, хотя занимал второе место по кафедре, но фактически обладал первенством¹⁹⁸: он был у предстоятеля добрым советником, правдивым предстателем, истолкователем слова Божия и самым верным и деятельным работником. Но вскоре Евсевий в рассуждении св. Василия подвергся человеческой немощи: он стал завидовать славе и популярности своего пресвитера, горячие чувства к нему начали охладевать и он даже лишает св. Василия пресвитерства. По совету Григория, Василий удаляется

в Понтийское уединение, куда на некоторое время сопровождает его и Григорий. Удаление Василия произвело в Церкви Кесарийской раскол. Монахи, любившие Василия за благочестие и ораторство и имевшие Евсевия на подозрении, вследствие его поставления, возмутились и отделились от Евсевия.

Но кроме этой внутренней смуты, Церковь Кесарийская подверглась «вдруг налетевшей градоносной туче, угрожавшей пагубой всем Церквам, над которыми разразилась». Разумеется «златолюбивейший и христоненавистнейший царь» — Валент (364–375 г.), занявший престол императора Востока после краткого царствования Иовиниана (27 июня 363 г. — 16 февраля 364 г.), преемника Юлиана, и оставивший по себе в церковной истории печальную память своим арианством и преследованием православия¹⁹⁹. Новый царь, трусливый и мнительный, всецело подпал влиянию придворных ариан, — епископа Евдоксия (он же и крестил Валента в 367 г.) и жены царя Альбы Доминики. Всё это не обещало Церквам мира, а, напротив, сулило гонения и разорения. Об этом и свидетельствует Григорий, когда называет Валента «гонителем после гонителя, хотя не отступником, но хуже отступника», и мрачными красками описывает его преследования христиан²⁰⁰.

Положение Евсевия Кесарийского, при предстоявшей борьбе с арианством и при внутреннем раздоре, было настолько затруднительно, что он обратился за помощью к Григорию с приглашением его на соборное совещание. Пользуясь этим обстоятельством Григорий в трёх письмах к Евсевию смело и правдиво доказывает несправедливость его поведения по отношению к Василию и умоляет примириться с ним ради восстановления мира церковного и возвращения к себе ревностного слуги, предлагая себя в роли посредника²⁰¹. «Приглашая меня и унижая Василия, пишет он, ты поступаешь почти так же, как если бы кто одного и того же человека стал одной рукой гладить по голове, а другой бить по щеке, или, подломав основание дома, начал расписывать его стены и украшать наружность²⁰². В то же время он склоняет и Василия оставить пустыню «ради времени этого и их зверей,

нападающих на Церковь», и зовёт его к Кесарию в виду происшедшей к лучшему перемены в расположении Евсевия, охотно вызываясь, если нужно, быть его споспешником и спутником»²⁰³. Такими братскими усилиями св. Григорий примирил Василия с архиепископом и восстановил мир в Кесарийской Церкви.

Ревнуя, затем, о славе Божиих Церквей, св. Григорий всеми мерами старался обеспечить им наиболее лучших и образованных служителей. Так, например, св. Григория Нисского он осуждает за намерение оставить должность чтеца и заняться профессией ритор, и тем возвращает в клир. «Что с тобою сделалось, мудрый муж», недоумевает он? «За что прогневался ты сам на себя, бросив священные удобопиемые книги, а взяв в руки солёные и неприемые, и захотел лучше именоваться ритором, нежели христианином?» Св. Григорий скорбит и за себя, и за него и за весь священный чин, и за всех христиан²⁰⁴.

Особенно много беспокоился св. Григорий судьбой; единственного брата своего Кесария, который, обладая прекрасными знаниями в естественных науках, занимал должность придворного врача, увлекался мирской жизнью и не намеревался, по-видимому, посвятить себя служению Церкви. Так как Кесарий служил даже при дворе Юлиана и, как видно не собирався оставить его, то св. Григорий в письме к Кесарию убеждает его ради чести Церкви Назианской и её престарелого святителя, отца их, отказаться от скверных стяжаний, возвратиться, домой и удовольствоваться тем, что есть у них, т. е. доходами с имения²⁰⁵. И забота о душе его, и опасение за достоинство пастырей руководили здесь св. Григорием, тем более что поведение Кесария набрасывало тень и на всю семью епископа, и огорчало его, давая повод к соблазну. «И епископский сын ныне ещё на службе домогается мирских чинов и славы, уступает над собой победу корыстолюбию не щадя своей души» — могли говорить пасомые²⁰⁶. Доводы св. Григория возымели свою силу, и Кесарий оставил придворную службу. Но через некоторое время он вновь занял место царского казнохранителя в Никее. Вскоре здесь произошло землетрясение, погубившее имущество Кесария, но

пощадившее его самого. Пользуясь сим, св. Григорий убеждает брата всецело посвятить себя Богу, отказавшись от мира²⁰⁷. В этом деле помогал ему и св. Василий Великий²⁰⁸. Неожиданная смерть Кесария в 368–9 году, кроме того, что повергла св. Григория в скорбь и была испытанием для его христианских чувств», возложила на него новую заботу о раздаче имущества Кесариева бедным, согласно воле умершего, и об управлении его делами²⁰⁹.

Хотя страсть — не дело любомудрия, но св. Григорий открыто признавался Филагрию²¹⁰ что «любит всё Кесариево». Поэтому, ради Кесария он нарушил обет безмолвия и посвятил его памяти надгробное слово²¹¹. В этом слове св. Григорий утешает свою семью в постигшем его горе, восхваляет радости будущей жизни, старается умереть скорбь по умершем и присоединяет молитву к Господу о милостивом принятии почившего, как начатка их семьи²¹².

Заботы об исполнении воли Кесариевой наложили на св. Григория новую тяжёлую обязанность возиться с такими делами, которые были ему не по душе и в доме отца, каковы: наблюдение за слугами, уплата повинностей, посещение судебных мест, толкание на рынках и пр. Тяжесть эта увеличивалась от злоупотребления дурных людей, которые, пользуясь смертью Кесария, расхитили и завладели его имуществом²¹³. Св. Григорию пришлось ходатайствовать об охране, имущества, обращаться к правителям, словом, погружаться в дела, с пастырством ничего общего не имеющие²¹⁴.

Чрез несколько месяцев Господь послал семье св. Григория новое испытание: умерла единственная сестра его Горгония, бывшая в замужестве за Алипием, начальником города Иконии. Св. Григорий говорит и ей надгробное Слово²¹⁵, в котором уделяет больше места не столько похвалам умершей, сколько урокам живым, потому что «цель всякого его Слова и дела — вести к совершенству тех, которые пастырю вверены»²¹⁶.

В этом Слове св. Григорий высказывает свой взгляд на девство и супружество и указывает на примере Горгонии, как можно сочетать одно с другим; здесь же он обличает нравы

современного общества вообще и женщин в частности. Это — первые обличения, которые вышли из уст св. Григория-пастыря.

У Горгонии остались три дочери. Св. Григорий принимал близкое участие в их судьбе и в судьбе их детей: учил

их, ходатайствовал за них, вразумлял их и помогал им²¹⁷.

Насколько тяжело отозвались на душе св. Григория пережитые им треволнения, насколько тяготили его земные заботы, претившие его душе, это видно из «Стихов о себе самом», в коих св. Григорий, оплакивая смерть Кесария, с удовольствием вспоминает о понтийском уединении, со времени которого он умер для мира, а мир для него, и «стал дышащий мертвец». Возвращение обратно к прежним правилам жизни св. Григорий и жаждет, предавая себя, впрочем, всецело воле Божией²¹⁸.

Между тем, обстоятельства Кесарийской Церкви снова требовали участия в них авторитетов небольшой Назианзской Церкви — престарелого, почти столетнего её епископа Григория, славного своей жизнью, и его сына — пресвитера св. Григория, уже известного Кесарии своими качествами по делу примирения Евсевия с св. Василием Великим.

В июне 370 года Евсевий умер. Предстояло избрать ему преемника, что при тогдашнем состоянии Церкви, угрожаемой арианами, и стремлении многих недостойных лиц к начальствованию, было нелегко. Искатели престола вошли в соглашение с порочными людьми и своей завистью и противоборством возбудили смятение по сему поводу²¹⁹. Нужно было опасаться стремления ариан провести своего кандидата. Тогда св. Василий Великий письмом приглашает к себе св. Григория, имея, быть может, в виду выставить его одним из кандидатов на епископскую кафедру. Не надеясь, чтобы св. Григорий пришёл в Кесарию в такое неприятное для него время, как споры при избрании епископа, св. Василий Великий допустил хитрость, он вторично вызвал св. Григория под предлогом своей болезни. Св. Григорий поспешил в Кесарию, но, узнав по дороге об истинной причине вызова, вернулся домой и написал другу гневное письмо, в котором укоряет его в недостатке истинно дружеских чувств²²⁰. Вместе с тем, он

принимает энергичные меры к тому, чтобы провести избрание в епископы самого св. Василия Великого, как наиболее достойного и полезного Церкви человека он посылает от имени своего отца два послания народу и епископам Кесарийской области, в коих, ссылаясь на болезнь, препятствующую ему лично прибыть на выборы, напоминает о важности и святости епископского сана и рекомендует в епископы св. Василия Великого, как наидостойнейшего кандидата, которому предпочесть кого-либо было бы и невозможно и несправедливо». Чтобы заручиться согласием большего числа епископов на избрание св. Василия Великого, св. Григорий пишет два письма Евсевию Самосатскому, прося его авторитетной поддержки, а после благодарит за сочувствие²²¹. Когда же обстоятельства потребовали личного присутствия в Кесарии отца, сын убеждал его, больного, отправиться туда, успокаивая его тем, что если постигнет его на дороге и смерть, то попечительность сия о благе церкви составит для него прекрасную погребальную ризу²²². Труды обоих Григориев увенчались успехом: партии успокоились, св. Василий Великий был избран и рукоположен. Григорий старший получил даже облегчение от своего недуга, «оправдав сказание, что труд дарует здравие, ревность воскрешает мёртвых и скачет старость, помазанная Духом»²²³.

Нечего и говорить, какой радостью наполнилось сердце св. Григория за друга своего, св. Василия Великого, когда состоялось его избрание, и как ему хотелось бы видаться с ним. Но здесь то и высказалась та дисциплина духа, которая заставляла его жертвовать своими чувствами ради блага Церкви. Все ожидали, что св. Григорий поспешит к новому епископу и займёт около него почётное место, «судя о других по своим нравам»²²⁴. Но св. Григорий остался дома и свою радость по поводу избрания св. Василия Великого изложил в поздравительном к нему письмом, в коем объяснил те причины, которые «обязывают его беречь свою и его честь, а потому и сидеть дома». Вместе с тем он звал св. Василия Великого к себе²²⁵. Вероятно, св. Василий Великий обиделся на св. Григория за непосещение, о чём и написал ему. Св. Григорий

отвечает восторженным письмом, в коем называет св. Василия Великого «оком вселенной, звучным гласом и трубой, палатой учёности», вспоминает совместную жизнь в Афинах, а обвинение в презрении считает одинаковым обвинению в безумии²²⁶. Вскоре затем он пишет св. Василию Великому новое письмо, в коем извещает о болезни «государыни матери, при коей он безотлучно сидит», почему и не может отлучиться в Кесарию. Для болящей же просит молитв о выздоровлении²²⁷.

Наконец, желание друзей видеться исполняется: св. Григорий приходит к св. Василию Великому. Но он не принимает от него никакой почести и отказывается от предложения вступить на кафедру, — т.-е. сделаться викарием у св. Василия Великого или занять место первого пресвитера²²⁸. Одоблив доводы св. Григория, св. Василий Великий отпустил его домой, а сам энергичными пастырскими мерами успокаивает страсти своей паствы, удачно опровергает еретиков-ариан и благоустраивает свою Церковь. Но в виду нашествия Валента, шедшего с целью уничтожить православные церкви и усилить ариан, св. Василий вновь вызывает св. Григория для подкрепления в предстоящей борьбе от которой он ждёт себе только беды — изгнания или смерти, и печалуется, что св. Григорий не проводит с ним бóльшей части года²²⁹. Св. Григория задержал в Назианзине тот же Валент, посетивший сначала их город и получивший твёрдый отпор от епископа и народа. Поспешив затем в Кесарию, св. Григорий был очевидцем мужественного и геройского стоятельства св. Василия против гонителя и торжества его над царём²³⁰.

Вступление св. Василия Великого на Кесарийскую митрополию имело важные последствия в последующей жизни св. Григория: с этого времени и почти до смерти св. Василия она в главных своих событиях зависела от св. Василия, не только как от друга, но и как архиепископа Кесарийского, под властью которого находился св. Григорий по месту жительства и служения в Назианзине.

Вскоре по вступлении св. Василия на Кесарийскую кафедру, император Валент разделил Каппадокию на две части — первую и вторую. Напрасно св. Василий старался сохранить

церковное единство: честолюбивый епископ главного города второй Каппадокии — Тиана, Анфим сразу же восстал против своего бывшего митрополита и начал посягать на его права, удерживая подати и даже задержав однажды в горных проходах около Сасима мулов самого св. Василия²³¹. «С сего времени, замечает св. Григорий, брань от мира прекратилась, но начинается другая брань — уже от епископов и их сподобников; и в ней много бесславия, а ещё больше вреда, подчинённым»²³². Честолюбивому и своекорыстному Анфиму легко было склонить на свою сторону большинство епископов, недовольных св. Василием за его правую веру (часть их склонялась к полуарианству) и за его твёрдое и нелицеприятное служение. Митрополия разделилась: из 50 хореепископов у св. Василия В. осталась едва половина. Властолюбие Кесарийского митрополита было сильно затронуто: оно отторгло от него целую половину провинции и лишало больших доходов²³³. Но что всего обиднее, так это то, что свои эгоистические расчёты Анфим и отделившиеся епископы оправдывали заботой о спасении души, о чистоте веры, хотя всё это служило только прикровением ненасытимости, а истинной причиной было «любоначалие, сборы и поборы, от чего весь мир приходит в жалкое колебание»²³⁴. К этому присовокупляли правило, что не должно платить дани не православным, т.-е. св. Василию, «хотя не православен тот, по словам св. Григория, кто оскорбляет нас»²³⁵.

И разрыв, и самые причины его не могли не волновать и не огорчать св. Василия. Св. Григория, для которого всё, что касалось св. Василия было и его делом²³⁶, поспешил утешить и успокоить друга²³⁷. Для св. Григория спорный вопрос решался очень просто: он видел, что причиной раздора служит зависть, которая причиняет огорчение, она же измышляет для своего оправдания софизмы, обычные у стяжателей. Но мнению св. Григория, св. Василий Великий не должен этим ни смущаться, ни волноваться, а тем более предпринимать что-либо, недостойное любомудрия и обоих друзей; св. Василий должен быть остаться непоколебимым, быть выше всех этих дрызг и как бы высокой волной сразить злоумышления. Св. Григорий

выражал готовность лично приехать, на совет, «если только море имеет нужду в воде, а Василий в советнике»²³⁸.

Так думал св. Григорий. Но св. Василий был другого мнения. О различии их характеров мы уже говорили. Там, где женственной, восторженной натуры св. Григория свойственно было уступать, твёрдому властному характеру св. Василия открывалось новое поле действия во благо Церкви. Вот и здесь: умаление хореепископов св. Василий думал увеличить открытием новых епископских кафедр. Этой мерой постигались три цели: увеличивалось число работников на ниве Божией, каждому небольшому городу давались полномочные права и, наконец, уничтожалась вражда с Анфимом. Несомненно, что св. Василий Великий при этом имел в виду при назначении новых епископов избирать людей только строго православных и не заражённых теми болезнями, коими болело духовенство того времени.

Одним из таких небольших городков, намеченных в резиденцию хорепископа, был, между прочим, Сасимы, затерявшийся среди горных проходов, пограничный с территорией новой Тианской митрополии, — «место безводное, не произрастающее и былинки, лишённое всех удобств, селение ужасно скучное и тесное... Там всегда пыль, стук от повозок, слёзы, рыдания, собиратели налогов, орудия пытки, цепи, а жители — чужеземцы и бродяги»²³⁹.

Епископом для такого пограничного пункта между двумя митрополиями нужен был человек преданный св. Василию, сильный в слове и не ищущий земного благополучия. Таким, по мысли св. Василия, только и мог быть его друг св. Григорий. Однако, судя по-человечески, назначение на такое место можно было объяснить, или нерасположением к св. Григорию или, по меньшей мере, охлаждением их горячей дружбы. Но св. Василий, никогда не щадивши себя для блага Церкви, был далёк от подобных соображений, он знал стремление и любовь св. Григория к уединённо-созерцательной жизни, но держался того мнения, что приносить себя в жертву, когда потребует того нужда Церкви, есть долг» всякого члена Церкви, а пастыря — по преимуществу. Вероятно, вышеприведённое письмо 43-е²⁴⁰,

в котором св. Григорий предлагал прибыть на помощь к св. Василию, давало последнему уверенность в том, что теперь св. Григорий, судя по неоднократным предложениям разделить с ним бремя пастырского служения, наконец, не откажется от фактического участия в делах митрополии и примет место епископа Сасимского. Что же касается незначительности самого места, то взгляд свой на этот вопрос св. Василий высказал в письме к епископу Самосатскому. И мне было бы желательно, пишет он, чтобы Григорий управлял Церковью соразмерно его силам, а таковой была бы разве вся воедино совокupленная под солнцем Церковь. Но так как сие невозможно, то пусть будет епископом не по месту уважаемым, но доставляющим уважение месту. Ибо в подлинном смысле велик тот, кто не только достаточен для великих дел, но силой своей и малое делает великим²⁴¹.

Так относился св. Василий к факту назначения св. Григория в Сасимы. Как видно, здесь нет места обвинению Василия ни во властолюбии и сребролюбии, ни в нетактичности, самопревозношении или других чувствах, к св. Григорию, как это хотят видеть некоторые²⁴², на основании тех горьких жалоб св. Григория, которые раздались из его уст.

Невыразимо сильно и больно отозвалось на св. Григории избрание его в епископы. Неожиданность призвания к делу, для прохождения которого он чувствовал себя недостаточно подготовленным, увеличивалась изумлением относительно самого места служения, Сасим, неудобных для всякого служения вообще, а для епископского в особенности, вследствие вышеуказанных недоразумений с Анфимом. «Не знаю, что его побудило и чем он увлёкся, поступив недостойно живущего в нём Духа — говорил он о св. Василии²⁴³. Сразу представилось св. Григорию, что св. Василий, вознесшись на митрополию, забыл дружбу и смотрит на него, как на рядового пресвитера, обязанного ему повиноваться.

«Что же с тобой сделалось?», вопрошал он заочно св. Василия Великого. — «За что ты вдруг бросил меня в такую от себя даль? Да погибнет в мире закон дружбы, которая так мало уважает друзей... Вот что принесли мне Афины, общие

упражнения в науках, жизнь под одной кровлей, питание с одного стола, один ум, а не два в обоих, удивление Эллады и взаимные обещания, как можно дальше отринуть от себя мир, а самим жить общей жизнью для Бога, успехи же в слове принести в дар Единому премудрому Слову! Всё рассыпалось! Всё брошено наземь! Куда бежать? Разве вы, дикие звери, примете меня к себе? У них, думаю, более верности... Вчера мы были львы, но теперь я стал обезьяной, а ты почти, что лев. Если бы так смотрел на всех своих друзей, то не надлежало бы, по крайней мере, тебе смотреть так на меня, которого, бывало, предпочитал ты прочим друзьям, пока не вознёсся за облака и всё стало ниже тебя»²⁴⁴.

Особенно возмущало св. Григория то обстоятельство, что св. Василий раньше выражал сочувствие его мечтам исполнить после смерти родителей Евангельский совет о добровольной нищете и сделаться гражданином всякого места. Св. Василий приветствовал эти мысли, хвалил их, но, при всём том, возвёл его на епископский престол, «в другой раз запнув²⁴⁵ его в этом». Св. Григорию думалось, что большего бесславия и вреда не могли бы сделать ему даже злейшие враги. Действительно, все знавшие дружбу и услуги св. Григория св. Василию, находили поступок последнего, по меньшей мере, неприличным. «Но вспоминать о сделанном добре прилично тому, кто им пользовался, но неприлично тому, кто его сделал»²⁴⁶.

Св. Григорий не находил в себе сил подчиниться св. Василию, и решительно отказался от Сасим. «Что справедливо было бы сделать мне? Скажите перед Богом» – рассуждал он. «Терпеть? Принять на себя все удары бедствий? Идти (в Сасимы), не взирая ни на что? Погрязнуть в тине²⁴⁷ и физической и нравственной, в бесплодных препирательствах?» Принятие Сасим казалось св. Григорию источником бедствий: оно разлучило бы его с родным кровом, так дорогим ему, с престарелыми родителями, покоить старость которых было теперь целью его жизни; оно, дав ему в управление нищий народ, сделало бы нищим и его самого, лишив возможности исполнять обязанности благотворения и принятия странных; оно, наконец, потребовав от св. Григория много всяческих

трудов, дало бы в награду не розы, а терния, потому что для этого места и для этой цели нужны другие люди, а не такие, каков он. «Требуй от меня великодушия в другом чём — если хочешь, отвечал он св. Василию, а это предложи тем, которые премудрее меня»²⁴⁸.

Но над «непобедимым» св. Григорием было произведено насилие: он уступил не убеждению, но принуждению²⁴⁹. Он, оказался в таком положении, что с какой бы стороны не стал изображать свою жизнь, везде было для него жало. Узнав о несогласии св. Григория принять назначение, св. Василий приходит в Назианз, чтобы личным присутствием убедить св. Григория. Он простирает к нему руки, целует его и умоляет, чтобы он не оставался на низшей степени, но, трудясь вместе с ним, облегчил бы его труды. И каких только не употреблял он убеждений. Св. Григорий держался. Но когда к доводам св. Василия присоединил свои мольбы и увещания отец, сын не устоял. «Тебя, любезнейший из сыновей, умоляет отец, юного молит старец, служителя молит тот, кто и по естеству и по двоякому закону твой владыка... Того домогаюсь я, продолжал отец, — чтобы сделать тебя другим Аароном и Самуилом, досточестным предстателем Богу. Ты, сын, принадлежишь Даровавшему тебя. Не обесчести меня, чтобы и к тебе был милостив Единый Наш Отец. Прекрасно моё требование, по крайней мере, оно отеческое. Ты не живёшь ещё столько на свете, сколько прошло времени, как я приношу жертву Богу, Сделай мне эту милость, сделай, или другой предаст меня гробу. Такое наказание определяю я за непокорность. Подари немногие дни останку моих дней, а прочей своей жизнью располагай как тебе угодно»²⁵⁰.

Чьё сердце могло выдержать такой натиск? Сколько нужно мужества, чтобы вынести отеческий гнев? Вероятно, и Нонна употребила свои материнские мольбы, чтобы склонить своего боязливого сына к принятию того высокого сана, к которому она так благоговела. Всё это рассеяло тугу душевную св. Григория, и он рассудил, «что нет ещё большой беды во избежание кафедры, исполнить желание отца». Вероятно, его сердце чувствовало, что Господь сохранит его от тяжёлого испытания

ехать в Сасимы, где ему, ставленнику митрополита, а не народа, пришлось бы переносить многостороннюю войну. Тогда вопрос облегчался, «ибо это, (посвящение в епископы), думал он, не удержит (в Сасимах) против воли меня, которого не связывают (с ними) ни наречение, ни обещание». «Вот до чего довёл меня превозмогшей страх», вспоминал он впоследствии²⁵¹.

После таких размышлений, св. Григорий «подклонил свою выю, хотя не подклонился духом». Само посвящение, по описанию св. Григория, происходило так. Св. Василий извёл новопосвящаемого на средину и посадил с собой; затем, делает сообщником забот и венцов: помазывает его в первосвященники, облакает в подир, возлагает на него кидар, приводит к жертвеннику всесожжения, приносит в жертву тельца освящения, освящает руки Духу, вводит во святая святых и соделывает служителем церкви Божией²⁵².

Здесь же, в присутствии отца и св. Василия, св. Григорий говорит «Слово по рукоположению, краткую импровизацию, дышащую горением духа и искренностью чувства»²⁵³.

«Снова на мне, помазание и Дух, и опять хожу плача и сетую», так начинается его речь. Оратор трепещет и сетует за немощь души, пришедшей в такое близкое прикосновение с Богом в посвящении. Он боится оказаться органом худым и ненастроенным, помня, что в самом возвышении иные часто были низлагаемы. Всё случившееся для него то же, что блеск молнии для ребенка она, производит удовольствие, смешанное с ужасом. Он жаждет, ищет быть истинным пастырем и просит научить его сему. «Научи меня, обращается он к рукоположившему его, своей любви к пастве, заботливости, неусыпности... Скажи, на какие пажити водить стадо... Кого пасти палицею и кого свирелью. Как вести брань с волками и как не вести брани с пастырями, особенно в нынешнее время... Помоги стать добрым пастырем, а не худым»²⁵⁴. Как видно из приведённых выдержек, св. Григорий Богослов с благоговением и трепетом приступал к пастырскому служению, которое представлялось ему самым высоким на земле служением. В последствии мы увидим, что и практическое прохождение

пастырского служения, и теоритическое учение о нём было осуществление мыслей, высказанных в этой речи при посвящении.

Рукоположение св. Григория происходило в половине 372 года. Оно, по словам его самого, было началом бедствий. «Отсюда низринутись на меня все неудобства и замешательства в жизни. От сего не мог я быть любомудрым»²⁵⁵. Не будучи человеком твёрдого характера и не имея сил бороться с более повелительными натурами, св. Григорий думал, что позволив себя посвятить, он допустил слабость, о которой потом всегда сожалел. Этого сожаления и скорби не истребило в нём и самое время, хотя оно, как лучший целитель ран, и умалило горечь их.

После хиротонии в епископа, св. Григорий, как и в первый раз, при посвящении в пресвитера, удалился в пустыню для подкрепления своего духа и для подведения итогов случившегося. Его душа, измученная треволнениями борьбы, жаждала уединения и созерцания. И когда это уединение его успокоило, он возвратился к отцу и произнёс в присутствии св. Василия второе Слово²⁵⁶. Из этого Слова видно, что тщательное и спокойное размышление по поводу случившегося дало св. Григорию возможность не так сурово обличать своих притеснителей, которые его, любящего пустыню, как едва ли любит кто другой, и употреблявшего все усилия скорее уклониться от общей бури и праха, под благовидным именем священства, предали на сие беспокойное и злокозненное торжище душ, от чего немало зол и потерпел и надеется ещё потерпеть»²⁵⁷.

«Нет ничего сильнее старости и достоуважаемое дружества», так начинает св. Григорий своё защитительное Слово. Ими приведён к вам я, узник о Христе, связанный не железными веригами, но неразрешимыми узами Духа». Упомянув, далее о том, что теперь он привязан к служению, хотя жаждал покоя, св. Григорий передаёт о своих предположениях скудостью и неизвестностью в здешней жизни приобрести себе малую обитель в жизни будущей. Но покорённый сединою отца и дружбою столь благочестивого

человека, каков св. Василий, он отлагает гнев по случаю внезапного посвящения и спокойно смотрит на руку, сделавшую ему насилие. Он теперь переменяет свои мысли и сам переменяется, и обвиняет не посвятивших его, которые, в сущности, «не могли терпеть, чтобы талант оставался сокрытым и закопанным в земле, а светильник под спудом, почему и не позволили остаться ему внизу, но обвиняет сам себя за своё высокоумие или, скорее, безумие. «Исповедав своё недостойнство, он вверяет себя водительству Божию²⁵⁸. Теперь он готов извинить и св. Василия, который, поступая с ним принудительно, «мудрствовал выше, нежели по-человечески, во всём поступил по духу, и, умея уважать дружество, не оказывали ему уважения только там, где надлежало предпочесть Бога и чаемому отдать преимущество пред тленными²⁵⁹.

Вскоре св. Василий, не имея возможности дольше быть с св. Григорием, уходит домой, но присылает вместо себя брата своего св. Григория Нисского «для утешения скорбящего друга и для умиротворения его с Духом». В присутствии гостя, св. Григорий произносит 3-е Слово, в котором, воздав должное чувствам, дружбы и сравнив св. Василия и Григория с Моисеем и Аароном, укоряет прибывшего за то, что тот пришёл позже, чем требовала нужда, и выражает готовность, «дать отчёт в своих поступках, чтобы доказать, что он не вовсе безрассуден и невежда, но смел в том, что достойно смелости, и боязлив, где есть место страху, и где не бояться всего страшнее для имеющего ум». Затем, исполняя свой пастырский долг, он беспокоится о том, чтобы не отпустить слушателей голодными, и даёт ряд наставлений о необходимости освящения и борьбы с искушениями. Своё Слово он оканчивает молитвенным обращением к Богу о ниспослании ему дара пасения словесного стада Христова²⁶⁰.

Однако, наступившее мирное настроение духа св. Григория вскоре было нарушено, чего и опасался св. Григорий. Анфим не хотел так легко, как предполагал св. Василий уступить Сасимов, пункта пограничного и, потому, спорного. Он не задумывался и над средствами борьбы. Насильственно завладев этим

городом, он и уступить его мог только силе. Таким образом, предстояло, кровопролитие. Нечего и говорить, как всё это претило миролюбивому духу св. Григория. Его опять одолевают тяжёлые мысли о бесполезности и суетности всех человеческих забот и о радости благ любомудрия. Если он тяготился распоряжением отцовским имуществом, если пастырство он принял как бремя, то, что могло побудить его вступать в тяжбу и брань с властолюбивым Анфимом и, при том, из-за Сасимов, незначительного местечка, не представляющего из себя особой ценности ни в иерархическом, ни в территориальном отношении? Душа св. Григория не выдержала такого разлада, и он отказывается исполнить приказание св. Василия ехать в Сасимы, а убегает «в горы и пустыни, ищет безмолвия душевного и телесного, уходит умом в самого себя, отвращается от чувств, чтобы неосквернённом беседовать с Богом и чистому озаряться лучами Духа без всякой примеси дольного и омрачённого»²⁶¹.

Поступок св. Григория возмутил св. Василия. Он шлёт ему гневное письмо, укоряет в лености и нерадении, указывает ему на его подчинённое положение, — словом, берedit ту старую рану, залечить которую стоило ему стольких трудов и усилий. Св. Григорий отвечает св. Василию Великому двумя письмами²⁶². «Укоряешь меня в лености и в нерадении, — пишет он, — потому что не взял твоих Сасимов, не увлёкся епископским духом, не вооружаюсь вместе с вами, чтобы драться, как дерутся между собой псы за брошенный им кусок. А для меня самое важное дело — безмолвие... Величие духа в этом поставляю законом для всех, и думаю, что если бы все подражали мне, то не было бы беспокойств Церквям, не терпела бы поруганий вера, которую всякой теперь обращает в оружие своей любопытности»²⁶³.

Но св. Василий этим ответом не удовлетворился и повторил свои обличения.

«Ужели не перестанешь хулить меня, как человека необразованного, недостойного дружбы и самой жизни, возражает св. Григорий во втором письме. Устал я, слушая упрёки тебе и защищая тебя пред людьми, знающими наши

отношения и говорящими, что, по употреблении в дело, я брошен, как самый бесчестный и ничего не стоящий сосуд, или как подпорка под сводами, которую, по складке свода, вынимают и считают за ничто... А я выскажу, что на душе, не посердись на меня. Не буду приискивать оружия, и учиться военной хитрости, которой не учился и прежде. Не буду подвергать себя нападениям бранноносного Анфима. Но сражайся с ним сам, если угодно, или ищи людей, которые будут сражаться... Какая нужда вступать в борьбу из-за млекопитающих и птиц, и притом за чужих, как будто идёт дело о душах и об уставах Церкви? Для чего митрополию лишать славных Сасимов? Ты мужайся, преодолевай, а я от твоей дружбы приобрету одну выгоду, что не буду верить друзьям и ничего не стану предпочитать Богу»²⁶⁴.

Вопрос о Сасимах для св. Григория был решён... В отношении их он считал себя «свободным: он вовсе не касался данной ему Церкви, ни однажды не совершил там служения Богу, не молился с народом, не возложил рук ни на одного из клириков»²⁶⁵. Последующая история с Сасимами показала, насколько прав был св. Григорий в своих воззрениях на это дело. Вскоре Анфим, желая покончить и позорную для епископов и соблазнительную для верующих борьбу из-за «Сасимских болот», прибыл в Назианз, но, не успев склонить обоих Григориев на свою сторону и укорив их в приверженности к св. Василию, сделал чрез св. Григория письменное предложение св. Василию на соборном обсуждении размежевать границы обеих митрополий²⁶⁶. На это св. Василий впоследствии согласился, уступил Сасимы и восстановил с Анфимом общение.

Однако, и в этот раз св. Григорий недолго оставался в уединении, он нужен был престарелому отцу, чтобы «юная рука его служила опорой руке старческой»²⁶⁷; он нужен был народу, ибо «несколько людей благоговейных напали на него и не переставали заклинять возвратиться, угрожая успехами множества людей богомерзких»²⁶⁸. Св. Григорий не стал «отказываться от любезного ему престола великого его родителя, ибо несправедливо было бы противиться Божиим

уставам». Он уступил молениям отца²⁶⁹ и возвратился в Назианз, чтобы быть сопастырем отцу, но отказался быть ему преемником²⁷⁰.

«Для чего стал нужен сопастырь тебе» — спрашивал он, обращаясь к отцу в Слове при поручении попечения о Назианзинской Церкви. «Для чего требуешь для себя жезла и подпоры»? И разъясняет, что, будучи ещё бодрым и духом и телом, он делает это не для плотских целей, а для блага своей Церкви. Затем, в обращении к пастве, изобразив своё стремление к уединению для совершенствования, столь необходимого для тех, кто целью жизни поставляет очищение образа в большем числе людей (т.-е. для пастыря ради пасомых), он объясняет причины своего уклонения, а также и возвращения, чтобы разделить попечения с добрым отцом, «как с большим и высокопарным орлом летающий близь него не вовсе неопытный птенец». По мысли св. Григория, хотя право наследовать отцовы труды, однако, «полезнее и безопаснее начальствовать желающим и над желающими. Тем более, что пастырское служение есть не столько начальство, сколько детовождение, а потому всего более требует свободы в избрании пасомыми пастырей и обратно. «Ибо тайна спасения для желающих, а не для насилуемых». Открыв, затем, собранию «тайну своего сердца» и выразив готовность служить Назианзу, пока не явится возможность «предать крылья свои Духу нести его, куда угодно и как угодно», св. Григорий заканчивает Слово молитвой к Св. Духу, и выражает необходимость и готовность раскрыть подробно истину о Его Божестве²⁷¹.

Так состоялось временное водворение св. Григория на Назианзской кафедре. Будучи рукоположен на Сасимскую кафедру без избрания народа и клира и не имея возможности по вине противоборствующих занять её, он остаётся епископом без определённой кафедры, не щадя, однако, своих сил для борьбы с еретиками и охотно являясь всюду, куда только направит его Дух чрез ревнующих о благе Церкви людей.

К св. Василию Великому он старался сохранить прежние дружеские отношения и всячески защищал его имя от нареканий

что видно, например, из того ближайшего факта, что когда на каком-то собрании один монах, в присутствии св. Григория, обвинял св. Василия в неправом учении о Св. Духе, а защищавшего его св. Григория — в робости, чем произвёл соблазн среди присутствовавших²⁷², и св. Василий, уведомлённый о сем св. Григорием, выразил своему другу неудовольствие за слабую защиту его²⁷³ и, то св. Григорий оправдывается, что, сообщая о происшедшем, он поступил просто «по обычному благорасположению», предоставляя ему «самому поправить дело, а не гневаться на советников, и изъявляет готовность быть у св. Василия и помогать ему по мере сил²⁷⁴. Необычайная уступчивость и благородное смирение нового епископа способны были устранять всякие недоразумения и осложнения.

Преданность св. Василию и делу Церкви св. Григорий вскоре высказал своим участием в поставлении Евлаля в епископа Доарского, — города, тоже оспариваемого Анфимом. В Слове, по сему поводу произнесённом, он, именуя св. Василия главой и святым, хотя и потерпел от него обиду, ободряет рукоположенного «на безбоязненное служение пастве, которую приводят к нему ангелы», хотя и наследует он престол при различных искушениях и испытаниях. «Ничто великое не бывает без искушения и испытания, говорит он, ибо, по естественному порядку, маловажное сопровождается удобством, а высокое — трудностью. Пусть кричат враги, — мы не будем вести, брани. Ибо служение епископа — служение мирное. Для предотвращения же недоразумения епископу надо приобретать благоискусство»²⁷⁵.

Епископское служение св. Григория Богослова на Назианзской кафедре продолжалось недолго — с 372 по 375 год. Всё это время прошло у него в усердной пастырской деятельности и непрестанных заботах о пастве. Посмотрим, на основании имеющихся в творениях св. Григория данных, как он проходил своё пастырское служение в этот период.

Являя в личной своей жизни образец скромности и смирения, доходящих до того, что он отказывается проповедовать в присутствии отца²⁷⁶, будучи послушлив и воле

Божией и родителям, что особенно сказалось в вопросе о посавлении в епископы, всей душой склонный к аскетизму и отрешённости от всяких земных благ и преимуществ, св. Григорий близко к сердцу принимал все нужды своей паствы, жил её жизнью, радовался её радостями, скорбел её скорбями, обращая при том все случаи пастырской жизни в предмет для духовно-нравственного назидания пасомых. Он равно заботился о благе, как всей своей паствы, так и об отдельных её членах. Поэтому, Назианзский период деятельности св. Григория может быть назван временем нравственно-практической его деятельности в отличие от Константинопольского периода, догматико-полемиического.

В пастырской деятельности св. Григория в данный период наше внимание останавливает его поведение во время общественных бедствий.

373-й год был очень тяжёлым для Назианза. Засуха и моровое поветрие предшествовавшего года расстроили экономическое благосостояние жителей. Необычайный град в 373 г. совершенно опустошил поля и жатву. Предстоял голод. Самочувствие народа было весьма подавленное. Горе паствы было невыразимо. Престарелый её пастырь Григорий-старший, за свою почти пятидесятилетнюю службу сроднившейся с народом и не видевший средств помочь ему, был так поражён бедствием, что безмолвствовал от скорби и только возносил к Богу горячую молитву о помиловании людей. Бедствующая, унывавшая паства ждала слова утешения, ободрения и наставления. Св. Григорий выступает со своим пастырским Словом²⁷⁷. В нём, указав на непорядок выступления на кафедре сына в присутствии отца и на преимущество мудрого отцовского слова в сравнении с его, обильным, но малоопытным, оратор приступает к разъяснению главного вопроса, откуда происходят в мире несчастья, неурожаи, тлетворные ветры, грады и др. бедствия? Испытывая праведные суды Божии, он находит, что бедствиями Бог наказывает нечестивых за грехи и даёт познать силу Свою в злостраданиях. Средство для привлечения милости Божией — слёзное раскаяние в грехах, этих наших обвинителей, и

хождение по путям Божиим. Но к страданиям пасомых пастырь не может быть глух. Однако, предаваясь скорби и своим примером поучая народ сокрушению о грехах и исправление жизни, пастырь является спорушником Божьего человеколюбия, превосходящего людские беззакония, ибо перенесение бедствий тогда благотельно, когда ведёт к исправлению. «Не то тяжко, чтобы терпеть удары, но гораздо тяжелее не уцеломудриться под ударом». Пастырь является стражем Божьего вразумления. Посему и св. Григорий, исполняя должность стража, открыто исповедует Богу грехи своей паствы и подвигает её на доброделание. Особенное внимание он уделяет богатым людям, купцам скупщикам хлеба и жизненных припасов, выжидающих тяжёлых времён для своего обогащения. Бичуя их сребролюбие, этот идольский порок, и уподобляя ненасытимостъ богачей соломоновой пьавице, он зовёт их к милосердию. Слово оканчивается общим призывом к усердной молитве Богу с обещанием исправиться²⁷⁸. Таким образом, общественное бедствие даёт пастырю удобный случай призвать людей к очищению от нравственных пороков, вызвать у них покаянное чувство и уврачевать их сердца указанием на единственный источник благоденствия — Божие милосердие, которое привлекается только покаянием и исправлением.

Но помянутым бедствием испытания Назианзийцев далеко не кончились. Вскоре народ, обедневший от неурожая и градобитий, возмутился против своих властей из-за насильственного сбора податей, казавшихся ему особенно обременительными в это бедственное для него время. Возмущение вызвало строгие меры правительства, и зачинщикам мятежа грозила строгая кара. Испуганный народ прибегает к защите своего епископа, надеясь, что из-за уважения к личным его качествам, градоправитель не откажет в ходатайстве и пощадит их. Народ даже укрылся от наказания в храме. И св. Григорий не только не отказался от защиты и ходатайства, но принял все меры к тому, чтобы ему, «убогому пастырю» возвратить на истинный путь малое стадо, с которым в радости радоваться, и в печали стенать повелевает закон пастырского служения²⁷⁹. В Слове, произнесённом в

присутствии градоправителя и властей, св. Григорий высказывает замечательное пастырское благоискусство, примиряя враждующие стороны и обеим преподавая нравоучительные наставления. «Бедствия, говорит проповедник, обычное явление в жизни человеческой, постоянно изменяющейся и самой изменяемостью приводящей нас к постоянному Божьему промыслению о нас. Благоденствие человеческое так же ненадёжно, как писанное на воде, или как кружение ветра. Доверяться ему нельзя, и те поступают благоразумно, кои и в счастье и в несчастье, во всякое время и при всяком случае, ограждают себя благой надеждой, помнят при ясном небе о ненастье и во время бури о кормчем, а не обращаются к Богу только во время наказаний. Посему, не должно падать духом. Что касается настоящей причины бедствия, то нужно покоряться начальствующим, существующим для общего благоустройства. Власти установлены Богом и истощать их милосердие опасно. Своими противленьями им люди только примешивают к мёду полынь». Значение властей оратор выясняет сравнением. «Один Христос, говорит он, но для одних Он спасение, для других — гибель. Один начальник, но не исполняющие своих обязанностей, а негодующие на начальство, похожи на тех кто, погрешая против законов борьбы, винил бы раздаятеля награды, или кто обвинял бы врача за прижигания и надрезывания, необходимые по свойству болезни». Такими рассуждениями св. Григорий показал народу, что он сам виновен в своих несчастьях, а к сердцу градоправителя открыл доступ для своих последующих слов.

Обращаясь, далее, к властям, он указывает на то, что они сами подчинены его пастырскому влиянию и потому слову пастыря должны внимать. По мысли св. Григория, для начальствующего спасение заключается в самом отношении к власти и мечу, данным не столько для действия, сколько для угрожения. Имея над собой Высочайшего Начальника — Бога и помня о своём ответе пред Ним, в руках начальника величайшее благо — «быть богом, ничего не сделав, ибо в человеке всего более божественно то, что он может благодетельствовать»... «Не пропускай же случая к обожению»,

увещает он. Земля носит много чужих долгов... Мы все виновны. Поэтому, простим, чтобы и нас простили, отпустим, чтобы и самим испросить отпущение». Приведя своих просителей к «наилучшему из начальников», пастырь просит дозволения у него победить его... человеколюбием²⁸⁰.

Ходатайство св. Григория имело успех и примирило враждующих. Да и чего не может сделать ревность пастыря, озарённая Божьей благодатью? Как прекрасно и глубоко поучительно это Слово, дышащее истинной пастырской любовью к враждующим! Как оно действенно своим верным психологическим анализом их душевных состояний!

Третьим несчастьем для Назианзийцев, после голода и мятежа, явилась перепись народа, порученная некоему Юлиану, школьному товарищу св. Григория. Пастырская заботливость о народе не замедлила проявиться и здесь. Нечего и говорить, какое важное значение для тяготившегося непомерными и неравномерно распределёнными налогами между богатыми и бедными классами населения Назианза, истощённая неурожаями и эпидемией скота, имел вопрос о переписи и соответствующем ей уравнивании податей. Взимание податей всегда было камнем преткновения и соблазна, часто служившим поводом к междоусобным распрям и кровопролитиям. Уравнять подати между слоями населения значило умиротворить его.

И вот св. Григорий пользуется этим случаем для того, чтобы умиротворить паству. В силу школьного знакомства с начальником переписи Юлианом, св. Григорий в трёх письмах к нему²⁸¹ ходатайствует о справедливом и человеколюбивом обложении налогами его паствы, просит не вменять ему и его пастве каких-то недоразумений с его родственником Никовулом и жалуется, что болезнь лишает его возможности лично прибыть для свидания и беседы. Проникнутый уважением к св. Григорию, Юлиан приглашает его тайком приехать в один из близлежащих монастырей на совещание по данному вопросу и, в особенности, для исправления прежде допущенных ошибок в переписи. Не имея возможности, за болезнью, воспользоваться таким приглашением для активного участия в деле распределения податей, св. Григорий возлагает всё на совесть

Юлиана и даёт ему совет относительно выбора надёжных помощников. Когда же Юлиан прибыл в Назианз, то св. Григорий с церковной кафедры произносит Слово²⁸², в котором с высоким одушевлением подробно развивает христианский взгляд на задачи жизни и на взаимные права и обязанности людей. В этом Слове, указав на преимущество молчания, пастырь ставит и разбирает вопросы, в чём цель жизни. « Не в забавах, мелкой славе, ложном благоденствии, подобных дыму и сновидениям, отвечает он, а в подвигах на позорище мира для стяжания нетленных венцов, к каковым мы призваны своим званием. Мы должны здесь стяжать добродетели, чтобы наполнить ими горние области.

Это плодоприношение, по силам каждого, должно начинаться с созидания ещё на земле святого духовного храма Христова, для чего каждый человек и каждое сословие должно принести свой дар. Этот дар — любовь, милосердие и снисхождение, которые должны царствовать во взаимных отношениях людей, и тогда чрез оказанное нами малое добро мы обогатимся там». После этих общих правил и наставлений, пастырь обращается к производящему перепись с напоминанием о важности дела, ему порученного, о необходимости в ведении его помнить заповеди Христовы, ибо «Бог всегда входит в важнейшие распоряжения правительства». Отсюда и он переписчик — только слуга Божий, перепись же есть особый вид служения Ему, почему он и должен быть достойным сей великой чести.

Памятование о переписи первой, при рождении Христа, и переписи последней, — «в книгу живых», должно быть руководящим началом для него при совершении своего дела²⁸³.

Нельзя не заметить, как умело пользуется св. Григорий всяким поводом в пастырской жизни для того, чтобы обратить его в случай пастырского назидания, попечения и извлечения из него урока или наставлений. И, при том, всё это делает он без всякой натяжки, искусственности, вычурности. Нравственное приложение является у него логическим выводом из хода речи, а, потому, и убедительным и действенным.

Заботясь о своей пастве, св. отец не оставлял попечение о людях и лицах, особенно нуждавшихся в его поддержке. Нашего внимания заслуживает, например, отношение св. Григория к нищим, бедным и нуждающимся, этим клиентам Церкви по преимуществу. И эту сторону пастырского служения прекрасно освещают творения св. отца. Из них мы видим, что по любви к бедным и, в особенности к прокажённым, довольно многочисленным, более всего возбуждающим жалость и оставляемым людьми без личного участливого сострадания, св. Василий Великий вблизи Кесарии устроил богадельню, прозванной по его имени Василиадой и привлекавшую внимание даже императоров. Глубоко сочувствуя заботам друга, св. Григорий всемерно заботился о привлечении к ней внимания христиан, преимущественно же состоятельных, благодаря приношениям которых только и жило это учреждение. Для этой цели св. Григорий произнёс «Слово о любви к бедным», одно из своих лучших слов, блещущее ораторским остроумием и полное оживляющих его бытовых черт²⁸⁴. В нём как прекрасно описание важности и величия любви, наивысшей

из добродетелей, так трогательно изложение внутренние и внешние положения нуждающихся, а в особенности прокажённых, которых все стараются избежать. К прокажённым, по мысли св. отца, по преимуществу должно быть сострадательными. «Это тело, говорит оратор, когда хорошо ему, поднимает» войну, а когда воюю против него, подвергаю в скорбь... Это — ласковый враг и коварный друг. Но хотя я винил его, однако о нём мы должны заботиться, и особенно должно плакать и соболезновать о телесных страданиях братьев наших», так невыразимо тяжело страждущих и от физической боли и от нравственной муки при всеобщем пренебрежении к ним. «Кто нежнее отца? Но для сих отверженных закрыто и родительское сердце»²⁸⁵. Обличая современное ему общество в преступном равнодушии к этим несчастным, пастырь противопоставляет горемычную жизнь несчастных с пресыщенной жизнью окружающих их людей и ублажает тех, кто помнит заповедь о благотворении и ей покупает себе вечные блага. При этом, он не забывает опровергнуть мысли тех, которые в ниспосланных

страждущим несчастьям хотят видеть карающую руку Божию, а в своём благоденствии — милость Божию, ибо «судьбы Божии неисповедимы». Слово оканчивается призывом к сердечному вниманию к бедным.

Должно присовокупить, что призывая других к благотворению, он сам не оставался зрителем нищеты: считая личное имущество епископа достоянием бедных, он продал самое ценное, что было лично у него, — риторические книги, чтобы раздать нищим вырученное²⁸⁶. Чтобы вполне оценить значение этой жертвы, должно вспомнить, как глубоко любил св. Григорий занятие риторским искусством и как дороги были ему, поэтому, эти книги.

Было бы весьма ошибочным думать, что указанными случаями всецело исчерпывается вся пастырская деятельность св. Григория в рассматриваемое время²⁸⁷. Хотя он и любил уединение и всемирно старался обеспечить себе возможно большее безмолвие, но он не отказывался, как мы видели, от жизни, не считал не соответствующим своему сану и стремлению входить в нужды пасомых. Если мы обратимся к многочисленным письмам св. Григория, то будем изумлены его отзывчивостью на всевозможные требования, ему предъявляемые. Нет, кажется, положения, нет дела, в которое св. Григорий не внёс бы частичку своей деятельной любви к нуждающимся в ней. Из сохранившейся его переписки, относящейся к этому времени, мы видим, например, что св. Григорий просит Амфилохия, судебного ходатая, принять на себя защиту дела Евфалия и Никовула²⁸⁸. Когда же Амфилохию угрожало наказание за ошибку по службе, он ходатайствует о нём пред ипархом Софронием, о том же просит брата Кесария, знакомого с придворными сферами, и знаменитого ратора Фемистоклия, «царя красноречия»²⁸⁹.

Или вот он укоряет св. Григория Нисского за намерение оставить должность чтеца и заняться риторством, а потом утешает его, когда он, по проискам еретиков, подвергся изгнанию²⁹⁰. Аерия и Алипия он убеждает исполнить волю матери, завещавшей часть имения Назианской Церкви²⁹¹.

Начальника переписи Юлиана просит об освобождении от налогов членов клира²⁹². Симпликию убеждает прекратить распри с Церковью из-за раба²⁹³. Семейный разлад племянника Никовула из-за его недовольства малым ростом его жены Алипианы улаживает остроумными доводами²⁹⁴. Виталиана убеждает оставить дурное сообщество, препятствующее ему быть у него²⁹⁵. Язычника Евтропия располагает к христианству своей перепиской с ним²⁹⁶. Рекомендует высокопоставленным лицам и ходатайствует пред ними о нуждах обращающихся к нему по многообразным поводам²⁹⁷. Каждому ходатайству св. Григорий умеет придать обоснованность, умеет сказать и найти подходящее сближение, которое, не умаляя авторитета просящего, побуждало-бы к исполнению своей естественностью и простотой. Достоинство, благородство и чистые намерения просящего были достаточной порукою для благополучного разрешения ходатайства. Так, в заботах об удовлетворении всевозможных нужд людских протекала жизнь св. Григория.

В 374 году умер столетний отец св. Григория, Григорий старший, 45 лет прослуживший Церкви в священном сане и пользовавшийся большим уважением и в среде епископов и в окрестностях Назианза за свою благочестивую жизнь. Смерть он встретил в молитвенном положении и с молитвой на устах²⁹⁸. «Умер счастливый, благочадный архиерей и отец архиерея, добрый пастырь, кроткими нравами воспитавший Христа большую часть стада»²⁹⁹, написал сын отцу в надгробие. Своего отца «ушедшего в последний путь, с которого уже не возвратится»³⁰⁰, Григорий похоронил в им же самим устроенной церкви, и его памяти посвятил похвальное Слово, произнесённое в присутствии св. Василия, прибывшего отдать последний долг почтенному старцу и утешить скорбящего друга.

В этом слове, составленном по правилам похвальных того времени слов, довольно пространным, сын излагает биографию отца, останавливаясь на выдающихся её моментах и выводя из них уроки благочестия. Пастырская деятельность почившего, его участие и авторитет в делах Кесарийской Церкви, его аскетическая личная жизнь с ночными бдениями и трудами, его влияние на паству особенно останавливают на себе внимание

оратора. В Слове имеется обращение к высокому гостю, на суд которого оратор отдаёт своё произведение, и к матери, которую он утешает брэнностью тела, предназначенного к разрушению, и естественностью смерти, страшной только именем, а не самым делом. Одна для нас жизнь, говорил он, стремиться к жизни, одна смерть — грех, потому что он губит душу³⁰¹. Для матери другим утешением в разлуке должно сложить и скорое свидание с почившим в загробной жизни. Между прочим, в этом Слове интересно сравнение отца с Авраамом, матери с Саррой, а себя с Исааком³⁰².

Свою скорбь по случаю смерти отца св. Григорий вылил в письме к Амфилохию, опечаленному разлукой с сыном, поставленным в епископа Иконийского. Св. Григорий, по мнению Амфилохия, не принял мер отговорить его от принятия епископского сана. «Тебя печалует, что похищен у тебя сын и удостоен почести за добродетель. А мне не горько, что отец пошёл в последний путь, с которого уже не возвратится, и я не увижу его более! После этого ни мало не жалею, не требую должного уважения, зная, что собственные свои несчастья не дают времени позаботиться о чужих, а нет человека, столь дружелюбного и любомудрого, писал св. Григорий, чтобы был выше страданий и стал утешать другого, когда сам имеет нужду в утешении».³⁰³

Высказанная св. Григорием в похвальном Слове отцу мысль о близости срока переселения и матери скоро осуществилась. Нонна, любившая более всего храм и храмовые молитвенные собрания, предстоятелем в коих она

видела столько долгих лет то мужа, то сына, в храме же, близком и родном ей, «сложила с себя любезное сыну тело, держась за священные доски трапезы». «Прииди, услышала она голос, и, охотно отрешившись от тела, со словами: «будь милосерд, Христе Царю», она переселилась духом на небо»³⁰⁴. Матери св. Григорий надгробное похвальное Слово не говорил, но посвятил ей 35 эпитафий и множество мелких элегического содержания стихотворений.

Тайна смерти, дважды открывшаяся ему в такой короткий промежуток, наложила на уста его печать молчания и навела на

ряд новых чувствований. Пред ним открывалась новая эра его жизни. Св. Григорию казалось, что его обязанности и земной интерес со смертью дорогих лиц окончились. Сохраняемый в жизни как будто нарочито для того, чтобы проводить на место вечного упокоения брата, сестру, отца и мать и напутствовать их надгробными речами, теперь он, думалось ему, может всецело предаться у единению и безмолвию, к которым стремился давно, но воспользоваться коими ему препятствовали дорогие чувства — сыновнее почтение к родителям и родственная любовь к брату и сестре. К тому же, отношение св. Григория к Назианзской кафедре не были для него формально обязательными. В продолжение краткого времени он имел о ней «некоторое попечение, но имел, как человек сторонний и о Церкви чужой»³⁰⁵. Всегда желавший — уступить престол желавшим, а самому всю жизнь быть учеником³⁰⁶, св. Григорий теперь это же самое объявил и епископам, от глубины сердца прося у них, как дара, поставить кого-нибудь епископом осиротевшей кафедры. Он приводил в доказательство, что не принимал управления Церковью по выбору и гласному наречению и что им лелеется давняя мысль — бежать от дел и друзей. Но напрасно он старался убедить епископов: одни по великой к нему привязанности, другие, быть — может, по высокомудрию, хотели взять над ним верх. На св. Григория посыпался ряд жалоб и упрёков, что он оставляет Церковь без попечения. «Клир вопиет, многие бранят, как человека, который ни во что ставит дела церковные»

Св. Григорий не выдержал такого натиска любви к нему паствы и согласился временно остаться. Но тяжёлая болезнь не позволившая ему свидеться с уважаемым защитником православия — Евсевием Самосатским, во время его следования во Фракийское заточение³⁰⁷, бремя управления при церковных нестроениях, личное подавленное состояние, потрясённое перенесёнными ударами, отсутствие надежды на заботы епископов о замещении Назианзской «малой и бедной кафедры», того, что св. Григорий в 375 году «беглецом пошёл в Селевкию, ко храму прославляемой девы Фёклы, рассуждая что, может быть, таким средством, когда утомит епископов

время, они убедятся отдать бразды Назианзской Церкви другому ³⁰⁸. Но св. Григорий не нашёл в ней желаемого успокоения: ни одна из ожидаемых выгод не осуществилась. Болезни не оставляли его, дела, которых он думал избежать, «как к сроку, явились к нему в великом множестве»³⁰⁹. Три-четыре года, проведённые в монастыре св. Фёклы, не были временем отдыха жалуюсь на болезнь, препятствующую ему видаться с церковными деятелями, он зовёт их к себе, заочно даёт советы, поддерживает их в борьбе с еретиками, просит обо всём писать ему и под.

Тяжёлые заботы и печальные церковные обстоятельства навевают на его душу мрачные думы. «Телом я болен, старость над головой, забот скопилась куча, дела задавили, в друзьях нет верности, церкви без пастырей, доброе гибнет, злое наружи, надобно плыть ночью, нигде не светят пути указательные огни. Христос спит. Что мне надобно претерпеть? Одно для меня избавление от зол — смерть. Но тамошнее страшно, если гадать по настоящему.

Измученный путник жаждет упокоения. Но промысл Божий указывает ему совершить ещё ряд деяний, которые, являясь блестящей страницей в книге его жизни, отмечены в истории Церкви периодом героической борьбы за православие и составляют одно из её прекрасных сказаний.

Глава 3-я. Константинопольский период пастырской деятельности Григория

Религиозно-нравственное состояние цареградского столичного населения. Положение православия в Константинополе. Задача пастырского служения в нём. Прибытие Григория в Константинополь. Дом Алипианы. Храм св. Анастасии. Черты пастырской деятельности Григория в Константинополе; молитвенные собрания: проповедь слова Божия. Слова: о поставлении епископов и о догматах св. Троицы; похвальное св. Афанасию, два слова о мире, пять слов о богословии, о соблюдении порядка в собеседовании, против Ариан. Анализ всех этих слов. Нравственно-практическая деятельность Григория. Его жизнь домашняя и общественная. Характеристика отношений к окружающим. Противодействие Григорию со стороны врагов православия. Разбойническое нападение 21 апреля 379 года. Инсинуации по адресу Григория и их опровержение. Характер отношения Григория к еретикам и врагам. Укрепление православия, как результат пастырской деятельности Григория. Новые испытания. Дело Максима Циника и его последствия. Временное удаление Григория в сельское уединение. Слово по возвращении. Вступление императора Феодосия в столицу и его религиозная политика. Ввод православных во владение храмами столицы. Торжество православных над арианами. Поведение Григория в отношении двора и властей. Слово о самом себе. Месть ариан: покушение на жизнь Григория. Проповедническая деятельность его в этом периоде. Второй Вселенский Собор и Григорий во взаимных отношениях. Мелетий и дело Антиохийской кафедры. Прибытие Египетских епископов. Отказ Григория от Константинопольской кафедры. Прощальная аудиенция у императора. Прощальное слово Григория и оставление Константинополя

«Ясный знак, что человек не держится
правой веры, если он не согласен в вере
с Григорием» (Ex Rutini Migne c. c. s.
gr. t. 35 c. 35).

«Когда Владыке нашей жизни угодно стало и то, чтобы явил я Слово и Дух на других чуждых, необработанных поросших тернием нивах, тогда я, малая капля, напоил великий народ»³¹⁰, — так говорит св. Григорий о своей деятельности в Константинополе.

Что представлял собой Константинополь того времени? «Природа не произвела *двух солнцев*, но два Рима, два светила для целой вселенной, древняя и новая держава. Они тем только различаются между собою, что один там, где возсиявает солнце, а другой — на Западе. Но что до красоты, они в красоте не уступают друг другу; и если спросить об их вере, один с давнего времени шёл добрым путём; другой был прежде правошествен, но теперь не таков, напротив же того, погряз в бездне погибели после того, как город Александрия послал от себя мерзость запустения — Ария»³¹¹.

Такими словами характеризует св. отец значение Константинополя среди тогдашнего мира и его положение на православном Востоке. Наследовав от первого Рима идею преимущественного господства среди остальных городов вселенной и перенеся на себя центр тяжести тогдашнего политического мира, Византия, новый Рим, наследовала и ту моральную атмосферу, формы быта и жизненного уклада, кои господствовали в прежней столице империи. Приток богатств со всего мира, двор с его роскошью и интригами, раньше нажитые привычки, так же портили нравы в новом Риме, как и в старом. Знать римская, силой вещей и переселением перенесённая с берегов Тибра на берега Босфора, принесла с собой и свои прежние вкусы, и строй жизни. Если древняя простота и чистота нравов исчезли ещё в Риме, то здесь, ближе к Востоку, жизнь проявлялась в большей полноте и разнообразии. Изобретение удовольствий разного рода и страсть к ним, казалось, не знали для себя никаких границ. Подобно римлянам, и здесь требовали больше всего хлеба и зрелищ. Театры, цирки, игры составляли насущную потребность всех классов общества. Нравы и привычки современников св. Григория описывает в таких чертах: «живя в великолепных домах, разукрашенных золотом, серебром, всякого рода камнями, дорогой мозаикой и

прекрасною живописью, они любили одеваться в мягкие, пышные, воздушные ткани из тонкого льна и шелка. Роскошно одетые, они, обыкновенно, с важностью возлежали на высоких ложах, покрытых дорогими коврами. Пол часто и безвременно посыпали благоухающими цветами, а стол орошали дорогим и благовонным миром для большего раздражения неги; юные слуги в красивом порядке и строю, с распущенными, как у женщин, волосами, и в таком убранстве, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза, предстояли, услуживая и опахивая... Нужно было, чтобы все стихии — и воздух, и земля, и вода — в изобилии доставляли свои дары жадному и неблагодарному чреву, как будто стыдясь, что их не будут почитать порочными людьми и рабами чрева, и того, что ещё хуже чрева»³¹². Особенной любовью к роскоши отличались женщины с их пристрастием к дорогим камням и золоту, с цепями на руках и ногах, домогавшиеся только того, чтобы нравиться многим мужчинам. Для этой цели они «строили у себя на голове башни из накладных волос, вплетали в кудри золото, украшали их гребнями, расписывали лица, следуя примеру распутных женщин, чтобы, будучи такой расцвеченной, розопестрой, сводить с ума молодых людей»³¹³.

Очевидно, языческие начала жизни ещё крепки были в обществе и в сознании новопросвещённых христиан и легко могли уживаться с основами новой религии, к которой они часто принадлежали более по имени, чем по самому духу. Но что всего опаснее, так это то, что свои мирские обычаи люди внесли в жизнь церковную. Высшим наслаждением ставившие софистические споры, греко-римляне, как любили называть себя обитатели Византии, и от церковных ораторов требовали напыщенных и ласкающих слух речей, театральных приёмов, ведя себя и в церкви, как в театре, рукоплеская им или иными способами шумно выражая своё одобрение или порицание оратору. С другой стороны, и среди духовенства, для снискания популярности и для угождения толпе, появлялись, к сожалению, такие пастыри, которые потворствовали вкусам её.

Было бы несправедливо сказать, что греческой народ только в этом отношении к внешней стороне веры полагал

христианскую религию. Нет, истины веры привлекали греческий ум данного периода и очень много занимал его, хотя этот интерес выражался более в пытливых теоретических рассудочных определениях религиозных положений, чем в сердечном влечении к усвоению и воплощению их в жизни. «Народ греческий, говорит профессор Барсов, по природному складу своих духовных сил по преимуществу спиритуалистический, образованный классически, резвившийся на философии, ораторской диалектике, не мог сосредоточиться всеми своими духовными силами на христианстве, когда оно в качестве доктрины предстало пред ним во всём своём привлекающем и поражающем величии для образованного гения в этом учении представилась новая свежая и обильная пища»³¹⁴. Но беда в том, что все принялись рассуждать о вере, а не жить по вере. Не жизнь по вере, а определение вероучительных истин было целью богословских занятий. Из области сердца и ума религия стала достоянием только ума и умствования. Из письма св. Григория к св. Василию о споре на пиру с одним монахом по поводу неточного Васильева выражения о Св. Духе можно уже видеть, как интересовали и занимали общество тогдашние теоретические религиозные вопросы³¹⁵. Св. Григорий Нисский оставил нам классическую картину страсти современников к словопрениям, заразившим весь Восток. «Иные вчера и сегодня, — рассказывает он, — оторвавшись от трудовых занятий, стали какими-то внезапными преподавателями богословия, иные, быть может, беглые слуги, не раз бичёванные, с важностью любомудрствуют у нас о непостижимом. Всё в городе наполнено такими людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это — торгующие платьем, денежные меняли, продавцы съестного. Ты спросишь об оволах, а он любомудрствует тебе о Рождённом и Нерождённом. Хочешь узнать о цене хлеба, а он отвечает тебе, что Отец больше, а Сын у Него под рукой. Если скажет, что пригодна баня, решительно говорит, что Сын из ничего. Не знаю, как надлежит назвать это зло бредом или сумасшествием, или какой повальной болезнью, которая производит помешательство в рассудке»³¹⁶. Сам св. Григорий Богослов об

этой же страсти к богословствованию сурово отзываясь в Слове 1-м о богословии. «Ныне все стали вдаваться в нелепые и странные мудрования и игратья ими, в виду только одно — задать или решить какой-нибудь вопрос и походят на зрелищных борцов... Всякая площадь оглашается их речами. На всяком пиршестве они наводят скуку пустословием; во всяком женском тереме, этом убежище простодушия, нарушают предложением вопросов спокойствие и поспешностью в слове похищают цвет стыдливости»³¹⁷. Так, во все сферы жизни проникла страсть к словопрениям и волновала умы и сердца. Результатом постоянных споров о вере само собой появилось то явление, которое св. отец называет «двуязычием и непостоянством». «Ныне один престол, одна вера, завтра подует противный ветер, и престолы и вера будут у нас разные. Любовь к спорам делает (спорящих) то такими, то другими, как приливы и отливы на море»³¹⁸. Привычка спорить без конца, без разумения того, что доступно и что недоступно наследованию и выше сил человеческих, совсем унизили самый предмет веры. Из церквей споры перешли на улицы, на зрелища, сделались тем же, чем были «ристания на конях», и стали достоянием театральных представлений такого города, «который обыкл обращать в забаву и достойное похвалы, не говоря уже о смешном самом по себе»³¹⁹.

Это «языкоболие» не признанных богословов, для которых довольно только захотеть, чтобы стать мудрыми, обильно питалось существованием в Константинополе многочисленных сект, оспаривавших друг у друга право на точное определение догматов веры. Правда, при начале господствовавшей в IV веке ереси арианской, Константинополь был предохранён от неё своим святителем Александром; его преемник Павел, много раз ссылавшийся и, наконец, умерщвлённый еретиками был таким же ревнителем православия, как и св. Афанасий Великий в Александрии. Но затем, на протяжении почти сорока лет³²⁰, константинопольская кафедра при могущественной поддержке арианствующих императоров, была захвачена в свои руки арианами. Главная церковь города, св. София, могла считаться как бы «цитаделью демона, где он укрепился и поместил своих

воинов, там собиралось воинство лжи, защитники заблуждений, столпы ада, легионы нечистых духов и фурий, потому что, по справедливости, так можно было назвать арианских женщин, защищавших секту свою с неистовством, достойным Иезавели»³²¹.

С водворением ариан в Константинополе, как и повсюду, где они брали верх, православных подвергали не только бесчестиям, оскорблениям и угрозам, но и всяким насилиям, до отбирания имения, ссылки и умерщвления. Церкви осквернялись избиением епископов и членов клира. Над одним же пресвитером с клириками была совершена изумительная по обстановке казнь: их посадили в корабль и, зажегши его, предали огню и волнам³²². Само собой понятно, что при таких обстоятельствах число православных в Византии уменьшалось из года в год, а число еретиков увеличивалось. Первые должны были скрываться для совершения богослужения, последние торжествовали. «Положение было достойное слёз, замечает св. отец — православные были изгнаны, извержены, рассеяны по всем горам и холмам, как бывает с не имеющими пастыря... Какое-то неблаговедрие настало для Церкви»³²³.

Участь православия в столице империи не могла не печалить сердца иерархов, и они изыскивали средства к тому, чтобы собрать, укрепить и восстановить Константинопольскую Церковь. На политическом горизонте обстоятельства начали благоприятствовать тому 9 августа 378 года, после решительной битвы с готфами при Адрианополе, разбитый император Валент был сожжён в сельской хижине, куда он скрылся со свитой от преследования. Его преемником западный соправитель Грациан избрал испанца Феодосия, приобретшего в области военного искусства славу удачными походами, а в области религиозной заявившего себя православным и поборником Никейской веры, что он потом и подтвердил указом в феврале 380 года.

Воцарение Феодосия окрылило надежду православных на благоустройство Константинопольской Церкви. Собор Антиохийский обратил своё внимание на епископа Григория, свободного от кафедры и проживавшего в Селевкии, «как на мужа красноречивейшего и благочестием превосходившего всех

современников, коего, по общему приговору, и перевели на епископию Константинопольскую»³²⁴. Феодорит относит назначение это к влиянию «божественного Мелетия»³²⁵, а сам Григорий — к воле своего друга, св. Василия Великого и желанию Петра Александрийского³²⁶. «Меня приглашали, говорит он, — многие и из пастырей и из овец, приглашали быть помощником народу, защитником слову, души безводные, но ещё зеленеющие, освежить струями благочестия, с питательностью елея подлить свет в светильник, а много оборотливые слова, сплетение языков борзых, которыми губится простота веры, эти паутинные ткани, гнилые узы, смешные для крепких, но связывающие легкомысленных, разрешить и расторгнуть твёрдым учением, чтобы мог избежать сетей всякий, кто попал в них»³²⁷.

В этом общем всех обращении к себе св. Григорий увидел десницу Божию, призывающую его из уединения на службу Церкви. «Обо мне думали, что я значу нечто пред Богом, как человек известный жизнью и словом, хотя всегда вёл я сельскую жизнь»³²⁸. Горя ревностью о славе Божией и о торжестве православия, ибо носились слухи о каком-то сборище епископов, введивших новоявленное учение, и о том, что еретики рвут стадо»³²⁹, св. Григорий, подкрепляемый ночными видениями и ужасающими страхованиями холодного моря³³⁰, спешит в Константинополь, «не по доброй воле, но насильно увлечённый другими и ведомый благодатью Св. Духа»³³¹.

Вниманию св. Григория предлежала «паства, имеющая только малое семя жизненного дыхания в своём умирающем организме»; паства малочисленная; но «Бог, ведь, смотрит не на число, а на сердце... А этот остаток был драгоценный. Собственно, это была не паства, а малые следы паствы, без порядка, без надзора, без точных пределов, рассеянная и разбросанная там и здесь. Всякий, кому как случилось, находил себе надзирателя и пастыря, промышлял о своём спасении. Она подобна была стаду, которое разогнали львы, погубила буря, рассеял мрак, — паства, достойная многих слёз»³³².

Но эта малая паства, почти бесплодная нива, заслуживала полного внимания со стороны ревнителя веры. «Ибо если такой

город, око вселенной, могущественнейший на суше и на море, как бы взаимный узел Востока и Запада, куда отовсюду стекаются и откуда, как с общего торжища, исходит всё важнейшее в вере, — если сей город, и притом, отовсюду возмущаемый толиким множеством языков, утвердить и укрепить здравым учением, то дело Церкви Христовой будет прочно поставлено и заботы трудившегося не будут напрасными»³³³. Св. Григорий более, чем кто-либо другой сознавал и значение, и важность предстоящего ему пастырского служения, понимал необычайную трудность его, когда ему, «малому кораблю, приходится вступать в бой с кораблём тяжело нагруженным»³³⁴. И если возводимый Богом и добрыми Божиими служителями на чужой престол, он решил подвергнуть себя опасности «в первый раз напечатлеть в этом городе благочестие», то только потому, что, как предполагал он в мечтаниях своего суетного сердца, «коль скоро приобретёт могущество этого престола, ибо видимость придаёт много веса, то он тотчас приведёт в согласие, к несчастью, отделившихся друг от друга, подобно уставщику певчих, который, став в середине двух ликов, и одному предписывая закон той, а другому — другой рукой, делает из них один лик»³³⁵. Великость задачи не смущала своей трудностью, но скорее влекла к себе великий дух св. Григория. Для себя лично от предстоящей ему тяжёлой борьбы он ничего не ожидал, кроме опасностей и огорчений. Да и чего хорошего для временной жизни ждать себе тому, «кто всего себя совлекся для Христа»³³⁶.

Такова была задача пастырского служения в Константинополе. Посмотрим, как разрешил её св. Григорий. В начале 379 года в шумную блестящую столицу империи скромно прибыл св. Григорий, сопровождаемый немногими лицами. По внешнему виду это был странник, сгорбленный, поникший в землю, худо одетый, скиталец, не имеющий ничего привлекательного для взоров, с некрасивым лицом, потерей одного глаза, с руками, загрубевшими от чёрных работ, с жёстким и грубым каппадокийским произношением. Но за то это был человек, навывший обуздывать своё чрево подвигами, страхом будущего и другими злостраданиями³³⁷.

Новоприбывший не мог найти для себя ни одного свободного храма. Почему, остановившись в гостеприимном и родственном ему по духу и по плоти доме частного лица, племянника Никовула, мужа Алипианы, дочери Горгонии, сестры св. Григория, он одну из комнат этого щедрого на всё дома, бывшего для него тем же, чем дом суманитянины для Елисея, обратил в место собрания для общественного богослужения, «не без опасности для своей жизни скрывая свое гонимое благочестие»³³⁸. Здесь св. Григорий устроил храм, назвавши его Анастасией, т.-е. Воскресением, указывая тем на намерение восстановить в чистоте Никейскую веру, попорченную арианами. Этот храм в другом смысле он называет и Вифлеемом, как место возрождения православия. С этой малой домашней церкви началась пастырская деятельность св. Григория. Его благоговейное богослужение и выдающееся красноречие, вместе с источаемой от него чудотворной силой, мало-по-малу стали привлекать всё большее и большее число рассеянных словесных овец. Руководимый Св. Духом и соопутствуемый Его благодатным даром, св. Григорий скоро получил известность своей горячей молитвой, настолько сильной пред Богом, что не редко она сопровождалась исцелением неизлечимо больных³³⁹. Очевидно, что Селевкийское уединение принесло ему большую пользу, развив в нём религиозное чувство, сказавшееся в глубокой задушевности и назидательности, которые теперь особенно сильно проявлялись и в священнодействии, и в беседах, и в частных сношениях. Его прежний крайний идеализм, часто происходивший от незнания человеческого сердца и жизни, рядом тяжёлых жизненных разочарований теперь охладился в более трезвое отношение к жизни и людям. Хотя в проповедях его всё чаще слышится теперь горечь и разочарование, однако он более сильно и метко подмечает недостатки современников.

Затем, едва ли кто-либо другой из его современников обладал в такой степени, как он, научной компетенцией в борьбе с разнообразными еретиками и в положительном раскрытии догматических истин. Одарённый редкими дарованиями ума, основательно изучивши Св. Писание и

духовную литературу, обладает и громадным запасом самых разнообразных сведений, «какие до него собрали Восток и Запад и краса Эллады — Афины» развивший в себе величественное и строгое красноречие, — он нёс с собой самостоятельность мысли и духа и сознание своего умственного превосходства. Его красноречие было сильно и увлекательно, чуждо неясных и неосновательных выражений, его слог был правилен и чист, воображение живо, способность произносить удивительная. Он был грозой для еретиков. Едва ли кто обладал и такой способностью распутывать хитросплетения их лжеумствований и поражать их же оружием, показанием неправоты их диалектических построений, как он. Наконец, дух его проповедей, любвеобильный, снисходительный к немощным, карающий не лиц, а деяния, много способствовал тому, что большинство заблуждающихся и колеблющихся радостно толпились у его решётки, слушая сначала его духоносные слова, а затем становясь и членами его паствы, и почитателями и соработниками его дела. Проповеднические труды положили прочное начало торжеству св. Григория в Константинополе. Здесь произнесены следующие поучения:

«Слово 20-е, о постановлении епископов и о догмате Пр. Троицы» — одно из первых, сказанных здесь св. Григорием³⁴⁰.

Новоприбывшему вполне естественно было представить свое исповедание веры и выяснить своё отношение к главнейшему догмату, оспариваемому тогда, — Св. Троицы. Это он и делает в помянутом Слове. Свою речь он начинает обличением болезни времени. «Когда, смотрю на усиливающуюся болезнь языка, на скороспелых мудрецов, на производимых вновь богословов, для которых довольно только захотеть, чтобы стать мудрыми, тогда ощущаю потребность высшего любомудрия и желаю быть один с самим собой». Для богословствования нужна способность внимать божественным озарениям, а это возможно для того, кто «преодолеl, в себе земное вещество, обучил себя к тому долговременным любомудрием и удостоился Божией милости. До тех же пор не безопасно принимать на себя попечение о душах и вдаваться в богословствование. Беседовать с чистым можно тому, кто

сперва себя самого очистил». Определивши, каков должен быть богослов, оратор предлагает своё учение о Боге. Мы поклоняемся Отцу и Сыну и Св. Духу, разделяя личные свойства и соединяя Божество. Не смешиваем Трёх в одно, чтобы не впасть в недуг Савеллиев, и Единого не делим на три разнородные и чуждые друг другу, чтобы не дойти до Ариева безумия». Развивая это учение о Св. Троице, он особенно останавливается на рождении Сына, — вопросе, спорном для IV века. «Из рождения тел во времени нельзя заключать, что и Бог так рождается: ибо, что несходно по бытию, то несходно и по рождению». Рассматривая образ рождения Сына и опровергая диалектические возражения против православного о том учения, св. Григорий учит об исхождении Св. Духа, пользуясь аналогиями души и тела и некоторых физических явлений. Указав, наконец, на непостижимость Божества для пытливого человеческого разума, он даёт прекрасный и благовременный совет о том, как познать Бога. «Молись! Восходи посредством дел, чтобы чрез очищение приобретать чистое. Хочешь ли и со временем стать богословом и достойным Божества? Соблюдай заповеди и не выступай из повелений... Трудись телом для души»³⁴¹. Таково практическое средство, коим пастырь врачует болезнь пасомых, превративших веру в препирательство.

Защитнику православия, только что выступающему на новом поприще, вполне естественно, и даже необходимо, сослаться на какой-нибудь авторитет, солидарность с которым давала бы вес его словам. Это и делает св. Григорий в «Слове 21-м, похвальном св. Афанасию Великому». «Хваля Афанасия, буду хвалить добродетель», начинает он свою речь, давая тем понять, что не только Афанасий сам по себе, но и примеры и назидания из его жизни составят предмет речи. Его начальные здесь мысли — продолжение предшествующих о необходимости деятельного восхождения к богопознанию. «Кто успел с помощью рассудка и умозрения расторгнуть вещество плотское облако или покрывало, и приблизиться к Богу, сколь доступно сие человеческой природе, и соединиться с честнейшим Светом, — тот блажен; а кто приложился к брению,

тот жалок, по причине ослепления, хотя бы он и благоуспешен был в сей жизни. Таковым блаженным является св. Афанасий, память о котором особенно потребна в городе, чтущем память многих нечестивых учителей веры, но забывшем веру Афанасия». Описывая жизнь этого борца за православие оратор останавливается на тех чертах её, напоминая о коих благовременно для нужд данного времени: вступление св. Афанасия на кафедру даёт повод говорить о недостатках священников того времени; борьба с еретиками напоминает ту пору, когда процветали и прекрасно текли дела Церкви, когда «во дворы Божии не имело доступа это излишнее сладкоречивое и ухищрённое богословствование, когда простота и благородство слова почиталось благочестием, когда пустословие не почиталось учёностью и бешенство Ария за правое учение».

«Афанасий этот, поистине, человек Божий, великая труба истины, правильно учит о Троице, — не так, как теперь, хотя приемщик свиных мяс — Георгий Каппадокиец — сделал много вреда и Церкви, и Афанасию». Указывая, затем, на примерное внимание верующих к Афанасию, к которому (Афанасию) они имели большее почитание, чем к святым, защищали его от преследователей, «охотно преклоняя свои выи под мечи», так что претерпеть за Афанасия почиталось величайшим приобретением и ставилось выше постов и подвигов аскетизма, почему изгнание Афанасия произвело большой урон Церкви, — пастырь переходит к обстоятельствам данного момента. «Но и настоящее, как рассуждаю, понуждение ничем не меньше прежде бывших, потому что им отторгнуты от нас вселюбомудрые, боголюбивые и заранее сожительствовавшие с горными мужами, которые, хотя во всём другом мирны и умеренны, однако же, не могут перенести с кротостью, когда молчанием предаётся Бог, и даже делаются при сем браннолюбивы и неодолимы...

За ними устремляется не малое число народа, подобно стаду птиц, улетаю за улетавшими вперёд, и даже теперь не перестают улетать»³⁴².

Этими выводами св. Григорий определил свой взгляд на задачу своего пастырского служения в Константинополе и на желательное отношение к нему паствы. Само собой понятно, что из жизни уважаемого Афанасия, не могли остаться без внимания на разрозненную Константинопольскую паству. Соединяя, по примеру Афанасия, жизнь с учением, которое у него не расходятся друг с другом, св. Григорий желал быть, да и был как бы магнитом, который неизъяснимой силою естества привлекает к себе железо и приспособляет самое твёрдое из веществ». Слушатели внимали энергичному слову пастыря, и одни из них начали возвращаться в Церковь, а другие стали ближе присматриваться к необычному проповеднику, учившему и словом и примером жизни. На Григорьевы собрания начали приходить еретики с целью наблюдать за его пастырской деятельностью, в надежде, не найдут ли за ним такого, что дало бы им случай унижить его.

Делу дальнейшего умиротворения паствы и соединения с отделившимися посвящены следующие два Слова о «Мире»³⁴³, прекрасные во всех отношениях и изобилующие многими нравоучениями, из коих остановимся на немногих.

В Слове первом, указав на благо мира, пастырь обращается к своим соглядатам и призывает их к единению. «Где вы, снисходительные судьи собственных дел и строгие истязатели чужих? Где вы, сами покрытые глубокими ранами, а нас укоряющие за всякий багровый знак?! Будьте теперь причастниками наших тайн вас призываем в сонм свой и ненавидимые предаём себя на суд врагам, чтобы вам остаться посрамлёнными и побеждёнными, когда самый недуг наш убедит вас в нашем здравии»³⁴⁴. Призывая к единению, пастырь условием его ставит единомыслие в вере, каковую излагает «догматически, а не состязательно... для пользы, а не для тщеславия» чтобы те, которые восстают против него в народных собраниях и только во вражде к нему единомысленные, познали, что «Григорий и его малое стадо едино в мыслях, единым духом воодушевлены и живут, и чтобы не собирали его маловажных падений. Ибо верх бедствий

находить себе защиту не в собственной крепости, но в чужом бессилии³⁴⁵.

Во втором Слове проповедник решает вопрос, почему христиане, читатели мира, немилосердно враждуют? «В мире живут разбойники, заговорщики... Но у нас нет согласия и союза, никогда не можем сойтись в одном, не видим даже способа укрывать такую болезнь, но как будто и учим и учимся злонравия, а не добродетели, много трудимся над тем, чтобы поджигать раздор; о единомыслии же мало заботимся, или вовсе не заботимся»... Причины сего в неустойчивости исповедания. «Весьма забавна переменчивость во мнениях... Когда нас уловляют, тогда мы благочестивы и православны: лживо прибегаем к истине». Основание же неустойчивости — взаимная излишняя подозрительность и страсть к обвинению в ереси, порождаемая любовью к спорам. «Ныне у нас блудник, кто вчера был Иосиф. Ныне Иуда, или Каиафа, кто вчера Илия или Иоанн. Ибо до сего доходит любовь к спорам, подобная пламени, пробегающему по соломе и обнимающему целую округность». Пастырь призывает паству к исправлению. «Для чего терпим сие, братие, и долго ли будем терпеть? Когда отрезвимся от упоения, снимем с глаз чешую, воззрим на свет истины? Какая это тьма, какое сражение среди мрака, какая буря, не позволяющая различать в лице друзей противника! Нигде нет у нас ни слова, ни друга, ни сподобника, ни ангела предстателя, ни Бога. И сверх сего сами себе заграждаем Божие человеколюбие». Он обращает внимание верующих на то, что ссоры и разногласия Церкви сделались достоянием зрелищ и насмешек толпы. И не то беспокоит его, что он лично подвергается осмеянию: «бранят ли меня или удивляются мне, в обоих случаях остаюсь таким, каков был; не то, что злые языки говорят худо, потому что не научились говорить доброго. Но гораздо страшнее сего то, что обвинение не останавливается на нас одних, но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство»... Таковы результаты привычки спорить. Ею поддерживаются раздоры. Обязанность верующих — оставаться в мире, хотя бы за сие пришлось и потерпеть. А так как мир в церковном обществе обуславливается внутренним

миром отдельных членов, то «каждому надлежит стараться быть в мире с самим собой и владычествовать над своими страстями». Взаимная уступчивость — охрана мира. «Уступим в иной малости, чтобы получить взамен важнейшее единомыслие. Не будем подражать жадным любителям пиршеств или купцам, из которых одни без меры обременяют себя предложенными снедями, а другие нагружают корабли и надрывают себе чрево или утопают прежде, нежели насладятся своей ненасытимостью, терпя великие потери за малое приобретение³⁴⁶.

Вскоре по прибытии в Константинополь, св. Григорий произнёс и свои знаменитые «Пять Слов о Богословии», лучшие из всех его слов по изложению и обработке, к чему он, в виду величия предмета и важности исторического момента приложил всё тщание, находясь к тому же в периоде наивысшего расцвета своего таланта и полной зрелости и силы своей могучей мысли.

В Слове Первом, составляющем как бы вступление во все эти Слова, идёт речь о том, что не всякий не во всякое время и не пред всяким может рассуждать о Св. Троице. По мысли оратора, догматами веры нельзя играть, как шашками; богословствование — не примерная борьба зрелищных борцов, награждаемая аплодисментами: оно — не ремесло. К нему должно относиться благоговейно. И при том запрещается не богословствование, а безвременность и несоблюдение меры. «Если же твоему языку необходимо должно господствовать, то разí Пифагореево молчание, Орфеевы бобы, Платоновы идеи, Эпикурово безбожие и его атомы, Аристотелев немного объемлющий промысел, разí надменность стоиков, прожорство и шутовство циников»³⁴⁷.

Во Втором Слове трактуется о Боге и Его свойствах — непостижимости и неизреченности Его Существа. Здесь вития восходит на гору богословствования, желает и вместе боится вступить внутрь облака беседовать с Богом. Хотя Платон ещё сказал, что разуметь Бога трудно, а изречь невозможно, но св. Григорий дополняет, что «не трудно, а и невозможно уразуметь». Затем, он смело направляет свою мысль в область таких вопросов, пред трудностью которых отступали другие

мыслители. Смелость умозрения соединяется у него с вдохновенными выражениями, без опасений, что злонамеренные перетолкуют его отдельные слова в ущерб смыслу. Что такое Божество, которое не тело, хотя бы и пятое — ангельское? Где Бог существует и др.?³⁴⁸.

Третье Слово содержит учение о Единосутии Лиц Св. Троицы и о Божестве Сына. Остановившись на последнем из трёх древнейших определений Бога — безначалии, многоначалии и единоначалии, — оратор дополняет его учением о Троичности и переходит к учению о Личных Свойствах Сына и Духа, разрешая вопросы: «когда было рождение и исхождение, почему Сын и Дух не собезначальны Отцу, каким образом рождение бесстрастно, какой Отец не начинал быть Отцом — с целью из хитрословов сделать своих совопросников верными и из именующихся христианами»³⁴⁹.

В Четвёртом Слове даётся правильное толкование тех мест Св. Писания, которыми «святотатцы истины, скрадывая смысл написанного, склоняют на свою сторону многих и возмущают путь истины», — разумеется учение Ариан о Логосе. Выяснив, что «Божество неименуемо», св. Григорий изъясняет имена Сына, приписываемые Ему и по Божеству и по человечеству³⁵⁰.

Пятое Слово трактует о Св. Духе, «учение о Коем не без затруднений». Смело устанавливая Божество Духа, проповедник призывает к почитанию Его Единосутным Отцу, указывая и подобия горнему в дольном, «хотя сие крайне стыдно и даже бесполезно». Разрешение недоумений о Единстве и Троичности посвящена большая часть этого Слова³⁵¹.

В ближайшем отношении к Словам о Богословии стоят два Слова: «О соблюдении доброго порядка в собеседовании» и «Против Ариан и о самом себе».

В первом из них, высказав порицание природной горячности слушателей, в силу которой они вскакивали с мест и производили шум во время произнесения слов, а за храмом разделялись на партии, св. Григорий старается направить «на царский путь» их природные таланты, увещевает их не быть ленивыми на добро, но гореть духом, хотя и не воспламеняться

с безрассудством и самолюбием. Порядок нужен всюду: тем более он нужен в церковном собрании. Посему, каждый должен знать своё место и не предвосхищать прав другого;

«А у нас, если приобрели хотя малые познания, надобно уже высокоумствовать, делаться ругателями и безбожниками... Поэтому, держись речений о Божестве, какие принял с воспитанием, а искания о Нём предоставь мудрейшим»³⁵². Должно заметить, что это разграничение учения в богословствовании мудрейших от простолюдинов составляет особенность учения св. Григория, обусловливаемую нуждами его времени.

В «Слове против Ариан» Григорий, указав на чистоту своих намерений и действий, разрешает ряд недоумений вызванных его учением и поведением³⁵³.

Такова одна сторона пастырской деятельности св. Григория в Константинополе. Но, по мнению его, в деле насаждения и утверждения правой веры имеет значение не одна только проповедь пастыря, но и его дела, «это безмолвное увещание»³⁵⁴, его поведение, образ жизни и отношение к другим людям. И эта мысль нашла в самом св. Григории блестящее подтверждение. Так как на людей производит впечатление не столько слова, сколько дела пастыря, то к этой стороне пастырской деятельности св. Григория мы и перейдём. Посмотрим, как он жил в Константинополе.

Блестящие ораторские дарования, высокое интеллектуальное развитие, глубокое богословствование в духе православия привлекли внимание византийцев к св. Григорию столько же, как и его образ жизни, его внешность, совершенно противоположные тому, что привыкли видеть жители богатой столицы, над великолепием которой старались море и суша, соперничая между собой в наделении её своими дарами, — Восток и Запад, несшие ей свои дары. Для них и страшно и смешно было видеть на столь высоком месте, каково предстоятельство Церкви столичной, хотя и малой, согбенного старца, нисколько не заботящегося о своей внешности и имевшего одежду от коей веяло полями Селевкийского уединения. Они привыкли видеть иных епископов и

представителей духовенства, таких, которые вели светский образ жизни, одевались в великолепные одежды, выезжали на отличных конях, блистательно высясь на колесницах, имели богатый стол и искусных поваров, которые устраивали торжественные выходы и приёмы, в чём старались соперничать с консулами, правителями областей и знатнейшими из военачальников, роскошествуя на это из достояния бедных.

Пастыри, «любили ходить на священный, или именинный, или похоронный обед, чтобы вечером отвести нагруженный корабль, одушевленный гроб — своё пресыщенное чрево — домой, с тем, чтобы завтра снова спешить на богатый пир». Пастыри интересовались псовой охотой, конскими ристалищами и зрелищами³⁵⁵. В отношении двора и высших сановников они вели себя подобострастно: пред высшими пресмыкались, как рабы, льстили, угодничали, «целовали окровавленные руки и ласкали подбородки, чтобы добиться небольшой милости»³⁵⁶. В отношении низших и подчинённых они были «как звери» — дерзки, немилостивы. Сами получившие престолы то за золото, то за другие услуги, часто омерзительные и постыдные³⁵⁷, они того же требовали от подчинённых. Неудивительно, что из-за каждого престола поднималась борьба страстей, интриг, или что часто престол епископский доставался вчерашнему меняле, торгашу, участнику конских ристалищ, иногда даже не крещённому. Такие пастыри весь свой путь ознаменовывали насилием. В отношении веры они были «худые корчемники, мешавшие истину с ложью»; из-за личных выгод они готовы были и соглашаться с кем угодно и раздирать Церковь. Алчность и ненасытимость их были удивительны, и, вместе с другими пороками, давали обильную пищу для театральных зрелищ и представлений³⁵⁸.

Совсем иначе вёл себя Григорий. В главном городе империи он чувствовал себя одинаково, как и в пустыне он был чужд и мёртв для света, с которым вступал в общение только тогда, когда призывала его к тому высокая обязанность пастырского звания. Он жил совершенно просто, не запасаясь на завтрашний день и мало чем отличаясь от зверей, у

«которых нет ни сосудов, ни запасов». Его трапеза «немного дороже была трапезы птиц небесных»³⁵⁹. Он не тщеславился грузом стола и приправами для бесчувственного чрева; его приправа — соль³⁶⁰. Своему чреву, этому

мешку, он не служил, своей истёртой одежды и некрасивого склада лица он не стыдился. Он не заботился о том, чтобы понравиться или быть забавным для собеседника: дешёвой популярности он не искал, из дома в дом с ласкательством не ходил, народных собраний не посещал. Угрюмый и печальный он сидел больше дома, в безмолвии занимаясь самим собой и делами расстроенной столичной Церкви³⁶¹. О богатой обстановке, величавой поступи, торжественных выходах, при коих ему, «как зверю, давали широкую дорогу», он меньше всего заботился. Он не искал себе и своему делу поддержки у двора и вельмож, почему дворов царских не попираал, ходатаев не засылал, на внешнюю силу не опирался³⁶². Золото, и драгоценные камни для него были не дороже песка, в котором они рождаются; годовыми ежегодными доходами он не интересовался и не высчитывал их. Беспольный в этом отношении себе и другим, как безденежный³⁶³, он не покориствовался на что-либо от народа и не приумножал своей собственности. Он не делал нашествие ни на чьи престолы, крови таинственной не смешивал с кровью, проливаемой убийцами, никого не осиротил и не превращал дома молитвы в место погребения; он никого не изгонял, никого даже не оскорбил. Со всеми он был прост, со всеми равен и одинаково всем доступен³⁶⁴. Даже к врагам веры — еретикам он был мягок и снисходителен, обличая немощи, а не лица, и в вопросах он держался того мнения, что «больше надо преклоняться к человеколюбию и чаще извинять, нежели обвинять, потому что злому человеку очень легко обвинить и доброго, а доброму трудно обвинить и злого... Кто не расположен к злу, тот не способен и к подозрению»³⁶⁵. Своих личных врагов у него не было, да и быть не могло. «Те, которые говорят обо мне худо или хорошо, рассуждал он, не переменят меня, — подобно тому, как примешивающие или миро к грязи, или грязь к миро, — так, чтобы я стал огорчаться — хулами, как внутренне

изменившийся... Бранят меня, или удивляются мне, в обоих случаях остаюсь таким, каков был... Как пена приражается к камню, и ветры к сосне..., так и ко мне приражаются людские речи, и я так почти любомудрствую сам в себе. Если обвинитель лжив, то обвинение падает не столько на меня, сколько на его слова, хотя и хулит он моё имя. А если он справедлив, то обвиню лучше себя, а не говорящего обо мне. Ибо я сам причина того, что он говорит, а не говорящей причиной того, что я таков»³⁶⁶.

Безукоризненный во всех отношениях, он смело говорит каждому клеветнику, «скажи мне мои неправды»³⁶⁷, делая таким открытым вызовом их безответными. Такова была чистота жизни нового Константинопольского пастыря.

Легко предположить, каким контрастом являлась аскетически-настроенная жизнь св. Григория в отношении к жизни тогдашнего духовенства, каким укоризненным осуждением их нравам, ничем не отличавшимся от нравов светского общества, было его поведение, каким жалким было их мудрование о предметах веры в сравнении с логически-построенными и блестяще произнесёнными словами о богословии и другими его беседами, в коих основательное знание слова Божия, философское и риторическое образование воплощены были в ораторскую речь. Не трудно предвидеть, чего мог ожидать себе «чужеземный и пришлый» проповедник, скоро стяжавший славу «беспокойного и сумасбродного» человека в глазах тех, для кого благочестие было делом прибытка и личное благополучие являлось мерилom отношений ко всему окружающему³⁶⁸.

«Пришедши туда, повествует св. Григорий, — встретил я множество бедствий. Сначала город пришёл в волнение и восстал против меня, будто бы вместо Единого Бога ввожу многих богов»³⁶⁹. Народ, в течение сорока лет, слышавший всевозможные лжеумствования о Св. Троице, бывший свидетелем многообразных препирательств вокруг этого вопроса и ничего твёрдо не усвоивший, был взволнован учением св. Григория. Нет сомнения, что и заподозрение в многобожии, и самое волнение народное было подогрето и

раздуто его врагами, желавшими устрашить беспокойного проповедника. Поэтому, когда его соперник, арианский епископ Демофил был выставлен своими приспешниками, как невинный страдалец, то народ всегда и всюду легко возбуждаемый в защиту гонимых, легко восстановлен был против св. Григория, особенно если толпе умело было привито высокое мнение о себе, как хранителе веры, что не трудно: тогда она почтёт для себя позором не удержать в чём-либо верха. Таким путём была приготовлена почва для первого открытого возмущения, направленного к устранению св. Григория из Константинополя.

21 апреля 379 года, когда Григорий в ночь Воскресения Христова готовился идти в собрание православных и клириков, чтобы совершить крещение над оглашенными из храма св. Софии, «как бы из бойницы дьявола, вышла толпа сластолюбцев и винопийцев, бесчестных жен и бесстыдных дев, и всё это лукавое воинство бесов, в сопровождении монахов и черни», ринулось на церковь св. Григория и произвело в ней погром³⁷⁰. «Поруганы жертвенники, прервано тайнодействие; я стоял, — описывает св. Григорий, — между священнодействующими и посреди мечущих в меня камнями и в защиту от камней употреблял молитву»...³⁷¹. «Забыты стыдливость дев, скромность монахов, бедствие нищих, которых жестокость лишила милосердия... Умолчу о камнях, этом угощении, какое сделали для меня они, и укорю разве за то, что были неудачны в выборе цели и метили в тех, в кого попасть было напрасным убийством»³⁷². «Потом началось пьянство, потекло вино, явились даже из пустынь паны... О, эта ночь! Какие тогда совершались дела! Ибо кто опишет огонь, камни, убийства, раны?...»³⁷³.

Этим разгромом испытания для св. Григория не окончились. Виновником происшедшего враги выставили самого же св. Григория, которого и «представили правителям города, как убийцу», очевидно, взваливая на него ответственность за произведённое ими той ночью убийство. Свысока и надменно посмотрели начальники на обвиняемого, не имевшего сильных покровителей, и только своим защитительным словом ему удалось, при помощи Божией, доказать свою невиновность.

Возмущение, произведённое толпой и монахами, было велико. «Все было потрясено, как будто Церковь благоденствует в других отношениях»³⁷⁴. Учение св. Григория начали сравнивать и оценивать с точки зрения других авторитетов, и его делу грозило разорение. «Да и как устоит корабль, или город, или воинство, или полнота лика, или дружелюбный дом, когда в нём больше разрушающего (элемента), нежели укрепляющего? Это самое и было тогда с христианским народом. Благородное порождение сие ещё не окрепло, не приобрело смелости, не отрешилось от детских пелен, не оперлось ещё нежной стопой на землю, как уже на глазах родителей было посечено, брошено наземь, истерзано волками, жаждавшими моего бесчадия»³⁷⁵. В таком положении было дело созидания св. Григорием столичной Церкви. Нужно было много веры в правоту своего дела, много мужества, чтобы не опустить рук и продолжать строение разрушаемого. Велики были смирение, кротость и терпение св. Григория, чтобы молчаливо перенести буйное нападение и оставить насильников безнаказанными. «Важным почитаю наказать тех, которые нас обидели, — отвечал он своим друзьям, рекомендовавшим ему обратиться к содействию судебной власти, — говорю, важным, потому что и это полезно к исправлению других. Но гораздо выше и божественнее сего — терпеливо перенести обиду... и тем показать народу пример великодушия... Первое заграждает уста пороку, а второе убеждает стать добрыми, что гораздо лучше и совершеннее, чем не быть только злыми»³⁷⁶.

Таким мудрым самопожертвованием насаждал св. Григорий доброе семя в народе, личным примером своим

сильнее всяких слов показывая путь исполнения Евангельских заповедей. Остаётся удивляться его снисходительному обращению с врагами: любовью, как огнём, он расплавлял их ледяную злобу и предубеждение против него. Как прекрасно его наставление по этому поводу. «Наказать, уничтожить легко, но это не безопасно... Уцеломудривая страхом, препобедим человеколюбием и обяжем к благоговению, истязывая более совестью, нежели гневом»³⁷⁷. Само собою понятно, что сердце народное не могло оставаться

бесчувственным к такому идеальному пастырю, и решётка алтарная должна была сдерживать всё большее и большее число почитателей св. Григория.

Когда оказалось, что возмущение черни не привело к желанным результатам, а скорее послужило к славе безвинно гонимого пастыря, тогда враги окружили св. Григория множеством мелких издевательств, часто больно поражающих людей, лишённых великости духа. А врагов св. Григория было много и среди епископов Константинопольских, именовавших себя православными единственно из опасения лишиться своих кафедр, ибо указом Феодосия 28 февраля 380 года предписывалось всем быть православными, а иномыслящим — носить имя еретиков и своих соборы не называть церковными собраниями, под угрозой кары Божией и царской. Такие епископы став поневоле и по имени только православными, предавались всевозможным порокам и были, в сущности, злейшими врагами и Церкви, и обществу, деятельность св. Григория была для них прямо опасной и роковой, почему они всемерно старались вредить ему, распространяя о нём неблагоприятные слухи и оспаривая его деятельность.

Какая надменность, — говорили они, — как будто всегда одна вера, что так слишком стесняешь догмат истины, ступая всё по одной скучной стезе. Для чего же тебе и народ привлекать говорливым своим языком?»³⁷⁸. Подобные речи, очевидно, имели силу для тех образованных греко-римлян, которые, изверившись во всякой религии, скептически относились к неизменяемости догматов веры. Они полагали, что во всякой религии есть доля истины, почему не видели нужды в излишней борьбе за те или иные незначительные речения и в преследовании предающихся худым мудрованиям. Таким оставалось ещё откровенно сказать то, что договорил за них св. Григорий: «мы — рабы времени и народных прихотей, отдаём ладью свою всякому подувшему ветру; у нас учение, на подобие хамелеонов или полипов, принимает непрестанно новый цвет, а ты — неподвижная наковальня»³⁷⁹.

Так думающим св. Григорий ответил словом о богословии, в котором доказал, что в делах веры не может быть чего-либо

безразличного, или неважного, или постоянно изменяемого, согласно вкусам времени и толпы.

«У тебя город мал, и не город, а пустое, скучное и малолюдное селение, — говорили другие, территориальную незначительность паствы, поставляя одним из убедительных доводов несостоятельности св. Григория. «Если это худо, отвечал он, то я здесь более пострадал, нежели сам действовал. И ежели терплю не по своей воле, то я несчастен, а ежели терплю добровольно, то я философ... Я веду себя по старине, по-философски, так что по мне одно небо и

одна земля и общая всем мать и гроб.

Не порицают же дельфина за то, что он живёт не на суше, а вола — что не в воде? Если же вы превозносите стенами, дворцами, статуями и столпами, то тогда надо предать смерти все те многие города, коих вы превосходите великолепием своего города»³⁸⁰.

«Проповедник чужеземный, пришлый, из незнатного отечества, может быть, из людей слишком ограниченных и плотолюбцев... К тому же и живёт он по-нищенски, не имеет хорошего знакомства», — осуждали св. Григория третьи.

«Что же, апостолы разве не чужеземцы были для многих народов и городов, которые они просветили светом веры?— возражал он. — Или и их укори, или и меня не обвиняй... У всех одно отечество, — город Иерусалим, один род — персть, одно благородство — добродетель»... «Что же касается образа жизни, то, ведь, пьяным всегда кажется, что пьяны не они, а — трезвые, которые и ходят-то на головах, и вертятся. И больным, потерявшим вкус, мёд кажется горьким. Поэтому, если застигнутому бурей кораблю, или пожираемому пламенем дому подаём помощь, спеша на лодках, или с воинством, или с огнегасительными снарядами, ты, добрейший, без сомнения, назовёшь нас или морскими разбойниками, или желающими овладеть городом и домами, а не помощниками и защитниками?! Докажи сперва, что так думают о нас люди, находящиеся в здоровом состоянии, и потом советуй нам перемениться, или осуждай... Не таким кажусь для многих, но таким кажусь для Бога, и не кажусь, но весь открыт пред Ним,

Который иначе смотрит на наше дело, нежели как смотрят люди... Сделаться ли мне хуже, чтобы больше угодить тебе? Если я стою прямо, а тебе кажется, что я падаю, ужели должно для тебя, чем и для себя, и во всём имею советниками разум и Божие оправдание... А что до мнения других, то если оно за нас, — примем его; если же против нас, дадим ему дорогу, и из того, что мы действительно, ничего не убавим для того, чтобы сделать на показ... Разве в одном виновен я — худо наблюдаю чужие недостатки, не подсматриваю, не отслеживаю, не высмеиваю... Дадите мне эту неправду»...³⁸¹.

Первые нападения врагов св. Григорий ещё был в состоянии сносить. Хотя неожиданность сделанных против него выступлений и изумила его, «как внезапный гром поражает ухо, или как молния, облистающая непривычный глаз», но надежда, что дела примут счастливый оборот и что в следующий раз не случится того, что произошло, — не покидала его. «Хотя он принял столько камней, сколько иному во всю жизнь не придётся получить роз, однако, он находил ещё силы терпеть и сносить их»³⁸². Эти силы и ободрения он черпал в тех молитвенных собраниях, которые происходили у него в храме Анастасии и которые он описал потом в поэме, под заглавием «Сон о храме Анастасии который был устроен в Константинополе». Здесь он передаёт о тех проявлениях внимания и единения, которые вдохновляли его на дальнейшую деятельность. Вот картина этого собрания. «Мне представилось, передаёт св. Григорий, — что я сижу на высоком престоле, однако же, с не поднятыми высоко бровями: гордости я никогда не служил. Ниже меня сидели старцы и служители в пресветлых одеждах. Из народа же одни, как пчелы, жались к решётке, и каждый усиливался подойти ближе; другие теснились в священных преддвериях, равно поспешая и слухом и ногами... Иные спешили с пёстрых торжищ, и их торопливые шаги раздавались на улице. Чистые девы с благонравными женами внимали с хор. Народ, разделившись на части, стоял и внимал, восхищаясь речами моими, стараясь не проронить и слова, подобно младенцу, жадными губами сжимающему сухой сосец. У всех было напряжённое внимание... Одни требовали

слова низкого и доступного разумению; другие, не довольствуясь начатками, жаждали речи возвышенной и витиеватой, стараясь исследовать всю мудрость — и свою и чужую, благо они имели такого пастыря... С обеих сторон слышались восклицания... Из уст моих изливалось учение о Единачтимой Троице... Звучным голосом, потоками пламенеющего духа, порывами ветра я низвергал противника. Трости скорописцев спешили увековечить мою речь. Из слушателей одни приходили в восторг и хвалили, другие стояли в безмолвном изумлении... Но доброречие услаждало всех — и своих, и пришлых, и даже тех, которые весьма далеко от двора овчего, как чтители идолов. Жатва зрела, колосилась, обещала обильный урожай»...³⁸³.

Вот здесь-то, в этом многоплодии своего труда, и черпал себе силы истомлённый неприязнью и интригами врагов деятель на ниве Божией. «Где мои всенощные песнопения, при которых я, как одушевленный камень, незыблемо утверждал свои ноги, или один беседуя со Христом, или купно с народом, услаждаясь священными песнями? Где приятное утомление преклоненных колен, при которых проливал я горячие слезы и собирал воедино омраченные мысли?!»³⁸⁴.

Путём проповеди и примерной пастырской жизни неусыпная деятельность св. Григория укрепила развеванную паству, а его правое учение и святая подвижническая жизнь привлекли к нему сердца горожан. Паства его начала увеличиваться, благоустроиться, и скоро обещала превзойти свою численностью арианскую. Деятельность св. Григория привлекла к себе взоры лиц, сочувствовавших его подвигу: к нему прибыл Евагрий Понтийский, рукоположенный в дьякона св. Василием и сделавшийся у св. Григория архидьяконом. Вскоре св. Григорий был утешен ещё более: из Сирийского уединения прибыл в Константинополь, с целью послушать св. Григория и «посидеть у его ног», знаменитый уже в то время своей учёностью блаж. Иероним, оставив о св. Григории память в своей книге: «De viris illustribus». Он называет св. Григория своим наставником, у которого при изъяснении Св. Писания он учился этому искусству, сравнивая его по характеру красноречия с

знаменитым художником слова и ритором Полемоном³⁸⁵. Пётр Александрийский почтил св. Григория знаками уважения и одобрения, прислав ему письмо с выражением сочувствия его пастырскому подвигу и с наименованием его Константинопольским епископом³⁸⁶.

Вскоре св. Григорию пришлось перенести гораздо большее прежнего испытание и при том такое, виной в котором он должен был считать только себя самого. На этот раз зависть, «болезнь, обычная у служителей алтаря»³⁸⁷, своим орудием избрала некоего Максима, человека, сумевшего войти в доверие к св. Григорию, стать в близкие к нему отношения и жестоко отплатить ему за ласки и гостеприимство. По происхождению гражданин города Александрии, по образованию — философ цинической школы³⁸⁸, Максим имел довольно тёмное прошлое: «за постыдные дела и за целый ряд преступлений он был неоднократно жестоко наказываем бичами», что известно было из многих записей у градоправителей³⁸⁹. В период церковных смут и раздоров, странствуя из города в город, он явился в Константинополь и здесь, пользуясь доверчивостью и расположением св. Григория, наметил последнего жертвой своего честолюбия.

Своей внешности он старался придать приёмы циников: одевался в белый плащ, носил длинные волосы, которые завивал и красил в золотой цвет. С длинной палкой он ходил по улицам города, жил, где и как попало, ел, что приходилось. Будучи человеком, глубоко порочным, терзаемый чувственностью, честолюбием и завистью, он старался придать себе вид ни в чём не нуждающегося философа, выше всего ставящего истину. В глаза он открыто восхищался св. Григорием и его красноречием, «по-видимому, делался благомыслящим и весьма верным»; он бесстыдно льстил ему и старался войти к нему в доверие. Свои рубцы на теле он выдавал за исповеднические раны от ариан свои философские воззрения он выставлял совпадающими с Григорьевыми. Наконец, своё появление в Константинополе он связывал с именем лица, уважаемого св. Григорием, — Петра Александрийского. Все эти обстоятельства расположили к нему сердце человека, вовсе

непривычного и совершенно не знакомого с хитростями и происками и привыкшего уважать совсем другого рода хитрость — мудрость. Сам не лживый и в других менее всего склонный заподозривать ложь, св. Григорий, александриец по образованию и образу философского умозерцания, не подозревал хитрости и обмана. Сделавшись своим человеком в доме св. Григория, Максим был часто приглашаем к столу; они вместе читали, рассуждали, обдумывали мероприятия церковные. Св. Григорий до того увлёкся Максимом, что произнёс «Слово в похвалу философа Ирона, возвратившегося из изгнания³⁹⁰, в котором витиеватыми выражениями восхвалял его «мудрость и исповедничество».

Между тем, Максим за спиной св. Григория строил хитрый план захвата престола Константинопольского и смещения св. Григория с кафедры, «которую он никогда не владел и которой никто ему не давал». Петру Александрийскому Максим сообщает об измене св. Григория по вопросу о Меленианском расколе и тем восстанавливает его против св. Григория. Кроме того, он успевает привлечь на свою сторону Петра обещанием возвысить его кафедру пред Константинопольской, в случае, если тот поможет ему завладеть ей. Пётр вступает в сделку и присылает на помощь Максиму семь человек своих доверенных³⁹¹. Затем, обещанием выгод Максим склоняет к измене одного из пресвитеров св. Григория, человека, «который не был забыт им или пренебрежён, но всегда пользовался первенством и в почестях и в сопрестолии». Необходимое для подкупа негодных людей золото он обманным образом выманил у некоего пресвитера, прибывшего из Фасса для покупки проконнийского мрамора на храм. И вот, в тёмную ночь, когда св. Григорий лежал больной, толпа заговорщиков является в церковь в сопровождении александрийцев-соучастников и нанятых моряков, и начинается пострижение (посвящение) Максима в епископа Константинопольского. Но довершить начатого им не пришлось: клирики, заметив происходившее в церкви, пришли в негодование, подняли шум, созвали народ и выгнали Максима из храма. «Разгорался самый сильный пожар: сколько стекло людей чиновных, сколько сторонних и даже

сомнительной веры». Заговорщики удалились в жилище свирельщика и там закончили посвящение: «совершилось пострижение густых кудрей»³⁹².

Это событие произвело на всех тягостное впечатление: не было человека, который бы не сочувствовал св. Григорию и не раздражался бы бесчестным поступком Максима. «Весь город скорбел о происшедшем, все были смущены»; всякий рассказывал о Максиме ненавистные слухи в оуждение его жизни, присочиняя и своё, чтобы дополнить портрет проходимца. «Но никогда не стану разглашать их я, — добавляет пострадавший, — хотя я и потерпел обиду, однако замыкаю уста», — характеризуя ещё раз своё личное отношение к обидчикам³⁹³.

Горе и скорбь св. Григория были больше тех, которые можно было облегчить сетованием о происшедшем. Он был поруган в своих лучших чувствах. Измена пресвитера, наглость Максима, бессовестность подкупленной толпы глубоко возмущали его. Он видел, как непрочное дело, ради которого он пожертвовал собой. Зависть и злоба, людские могут ли быть побеждены самоотвержением одного подвижника-страдальца? Горькие думы толпились в голове св. Григория. Виновен ли он, что его вчерашний друг изменил ему? Личина веры и притворные слова обольстили его. «Но это — добрая немощь. Кто верен, тот всем вероимчивее». Правда, он принял и приютил Максима. Но церковь Константинопольская находилась в таком положении, что «немало значило собирать и солому». Стеснённые обстоятельства не дают той свободы, какую можно иметь во время изобилия. «Для меня, — замечает св. Григорий, — очень важно было, что и пёс ходит на моём дворе и учит Христа, а не Иракла»³⁹⁴. «Что же касается Максима, — оправдывал св. Григорий своё поведение в этом деле, — то таков дух времени: всякий смел на всё»!.. Таких Максимов было много. «Подобно грибам вдруг выбегают из земли и мудрецы, и благородные, и епископы, хотя и не трудились прежде на свою долю над чем-нибудь добрым... Кидайся вниз головой всякий; и, не учась, стреляй из лука... Довольно захотеть, а знать дело — вовсе не нужно»³⁹⁵.

Общая симпатия к св. Григорию и взрыв негодования к Максиму не остановили последнего в его стремлении, во что бы то ни стало сделаться епископом Церкви Константинопольской. Он переносит свои происки далее. К столице приближался царь Феодосий, задержанный на пути войной с варварами «С толпой египтян» Максим встречает царя в Салониках, рекомендуется столичным епископом, потерпевшим от ариан, к которым, как известно, царь не благоволил, ищет защиты, просит царского указа на водворение на кафедре. Но Феодосий «со страшными проклятиями и с великим гневом» прогоняет Максима. Тогда он отправляется в Александрию и требует от Петра, «у которого было двойное перо», исполнение обещания, теснит его, грозит ему самому — свержением. И только заступничество градоначальника, изгнавшего Максима, успокоило волнение, «если, только злонравие когда-либо может быть покойным»³⁹⁶.

Тяжело было св. Григорию перенести тогдашнее бедствие. Оно обратило его думы к излюбленному уединению, и он начал обдумывать план своего возвращения на родину. Но это колебание и раздвоение в мыслях было замечено его почитателями, которые установили даже негласный надзор за ним, охраняя его и от возможного покушения приверженцев Максима, и от неожиданного выезда из столицы. К тому же, сам св. Григорий «поворотил свою корму назад не слишком искусной рукой». В скорби отеческого сердца у него вырвалось прощальное слово: «Блюдите всецелую Троицу, как предал вам, возлюбленным чадам, самый щедрый отец — помните, любезнейшие, и мои труды». Это завещание произвело целую бурю в народе, «который поднялся наподобие роя, выгоняемого дымом из улья». Все — мужчины, женщины, девы, юноши, старцы, — все начали вопить, кипя злобой на врагов и любовью к пастырю. «Начинают заклинять, молить не бросать их, не предавать паствы на расхищение волкам». Приближалась решительная минута одержать верх или паствою, или народной любви. Безгласный, он не мог не остановить шума, не пообещать исполнить просимое: одно было невозможно, а другого удерживал страх. «Задыхались от жары, все обливались потом». Женщины кричали, дети плакали. Всякий клялся, что

умрёт в храме, но не уйдёт без желанного слова. Наконец, чей-то голос прекратил колебания св. Григория. «Ты вместе с собой изводишь и Троицу!»³⁹⁷. Напоминание цели всей жизни Григорьевой — утверждение веры побудило его дать слово, хотя и не клятвенное: — побыть у них до приезда ожидаемых епископов, до выбора законного заместителя их кафедры. У обеих сторон осталась тень надежды: народ воображал, что св. Григорий уже согласился остаться у них навсегда, сам он рассуждал, что обещал побыть у них не долгое только время. Заметим, что это было первое открытое народное признание св. Григория епископом Константинопольской кафедры.

Измученный борьбой дух и истощённое подвигами болезненное тело св. Григория требовали уединения и отдыха. «Всегда имею обычай облегчать труды такими отдыхами», — говорил он, — «потому что и тетива, постоянно натянутая, не выдерживает напряжения, а надобно спускать её со стрелы, чтобы можно было снова натянуть, и что бы она не была бесполезною для стрелка, но годилась в случае употребления»³⁹⁸. Для поправления сил св. Григорий удалился на короткое время в село вблизи города и здесь, на берегу моря, предался любимому уединению и созерцанию. «Желал бы я стать или легкокрылым голубем, или ласточкой, чтобы бежать из человеческой жизни, или поселиться в какой-либо пустыне и жить в одном убежище со зверями, кои вернее людей», — думал он³⁹⁹. «Там, взойдя на верх какого-нибудь высокого столба, громогласно стал бы взывать всем живущим на земле: смертные люди, долго ли вам, оставаясь игрой сновидений, блуждать на земле без цели?»⁴⁰⁰. Мысль его от малоценности жизни и суетности настоящего переходила к размышлению «о человеческой природе»⁴⁰¹ «Кто я был? кто я теперь? что я буду? В чём смысл жизни? Куда приведёшь и куда поставишь Бессмертный, великую тварь? Мы — ничего не знающие однодневные твари..., и ничего не имеем мы, кроме гибнущей жизни... Не видел я ни одного блага, которое бы совершенно изъято было от скорби»⁴⁰². «О сем плачу, и не знаю ясно, что даст мне завтрашний день. Приведёт ли меня Бог обратно к прежним правилам жизни, сняв с меня бремя, или

изринет меня отсюда несчастливцем, погруженным в скорби? Седая голова и покрытое морщинами тело преклонились уже у меня к вечеру скорбной жизни... Но доселе не испивал я столь сильных и многочисленных горестей»⁴⁰³... «Царь мой, Христос! Не оставь меня пасть под ударами противников», — молился он⁴⁰⁴.

Отдых св. Григория продолжался недолго. У него не достало терпения жить далее в разлуке с паствою. Хотя шум и толкотня большого города, вместе со своими нравами и обычаями, были ему неприятны, однако он боялся оставлять надолго паству без руководства, «как солому, приближающуюся к огню»... «Прихожу назад с великой охотой, — говорит он в «Слове по возвращении из села», ноги сами шли... Для тех, кто страдает любовью, и один день разлуки составляет целую человеческую жизнь... Когда я был вместе с вами, мало чувствовал силу любви, а когда разлучился, узнал любовь, сего улаждающего мучителя... В этом нет ничего необыкновенного. И пастух скорбит об оставленной овце, и птичка горюет о гнезде... Так и я боюсь, чтобы кто-нибудь, вчера и третьего дня бывший нашим, найдя дверь не запертой... не расхитил словесного стада»... «Много теперь стало пастырей, которые расхищают, рассыпают и разрушают чужой труд, потому что всегда легче повредить, нежели создать или сохранить»⁴⁰⁵...

Но целью «Слова» не было только поделиться со слушателями своими чувствами в разлуке. Ревностный и пекущийся о душах народа пастырь имеет цель высокую. События последнего времени нанесли глубокую рану организму его малой Церкви. Нужно было узнать, как велико заражение, какие чувства волнуют народ, какой урок взяли они себе от испытания; нужно было нанести решительный удар врагам Церкви и объединить паству вокруг себя. Всё это делает он в помянутом Слове, на наш взгляд, одним из примечательных в пастырском его служении. «Дадим, друг другу отчёт, что мы сделать успели в продолжение разлуки»? Пастырь может требовать от паствы не только долга, но и роста, не только таланта, но и прибытка. «Итак, покажите веру от дел, покажите плодородие земли вашей... точно ли не напрасно я сеял...

Прибыток ваш, а не мой. Если же и мой, то потому, что он ваш». Пастырь выражает уверенность, что пасомые не будут пристыжены своим ответом⁴⁰⁶. Переходя, затем, к самому себе и заметив, что обычно все проповедники Божии совершали дела пред народом, а молились — в уединении, он говорит, что созерцание моря, то тихо и кротко покоящегося и плещущегося в берега, то бурно волнующегося, завывающего, разбивающегося о неподвижные скалы и утёсы на мелкие и высоко летающие брызги и выбрасывающего на берег содержимое моря, дало ему урок для любомудрия. « Не море ли жизнь наша и дела человеческие? И в ней много солёного, непостоянного и неожиданного. «И только утвердившиеся на скале «на камне» — безопасны. А таковым может быть только любомудрый, только он истинно благороден во всех положениях и состояниях. «По подобию изображаемого любомудрого мужа рассмотрим самих себя». Пастырь вопрошает, чем оскорбят решившиеся, во что бы то ни стало очернить его и его дело? «Назовут меня невеждою? — но я знаю одну мудрость — бояться Бога. Укорят ли в бедности? — но она — моё избыточество. Назовут убежавшим из отечества? — но для меня отечество везде и всюду. Низложат с престолов? — с каких? Разве почитаю блаженными тех, которые восходят на них? Лишат председательства? Но когда и кто из благомыслящих дорожил им? Погоня за местом — стать справа, слева, выше, ниже, — она то и производит весь беспорядок в Церквах. Отнимут имущество? — какое? Если моё, то его нет; если церковное, то из-за него-то и вся брань. Как ужасно менять Бога на сребреники. Отдалять от друзей? Но истинные друзья познаются в несчастьи». Отсюда, злоухищрения врагов напрасны и бесполезны. «Не только не почитаю страшным чего-либо из настоящих событий, но даже забываю о себе, плачу об оскорбивших меня, некогда членах паствы, которую они едва не продали, даже прежде, нежели она собрана во едино». Рядом обличений он карает, далее, подстрекателей возмущения. «Как они воздвигли жертвенник против жертвенника? Как простоту пастырей употребили в пагубу пастве? Ибо не пасомых стану порицать за неопытность, но вас (руководителей) винить за

вашу злобу. Какое найду заживляющее средство? Какую обвязку? Как соединю разделённое? Один способ: Троица Святая! Твое сие дело... Ты восстанови и научи единомыслию⁴⁰⁷»

Тому же событию, ночному покушению Максима и его результатам посвящено и другое Слово: «На память мучеников и против ариан⁴⁰⁸, по содержанию сходное с рассмотренным.

В этих «Словах» и в этом личном отношении к событиям знаменитый пастырь предстал во всём своём нравственном величии, вызвав к себе новые и большие симпатии. Одних влекло к нему правое учение о Св. Троице «на время изгнанное, а теперь возвращённое в своё отечество»; другие шли к нему, как к подвижнику, третьих соединяло с ним общение во взглядах. Что же касается до народа, то «этот благородный плод чревоболения»⁴⁰⁹ св. Григория так же стекался к нему, «как идут в бездождие к влаге, от тьмы к свету». Малая вначале паства его стала расти и увеличиваться, так что св. Григорий скоро стал «одним из богатых землевладельцев». «Только нива его представляла пеструю картину: иные из злаков только недавно перестали быть дикими, иные из земли показывали росток, эти завязывали стебель, а те были в молоке; некоторые уже становились пшеницей и даже хлебом». Но вся она веселила сердце доброго и самоотверженного сеятеля на ниве Божией⁴¹⁰.

Даже еретики и разномыслящие были вконец побеждены и учением и жизнью духовного пастыря. Одних пленяла сила учения, других делал кроткими способ его полемики: «он вёл речь без вражды, не столько с укором, сколько с сердоболием, сетовал, а не поражал, и не превозносился, как другие, скоротечным и непостоянным преимуществом пред ними»; из своего превосходства он не делал щита для самопревозношения. Как защитник Слова кроткого сострадательного, не наносящего никому ударов, свою кротость и благоприличие он соблюдал и в учении. Его слова создавали такое настроение, что и побеждённым не позорно было оставаться, но славнее было по искреннему убеждению дать над собой верх его убеждениям. Кроме того, в сношениях с

иномыслящими еретиками он не прибегал к содействию земной власти, чем существенно отличался от современной ему практики борьбы с ересями. Таков был обычай св. Григория. «Так было начертано на моих скрижалях», — говорит он⁴¹¹.

Наконец, являясь противником «языкоболия», он выработал «другой закон обучения — не признавать единственным путём к благочестию легко приобретаемой и зловредной привычки метать неочищенным языком осквернённому и чуждому Христа уху таинственных учений и обращать в шутку того, что приобретается с трудом». Он учил доказывать благочестие всего более исполнением заповедей и смирением плоти силою духа. Путь слова — путь с обеих сторон окружённый стремлинами, на который, едва вступить, тотчас упадёшь, и упадёшь прямо в ворота ада⁴¹². Простой верой без мудрования, скорее всего, привлекается Бог. «Если бы вера и спасение были достоянием только мудрых, то крайне беден был бы наш Бог». Посему, не витиеватые измышления и богословские умствования должны быть предметом внимания верующих, но простая вера, сопутствуемая делами.

Таков был благовременный урок, преподанный св. отцом, любящим словопрения греко-римлянам.

В то время как св. Григорий трудился над устройством церковных дел Константинопольской кафедры, к столице приближался, после победных торжеств, самодержец Феодосий, уже крестившийся, в виду болезни, от православного Солунского епископа Асхолия, наперёд осведомившись о том, к какому исповеданию он принадлежит⁴¹³. Торжественное вступление императора в столицу состоялось 24 ноября 380 года, наполнив общей радостью сердца православных.

Первой заботой царя было восстановить мир, водворить единодушие и распространить церкви. Он немедленно, поэтому, приказал главе ариан Демофилу или принять Никейский Символ, или передать церкви православным. Собрав своих единомышленников, Демофил, ошибочно основываясь на словах Господа: — «если гонят вы во граде сем, бегайте в другой», — решил уйти из города и за его стенами продолжать свои собрания. Это было в первый же день вступления царя в

столицу. В отношении к св. Григорию царь был весьма благосклонен. При первом же свидании он почтил его милостивым вниманием и беседою. Подробности этого свидания скрыты скромностью св. Григория. «Было-бы слишком стыдно, если бы подумали, что такие вещи дорого ценю и я, для которого дорого только одно — Бог. Но вот чем заключил он свой разговор со мной, повествует св. отец: чрез меня Бог даёт тебе и твоим трудам этот храм — главный, во имя св. Софии, Божией премудрости»⁴¹⁴.

Обещания царя были настолько заманчивыми, что казались невероятными. Сердце самого св. Григория они наполнили чувством, смешанным с ужасом. В городе же они породили массу раздоров. Ариане не хотели так легко оставить насиженные места, как это сделал Демофил. Они решили умереть, но не уступать. «Кипение страстей было сильно и ужасно». Но вот, в назначенное время состоялось торжественное введение православных в обладание главным храмом. «Народу собралось, как песок морской, как туча. Всё было занято им: улицы, дома, всякое местою мужчины, женщины, дети, старцы старались поближе рассмотреть шествие. Везде суeta, рыдания, слёзы, вопли, — точная копия взятия приступом города». Враги бросали гневные взгляды на св. Григория и умоляюще на царя, которые рядом шли в храм, сопровождаемые войсками. Утро было мрачное, тёмное. Над городом стояло тёмное облако. Враги поспешили истолковать сокрытие солнца в свою пользу, считая настоящее торжество Богу негодным. Это вселяло и тайную печаль в сердце св. Григория. Но вот, как только процессия приблизилась к решётке храма, и полилась хвалебно-благодарственная к Богу песнь, сквозь расторгшиеся тучи воссияло солнце и осветило храм. У всех прояснились и лица, и сердца. «Многие считали это чудом, замечает св. отец, я же не имею причины не верить им»⁴¹⁵. Все в равной мере, и простолюдины и чиновные, выражали желание и требование, чтобы св. Григорий был признан епископом. «Первой и самой важной, и лучшей для города наградой от державной власти будет, если Константинопольскому престолу дан буду я»⁴¹⁶. Весь храм оглашался как бы невероятными

раскатами грома. Не имея сил говорить народу, св. Григорий поручает пресвитеру успокоить собрание и призвать его к благодарной молитве, отложив занятие делами на другое время. Такое чувство меры в св. Григории понравилось царю, и он одобрил его поступок, передав вскоре в его ведение и прочие храмы города. Это было вторичное призвание Григория на кафедру. Правда, для полноты недоставало канонического утверждения собора. Но такое было отложено до созыва Второго Вселенского Собора, которым царь выразил желание устроить в следующем же 381 году.

Актом ввода Григория в кафедральный храм состоялась знаменательная передача православным арканами своих полномочий на церковь Константинопольскую, коей они владели около сорока лет⁴¹⁷. Всё это совершилось тихо, мирно, без кровопролитий. Православной общине приведённой в благоустроенный вид трудами, энергией, талантами и подвигами св. Григория, недоставало лишь сочувствия общественной власти. И вот, таковая явилась и дополнила торжество Церкви, как бы принося искупительную жертву за деяния предшествующих царствований — Констанция и Валента. Можно было надеяться, что теперь Константинопольская Церковь, ограждённая от врагов и внутри и снаружи, будет цвести и плодоприносить. Но, как показала последующая история, исконный враг её всегда находит себе помощников и успевает похищать мир у Церквей.

Мирное разрешение спорного вопроса с арианами обязано было, конечно, личному характеру св. Григория, который посоветовал царю воздержаться от насильственных мер в отношении к ним. Но такая миролюбивая политика его встретила не сочувствие той части его приверженцев, которая, не имея духа Григорьева, ожидала, что он, по примеру своих предшественников, начнёт, прежде всего, сводить счеты со своими противниками, т. е. «гнать, толкать, свирепствовать». Но мы уже знаем отношение св. Григория к несогласным с ним в убеждениях. Таких же взглядов держался он и теперь. И теперь он признавал законным не принуждать, но убеждать. Он хотел, чтобы его любили, а не боялись. «Ибо невольное,

сдерживаемое силою, при первом удобном случае, как ручей весенний, прорвёт преграду. А добровольное навсегда твёрдо. И повиновение писаному закону, если оно свободно, имеет большую цену, чем насильственное». Уступчивость и миролюбие св. Григория были более обычного. Так, например, когда при приёме храмов открыто было такое обстоятельство, которое, казалось, обязывало св. Григория подвергнуть виновных взысканию, именно, не оказалось ни имущества, ни драгоценностей, ни денег, ни даже отчёта в расходовании того, чем цари и жертвователи обогащали храмы, то он и здесь не стал входить в разыскания, к чему принуждали его и что настойчиво советовали. Он полагал, что такие розыски в конечном результате повели бы к унижениям Церкви, почему он решил, «пусть ищут дать отчёт те, у кого было что, а не те, кому, что следует получить». Имевшие пристрастие к богатству порицали Григорьев поступок, но бывшие выше этой страсти одобряли его. «Если вообще худа ненасытимость, говорил св. Григорий, то ещё хуже быть ненасытным лицу духовному». Очевидно, если бы все так рассуждали о деньгах, то не было бы беспорядка в Церквях⁴¹⁸.

Кроме того, благосклонное отношение царя к св. Григорию возлагало, как думали, на последнего известные обязанности. Ожидали, что он будет стараться упрочить своё положение обычным в то время заискиванием у Двора, низкопоклонничеством пред чиновначальствующими, отважится, быть может, на подкуп или другие постыдные дела. Ничего подобного св. Григорий не позволял себе. Мы знаем, какую цену в его глазах имели почёт, слава, богатство. И теперь он вовсе не думал являться ко Двору, но продолжал следовать своим прежним правилам. Напротив, теперь то в особенности он хотел показать, что упрочение православия и своего положения он приписывает не милости людской и не счастливому стечению обстоятельств, но исключительно Божьему промыслу. Поэтому, «к вратам царёвым» он не припадал, дворов вельмож не знал, и хотел снискать уважение тем, чтобы его редко видели. Большую часть времени он посвящал Богу и своему внутреннему очищению, а двери сильных земли он предоставил

другим⁴¹⁹. Как мы видели, всё своё внимание он обращал на благоустройство приходской церковной жизни, на заботы «о нищих, монахах, девах, служащих при храмах, о странных, прохожих, узниках, о псалмопениях, о всенощных слезах, — обо всём, что веселит Самого Бога, когда совершается благочинно⁴²⁰. Свидетельством таких забот св. Григория остались его «Похвала девству, советы девственникам, послания к монахам, к девам, на любомудренную нищету, на терпение» и другие добродетели⁴²¹. Храм пророка Илии, по случаю устройства в нём св. Григорием странноприимницы, получил название «Вдовьего», являясь памятником забот святителя о бедных и вдовах. Некогда противники его смеялись над ним, говоря, что у него недостаёт народа для наполнения одних притворов. «А теперь у нас, замечает он, полон не только храм, но полны и многие и многие храмы»⁴²².

Чтобы окончательно выяснить свои отношения ко Двору и вообще властям, св. отец в скором времени по вступлении в управление городскими церквами произнёс, в присутствии Двора, «Слово о самом себе к говорившим, что он желает Константинопольского престола»⁴²³. В нём, высказав своё удивление необычайной любви константинопольцев к речам его, иноземца, и усматривая причину её в своём любомудрии, проповедник бичует зависть, этот яд для страждущих ей, как одну из самых постыдных страстей. Эта же зависть служит причиной злостраданий и его и паствы. Но было бы обидно и несправедливо думать в отношении самого пастыря, что он перенёс столько злостраданий из-за честолюбья, или подобных ему расчётов, нет, он страдал для защиты Церкви от врагов, Церкви дотеле вдовствовавшей и безмужней. Как делающий добро ради самого добра, он не думает теперь, с достижением благоденствия, изменяться, что бы ни говорили завистники и каковы бы ни были обстоятельства. Сочувствующих его стремлениям он восхваляет за верное исповедание Троицы и за готовность свою веру засвидетельствовать добрыми делами. Этих добрых дел он желает от всех пасомых. «Цари, покажите примеры в добродетели! Будьте богами для, ваших подданных. Ваша сила — в добродетели, а не в золоте и войске»,

обращается он ко Двору. К вельможам, благородным, гражданам он взывает об облагорожении нравов и борьбе со страстями.

Как видно, св. отец на церковной кафедре чувствовал себя пастырем людей всяких сословий — и царей, и подданных, и высоких, и низких, ко всем обращаясь с пастырским назиданием. Иных, отношений святитель не признаёт. Чтобы представить себе, какое великое дерзновение высказывается в таком образе поведения, достаточно припомнить, каковы были условия того времени, что привыкли слышать повелители дерзновенного обличителя нравов. Судьба одного из ближайших преемников св. Григория по Константинопольской кафедре св. Иоанна Златоуста служит наглядным показателем истинности сказанного.

В то время, когда св. Григорий упрочивал положение в столице православия, ариане не оставляли своих замыслов устранить с дороги неприятного по своей деятельности епископа и организовали на него новое покушение. Однажды, когда святитель оставался дома, по случаю болезни, не раз посещавшей его в последнее время, в его комнату вошло несколько простолюдинов и с ними молодой человек в страшно возбуждённом состоянии. Появление их было так неожиданно, что они застали епископа на своём одре и успевшем только немного свесить ноги. Простолюдины, наговорив много слов благодарности Богу и Царю за этот счастливый день, ушли, а юноша своим безысходным горем, слезами, ломанием рук и припаданием к ногам епископа вызвал даже слёзы у него самого. И только вошедшие слуги объяснили, что этот юноша — его убийца, и что если св. Григорий остался живым, то только потому, что находится под особым покровом Божиим. Очевидно, в самый момент исполнения преступного замысла ангел-хранитель защитил подвижника. «Да спасёт тебя Бог, а мне, спасённому, уже не важно показать себя милостивым к убийце! Дерзость сделала тебя моим. Смотри же, не посрами меня и Бога», — вот ответ св. Григория, вызвавшей в народе новый взрыв добрых к нему расположений, когда огласилось происшедшее⁴²⁴.

Вскоре св. Григорий ещё раз блистательным образом доказал что он не помнит обид и всегда готов первым идти навстречу миролюбивым отношениям. Это сказалось в возобновлении сношений с Египтом. Понятно, что после неудачного покушения Максимова, между св. Григорием и Петром Александрийским, поддерживавшим Максима, добрые отношения нарушились. Однако, пользуясь прибытием египетских судов с хлебом, св. Григорий приветствует прибывших «Словом к пришедшим из Египта»⁴²⁵, и, восхваляя их не только за хлеб вещественный, коим они снабжали столицу, но и за духовно-правое учение. «Народ мой! вот я даю десницу общения при стольких свидетелях и древнюю клятву отражаю новой расположенностью. Вы вступили не к чужим иноземным, но к своим... Узнайте, что мы — ваши, как распознают своих по клеймам оружия».

Проповедническая деятельность Григория на Константинопольской кафедре не ограничилась рассмотренными доселе словами: ему принадлежит ещё несколько произведений того же характера. Именно, Слова: а) «в похвалу св. священномученика Киприана, говоренное на другой день его памяти», в коем прославляются подвиги мучеников вообще и Киприана в частности⁴²⁶;

б) на Евангельские слова: «Егда сконча Иисус словеса сии» (Мф. 19,1), — единственная гомилия, одна, как думают⁴²⁷, из множества бесед, произнесённых Григорием без записи и составляющая часть целого ряда толкований на Евангелие, замечательная учением о девстве и супружестве⁴²⁸;

в) «На Богоявление или Рождество Спасителя»⁴²⁹;

г) На святые светлыя явления Господних» — (6 января 381 года)⁴³⁰ — и

д) «На Святое Крещение» (7 января)⁴³¹ — все три важные в литургическом и бытовом отношениях. В первом из них говорится о христианском проведении праздников, во втором — сопоставляются христианские таинства с языческими и выясняется превосходство первых пред последними, в третьем говорится о таинстве крещения и о необходимости не

откладывать совершение его иногда только по суетным соображениям;

е) «На Святую Пятидесятницу, произнесённое 16 мая 381 года⁴³²» — о значении седмичного числа и о Св. Духе, по поводу Македонской ереси.

Чтобы закончить обзор Константинопольского периода пастырской деятельности св. Григория, нам остаётся рассмотреть последний акт событий, имевших место в том же 381 году. Разумею Второй Вселенский Собор и отношение к нему св. Григория.

15 мая 381 года в Константинополе открыл свои заседания Второй Вселенский Собор, состоявшей исключительно из епископов восточной половины империи, заражённой арианством⁴³³. На составе Собора сказалось тоже стремление царя привести к союзу и единомыслию к вере Церкви, разрозненный слабостью Констанция и нечестием Валента: были приглашены на Собор епископы Иллирийского округа, учившие, что Сын Божий подобосущен Отцу, а Дух — творение. Собор открыл свои заседания под председательством Мелетия Антиохийского, как занимавшего старейшую кафедру, так и известного своими высокими нравственными качествами⁴³⁴. Историк Феодорит повествует, что при первом представлении царю собравшихся епископов, Феодосий сам узнал Мелетия на основании бывшего ему ранее сновидения и оказал ему особые знаки внимания⁴³⁵.

Почтённый вниманием царя и доверием епископов, собравшихся в количестве около 150 человек, Мелетий открыл соборные занятия, не дождавшись приезда александрийских епископов. Сделав неудачную попытку примирения с собой Македонианских епископов, решительно отказавшихся признать Единосушие Отца и Сына и согласившихся скорее быть арианами, чем православными⁴³⁶, Собор занялся делами Константинопольской кафедры.

Попытка Максима циника свергнуть св. Григория была осуждена, и сам он был отлучён от Церкви. Вопрос о замещении столичного престола не потребовал долгих рассуждений. Внимание всех было обращено на св. Григория.

Его выдающиеся дарования, его самоотверженная пастырская деятельность на пользу столичной Церкви, двукратное избрание народом и царём, его, наконец, дружеские связи со многими выдающимися епископами и самим председателем Мелетием были причиной того, что утверждение на кафедре не встретило никаких возражений. Сам же он «сколько ни вопиял и ни жаловался на сие, однако, для пользы церковного благоустройства, решился принять это утверждение». Вероятно, такому решению его много способствовало и то мирное течение дел на Соборе, которое царило на нём при Мелетии. Св. Григорий надеялся, что церковное единение и дисциплина будут теперь упрочены, что недостатки церковной жизни, так глубоко печалившие его, будут устранены и что Церковь заживёт счастливой мирной жизнью.

Но вскоре Мелетий, «исполненный измеряемых и не измеряемых лет, этот мёдоименный и мёдонравный муж»⁴³⁷ умер, сделав пред смертью много увещаний о примирении и наставлений о продолжении соборных совещаний. Его напутствовали надгробными похвалами «все, кто только владел даром слова»⁴³⁸. Но едва его останки были вынесены из столицы для погребения в его епископии⁴³⁹, как на Соборе поднялись споры и раздоры; с духом Мелетия отлетел в ангельский сонм и мир, царивший в собрании епископов. Место председателя Собора занял св. Григорий, не без указания, вероятно, самого Мелетия.

Теперь, прежде всего, возникал вопрос о замещении кафедры Мелетия, — вопрос, как казалось св. Григорию, но требовавший совещаний, но созданный мятежными и злонамеренными людьми, послуживший камнем недоразумений и вызвавший целую бурю на Соборе. Дело в том, что в Антиохии с шестидесятих годов IV века было одновременно два епископа — Мелетий и Павлин, имевшие каждый свой круг друзей и врагов, принадлежащие к разным направлениям тогдашней богословской науки и с разными симпатиями к другим Церквам. Мелетий, вначале склонный к арианству, был сторонником антиохийского богословского течения и поборником идеи независимости Восточной Церкви от Западной, за что в Риме

проклинали его, как еретика, а в Александрии не хотели иметь общения с ним. Но весь Восток, особенно Сирия и Малая Азия, питал к нему уважение. Св. Василий Великий также относился к нему дружелюбно.

Павлин держался стороны александрийствующих, пользовался симпатиями никейцев, был поставлен в епископа Антиохии выходцем с Запада Люцифером, поддерживал связи с Римом и пользовался его покровительством. В Антиохии была у него своя община. Обе стороны крайне враждовали друг с другом. Эта долго продолжавшаяся вражда мелетиян и павликиан, крайне прискорбная и унижительная для верующих, разделившая Восток на две половины, была несколько устранена соглашением на Антиохийском соборе (вероятно — 378 г.), по которому оба епископа, Мелетий и Павлин, остаются в своём сане до смерти, но после смерти кого-либо из них место другого не замещается и таким путём восстанавливается единство. Соглашение было удостоверено клятвой.

Теперь, когда, за смертью Мелетия, наступило время выполнить клятвенное обещание и устранить домашний спор Восточной Церкви, св. Григорий выступил со своим предложением признать оставшегося в живых Павлина епископом антиохийским и тем умиротворить эту Церковь. Кроме того, тем самым достигалось примирение и с Церковью Западной. Своё предложение он находил мерой наилучшей и наиболее соответствующей к прекращению бедствий. Но так как Собор состоял из приверженцев Мелетия и последователей антиохийского направления, то молодые епископы, а за ними и старые, высказались против признания Павлина, видя за ним торжество Рима. После того, как много было наговорено и за и против, св. Григорий сказал: «Друзья, мне кажется, что не все вы равно постигаете дело и хотите, чтобы слово моё касалось не того именно, о чём надлежит теперь рассуждать, но как можно далее уклонилось от необходимого вопроса. У вас идёт рассуждение об одном городе, и это для того, чтобы произвести теперь ещё больше спора. А у меня слово о деле, гораздо более важном и общем. Потоками Своей драгоценной Крови Господь запечатлел весь круг земли, который теперь

восколеблен и разделён на две части... Пока жив был Мелетий и оставалось неизвестным, примут ли его когда-нибудь епископы западные, было извинительно несколько и оскорбить в меру этих защитников законов. Теперь же примите предложение старца, превышающее мудрость, юных, кипящих суетной славой, — предоставьте престол Павлину... Настала решительная минута или сохраниться нашему священному догмату, или от раздоров пасть невозвратно... Пусть (западные) победят нас в малом, чтобы самым одержать важнейшую победу и спасти мир»⁴⁴⁰. Доказательством искренности своего предложения он добровольно предложил желающим занять его престол.

Внесённое председателем предложение о способе разрешения антиохийского вопроса вызвало целую бурю страстей. Каждый кричал своё. «Это было стадо галок, собравшихся в кучу, буйная толпа молодых людей... Они походили на ос, которые мечутся туда и сюда, и вдруг всякому бросаются в глаза»⁴⁴¹. Так выходит дело в Григорьевым описании соборного совещания. «Но не стадом галок, в сущности, были отцы Собора, отвергая Павлина, — говорит профессор А. Лебедев, — а, напротив, высоко парящими орлами, с выси серьёзного понимания церковных дел усматривавшими, как опасно было уступить Западу даже в малом, тому Западу, который в это время начал уже показывать свои хищнические когти»⁴⁴².

Может быть, члены Собора стояли ниже св. Григория в понимании нужд Церкви и в желании вселенского единства, но факт тот, что предложения его они не приняли, ошибочно подозревая его, александрийца по направлению и западника по симпатиям, действующим в партийном духе, в чём, впрочем, обвинять его мы не вправе.

Как бы то ни было, но между председателем и членами Собора произошёл разрыв: они перестали понимать друг друга. Епископы избрали преемником Мелетию пресвитера Флавиана, а св. Григорий, одержимый притом же болезнью, перестал посещать соборные заседания, ибо «вступать в совещания с такими людьми не пожелал бы никто из имеющих страх Божий и

уважение к епископскому престолу»⁴⁴³. Между тем, Собор, продолжая свои занятия по составлению Символа, не удовлетворил, быть может, — догадывается тот же профессор — другого желания св. Григория, — точнее формулировать учение о Св. Духе, назвав Его Богом⁴⁴⁴, и принял ряд снисходительных уступок еретикам в делах веры, чему св. Григорий не мог сочувствовать, хотя относился к еретикам, как людям, мягко. Всё это углубляло пропасть, разделявшую стороны, все больше и больше. «Им не нравился вводителю новых учений, но и они не понравились благоразумному». В глазах св. Григория Собор, допустивший к общению неких, двусмысленно веровавших, стал «сбродом хриstopродавцев, единомышленных только на худое, желавших склонить его седину к такому, чего исполнить он не мог». «Скорее реки потекут вверх и огонь примет направление, противоположное обычному своему стремлению, нежели я изменю чему-либо в моём спасении»⁴⁴⁵.

И вот, св. Григорий и Собор, эти «Лот и Авраам», идут в разные стороны. Случившиеся недоразумения настроили душу св. Григория на обычный у него в таких случаях лад: он стал усиленно думать об уединении и приготовлении души к переселению из этой жизни. Поэтому, он не только устранился «от худых бесед и собраний», но ушёл даже из епископского дома, к огорчению не только расположенных к нему членов Собора, каковых было немало из числа епископов Понтийского округа, но и народа, не желавшего расставаться с любимым пастырем. «Сколько было терзаний! Сколько слёз! В громких восклицаниях умоляли все остаться, заклиная, оплакивая, как уже умершего. Кому оставляешь народ свой? Кто воспитает твоё насаждение? — вопрошали пасомые. Умри с нами, — просили иные»⁴⁴⁶.

Св. Григорию было страшно тяжело. Он крепился, однако. Прибытие египетских епископов, приглашённых содействовать миру, ускорило развязку. Новоприбывшие, осведомлённые о положении и ходе дел на Соборе, сочли своим долгом «Во всём противодействовать совещающимся, проявившем наглость как теперь, так и в другое время ». Таким образом, Собор сделался

ареной сведения личных счётов, частью старых. В своих частных беседах с св. Григорием члены его не скрывали своей затаённой цели: привести, во что бы то ни стало в затруднение противную сторону. Посему, и в рассуждениях водились не только разумом, сколько раздражением. «Как вевери, сошлись они, остря друг на друга свирепые зубы и искошая огненные очи»⁴⁴⁷.

На самого св. Григория новоприбывшие, единомышленные ему по направлению и отношению к Символу Никейскому, «повеяли чем-то грозным и западным». В деле утверждения его на престоле они «усмотрели нечто горькое» — нарушение 15-го правила Никейского Собора, каковым правилом запрещалось епископу в видах честолюбивых переходить с одной кафедры на другую. Так как Григорий, рассуждали таковые, был посвящён в епископа Сасимского, то епископом Константинопольским быть не мог. Правда, другой Вселенский Собор самым избранием его на другую кафедру тем самым отменил дисциплинарное правило своего предшественника, однако египетские епископы не признавали соборных определений, состоявшихся ранее их прибытия. Мало того, и Мелетий, и Собор Антиохийский, вверившие св. Григорию управление столичной кафедрой, знали истинный смысл и цель правила — устранение повода к расчётам честолюбия, и, однако, не допускали подобной мысли в отношении св. Григория, менее всего повинного в честолюбивых замыслах⁴⁴⁸. Тем не менее, «с меня началось это правило», — с грустью вспоминал потом св. Григорий⁴⁴⁹.

Чаша терпения Григорьева переполнилась. Заподозревание его в честолюбии помогло ему разорвать все узы, «хотя едва ли возможно было убедить в чём-либо добром людей, заражённых любоначалием». Уже если подвергают сомнению избрание его, чистота намерений которого доказана перенесением скорбей, зол, брани, угощения камнями, то какая цель была оставаться дальше в содомском огне и епископском омрачении. «Два раза спотыкаться о тот же камень, по пословице, свойственно одним безумным»⁴⁵⁰. Он видел, что на Соборе идёт раздор не за слово веры, а за частные и мелочные притязания⁴⁵¹, и решил

разрубить узел, — оставить этот мятежный город и для успокоения пожертвовать своей кафедрой, этой завидной, но опасной высотой. Выбрав удобную минуту, он вышел на середину Собора и сказал трогательную речь: «Вы, которых собрал Бог для совещанья о вещах богоугодных, вопрос обо мне почитайте второстепенным. Мое дело не заслуживает внимания такого Собора. Устремите мысли свои к тому, что важнее; соединитесь, скрепите, наконец, взаимные узы любви... Пусть Я буду Ионой, хотя и не виновен в буре; жертвую собой для спасения корабля. Возьмите и бросьте меня по жребию. А вы с этой минуты положите начало единомыслию... Долго ли будут смеяться над нами, как над людьми неукротимыми, которые научились только одному — дышать ссорами? Даю закон стоять за законы... Я не радовался, когда восходил на престол, и схожу с него добровольно. Один за мной долг — смерть... Всё отдаю Богу. Прощайте и, вспоминайте о трудах моих⁴⁵²!

Отказ св. Григория произвели раскол в членах Собора. Многих это ужасно поразило. «Одни поспешно ушли вон, как стрелы молнии, другие затыкали уши, всплескивали руками, не хотели и слышать об отказе и видеть другого вместо меня». Многие епископы, непричастные к закулисным интригам, были решительно против принятия такой жертвы от св. Григория, каковы — св. Амфилохий Иконийский, св. Григорий Нисский, св. Кирилл Иерусалимский. Но жаждавшие нестроений и одержимые честолюбивыми замыслами взяли перевес, и Собор «почтил его беспрекословным согласием». «Так отечество вознаграждает друзей»⁴⁵³, заключает св. отец повесть о самом себе.

Со смешанными чувствами радости и горя покинул св. Григорий Собор. С одной стороны, он радовался, что снял с себя иго служения, против воли и желания наложившее на него обязанность разбираться в хитросплетениях злобы, что ненавидела душа его; с другой стороны, ему жаль было народа. «Да и кто не сокрушается о сиротеющих детях?» Борьба, ожесточённая по своим проявлениям, бесцельная по содержанию, преступная по идее, требовала от него громадного

напряжения сил. Он не мог со спокойной совестью посвящать себя этой борьбе, затрачивать силы и время для дела, коего не выносила его душа. И вот, «изнемог пастырь, долгое время боровшийся с губительными волками и препиравшийся с пастырями: нет уже бодрости в его согбенных членах; он едва переводит дыхание, подавленный трудами и общим бесславием. Соль обуяла... Епископы состязуются за священные престолы, восстают друг на друга; это — неукротимые воители, возглашающее: мир, и хвалящиеся кровью... Всякий стал двоедушен... Предлогом споров — Троица, а истинной причиной — невероятная вражда... Зло разливается широкой волной... Седину старых затмевает дерзость юных... Погибла вера в Бога... Какой обман! Епископы на словах были друзья, а на деле — враги!.. О, алтари, о метания камней и все труды, какие совершал я дотоле с начала подвижничества! Куда, к кому обратиться,

чьим стать ближним? Если светильники сделались таковы, если свет таков, то — какова тьма?⁴⁵⁴» — думалось разбитому и телом и духом св. Григорию.

Из собора епископов св. Григорий отправился к царю, чтобы испросить у него согласия на своё удаление из столицы и с кафедры, которую официально занимал лишь несколько бурных недель. Держа себя пред двором, вообще, с сознанием пастырского достоинства, он и теперь произнёс пред императором речь, насколько остроумную, настолько же богатую своим содержанием и пастырским духом. «Щедродаровитый царь, говорил он, прошу и я у тебя милости: не золота, камней, богатых мест для родни, о чём обычно просят тебя... Для меня этого мало, ибо я почитаю себя стоящем более важного... Дозволь уступить немного зависти: желаю чтить престолы, только издали... Я изнемог, видя вражду всех, даже друзей, потому что не могу обращать взоров ни на что, кроме Бога... Прикажи епископам быть согласными, если не из страха Божия, не из страха наказания, то ради угождения тебе... От епископов же требуй седин и следов пота для Бога»⁴⁵⁵.

Эта речь подвижника вызвала только рукоплескание со стороны самодержца и его свиты. Однако Феодосий не внял тем мыслям, кои заключались в этой прощальной ему речи: он не поддержал и не удержал св. Григория. Очевидно, характер св. Григория не согласовался с придворной обстановкой он был слишком аскетичен и слишком непрактичен для столичного епископа. Его простая сельская жизнь в столице среди знати, его скромная убогая одежда, его отказ участвовать в придворных торжествах, — всё это подвижничество и само по себе являлось молчаливым укором для суетного света, а в соединении с огненными речами его было почти невыносимым для Двора. Добродетельный человек не всегда и не всюду является удобным и желательным. Уже по тому одному, что Феодосий из списка кандидатов на его место, представленного Собором, не выбрал ни одного, а назначил преемником ему сенатора Нектария, некрещённого, обладавшего единственным приятным для Двора качеством — осанистым видом и общительным характером, можно заключить, что внешние достоинства предпочтены были великости духа.

Св. Григорию оставалось преодолеть ещё последнее препятствие — любовь к себе народа, препятствие тем более тяжёлое для него самого, что и он искренно любил этот народ, всецело преданный ему и ни в чём неповинный. Как любящий и самоотверженный пастырь, он всячески старался облегчить пасомым разлуку с ним и помочь им перенести это испытание. Ничто не останавливает его в стремлении успокоить совесть пасомых, для чего он всецело только на одного себя берёт вину разлуки и тем до конца несёт свой крест. Всех он старается успокоить, чтобы равнодушно приняли его уход и не оказывали ему сопротивления. Он употреблял для этого ласки, похвалы, просьбы. Одних он убеждает сделать это из любви к нему; других — по раздражению на дурной его поступок. Будучи таким врачом, который сам не болен⁴⁵⁶, он готов принять на себя даже не имеющее оснований обвинение в дурном поступке, лишь бы своё удаление представить для виновников его в благоприятном для них самих виде. Он ссылается и на свою старость, и на болезнь, и на непригодность для столицы. «На

что вам нужен старик робкий, ослаблений, умирающий ежедневно, беспокойный, ибо старость ворчлива? На меня неприятно действуете то, что приятно для других, и увеселяюсь тем, что для иных огорчительно. Посему, не удивился бы, если бы меня, как человека беспокойного, связали и признали сумасбродным»⁴⁵⁷. Только человек много и глубоко любящий может так заботиться о спокойствии других в то время, когда сердце его разрывается на части от причиняемого ему огорчения теми, для кого он жертвует собой. Всё это вместе с тем служит объяснением того поступка св. отца, в котором, по его словам, многие склонны были видеть вспыльчивость, излишнюю обидчивость или, вообще, неровность характера: он был выше таких мелочных недостатков и действовал обдуманно и сознательно.

Свою пастырскую деятельность в Константинополе Григорий закончил «Прощальным Словом»⁴⁵⁸. Слишком много любви и внимания видел он от пасомых, слишком много разговоров было вокруг его имени. Одних он должен был утешить, пред другими оправдаться в своих действиях, а всем вообще преподать своё последнее пастырское наизидание. С другой стороны, много стало пастырей и достойных и недостойных. Идеал пастыря и его служенья в сознании многих потускнел, помрачился. Нужно было и словом и делом восстановить этот идеал и указать отличительные черты пастырей достойных от недостойных. И вот, св. отец в последний раз выступает на кафедре, чтобы произнести прощальное Слово, выдающееся своей художественной красотой, простотой, стройностью, искренним элегическим чувством, проникающим в душу и так сильно действующим, что без слёз невозможно читать эту лебединую песнь любвеобильного самоотверженного старца-пастыря.

«Какими находите дела мои, любезные пастыри и сопастыри? Каким представляется вам моё странствование и его плоды?» – вопрошает он. Изобразив, затем, достойное слёз прежнее положение Церкви Константинопольской, он с чувством меры изображает цветущее настоящее её состояние, относя это благодетельное изменение к милости Божией, как

награду за восстановление правильного учения о Св. Троице, подобно тому как прежнее неустройство, неблаговедрие было вразумлением за искажение сего учения. Этот плод, возвращенный при его участии, он приносит собранно, присоединяя кратко и то учение, которое он исповедовал и проповедовал. Указав на свою бескорыстную деятельность, он взывает к совести всех о предъявлении ему обвинений, если они есть, давая вместе с тем ряд наставлений о пастырском служении и, в частности, о выборе себе преемника, который должен возбуждать зависть, а не сожаление. Себе же пастырь испрашивает одной лишь награды за труды — «увольнительное писание с добрым свидетельством, если угодно». Ещё раз обличив недостаток христианской любви и правильного понимания духа пастырского служения у тех, кои толкали его к мерам мщения по отношению к прежним обидчикам Церкви, или которые осуждали его за сельскую жизнь в столице, св. отец заканчивает речь «прощанием» со всем, что было так мило тяжёлой одинокой непосильной борьбе с тем царством ада, которое он нашёл в Константинополе, с своей стороны охотно примиряясь с теми, кто были виновниками его злоключений.

«Прости, Анастасия, воскресившая нам учение, место общей победы, Силом, в котором мы водрузили скинию, сорок лет блуждавшую по пустыне!.. Простите, и прочие храмы!.. Простите, Апостолы, мои учителя в подвижничестве!.. Прости, кафедра, эта завидная и опасная высота! Прости, собор архиереев и иереев, ликостояния назореев, честность дев, благопристойность жен, толпы вдов и сирот, очи нищих, устремленные к Богу и к нам! Простите, любители моих слов, эти народные собрания и стечения, и эти трости, пишушие явно и скрытно, и эта решётка, едва выдерживающая стесняющихся к слушанию!.. Простите, цари и царские дворцы, служители, домочадцы! Плещите руками! Умолк язык, для вас неприязненный и вещий! Хотя он и не вовсе умолкнет, и будет ещё препираться рукой и чернилами... Прости, град великий и христоробивый!.. Приступите к истине, перемените жизнь свою, хотя поздно. Чтите Бога более, нежели сколько обыкли. Простите, Восток и Запад! За вас и от вас терпим нападение.

Не утратят Бога удалившиеся от престолов, но будут иметь горную кафедру, которая гораздо выше и безопаснее этих кафедр. Простите, ангелы, надзиратели сея церкви! Прости мне Троица, моё помышление и украшение. Чада, помните, как побивали меня камнями! »⁴⁵⁹

Вскоре, затем, св. Григорий оставил Константинополь. Это было в 381 году.

Так закончилась многотрудная и многополезная пастырская деятельность св. Григория в столице империи.

Немного времени она продолжалась, не полных три года, но она богата своими результатами. Если Церковь Константинопольская не была вполне уничтожена еретиками, которые из шестидесяти слишком лет, прошедших со времени Первого Вселенского Собора, в течение сорока лет непрерывно владели этою Церковью; если из развалин и разорения она была воскрешена и восстановлена, если из запущенной нивы она стала плодоносящей, — то честь такого восстановления принадлежит героической пастырской самоотверженной деятельности св. Григория, показавшего на своём примере, что может сделать даже один пастырь-ратоборец, если он с живой верой в Бога и искренней любовью к своему пастырскому делу приступает к служению. Правда, Григорьевых трудов не оценили и не оказали ему нравственной поддержки. Тяжело это. Но, ведь, пастырство — крестоношение. Поэтому, пусть пастырь и не рассчитывает на эту поддержку, и запасается самоотвержением.

В своём лице св. Григорий оставил всем пастырям высочайший пример пастырского смирения и самопожертвования для сохранения мира и благосостояния Церквей и идеал пастырской деятельности, в коем пастыри найдут для себя и много уроков и много утешений в их многотрудном и тернистом жизненном пути.

Глава 4-я. Заключительный период жизнедеятельности Григория

Григорий у могилы Василия. Надгробное слово ему. Арианское отшельничество. Душевное состояние Григория. Переписка с друзьями. Физические недуги. Дела Назианзской Церкви. Поручение Григорию временного управления ею. Нападение аполлинаристов на Назианзскую Церковь и отражение их Григорием. Два послания к Кледонию. Заподозривание Григория в ереси. Решительный отказ Григория от управления Назианзской Церковью. Избрание преемника ему. Участие Григория в обще-церковной деятельности. Забота о должном направлении дел на Константинопольском Соборе и благо устроении церквей. Отношение к еретикам. Поэтическое дарование Григория, как особый вид его пастырского служения. Разделение, количество, характер и содержание его стихотворений. Литургическое значение поэтических произведений Григория. Письма Григория, как другой вид пастырской деятельности его, и значение их для характеристики пастырской деятельности. Значение писем в вопросе частного душе попечения. Аскетические подвиги Григория. Борьба с помыслами, страстными движениями плоти и с дьяволом. Приуготовление к отшествию. Заключительная стадия жизненного подвига его. Кончина праведника. Надгробия. Завещание. Характеристика Григория, как писателя и богослова догматика-полемиста, как оратора-проповедника и как пастыря-моралиста.

«Gregorius vir eloquentissimus hic
grammaticae poeticesque laude
florebat» (Ex Hieronymo, ex Suida —
Migne, p. c. s. g. t. XXXV, c. 305–306).

Первым делом св. Григория, по оставлению Константинополя, было почтить память своего нежно любимого друга — св. Василия Великого, незадолго перед тем скончавшегося. С ним связывали его самые глубокие и горные чувства любви и дружбы, не ослабевшие и после того

испытания, какое явилось для этих чувств в насильственном посвящении и назначении св. Григория в Сасимы. Твёрдый, практический, здравый ум св. Василия и раньше властно владел над нежным и способным к высоко задушевному переживанию женственным организмом св. Григория. Время примирило его с произведённым над ним насилием. Он увидел в нём проявление Промысла Божия, и покорился. И в Константинополь св. Григорий отправился «не без воли Василия», видевшего в нём единственно пригодного человека для великой задачи, предстоящей там пастырю в тот момент, а скорее, нужно думать, по настоятельному его совету⁴⁶⁰. Теперь, блистательно выполнив долг послушания, св. Григорий удовлетворяет своему сердечному желанию и спешит в Каппадокию, на могилу своего друга, чтобы поклониться его праху и выплакать свою душу в обширном «Надгробном Слове», представляющем образец панегирического искусства⁴⁶¹. «Недоставало ещё, чтобы Великий Василий, предлагавший мне многие предметы для слов, ныне самого себя предложил предметом слова», — так начинает свою речь св. отец. Упомянув о том; что он приступает к прославлению великого мужа после всех других по той причине, что всё сие время занят был попечениями об истинном учении, подвергшемся опасности, и, будучи против воли пресельником, оратор даёт столь блестящую характеристику св. Василия, что, читая её, не знаешь, чему более удивляться, добродетелями ли и подвигам св. Василия, или превосходному описанию их св. Григорием⁴⁶².

Шаг за шагом описывает он жизнь св. Василия, начертывая светлый и величественный образ каппадокийского архипастыря. Самомалейшие черты его биографии не опущены без внимания, давая богатый материал для его характеристики. Пастырская деятельность св. Василия, в особенности его злострадания от Валента и ариан, очерчены так картинно и художественно, что, навсегда оставаясь славной страницей в жизни Василия, они венчают оратора ореолом гениального художника слова.

«Сие тебе, Василий, от меня дар. Кто же восхвалит меня, который, удручённый старостью, болезнью и скорбью, после

тебя оставляю жизнь?» — так заканчивает он похвалу св. Василию⁴⁶³. Как видно из тона всей речи, мысль о смерти всё чаще и чаще занимала душу св. Григория. Это и понятно: тяжёлые жизненные разочарования всегда настраивают душу человека на элегический лад, обращают мысль к цели и смыслу жизни, и заставляют невольно думать о конце жизни.

Отдав последний долг памяти св. друга и прибыв в Арианз, св. отец всецело предался своим печальным думам, навеянными на него пережитым на Константинопольской кафедре. Мысль добровольного изгнанника невольно возвращалась к месту и свидетелям его подвигов и любила приветствовать из дальнего уединения знакомые места, дорогие лица и памятные сердцу сцены. В большинстве этих воспоминаний изливается скорбь наболевшего чувства благородной и любящей души, незаслуженно оскорблённой в самых лучших своих привязанностях. Правда, — недругам и завистникам он простил все обиды и даже забыл о существовании их⁴⁶⁴, но чувство скорби по поводу распространяющегося господства зла над добром и бессилия борьбы с ним не покидало его до конца жизни. Особенно сильны были эти чувства в ближайшее к пережитому время, когда первоначальная радость по поводу свободы от невыносимой атмосферы зависти, происков, интриг, окружавших престол⁴⁶⁵, уступила место холодному рассудочному анализу и обнажила свежую душевную рану.

В самом деле, вот он, «дышащий мертвец, полумёртвый, полу иссеченный, влекущий жизнь болезненную, не благоуспешную, сокрушённый старостью, болезнью и скорбями⁴⁶⁶, какую он получил награду за свои труды? Разрыв со всем дорогим и увольнение, право на каковое он выстрадал и душой и телом⁴⁶⁷. Свою скорбь о храме Анастасии он изливает в знаменитом «Сне» о нём⁴⁶⁸. Тяжесть разлуки с друзьями видна из письма его к Амазонии. Если кто из общих наших друзей спросит у тебя: где теперь Григорий? что делает? — смело отвечай, что любомудрствует в безмолвии, совсем забыв обидчиков. А если тот же человек ещё спросит тебя: как же он переносит разлуку с друзьями? то не отвечай уже смело, что любомудрствует, но скажи, что в этом он малодушествует.

Ибо у всякого своя слабость: а я слаб в отношении дружбы и к друзьям... Одним только послужишь мне..., а именно, если станешь о мне помнить и уверишь письмами, что это действительно так»⁴⁶⁹. Высоко ценивший дружбу св. отец в отношении друзей открыто признаётся в своём малодушии и слабости к ним.

Но какие реальные последствия получились в результате самоотверженной деятельности его в Константинополе? И своим делом, и своими наставлениями он хотел ясно, доказать, каковы должны быть пастыри вообще, а для данного времени в частности; он особенно заботился о том, чтобы его преемник был энергичным продолжателем его трудов и обладал возможным совершенством. Между тем, как мы видели, преемником ему избрали человека даже некрещённого, неопытного в церковном управлении, такого, которому, по словам св. отца, «и не надлежало бы приближаться к спасительным дверям: тот предпочтён его тайнодействиям»⁴⁷⁰. Затем, беспорядки на соборных совещаниях с уходом св. Григория не прекращались, как это видно из письма последнего к экзарху Софронию с просьбой всемерно позаботиться о водворении мира среди враждующих⁴⁷¹. Все эти обиды и нестроения вызывали слезы у св. Григория. Дав обещание, при прощании с паствой, громить порок и порочные склонности если не языком, то рукой и чернилами⁴⁷², теперь в уединении он исполняет своё обещание. В ряде сатир и поэм: «О различиях в жизни и против, лжеиереев», «К епископам», «К Константинопольским иереям и к самому Константинополю», «На своё удаление «На возвращение», «К себе самому»⁴⁷³ и др. он даёт простор своим чувствам негодования на недостойных пастырей и на зависть, помешавшую ему до конца умиротворить Церковь.

«Увеселяйся, кому угодно, моими страданиями, писал он. Хотя я и стар и изведаль много бедствий, однако же, и моя старость, в продолжение многих лет, не видела такого бедствия, какое видит теперь... иереи, приносящие бескровные жертвы! Законы! Цари, украшающиеся благочестием! Взываю к вашему благочестию: каково поступила со мною зависть? За что

разлучили меня с чадами, меня, который подвизался долгое время, озарял их небесными учениями и из камня источал им поток? Какое в этом правосудие?... Вожди народа восстали друг против друга, ополчась вместо орудия гневом и завистью и, кипя презорством, как свирепым огнем; они восстали, и разделилась целая вселенная. Как укрощающий львов или рассвирепевших кабанов, я оскорблений не прекратил а, как человек тонкий, сам затоптан. Если бы стал мучеником, то скорее освободился бы от опасности... Но нет возможности переносить благодушно обиду, которая такое долгое время непрестанно пред глазами... Тяжелы были бы здешние неудачи, если бы Бог впоследствии не оборачивал костей другой стороной...⁴⁷⁴. Зависть. Это зверь, исполненный яда, позорный столб, собрание всякого зла. Она поставила меня ниже худых. Боже, ужели и там (за гробом) будут первенствовать злые? Нет никакого различия между добром и злом, между благоразумной сединой и безрассудной юностью, богобоязненной жизнью и между жизнью распутной... Один закон: тому иметь преимущество, кто всех порочнее... Но пусть идут своим путём, а я поищу себе Ноева ковчега, чтобы спастись в нём от ужасной смерти. Я не дерзкий воитель... Удаляюсь и буду утешаться спокойствием... Радуюсь, что избежал зависти и после великой бури привязываю вервь к тихой пристани»⁴⁷⁵. Таковы были думы и чувствования добровольного отшельника.

Письма св. Григория этого периода, являясь ценным графическим материалом, дают нам точную картину его душевных переживаний, заветных дум, скорбей и радостей. Из них мы узнаём, что печальное настроение св. отца увеличилось ещё более от того приёма, который ожидал добровольного изгнанника на родине: ему пришлось оправдываться в своём оставлении Константинополя, как Церкви не своей, не ему назначенной, а потому и не подлежащему ответственности за оставление, каковой «он предпринял не слегка и не кое-как, но с большим тщанием и рассмотрением»⁴⁷⁶. Поэтому, в виду распространяемых врагами разных нелепых слухов относительно его жизни и деятельности, св. Григорий, не

любящий разглашать многое без уважительных причин, счёл себя вынужденным изобразить свою многотрудную и скорбную жизнь в «Стихотворении о своей жизни»⁴⁷⁷ и тем опровергнуть различные клеветы и обвинения, взводимые на него противниками.

«Когда, оставив чужую страну, повествует он, возвратился я в отечество и с удовольствием увидел родную землю и любезный народ, тогда, сверх ожидания, встретил очевидным образом исполнившееся над собою прекрасное и подлинное божественное слово, изреченное Господом, что всякий пророк кажется достойным чести только на чужой стороне»⁴⁷⁸.

Кроме того, св. Григорий испытал недобрые чувства со стороны некоторых «двуличных и двуцветных пресвитеров, лицемерно и худо относившихся к нему. «Спрашиваешь, каковы мои дела, пишет он Прокопию, отвечу тебе словами афинских послов лакедемонянам, сказавших: как к рабам – весьма милостивы, а как перед свободными – надменны. Это же и я должен написать. Со мной обходятся человеколюбивее, нежели как с людьми отверженными, но презрительнее, нежели как с людьми, готовящимися предстать пред Богом... Болезнь ещё мучит меня, а друзья не перестают делать мне зло и, сколько можно, вредить»⁴⁷⁹.

От мелкой зависти мелких людишек не спасли св. отца ни высокий нравственный характеру, ни великие заслуги пред Церковью. Льстивые и раболепные во время нахождения его на престоле, теперь, когда он оставил его, они готовы презирать его, и даже оказывать сострадание и покровительство, за которыми худо скрывается злорадование. Но тем хуже укусы этих насекомых, чем они меньше и многочисленнее.

Болезненное состояние Григория, о котором он упоминает в приведённом письме, было очень серьёзно. Он прибыл в родовое имение разбитым и физически и нравственно. Необычайное напряжение всех душевных сил в пережитых волнениях, при аскетическом образе жизни, совсем расстроило его здоровье. Особенно ослабели его ноги, отказавшиеся носить тело подвижника. Он не мог уже свободно передвигаться и должен был пользоваться услугами носилок и заботами

родственников⁴⁸⁰ или благочестивых женщин, посвятивших себя уходу за болящим⁴⁸¹.

Как же переносит свою болезнь и страдания старец? — С удивительным терпением, без намёка на ропот и недовольство. Героический дух благодушно взирает на немощь тела. «Стражду от болезни и изнемогаю телом... Расслабили мои члены и ноги ходят нетвёрдо» — жалуется он⁴⁸². Болезнь держит меня на привязи и для многого делает меня неудободвижимым или, говоря правду, совсем неподвижным. Потерплю сие, хотя со скорбью, однако же, перенесу. Да и чего горестного не переносит человек?» — пишет он одному другу, Кастору⁴⁸³.

Причину своей болезни он видит в злоухищрениях врага рода человеческого, старающегося сломить веру праведника. «Опять пришёл ты ко мне, коварный; и, сколько понятно, пришёл для того, чтобы истерзать во мне глубину моего сердца. Тебе хочется, чтобы от сильных и многократных потрясений этой жизни пал во мне священный образ. Пришёл ты с убийственными замыслами и излил на меня, бедного, весь яд горькой своей злобы... Но как ни преследуешь ты меня, докучливый демон, никогда не преклоню пред тобой колен моего сердца. Поражай кожу, человекоубийца, но душа неуязвима»⁴⁸⁴. Поэтому и главным лекарством святителя в телесных недугах была горячая, усердная молитва. «Повели мне, Христе, стать, наконец, здоровым! Твоё слово для меня врачество... Помоги, Твоему служителю! Восстанови меня и не отринь Твоего священника. Умилосердись, Христе! Если негодно Тебе исцелить меня, то дай силу к перенесению подвигов. А если изменил я Тебе во время бури, то да обуреваюсь ещё»⁴⁸⁵.

Не пренебрегал страдальц и обычными человеческими средствами лечения: он посещал Ксанксаридские минеральные воды⁴⁸⁶ и купальню одной обители⁴⁸⁷. Чистый воздух, тенистая роща и сельское уединение были для него не менее целительны, чем теплые воды. «Я провожу время среди поля, вдали от жилых мест, и там поправляю своё здоровье», — писал он Виктору⁴⁸⁸. Идиллия сельской жизни действовала на него благотворно. «Вчера, сокрушённый своими страданиями,

сидел я один, вдали от людей, в тенистой роще... В страданиях люблю я такое врачество... Ветерки жужжали и вместе с поющими птицами с древесных ветвей ниспосылали добрый сон даже и слишком изнемогшему духу. А на деревьях любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики, оглашали весь лес своим щебетанием. Неподалеку была прохладная вода и, тихо струясь по увлажненной ею роще, омывала мои ноги»⁴⁸⁹.

Но недолго пришлось Григорию скрываться в уединении и пользоваться целительной тихой пристанью. Дела родной Назианзской Церкви были плачевны. Несмотря на энергичные представления св. Григория, с 375 года, со времени удаления его в селевкийское уединение и до настоящего времени, — конца 381 года, в течение шести лет Назианская кафедра не имела своего предстоятеля. Равнодушие ли областного митрополита, отсутствие ли достойных лиц, или бедность и незначительность кафедры были тому причиной, но вдовствующая Церковь была не возглавлена и подвергалась нападениям еретиков — аполлинаристов. Воспользовавшись возвращением св. Григория на родину, митрополит Тианский Феодор, к округу которого во время отсутствия св. Григория перешла Назианзская Церковь из Кесарийского диоцеза, призывал его к вторичному управлению Назианзской Церковью⁴⁹⁰. Но множество трудов, коих требовало запущенное состояние Церкви, не соответствовало физическим силам св. Григория, ещё не восстановленным. Тем не менее, польза Церкви были главнейшей заботой его жизни: он жил не для себя, а для других. Поэтому и теперь, видя, что в нём нуждаются, что Назианскую Церковь, не связанную с ним никаким определением, он оставил не по забвению о Боге и не из презрению к малому стаду, он говорит: «наконец, побеждён я и сознаю над собой победу, болезненную для тела, но не худую, может быть, для души. Отдаю Церкви это смиренное тело, пока будет оно в силах, признавая для себя лучшим скорее потерпеть что-нибудь во плоти, нежели страдать духом и приводить в страдание многих, которые возымели о мне худое мнение, потому что сами страждут»⁴⁹¹. Но и отдавая себя на временное служение Церкви, он всё-таки решительно заявляет,

что он рукоположен в Сасимы, а не Назианз, что считать его епископом Назианза нет оснований и что эта Церковь должна иметь своего епископа, в которые он настоятельно и рекомендует Евлалия пресвитера, своего родственника, известного ему по своим нравственным качествам⁴⁹².

Сведений о пастырском служении св. Григория во время вторичного управления Назианской Церковью сохранилось очень мало. К церковно-учительной деятельности его этого периода относятся два слова: 1) «На неделю новую, на весну и на память мученика Маманта»⁴⁹³, произнесённое 16 апреля 383 г., в котором содержится прекрасная аналогия духовной и физической весны; и 2) «На св. Пасху»⁴⁹⁴, в котором благовествуется о воссоединении человека с Богом и о его спасении.

Предметом особых пастырских трудов св. отца в это временное управление Назианской Церковью были, как уже заметили мы, еретики аполлинаристы, о которых стоит сказать несколько слов в виду того, что они считали св. Григория своим единомышленником. Главное заблуждение христологической системы Аполлинария Лаодикийского состояло в учении о том, что в лице Богочеловека не было человеческого ума или духа, а вместо него было Божество Единородного, что Сын Божий, воплотившись, воспринял тело и анимальную душу, но не воспринимал духа человеческого, специфической части человеческого существа, что, поэтому, Сын Божий не вочеловечился, а воплотился. Уничтожая человеческую личность во Христе, аполлинаристы приближаются к идеализму александрийской школы, дававшему в образе соединения двух естеств во Христе перевес Божественному пред человеческим, и, считаясь поборниками Никейской веры, находились в общении со столпами православия – Афанасием и Василием Великими, Григорием Богословом, пока их заблуждения не были выяснены⁴⁹⁵. Тем и опасны были эти еретики, что, прикрываясь общением с помянутыми отцами, навлекали от арианцев обвинение православных в аполлинаризме.

Когда св. Григорий, для поправления своего здоровья, на время отлучался из Назианза на Ксанксаридские воды, поручив

управление Церковью пресвитеру своему Кледонию, эти еретики сделали решительную и смелую попытку завладеть Назианской Церковью. Пользуясь услугами двух проезжавших епископов, низложенных на Восточном и Западном соборах (т. е. II Вселенским), аполлинаристы, «эти злые и во зле погибшие люди, воспротивясь всем царским постановлениям и вашим приказам, возложили имя епископа на одного человека, между ними нечестивого и подозрительного, ничем, как думаю, столько не обнадеживаемые, сколько моей мёртвостью», – так писал св. Григорий с вод начальнику Второй Каппадокии Олимпию, донося ему о случившемся и испрашивая его помощи для обуздания наглецов⁴⁹⁶.

Кажется, это единственный случай в пастырской практике Григория, когда он изменяет своему принципу снисходительного отношения к еретикам и обращается к гражданской власти за содействием. «Если это сносно, продолжает св. отец, то да перенесёт твоя твёрдость, перенесу и я, как и переносил неоднократно. А если тяжело и нестерпимо для самих благочестивейших царей, то соблаговоли наказать за то, что ими сделано, хотя и не так строго, как заслуживало бы их высокоумие».

Уже из последних слов св. отца видно, что он, будучи вообще противником исключительным мер против еретиков, обратился в данном случае к начальнику области за содействием только потому, что того требовало положение дела.

В отсутствие св. Григория еретики для своего большего успеха разглашали в Назианзе, что и сам св. Григорий принимает их в общение с собой. Единомыслие св. Григория с их лжеучением аполлинаристы доказывали ссылкой на то, что он не отверг поставленного Аполлинарием епископа Антиохийского Виталия, по представлению им своего исповедания. Доказательства были настолько вески и соблазн настолько велик, что послужили для св. Григорий причиной многих огорчений. Кледоний умолчал о беспорядках, произведённых в порученной ему Церкви, сам, быть может, усомнившись в Правоверии своего епископа. Узнав о

происшедшем, св. Григорий увидел себя вынужденным пресечь зло самым энергичным и доказательным для немощных способом, чтобы во услышание всех опровергнуть разглагольствовали еретиков о его единомыслии с ними и чтобы тем самым восстановить мир в Назианзской Церкви. «Зная мысли и нечестие всех аполлинаристов и видя их несносное высокоумие, думал я, — пишет он, — что своим великодушием сделаю их кроткими и смягчу понемногу, что, по-видимому, и обещали они моим надеждам. Но незаметным образом, как, оказалось, сделал я их ещё худшими, и неблагоприятным любомудрием нанёс вред Церкви; ибо кротость не приводит в стыд людей негодных». Вот мотивы обращения больного Григория к Олимпию за содействием⁴⁹⁷.

Но ревностный пастырь не мог успокоиться надеждой на воздействие начальника области. К окружному митрополиту он шлёт письмо и двух пресвитеров Евлалия и Келевсия⁴⁹⁸. В письме он настоятельно просит, в виду исключительных условий Назианзской Церкви, дать ей епископа, который охранял бы её от еретиков, давал бы помощь и был бы её главой. «А меня болезнь удалила от дел церковных и я теперь ни к чему не годен, — жаловался он, — непрестанно нахожусь при последнем дыхании, ещё более тягочусь делами. Остановить дерзость еретиков не моим уже летам и не моей немощи, а твоему только возможно искусству и твоей силе. А если не буду услышан, то мне остается всенародно провозгласить, что Церковь нуждается в епископе». Посылаемые к митрополиту пресвитеры Евлалий и Келевсий имели задачей непосредственно познакомить митрополита с тем расстройством, каковое внесли аполлинаристы в Церковь, и лично от лица общины выразить просьбу о даровании епископа.

Не оставил св. Григорий без обличения и аполлинаристов. Вынужденный, по настоянию врачей, продолжать лечение, св. Григорий в двух Посланиях к Кледонию опровергает лжеучение аполлинаристов и выясняет обстоятельства своих сношений с Виталием⁴⁹⁹. Из самого тона и выражений Посланий видно, как глубоко возмущён был св. отец наглостью еретиков, удачно оклеветавших его и возмутивших паству. «Хочу знать, — пишет

он, — что это за нововведение в Церкви, по которому всякому мимо ходящему позволительно паству, хорошо обученную, расторгать и расхищать, внушая ей разбойнические и странные учения? Если бы те, которые наступают на нас ныне, и могли осудить нас за что-нибудь касательно веры, то им не надлежало отваживаться на такие дела, не вразумив предварительно нас..., вера которых проповедана письменно и не письменно, здесь и в отдалённых странах, с опасностями и без опасностей... Как одни решаются на такое дело, а другие молчат? И не то ещё тяжело, что они лжеучение своё вливают в умы простодушных, но то, что и на нас клеветают, называя единомышленниками и согласными с ними, надевают приманку на удила и чрез этот обман злобно выполняют свою волю, и нашу простоту, по которой мы смотрели на них, как на братьев, а не на чужих, обращают в пособие своей злобе»⁵⁰⁰.

Таковыми словами отрешается св. Григорий от единомыслия с еретиками, для принятия коих в общество он советует Кледонию не доверяться словесным заявлениям о принятии их церковью, а требовать соборных посланий, какие обычно давались воссоединившимся. Самое же лжеучение Аполлинария он опровергает в первом Послании доводами о невозможности соединения в Богочеловеке двух противоположных субстанций — Бога и плоти — без посредствующего начала, каковым служит ум, который, с одной стороны, сожительствует плоти, а с другой — есть образ Божий. «Душа обща всем живым существам, — доказывал он. — Если Он — человек, имеющий душу, то, не имея ума, можно ещё сомневаться, принял ли Он душу человека, а не коня, вола или другого животного неразумного». Если, затем, Христос, отвергнув ум, восприняв неполную человеческую природу, то и восстановил неполную, а ум, как начало греха наиболее нуждается в искуплении⁵⁰¹.

Что касается исповедания Виталия, которое, изложенное в общих выражениях о вочеловечении, не внушало особых подозрений, но будучи обличено папой Дамасом, огорчившимся за самый обман, какому и он подвергся по доверчивости, оказалось еретическим, то теперь еретики, по словам св.

Григория «должны усрамиться и стереть с дверей это своё великое и удивительное предначертание и воззвание православия», и нуждаются в реабилитации их Вселенским Собором. Посему, напрасно Кледоний колебался и запрашивал св. Григория относительно его образа мыслей. «Ты знал, — писал он ему, — что я никогда ничего и не предпринимал. Я не могу предпочитать Никейской вере..., но при помощи Божией, держусь, и буду держаться сей веры... Посему, держащихся иного учения отвращайся и почитай чуждыми Богу и Вселенской Церкви»⁵⁰².

Таким разъяснением Кледонию о его легкомысленной доверчивости словесным заверениям еретиков и исповедников своей веры св. Григорий восстановил мир в Назианзской церкви, хотя его старания о единомыслии во многом парализовались тем, что делали и предпринимали против него люди, не понимавшие его.

Но описанными злоключениями испытания св. Григория не кончились. Семя сомнения в его православии было брошено, и св. отца начинают подозревать в аполлинаризме его собратья — епископы, из коих один, Елладий Кесарийский, причинил ему много огорчений. Если этот епископ в своём образе мыслей склонялся к Антиохийской школе, симпатизировавшей арианству, то заподозривание никейцев в аполлинаризме было обычным явлением такого разряда людей. Как бы то ни было, но Елладий через ближайших помощников и сослуживцев св. Григория устроил над ним нечто вроде негласного надзора, что, конечно, слишком тяжело отзывалось на самочувствии болезненного старца. Его заподозривали в том, что он не настолько болен, чтобы часто оставлять кафедру ради лечения и пользования водами, или чтобы лечиться сельской жизнью в Арианзе, откуда и управлять церковью чрез доверенных лиц.

«Вот и мы, Каппадокияне, так сказать, взбунтовались, — писал св. Григорий Феодору Тианскому, — зло доселе неслыханное и невероятное... Да перестанет входить в исследование о моих делах господин, мой боголюбивейший епископ Елладий, ибо доискивается сего не духовными средствами, но околичностями, показывающими сварливость,

не по строгости церковных правил, но в удовлетворение гневу, что обнаруживают время и многое вместе со временем приведённое в действие без всякого к тому основания. Ибо надобно так сказать и не огорчить. Если бы имел я столько телесного здоровья, чтобы мог править Церковью в Назианзе, где первоначально провозглашен, а не в Сасимах, как некоторые уверяют тебя неправильно, то я не настолько жалок и не сведущ в Божественных постановлениях, чтобы стал или презирать Церковь, или гоняться за удобствами жизни, имея в виду награды, уготованные трудящимся по Богу и употребляющими в дело вверенный им талант... Но поскольку и телом я болен, как всем это известно, и по причине, мной сказанной, не боюсь важных последствий от сего удаления, но вижу, что церковь под моим правлением терпит вред в самом главном, и по расстроенному здоровью приходит почти в расстройство; то и прежде просил и теперь прошу боголюбивейших епископов... дать Церкви главу, достойную и моего желания и ваших молитв... Итак, да будет сие тебе известно; то же внуши и прочим епископам, чтобы они согласились, и дали свои голоса и не обременяли моей старости, веря клеветам⁵⁰³.

Такую настойчивую просьбу св. Григория, дважды повторённую, о снятии бремени правления, сделавшегося непосильными по состоянию здоровья и по нуждами Назианзской Церкви, нельзя было оставлять без удовлетворения. И вот, к великой радости св. старца, преемником ему избран был хорепископ Евлалий. Свои чувства по этому поводу он выразил в письме к св. Григорию Нисскому, который мог думать, что другой епископ провозглашён помимо воли Григорьевой. «Я не в таком у них презрении, и они не так ко мне неприязненны, — говорит он. — Напротив того, много умоляя ради своей мёртвости и вместе страшась принять на себя бремя — управлять Церковью, оставшейся без надзора, испросил я у них эту милость, не противную правилам и для меня успокоительную — дать Церкви пастыря. И вашими молитвами дан пастырь, достойный вашего богочестия, которого и отдаю на твои руки: это достоуважаемый Евлалий,

боголюбивый епископ, на руках которого желал бы я умереть»⁵⁰⁴.

Однако, служение Церкви св. Григория не прекратилось после официального замещения его епископом Евлалием и удаления его от дел управления. Не занимая всю свою жизнь определённого престола, он был предупредительным слугой всех престолов. Слишком велики были его дарования и огненная ревность о благе церкви, чтобы такой светильник скрылся в Арианском родовом тенистом саду. Он и сам болел болезнями Церкви, и непрестанно заботился о её торжестве над врагами; призывали его на помощь и другие.

Так, в 382 году император Феодосий чрез вельможу Прокопия приглашал св. Григория на собор в Константинополь. Св. Григорий решительно отказался, желая «уклоняться от всякого собрания епископов, потому что не видел ещё ни одного собрания, которое имело бы во всех отношениях полезный конец и более избавляло от зол, нежели увеличивало их. Любопытность и любоначалие их (епископов) выше всякого описания». Вместе с тем, он

Ссылается на болезнь, «от которой он последнем издыхании и ни на что не может определить себя»⁵⁰⁵. Когда же его болезни не поверили и «снова предписали такое дальнейшее путешествие чрез Икария, другого вельможу, то св. Григорий обратился к областному начальнику Олимпию с просьбой засвидетельствовать его болезнь, которой не верят и которую он рад благодарить за то, что она даёт ему возможность избежать середины мятежей, столь ненавистных ему ⁵⁰⁶. Равным образом, избегает он и областных соборов. «Соборам и беседам кланяюсь

издали – писал он Феодору Панскому, – с тех пор, как испытал много дурного»⁵⁰⁷.

Но эти отказы от участия в соборных заседаниях вовсе не означают того, что св. Григорий не принимал никакого участия в делах Церкви. Когда в следующем 383 году Феодосий сделал новую попытку соборными рассуждениями прекратить религиозные споры ариан и евномиан, то св. Григорий, совершенно не разделяя надежд царя умиротворить прениями

стороны и считая такую попытку бесплодной и бесполезной (что и оправдалось потом), принимает свои меры к умиротворению: двумя письмами к консулам Постумиану и Сатурнину просит их содействия к умиротворению епископов. Признавая соборы благодетельными учреждениями Церкви, если и не достигающими своих целей, то по злоупотреблений ими негодных людей св. Григорий просит этих светских лиц направить русло совещаний на надлежащий путь, помешав потоку страстей сделать собор ареной сведения личных счётов епископов между собой.

«Поелику теперь опять собор епископов, — писал он первому, — то прими от меня следующий совет. Ничего не почитай столь приличным твоему начальствованию, как чтобы умирены были Церкви, хотя бы для сего нужно было с особенной строгостью наказывать мятежных. А если иным, что удалившись от дел, не покидаю забот, не дивись этому. Хотя уступил я престол и высоту сана желающим, однако же не уступил с этим и благочестия: но думаю, что теперь-то и покажусь для тебя достойным доверия, даже более прежнего, как служащий не собственному своему, но общему благу»⁵⁰⁸.

Чистоту своих забот о церковном умиротворении св. отец, как видно из приведённого, должен был доказывать своим бескорыстным удалением от дел. Как это характерно для той среды, с какой он имел дело.

В письме к Сатурнину св. Григорий выразительно подчёркивает свою заботу о Церквях. У меня, при помощи Божией всё идёт хорошо, кроме только одного, что беспокоюсь о Церквях, которые в таком смятении. И если чем можешь помочь им, не обленись и словом и делом восстановить общее согласие, потому что опять собор епископов, и опасно, чтобы и ныне ещё нам не остаться в стыде, если и этот собор будет иметь такой же почти конец, как и прежний»⁵⁰⁹.

Так близко к сердцу принимал арианзский отшельник дела Константинопольских соборов, зорко следя за ходом борьбы с еретиками! Всею душой он болел за те нестроения, которые царствовали на собраниях епископов, к позору Церкви, и за те

ошибки, которые допускали руководители церковной политики в отношении еретиков.

Замечателен и тот поворот, который произошёл в душе и мыслях св. Григория в отношении к еретикам в последний период его жизнедеятельности. Этот поворот, как результат целожизненной борьбы с ересями, настолько поучителен для нашего времени, что заслуживает внимания. Св. Григорий, как мы видели, не ожидал пользы от соборных препирательств после того, как всякие недоразумения были выяснены. Со своей стороны, он просил влиятельных при дворе лиц, — консулов Постумиана и Сатурнина, — приложить все усилия к умиротворению партий. Мало того, в виду допущенной его преемником Нектарием нетактичности, выразившейся в предоставлении еретикам права свободных собраний и пропаганды своих лжеучений, св. Григорий в Послании к нему излагает свой взгляд на положение вещей.

«По-видимому, — пишет он, — настоящая жизнь наша во всём оставлена без Божия попечения, которое охраняло Церкви во времена, нам предшествовавшие. И у меня до того упал дух от бедствий, что я не считаю несчастьями собственных скорбей жизни сей, хотя они весьма тяжки и многочисленны, и приключившись кому иному, показались бы неудобовыносимыми. Но смотрю на одни общие страдания Церквей, об уврачевании которых если не заботиться в настоящее время, то дело дойдёт до совершенной безнадежности. Еретики ариане, евдоксиане..., спорливые последователи Македония, домашнее наше зло — Евномий..., дерзкие аполлинаристы, не знаю, кем подвигнутые к безумию, как будто получив на то свободу, выставляют на показ свой недуг, собирая Церкви, как будто, делают сие по праву... Твоя святость попустила им присвоить себе наравне с нами власть иметь свои собрания... Между тем как дать им такое право значить не что иное, как признать, что учение их истиннее нашего... Ибо если дозволяется им как благочестивым, учить сообразно с их образом мыслей и свободно проповедовать содержимое ими учение, то не явно ли сим осуждается учение церкви, как будто и истина на их стороне? Ибо неестественно

быть истинными двум противным учениям об одном и том же»⁵¹⁰. Таково мнение св. отца по вопросу о предоставлении сектантам религиозной свободы. Он настоятельно советует Нектарию употреблять всё своё влияние на царя, чтобы склонить его, — если он действительно желает видеть пользу от своей заботливости о Церквах, — к отнятию дарованных еретикам прав на свободу.

Итак, по мнению св. Григория Богослова, раз исчерпаны, все средства мирной борьбы с еретиками, зло, для устранения соблазна, должно быть пресечено более ощутительными способами. Этот взгляд св. отца восторжествовал в восстановлении Феодосиева указа, изданного ещё раньше, но не приводимого дотоле в действие, коим у еретиков отнималась свобода действий.

Кроме указанной борьбы с еретиками, св. Григорий продолжал служить Церкви и другими своими дарованиями. Одним из таких видов пастырского служения была для него мерная стихотворная речь. Григорий был поэт. Поэзия, эта учительница народов, являясь инстинктивным языком его и проявляясь даже в проповедях, большая часть коих — поэмы, которым недостаёт только ритма, уже, поэтому самому не была исключительным занятием его в какой-нибудь определённый период его жизни, следовательно, и в рассматриваемый. «Без сомнения, — говорит Манто, — Григорий и прежде писал время от времени стихотворения, но эта отрывочная поэзия его имела характер совершенно частного занятия и не предлагалась публике в каком-нибудь более или менее значительном сборнике»⁵¹¹.

Но аскетическое удаление от мира, коему Григорий всецело предался по замещении его кафедры Евлалием и снятии с себя бремени ответственного управления церковью Назианза, представляло, по мнению Шенка, самое благоприятное условие для сосредоточения духовного поэта в себе самом и для беспрепятственного выражения в стихотворениях высоко поэтического настроения души его»⁵¹². Период Арианского уединения, сменивший полную трудов и тяжких испытаний эпоху практического общественного служения предстоятеля

Церкви, предоставлял свободу, ширь и простор для полёта его поэтического таланта.

Мы уже видели, в какой восторг приводили слушателей художественно-поэтические проповеди св. Григория в Константинополе. Это и понятно. Эллины, гордые своим национальным образованием и избалованные своими классическими авторами, со своей художественно-литературной жилкой, и в самом христианстве искали элементов, сродных с унаследованными ими литературно-эстетическими традициями и отвечавших их природным склонностям. И если они находили следы родного им прекрасного греческого ума в изложении христианской веры и нравоучения, то они и увлекались им, прежде всего, и понимали его глубже. В этом случае христианский поэт мог рассчитывать на прекрасное и дивное соединение двух элементов, – сверхъестественного и естественного. Истины христианской религии имеют сильное влияние на душу человеческую сами по себе, даже и в том случае, когда излагаются в простоте веры и без всякой искусственности. Но если те же истины будут представлены изысканному и избалованному классическим метром уху образованного грека в высокохудожественном стихотворном изложении, не уступающем прославленным светским поэтам, то тем действеннее и неотразимее будет влияние их и на ум и на душу его.

Св. Григорий знал такое обольщающее влияние своего поэтического дара на образованных христиан и ясно видел благие результаты такого влияния. И этот свой дар, от Бога ему ниспосланный и личным трудом усовершенствованный и обогащённый изучением классических авторов и науки построения поэтической рифмической речи, он принёс на служение Церкви. Всякая победа его поэтического ума, была и победою епископа. Поэтически излагая христианское учение в целях ли научения, или в целях распространения и сохранения его в чистоте и не поврежденности, или, наконец, в целях полемических, для опровержения еретиков и защиты от нападения врагов, он тем самым всё более и более

распространял своё литературно-просвещённое влияние на общество, содействуя торжеству веры и Церкви.

Но обольщающее влияние поэзии было известно и еретикам. Они хорошо знали влияние на душу и воображение стихотворной речи, по достоинству ценили её и широко пользовались ей для своих целей. Так, например, Арий составил много песней и изложил своё учение в Θάλλεια – сборнике, тогда весьма распространённом и уважавшемся в народе; македониане имели в стихотворном изложении Новый Завет; Аполлинарий, будучи поэтом и знатоком метрической речи, написал новую псалтирь. «Стихотворные песни аполлинаристов распевали и мужчины, как на пирах, так и за работой, и женщины за ткацкими станками, потому что Аполлинарий написал много идиллий на всякий случай — на случай труда и отдыха, на дни праздничные и иные, и все его идиллии клонились к прославлению Бога», говорит историк⁵¹³. Поэтому, ритмическое изложение вероучения в целях его пропаганды не было новостью.

О своих побуждениях заниматься стихосложением сам св. Григорий говорит следующее: «Видя, что в нынешний век пишут речью не мерною, легко сливающеюся с пера, и большую часть времени проводят в трудах, от которых нет иной пользы, кроме пустой говорливости, так что в заключение всего является не меньше бредней, чем морского песку, — видя всё сие, всего более восхитился я той одною мыслью, чтобы бросив всякое другое слово, держаться

только словес боговдохновенных и в них искать убежища от всякого суетного учения⁵¹⁴... Если дарование поэтическое – не обычное, не дюжинное свойство людей, а всеобщее увлечение спорами и изложением своих вероучительных определений загрязнило, так сказать, прозу, то поэзия, как редкий и не всем доступный род словесного искусства, — думалось св. отцу, – тем самым возвысит то учение, которое он будет излагать.

Содержанием своих поэтических речей св. Григорий берёт только боговдохновенное писание, представляющее единственно-надёжную опору во множестве суетных учений. «Да и как тебе, человек, пища по дальним понятиям, изречь

несомненное слово?» — спрашивает он⁵¹⁵. Итак, область религиозно-нравственная, в отличие от языческой, является сферой поэтической произведений св. Отца.

Были и иные мотивы занятий поэзией, каковых мотивов св. Григорий насчитывает четыре:

Первый мотив. «Хотел я, трудясь для других, тем самым связать мой грех, чтобы вместе и писать, и, заботясь о мере, писать немного». Мотив — характера, так сказать, дисциплинарно-субъективный, имеющий ближайшее отношение к самому поэту. Ценил всего больше самособранность духа, св. Григорий неоднократно, как увидим ниже, налагал на себя в видах аскетических молчание, особенно в дни поста. Отсюда, метрическое изложение, «не так легко сливающееся с пера», было средством, сдерживающим многословие, обуздывающим язык и мысль и побуждающим говорить немного, но глубоко и обдуманно⁵¹⁶.

Второй мотив. «Молодым людям и всем, которые всего более любят словесное искусство, как бы приятное какое врачество, хотел я дать эту привлекательность в убеждении к полезному, горечь заповедей, подсластив искусством. Вместо песней и игры на лире, даю тебе (христианское юношество) позабавиться сими стихами, ежели захочешь иногда и позабавиться, только бы не нанёс кто тебе вреда, похитив у тебя прекрасное»⁵¹⁷. По убеждению св. отца, изящная словесность представляет высоко-художественное наслаждение, доставляя и отдых умственным способностям и увеселяя душу. Она способствует развитию в человеке идеальных сторон его природы, отвлекая его дух от низменного, животного, прозаичного. Она возвышает дух к Богу и ко всему прекрасному, к истине, добру, красоте. Но где было взять этой словесности христианским юношам, так недавно получившим только свободу исповедования? До начала IV века, под огнём жестоких преследований, некогда было и помышлять о религиозно-поэтическом творчестве. Изящные науки, как и всякое искусство, являясь достоянием общечеловеческого духа, изучались в языческих школах. Но это изучение было не безопасно для чистоты нравов и исповедания. Из примера

Афинских школ мы видели, каковы были нравы в языческих школах и каких принципов должны были держаться христианские юноши, чтобы, собирая цвет наук, не потерять веры. Далее, самое содержание языческой изящной литературы, опозитизировавшей человеческие страсти, часто постыдные и всегда предосудительные, было весьма опасно для юношеского сердца. Пример Юлиана вероотступника, на языческой литературе воспитавшего в себе любовь к язычеству, был так ярок и свеж, что доказательств большей убедительности не требовалось. Все эти опасения св. Григорий перенёс на собственном опыте, в течение десяти лет путешествуя по языческим школам с образовательной целью.

Между тем, «натянута тетива требует послабления», говорит он. И вот, любвеобильное сердце пастыря, горя желанием дать истинно-прекрасное, изящное наслаждение христианскому юношеству и тем предохранить его от соблазнов и падений, берётся старческой рукой за перо и в чудных лёгких строфах питает здоровой пищей и ум, и сердце, и воображение юношества. Его песнь воспевает Божество, прославляет добродетель, обличает порок, в изящных олицетворениях передаёт высокое учение веры. Благоговейная мысль и ясный трезвый взгляд на жизнь и человека дополняют содержание его музыки.

Далее, св. Григорий указывает и практическую, так сказать, сторону стихосложения: «горечь посластить искусством», или, как он говорит, «сделать приятное колесницей для полезного и доброго». Польза такого намерения весьма очевидна. «Какой вред видишь ты, – обращается он к ревнителю строгости, – в том, что молодые люди чрез благопристойное наслаждение приводятся в общение с Богом? Их трудно вдруг перестроить. Пусть же будет в них некоторая благородная смесь. Когда же доброе со временем окрепнет, тогда, отняв красное слово, как подпорку у свода, соблюдем в них самое доброе. Что может быть полезнее этого», – полемизирует св. отец?⁵¹⁸

Великий пастырский дух и ревность сказались в этой величайшей воспитательной мере. «Вместо песен и игры даю тебе позабавиться этими стихами»... Пятнадцать столетий

прошло с тех пор, а наше юношество не имеет ничего подобного. И самые стихи св. Григория доселе не нашли себе переводчика-поэта, несмотря на величайшую нужду в них и на их многостороннее значение.

Третий мотив примыкает ко второму. «Не хочу, чтобы чужие имели пред нами преимущество в слове»⁵¹⁹. Язычники, как и еретики, могли хватиться перед христианами ссылкой на своих поэтов, обессмертивших греко-римский гений; могли презрительно относиться к христианству, якобы неспособному создать чего-либо равного их наследству в области изящного. Этот пробел и восполняет св. Григорий, воздавая вместе с другими отцами и учителями Церкви – св. Ефремом Сирином, Амвросием Медиоланским и др., – богатую изящную литературу, воплотившую в себе соединение греческого гениального ума с богооткровенной истиной.

Наконец, четвёртый мотив – характера субъективного, примыкает к первому: «Изнуряемый болезнью, находил я в стихах отраду, как престарелый лебедь, пересказывая сам себе вещания свиряющих крыльев», – говорит св. Григорий⁵²⁰. «Поэзия – врачество от скорби» – любимое его выражение⁵²¹. Он неоднократно свидетельствует о благодетельном влиянии на него поэтических занятий. Например: «Как скоро воспел мне сие (о ничтожестве всего в сравнении с Богом), любезный ум, утолилась моя скорбь... Поздно пришёл я домой из тенистой рощи, и иногда смеюсь над рассуждающими иначе, а иногда, если ум в борьбе с самим собою, томлю скорбно сердце», – говорит он в заключение поэмы «О человеческой природе»⁵²².

При живости чувства и при строгости к самому себе, для св. Григория было самым приятным занятием проверять самого себя, осматривать состояние души своей, оплакивать силу греха и страстей. Поэтому-то значительная часть его стихотворений есть изображение собственных переживаний, дум, чувств, словом – «О себе самом».

Стихотворения св. Григория с внутренней стороны отличаются силой и теплотой чувства, живостью, игривостью, блеском и одушевлённой образностью. С формальной или метрическими размерами – дактилическим гекзаметром,

элегическим двестишием и ямбическим триметром, смотря по тем законам симметрии, какие представлялись художественному чутью поэта в момент творчества.

По характерным свойствам поэтической природы и литературным формам, проф. Говоров разделяет стихотворения Григория на два больших класса: 1) лирико-эпические и 2) собственно лирические, подразделяя на категории: 1-й—на гномические, исторические, дидактические и сатирические, 2-й—на элегии, гимны, эпитафии и эпитаграммы⁵²³. Количество стихов у св. Григория насчитывается около 18 тысяч, что в сопоставлении со свидетельством бл. Иеронима о 30 тысячах строк всех его творений⁵²⁴, является вполне вероятными кроме слов, посланий и писем, все остальные творения Григория изложены мерной речью⁵²⁵.

Что касается до степени художественности самой формы его стихотворений, до гармонии ритма, изящества вкуса в выборе метров и чисто поэтического чутья к специфическому значению каждого размера, то в этом отношении напрасно завистливые соперники поэта старались найти какой-либо предлог к упрёкам ему и не напрасно получали за это в ответ: «Охуждаешь размер стихов; и справедливо, потому что не наблюдаешь размера, пиша ямбами, производя на свет какие-то выродки стихов. Какой слепец узнавал видящего? За что же охуждаешь мою речь, дела ближнего измеряя своей мерой? Не сходятся между собой пределы Мидян и Фригиан: не одинаков полёт у галок и орлов»⁵²⁶.

По внутреннему своему содержанию стихотворения св. Григория Богослова могут быть разделены на догматические, нравственные и исторические. Такое разделение, сделанное Минем в последнем издании сочинений св. Григория, является вполне естественным и наиболее простым; оно принято и преосвященными Филаретом⁵²⁷.

К догматическим относятся: песнопения таинственные: «О началах, о Сыне, о Св. Духе, о Промысле, о душе, о человеческой природе – в IV томе русск. изд.; о Промысле, о вочеловечении, 1 и 2 против Аполлинария, о книгах Св. Писания, чудеса, притчи и др. – в V т. К историческим большая

поэма о своей жизни (т. VI, 1–60); к Константинопольским иереям (ib.) на удаление своё и возвращение, Сон о храме Анастасии (т. V, 271–5), послание к разным лицам и др. К нравственным: громадное количество остальных, из коих сатирические поэмы (к епископам, о епископах, о лже-иереях, к завистникам, на Максима, на лицемерных монахов, на девственниц, на богатлюбцев, на женщин, любящих наряды и мн. др.) имеют громадный интерес, свидетельствуя о пастырской ревности Григория по богоугодной жизни и о его скорбях по поводу уклонения современников его от нравственной чистоты.

Не вдаваясь в частнейший разбор поэтических произведений св. Григория по разрядам и категориям, что вывело бы нас далеко за рамки нашей работы, скажем кратко, что в общем, они заключают в себе совершеннейший образец того, какие мысли по преимуществу должны занимать христианский ум в настоящей жизни, и как нужно победоносно выходить из борьбы с различными душевными помыслами. Обращая взгляд больше на самого себя и замечая борьбу желаний и страстей, стесняющих быстрый полёт ума к горнему, поэт признаёт земную жизнь суетной, но мирится с ней, видя Божие промышление о каждом человеке и ожидая будущей жизни, приготовлением к которой служит подвижническая жизнь на земле⁵²⁸. Удаляясь от общения с людьми праздными, загрязняющими русло богомыслия и любомудрия, поэт представляет яснейший пример постоянного хождения пред Богом, по утру и по вечеру⁵²⁹, в болезни и в пути⁵³⁰, является пред лице Господа то с хвалебно-молитвенными песнями, то с сокрушенно-покаянными, и умирительно просительными⁵³¹. Богообщение – вот единственно высочайшая цель, стремлением к которой живо был проникнут поэт и на пути, к которой встречал сильное препятствие в немощах человеческих и противодействиях врагов спасения. Взирает ли он на Бога, или на себя, или на мир, он с сердечным умилением просит Его содействия на всех стезях своей жизни, глубоко скорбит о своём бессилии, огорчается противодействием врагов духовного совершенства⁵³². Отсюда, преимущественным

колоритом поэтических произведений Григория является чувство глубоко-молитвенного настроения, принимающего разнообразное выражение – то искреннего умиления, то глубокого смирения, то твёрдой веры и сыновнего упования⁵³³.

Указанное преобладание молитвенного элемента и покаянные чувства, воплощённых в личных переживаниях, было причиной неотразимого влияния Григорьевой поэзии, как на современников, так и на последующую церковно-богослужебную практику. О первом влиянии прекрасного говорят слова Шлоссера, что св. Григорий своей эпопеей «О жизни своей» сделал ненужным Гомера; своими гимнами, элегиями и ямбами – лириков; своей трагедией «О страждущем Христе» – древних драматургов⁵³⁴. Что касается влияния на церковно-богослужебную практику, то ещё св. И. Златоуст, как известно, составил из общеупотребительных гимнов сборник для обращения его между православными, в противовес арианскому антифонному пению, как о том свидетельствует Сократ⁵³⁵. По мнению Шубаха, это были именно гимны, принадлежащие св. Григорию Богослову⁵³⁶. Св. Иоанн Златоуст, бл. Иероним, св. Прокл и др. воспитались на поэзии св. Григория. «Исповедь» бл. Августина – аналогия Григорьевой «О жизни своей». Знаменитый гимн св. Амвросия Медиоланского «Тебе Бога хвалим» – обработка «Песни к Богу»⁵³⁷. Мелодии церковных песнопевцев Косьмы Майюмского, Иоанна Дамаскина и др. имеют несомненные следы заимствований у св. Григория. Напр., «Слово на св. Пасху» включает много стихов, буквально вошедших в литургический обиход: «Ныне спасение миру, видимому и невидимому... Христос из мертвых – восстаньте... Христос из гроба – освобождайтесь от уз греха... Ныне отверзаются врата ада, истребляется смерть... С ними (ангелами) вещаю вам так: Пасха, Господня Пасха... Праздников праздник и торжество торжеств... Вчера предпразднественное веселие, а ныне празднуем самое воскресение»... и др.⁵³⁸. «Слово на Богоявление или на рождество Спасителя» начинается так: «Христос рождается: Славьте. Христос с небес: выходите в сретение. Христос на земле: Возноситесь. Воспойте Господеви вся земля... да

возвеселятся небеса... Христос от Девы»⁵³⁹... В «Слове на св. Пятидесятницу» читаем: «Мы празднуем пятидесятницу, пришествие Духа, совершение обетования, исполнение надежды, таинство»⁵⁴⁰... – содержание первой вечерней стихиры на этот праздник. Молитвы «утренние и вечерние»⁵⁴¹ – первообразы таковых же наших молитв. «Молитва в болезни»⁵⁴² послужила образцом для составления нашего молитвословия «О недугующих». «Запрети болезни, запрети словом Своим» – церковь повторяет за св. Григорием и доселе. Из «Молитвы шествующего в путь»⁵⁴³ в церковной молитве «О посланы Ангела путеводителя, о изведении и невредимом возвращении домой.

Таковы святые гимны и псалмы св. Григория, которым минули тысячелетия; при каждом своём повторении они сохраняют всю свою новизну и прелесть, свидетельствуя о духоносности своего певца.

Другим видом пастырского служения св. Григория нужно признать его *письма*, столько же многочисленные⁵⁴⁴, сколько разнообразные по содержанию, относящиеся к лучшим произведениям словесности. Св. Григорий любил писать письма и умел писать их. Ни одно из них не написано небрежно, но каждое обработано мастерски. Они большею частью кратки, но в том-то он и полагал их достоинство, судя впрочем, о длине речи по содержанию, а не по числу букв. «Писать лаконически не то, как ты об этом думаешь, – наставляет он Никовула, – не просто написать немного слогов, но в немногих слогах заключить многое»⁵⁴⁵ В другом письме к тому же Никовулу, на просьбу последнего научить, как писать письма, он даёт ряд наставлений, коим должно удовлетворять хорошее письмо. От последнего требуется, чтобы оно было не слишком длинно, не слишком коротко: «мерю для письма служит необходимость; оно должно быть ясно, для чего нужно избежать слова книжного и более приближаться к слогу разговорному, чтобы могло угодить и неучёному и учёному; далее, нужно писать приятно: не вовсе сухо и жестоко, не без искусства, т.-е. когда письмо не лишено мыслей, пословиц, изречений, острот. Но в употреблении их нужна осторожность: без них письмо грубо, а

при излишестве их оно напыщенно». Наконец оно должно быть естественно⁵⁴⁶.

Всем этим требованиям письма св. Григория вполне удовлетворяли: он никогда не упоминал о предметах пустых, недостойных внимания; когда же пишет даже об обыкновенных предметах, речь его ясна, остроумна и изящна; язык обработанный, но не изысканный; тон выдержанный, свидетельствующей о глубоком сознании автором своего достоинства. Таковы они с внешней стороны.

Что касается внутренней стороны, то письма, как переписка частная, интимная, не предназначавшаяся при написании к опубликованию, и нараставшая в течение нескольких лет, в различных состояниях духа, при различных положениях, – вводят нас в самую душу пастыря, открывают нам завесу его святая святых, сокрытой от посторонних взоров официальными отношениями. В них излилась вся высокая душа великого пастыря; в них запечатлелись все его заветные думы, наблюдения, скорби, радости.

Поэтому, письма св. Григория ценны или, лучше сказать, бесценны в двух отношениях: как автобиографический материал для правильного понимания личности его, и как не заменимый материал для суждения об одной из главнейших обязанностей пастыря – частного душепопечения. В первом случае, письма знакомят нас с наклонностями, привязанностями, домашними занятиями и с преобладающим настроением души его. Здесь из тысячи мелочных штрихов создается цельный образ характерный для данного лица, и тем более достоверный, что он, по происхождению, не преднамеренный, случайный. Письма – мозаичный портрет автора. Во втором случае нам открывается область нравственно-педагогического водительства пасомых к спасению, сообразно настроению, положению и нуждам каждого, – достигаемая не внешне-официальными мерами, а частными, интимными.

Эта сторона деятельности пастыря, драгоценная для нашего исследования, не может быть так скоро определена и формулирована, как другие стороны: она, можно сказать, не имеет своей точно намеченной и разграниченной области, а

соприкасается со всеми формами пастырского служения, входя во все его отправления. Это есть тот драгоценный дух, та степень личного участия, которую вкладывает пастырь от себя в дело духовного совершенствования паствы, в связи ли с исполнением прямых обязанностей своего служения, или независимо от них. Обязанность эта, безусловно, важна в деле воспитательного воздействия на паству. Здесь пастырь становится непосредственно лицом к лицу к своей пастве, раскрывает перед ней свою душу. Здесь он является не как учёный или оратор, а как близкий человеку наставник-руководитель, отец-воспитатель.

По причине интимности и сердечности своего характера, эта сторона деятельности обычно остается в тени от наблюдателя в сравнении с другими проявлениями пастырской деятельности – управления, учительства и священнодействия, и может быть раскрыта только в письмах. В них пред взором наблюдателя живо встаёт во всём своём величии нравственный образ пастыря-воспитателя, заботящегося о благе и мире всех церквей, о сохранении истинной веры, о единомыслии братии, и проявляющего глубокую сострадательность и попечение о несчастных и нуждающихся, великодушие при собственных несчастьях, нестяжательность, строгое воздержание, миролюбивое обращение с людьми, в особенности же с врагами, пламенную дружбу с достойными людьми, душу богато одарённую, неистощимую на добро и любовь.

Нужно заметить, что предметом пастырской заботливости св. Григория являлась не одна только забота о спасении душ пасомых, но и участие в их временных нуждах, дела любви и милости, настолько драгоценный, насколько они были проникнуты христианским духом. Обращаясь к многочисленным письмам, написанным св. Григорием за последний период, во время уединения, после оставления управления, мы видим, что этот способ пастырского служения он особенно развил в это время. Ко всем, кто только может помочь, он обращается со своими письмами: к приближённым царя, начальникам областей, епископу столичной Церкви, окружному митрополиту, учёным и др. частным лицам⁵⁴⁷. Все нуждающиеся находят в

нём своего заступника; целые города, возмущившиеся против жестокости властей, оклеветанный епископ, лишённый сана священник, попавший суду дьякон, дева, вдова, потерявший на службе своё здоровье воин, учащиеся, сироты, люди невинно оклеветанные, притесняемые и т. д.⁵⁴⁸, все находят у него защиту и покровительство. Одних он ободряет⁵⁴⁹, других утешает⁵⁵⁰, третьих примиряет⁵⁵¹, этих поощряет к внутренней жизни, тех поддерживает в гонениях⁵⁵², за весьма многих ходатайствует, испрашивает милостей⁵⁵³, с учёными он поддерживает учёную переписку, обмениваясь и посылая им книги и рекомендуя им юношей⁵⁵⁴. Он то убеждает и наставляет в любомудренной жизни⁵⁵⁵, то обличает за допущение в посты зрелищ, за неправильное толкование заповеди апостольской о ядении и за нечистое общение с женщинами⁵⁵⁶. С друзьями он поддерживает дружественную переписку⁵⁵⁷, тяготясь разлукой с ними⁵⁵⁸, заочно беседуя о вере и радуясь обращению их в христианство⁵⁵⁹. Нет такого дела, в коем не сказалось бы благотворное участие святителя: семейная радость по случаю бракосочетаний⁵⁶⁰, семейное горе по случаю внутренних раздоров⁵⁶¹, развода⁵⁶², равно находят в нём то благожелательствующего друга, то авторитетного примирителя.

Заботы о людях, посвятивших или желающих посвятить себя любомудренной жизни, были для него любимейшими. Старицу Фёклу, поселившуюся с детьми около обители св. мучеников в Карвалах и лишившуюся брата, а затем и личного руководства св. Григория, он утешает письмами. «Благодарю Бога, что увидел я твёрдость твоей веры в христианство и похвальное уединение и любомудрое отшельничество»⁵⁶³. Ритора Евдоксия, пользуясь случаем, убеждает к любомудренной жизни. «Называясь ритором, скорее по всему годен ты в ритори, только не по нравам... Не останавливайся в любомудрии на том, что уже приобрёл, и быть вторым в деле второстепенном не предпочитай первенству в важнейшем... Прейдем отсюда, станем мужами, бросим грёзы, не будем останавливаться в тенях»...⁵⁶⁴. Оморфонию выражает радость по поводу его любомудренной жизни. «Слышу, что живешь отшельнически; о, если бы ты стал у нас Иоанном Крестителем

или Ильёй Кармилитом»⁵⁶⁵. Но ободряя ли, или утешая, св. Григорий всегда имеет в виду духовно-нравственную сторону дела и всегда присовокупляет назидание. Болящего Филагрия он утешает в несении недуга ссылкой на своё примерное терпение, на учение о терпении классиков – Анаксарха, Епиктета, Сократа – и на их личные примеры, ободряет дух его напоминанием о совместном толковании в Матазе псалмов, посылает ему книги, примиряет его со своим положением⁵⁶⁶. Св. Григория Нисского, лишившегося супруги Феосвии, он спешит лично навестить, чтобы умиротворить душу его, взволнованную потерей, но, задержанный в Евфимиаде, шлёт ему письмо⁵⁶⁷. Немессия, правителя Каппадокии, рядом писем убеждает в превосходстве христианской веры, в чём и успевает, склонив учёного адвоката к крещению. Но перемещение его из Каппадокии не дало св. Григорию возможности докончить начатое дело. Тогда он посылает ему целое стихотворение, посвящённое вопросам веры, укрепляя посеянное в его душе⁵⁶⁸. Богатого юношу Аделфия поощряет к духовной жизни и укрепляет его в правилах нравственности. Когда же он соблазняется обращением с девами, обличает и наставляет его⁵⁶⁹. По случаю брака дочери Диокла, высказывает свой взгляд на порядок празднования браков⁵⁷⁰. Не имея возможности быть на браке дочери Прокопия – Олимпиады, извиняется, шлёт благожелания и советы Олимпиаде об обязанности жены-христианки⁵⁷¹. В письмах к Феодору развивает учение о клятве⁵⁷². Вот несколько черт из пастырской попечительности, св. Григория. Много он заботился и о материальном благоденствии всех, кто обращался к нему.

Особенно много забот выпало на долю св. Григория по устройению сирот-родственников, оставшихся на его руках после смерти сестры Горгонии и её мужа Алипия, – племянницы Алипианы с мужем Никовулом. Заботливость св. Григория об этом семействе не знала границ. Он входил во все её нужды, оказывал помощь во всех её невзгодах. Внучатому племяннику Никовулу он старается дать самое лучшее воспитание. Отправляя его в свою «митрополию наук» – Кесарию Каппадокийскую, он просит епископа её Елладия принять

участие в судьбе ученика. «Вот тебе и напоминание о нашей дружбе, – дражайший сын Никовул, о котором забочусь преимущественно пред всеми родными», – пишет он Елладию. «Великую сделаешь мне милость, представив его ревностнейшим из наставников, а ещё большую окажешь милость, приучив нрав его к добродетели»⁵⁷³. О том же просит и начальника города Африкана⁵⁷⁴. Когда же наставником Никовулу был избран Стагирий, он пишет ему: «ты образуеть в слове, а я в нравах... Много у меня с тобой общего, но одно все заменяет, – это дражайший сын наш Никовул; делая ему добро, докажешь и свою ученость и нашу дружбу»⁵⁷⁵. Софисту Евстахию, обидевшемуся, почему не ему поручен был Никовул, св. Григорий отвечает указанием на его занятие только софистикой, приносящей часто вред юношам, а не добродетель⁵⁷⁶, и успокаивает его посылкой к нему Проноя⁵⁷⁷. Евдокию ритору он поручает ещё остальных детей Никовула-отца, убеждая смотреть и за Никовулом-сыном, расположенным к лени⁵⁷⁸. Затем, когда дети Никовула были отправлены учиться скорописи в г. Тиуны, он просит еп. Феодосия «отечески и благосклонно воззреть на них и поместить их вблизи церкви»⁵⁷⁹. Он искренно радуется, когда Никовул исправился и начал успевать в науках⁵⁸⁰.

Приведённые для образца примеры Григорьевой заботливости свидетельствуют, как сердечно и внимательно оказывал он свою помощь. При этом он любил доводить её до конца. Когда, напр., то же семейство Никовула было замешано в деле возмутившихся рабов и ему грозило тяжёлое наказание, обращение в рабство, – св. Григорий употребил все силы, чтобы спасти невинно оклеветанных. Он ходатайствует за них пред правителем области Олимпием и его чиновником Астерием⁵⁸¹. Когда же оба они оставили свои должности⁵⁸², св. Григорий просит Екивогия — оказать покровительство теперь уже осиротевшей семье Никовула, подвергшейся самым затруднительным обстоятельствам⁵⁸³. Так как дело это было перенесено в Константинополь, то св. отец просит участия в нём Нектария патриарха. «Чтобы ты сделал, если бы я сам лично имел дело? Очевидно, приложил бы всё своё старание

избавить меня от обиды... Ту же милость окажи мне в лице благодетельнейшей моей племянницы... Самая большая для меня милость – скорость благодеяния», – писал он ему⁵⁸⁴.

Заботился он и о других своих родственниках – Евфимии, Елладии, Евлалии, деве Амазони, Еистратии, Валентиане⁵⁸⁵. Одним он писал рекомендательные, другим защитительные письма. Но, повторяем, заботы о родственниках не были исключительными: всякому нуждающемуся св. Григорий готов был оказать помощь, поддержку, покровительство, преподать наставление и совет⁵⁸⁶.

Письма св. Григория, глубоко содержательные в отношении к пастырской деятельности, представляют, как мы выше сказали, и единственный материал для биографии св. отца. Из них мы узнаем, напр., что в последние годы жизни его любовь к уединённой созерцательной жизни достигла своего полного развития. Не говоря уже о Арианском сельском уединении, постоянном местопребывании его по возвращении из Константинополя, св. Григорий часто удалялся в монастыри, в коих предавался любимым подвигам аскетизма. Так, напр., в пост четырёхдесятницы 382-го года, он удалился из Назианза в обитель Ламиса, где и наложил на себя подвиг молчания в течение поста. О причинах, побудивших его наложить на себя этот подвиг, св. Григорий так говорит: «Было время, когда я имел очень много твёрдости в нравах. Христос Царь вёл меня на противника, а в сердца у меня была вера, твёрже адаманта; отовсюду ограждался я крепкими стенами, не оскверненный ум свой назидал Словом Божиим, извергал солёную горечь книг, эту фальшивую красоту, а кипучую плоть изнурял многими и частыми трудами. Отнял у чрева наглость пресыщения и неразрывное с ним неистовство, утвердил око, пересилил гнев, связал члены, заградил смех. Всё покорилось тогда Слову, всё у меня умерло. Голая земля была у меня ложем, боль в боках, жёсткие одежды служили пособием к бдению и извлекали у меня слёзы. Днём сгибал я свой хребет, а во всеобщих песнопениях стоял в прямом положении, не зная свойственной людям привязанности к удобствам жизни. Так было тогда. А теперь, когда постигла меня болезнь и изнурила старость, впал

я в новое злострадание. У меня неукротимый и доброречивый язык; он-то всегда предавал меня множеству напастей руками завистника. А для того, чтобы не давать врагу торжества, умолкни, умолкни, любезный язык; и ты, перо мое, пиши слова безмолвия, рассказывай глазам вещания сердца»... «Когда связал я плоть на 40 дней, тогда привёл в непоколебимость ум, жил вдали один от всех, собравшись весь в себя, чтобы научиться соблюдать меру в словах. Надеюсь, что после сего из уст моих не выльется лишнего слова... Язык всего пагубнее для людей. Это—конь, всегда убегающий вперёд, это самое уготованное оружие. Ни что не удержит языка, скорого на слово, — ни человек, ни снег, ни поток, ни каменный утёс. Много срамного изрыгает язык — ложь, похотливые слова, убийство. Кто исчислить все те огорчения, какие причиняет язык? Злого делает добрым, а доброго погубит, и всё это опять переиначит. О! если бы он тотчас омертвел у людей злых... Слово, как скоро сорвется с многозвучного языка, неудержимо буйствует и не возвращается назад. Приметив, что стремительность беглого слова не знает ни веса, ни меры, я изобрёл наилучшее врачество — совершенно удержал слово в высокоумном сердце, чтобы язык мой научился наблюдать, что ему можно говорить и чего нельзя. Укрощая же слово, ты укрощаешь и волнение гнева»⁵⁸⁷.

Вот мотив, побудивший подвижника наложить на себя обет молчания. Своим примером обуздания языка он имел в виду не столько свои личные немощи, но, главным образом, те злоупотребления языком и словом, кои обычны были в то время. Самым делом он хочет научить окружающих его, как опасно давать языку свободу при его силе, и как необходимо полагать дверь своим устам. «Таковы, любезнейший, поучения моего безмолвия; так говорит тебе моя рука, выражающая мысли»⁵⁸⁸. И он был верен этому своему принципу. В Ламисском уединении св. Григория посетил Келевс архонт, градоначальник Назианза. Отшельник не нарушил для него своего подвига. Архонт обиделся. Св. Григорий по сему случаю рассказывает ему в письме басню о ласточках и лебедях, с целью примером лебедей, поющих мало и при немногих лицах,

отучить его от говорливости⁵⁸⁹. «Если кто принимает это – прекрасно; а если нет, то молчание и тем для меня выгодно, что не отвечаю другим⁵⁹⁰, – вот какую пользу видел он в молчании. Свой обет св. отец снял вместе с постом к Пасхе: «Со Христом умертвил я язык, когда постился; и разрешил вместе с Воскресшим. Такова тайна моего молчания»⁵⁹¹. Разрешил духоносным «Словом на Пасху»⁵⁹², о коем упоминалось выше.

Другим местом аскетических подвигов св. Григория была обитель Саннавадаинская, возглавляемая блаженным Лавкадием. Когда сей старец умер, св. Григорий утешил осиротевшее братство замечательно тёплым письмом, в коем высказал взгляд на сетование об умерших. «Для имеющих ум нет повода к слезам в том, что случилось по смотрению Божию... Советую вашему благолепию, взирая друг на друга, иметь всегда пред очами его (почившего); ибо того желаю, чтобы каждый и каждая из вас отпечатлевали в себе жизнь блаженного... Да отпечатлеваются его смиренномудрие, деятельное любомудрие, непрестанное стремление души к Богу, неразвлекаемость прелестями мира сего, чтобы, видя сие, друг в друге изобразить ему, памятник в себе самих» – писал он⁵⁹³.

Это письмо, а также, и аналогичные ему 213, 214 и 215, наглядно показывают, каким путём св. отец каждый случай жизни умел и старался использовать в видах пастырского назидания.

Третьим любимым местом его уединения была обитель св. мучеников в Карвалах. Мирное пребывание здесь св. отца было прервано поступком Валентиниана, поселившего около неё каких-то женщин. «Самым нечестивым образом гонят нас из Карвалы, гонять не словом, — но самым делом и весьма жестоко, — жаловался он. — Ибо гораздо было бы лучше объявить приказ об удалении явным предписанием, нежели нарушать святость нашей жизни поселением женщин прямо против нас и присовокуплением ежедневного позора и хулы от свободно ругающихся над избравшими такую жизнь, какова наша»⁵⁹⁴...

Св. отец оставил нам свидетельства той внутренней борьбы с помыслами и аскетических его подвигов, коими подвижник

шёл на пути духовного совершенствования. «Блажен, кто ведёт пустынную жизнь и не имеет общение с привязанными к земле, но обожил свой ум» – восклицал он⁵⁹⁵. Борьба с привязанностью к земле заставляла св. отца и уходить в пустыню, и полагать печать своему языку, и усиливать свои подвиги. «Чего тебе хочется, спрашиваю душу свою? Что для тебя важно и что маловажно из высоко ценимого смертными? Хочешь владычествования богатств? Этого не дам тебе: это тебе получить не полезно. Или ты хочешь престолов и начальства, этого кратковременная кичения? Не хочешь ли связать себя браком? Не желаешь ли этой сладостной болезни – заботы о благочадии? Не хочешь ли греметь словом и собирать вокруг себя зрителей? Хочешь ли славы и чести?... Скажи и ты, негодная, зловонная плоть! поскольку я – душа-владычица сопряжена с тобой поваром, то скажи: чего ты хочешь себе? Я должна тебе немногим, хотя стараешься вынудить у меня многое. Хочешь ли иметь стол, благоухающий от мира и излишних поварских ухищрений, слышать нужные звуки музыки, видеть пляски юных отроков и кружение дев, неблагочинно обнаженных, чтобы ещё более разгорячить вино, омрачающее ум? Если этого хочешь ты от меня, то скорее получишь удавку. Пусть скроет тебя ущелье, одеждой пусть будет у тебя или верблюжий волос, или даже кожа, покров древней наготы. Для ложа бери, что случилось. Трапеза – из тех даров, которые земля предлагает каждому. А устроив тебе, помещение и напитаю тебя охотно. Хочешь ты есть? – Бери себе хлеб, если случится, даже и постный. А для варенья без меры дам тебе соль и дикий лук – не купленный овощ – другой лучшей приправой да будет у тебя голод. Хочешь пить? Пред тобою струится вода, всегда через край льющаяся чаша, питьё, не производящее опьянения... А если хочешь и пороскошничать, то не пожалеем уксуса. Тебе и этого недостаточно? Ты неутомимо и ненасытно хочешь черпать удовольствие дырявой бочкой? Ищи же себе другого попечителя, а у меня нет досужего времени лелеять своего домашнего врага, который бы уязвил меня, как окостеневшая от стужи и потом в недре моём отогретая змея»⁵⁹⁶.

Хотя и вся жизнь св. Григория была постоянным подвижничеством, тем не менее, теперь, когда столько перенёс подвигов, борьбу со своей плотью он не считал оконченной. «Гибельная плоть – корень многовидных страстей, подруга дольного мира, противница небесной жизни. Плоть – мой враг и друг, приятная война, неверное благо, бремя, грязная цепь, неукротимый зверь, негодная кипучесть, гроб и узы царя твоего – небесного образа, который получил я от Бога. Ещё ли не положишь конца бесстыдным порокам, не покоришься духу и сатане, о, окаянная злоумышленница?! Окажи мне уважение, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду к душе моей!.. Посетите ж меня, наконец, очистительный источник слёз и бдение тела и ума, чтобы устудился во мне пламень, омылась зловонная гнилость мучительных страстей! Откажись от пресыщения, чрево; иссохните, преклонные к земле колена; пепел да будет мне хлебом, жестокое вретисще да покрывает изнеженные члены, служа ограждением обуреваемой душе!.. Таковы мои врачества от неразумия»⁵⁹⁷.

Но поборания плоти всё ещё сильны и беспокоят подвижника, оскверняя его душу. «Наступила старость, ослабели члены. Если же восставшая плоть, явно или тайно, приходит ещё в бешенство и, что всего прискорбнее, таинника небесных жертв делает нечистым, то заклинаю тебя, плоть, державою великого Бога или чёрным для нечестивцев днём, удержишься от наглости!»⁵⁹⁸. Чем выше подвигался св. Григорий по степеням умерщвления в себе страстных движений греха, чем чище становилась его душа, тем заметнее для подвижника было самое наималейшее уклонение от всецелого служения Богу. Творения последних лет жизни дают нам яркую картину того душевного состояния, которое переживал подвижник. Она весьма поучительна.

Если человеку любомудрому всегда свойственно глядеть внутрь самого себя и возможно чаще сверять свою жизнь с законом нравственным, чтобы оплакивать уклонения от него, то в исключительные периоды жизни, особенно когда проявляются зловещие признаки разрушения темницы духа – тела, вполне естественно оглянуться на весь пройденный путь, подвести

итог, исправить что можно, оплакать, прибегнуть к милосердию Божию, исповедав Его величие и свою человеческую немощь. В элегиях св. Григория эта заключительная стадия жизненного подвига вылилась замечательно рельефно, живописно, глубоко.

В самом деле, позади жизнь, исполненная потерь, испытаний и горестей; впереди – смерть без родственных утешений, без тёплого участия близких сердцу. В настоящем – печальное одиночество, мучительное чувство от болезненных страданий, горькое сознание своего недостойнства пред Богом; в будущем – нагота души. Результатом всей пережитой жизни осталась ужасная борьба двух начал, борьба, раздирающая душу, не дающая успокоения. Какая же цель человеческой жизни? Куда он стремиться? – Идти к Богу и быть Богом. «Несомненно, что человек есть тварь и образ великого Бога. Как от Бога всякий изошёл, так к Богу и идёт, если вождём своей жизни имеет Христа, и совлекись плоти и противоборствующей дебелости, хочет стать Богом и духом, чтобы чистыми очами ума созерцать самую истину и устами воспевать празднственную песнь»⁵⁹⁹.

«Но не соблюл я досточтимых таинств Божиих, хотя душа моя и посвящена в тайны небесного восхождения. Грубая персть гнетёт меня долу; не возмог я изникнуть из грязи и обратить око к свету. Много на сердце суетных попечений блуждающего ума: они отдаляют от меня Христа, Который не терпит общения с чуждой для него душой... О, если бы приставлена была какая-нибудь дверь и к глазам и к устам моим, чтобы и видел и слышал я одно полезное... Какой же это правит мною закон? Отчего я на земле стал узником плоти?... Я, образ Божий вовлекаюсь в греховность, худшее во мне несправедливо противится лучшему... Ибо два, точно два во мне ума: один добрый, а другой худший»⁶⁰⁰. «Часто заносил я ногу, чтобы шествовать к небу, но тяжкие и снедающие сердце заботы низлагали меня на землю»⁶⁰¹. «Вот путник пришёл к крутоберегой реке и хочет её перейти; но вдруг поколебалась мысль: он медлит своей переправой; долго борется, стоя на берегу; не раз заносил он ногу свою в воду и не раз отступал назад»...⁶⁰². «Всегда я в пути... то простираюсь вверх, то снова

возвращаюсь назад с большим прежнего срамом. Едва лишь сделаю несколько шагов вперёд, тотчас следует падение. Долга моя жизнь, а не хотелось бы расставаться с жизнью. Желая врачевания»⁶⁰³. Причина тому немощь человека. «Кто я был? Сперва, заключался я в теле отца, потом приняла меня мать, а потом я, сын срама, стал нечто сомнительное, безвидное, коему матерняя утроба служила гробом. И вот мы от гроба и до гроба живём для тления. Ибо в этой самой жизни вижу одну трату лет, которая приносит мне гибельную старость. Одно непреложно для однодневных существ – страдания. Бессилие, нищета, рождение, смерть, вражда, злые люди – эти звери моря и суши, – все скорби – вот жизнь! И как много я видел напастей, так не видал ни одного блага, которое бы совершенно было изъято от скорби»⁶⁰⁴. «Нет ничего немощнее человека... Жизнь это дикий поток, это волнующееся море, то здесь, то там воскипающее от непрестанных порывов ветра. Если верно уставить весы и взвесить всё, что в жизни приятного и что прискорбного, то одна чаша, до верха нагруженная злом, пойдёт к земле, а другая с благами жизни побежит вверх. Война, труд, разбойники, имение и пр. – всё это детские игрушки в многотрудной жизни. Посмотри и на приятность жизни – пресыщение, пение, смех, брак, гроб; дети – тревожная скорбь, красота – неверная приманка, богатство и нищета – сугубое зло, – всё это шар, летающий из рук в руки у молодых людей...»⁶⁰⁵. «Богатство – неверно, престол – кичение сновидца, бедность – узы, красота – блеск молнии, слова – летучи, слава – воздух, сила – достояние дикого вепря; всё здешнее – смех, пух, тень, роса, пар, сон». Что за жизнь? «Человек есть Божия игра, кубарь, ходящий под ударами... Мы — лёгкое дуновение ветра»...

«Всякий в этой жизни полагается на что-нибудь иное – на благородство крови, на прах и настоящую пышность; они ищут себе какого-нибудь ничтожного помощника. Я один оставлен Тебе Единому, Царь царей. Ты моя величайшая сила! У меня нет попечительной супруги, которая избавила бы меня от забот и своими ласками врачевала бы сетующего. Не веселят меня милые дети, кои ободряют старость. Не утешают меня ни единокровные, ни друзья. Одно было у меня чудное утешение –

общество мужей совершенных и христоносных. Но и они, ратоборствуя за Тебя, разделились; ревность Божия незаконно расторгла закон и согласие любви, от которой осталось одно имя. Как иной, спасаясь ото льва, набегает на лютого медведя и, убежав от медведя, с радостью укрывается в дом и опирается рукой о стену, но там неожиданно поражает его змея: так и мне, избежавшему много страданий, нет врачества от бедствий... Что ни встречаю, всё-то болезненнее прежнего. Умилосердись, Христе, надо мною!»⁶⁰⁶.

Подвижник подвергается искушениям дьявола и борется с ним. «Царь мой Христос. Приди к зовущему. Спаси меня. Стражду от брани, зверей, пламени, ветров, и на небо возвожу взоры... Меня не связало супружество, этот поток жизни, эти узы, тягчайшие из всех; меня не пленили прекрасные волны шёлковых одежд; не любил я долгих трапез, великолепных домов; серебро и золото предоставил я другим. Неважно для меня получить награды от царя при дворе, увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, ловить тень и осязать её... Но избежав всего этого, не избежал я невероятной вражды неприязненного, который с лицом дружелюбным строит мне козни»⁶⁰⁷. «Седая голова и покрытое морщинами тело преклонились уже у меня к вечеру скорбной жизни. Но доселе не испивал я

столь сильных и многочисленных горестей... Теперь, когда собрался я с разумом и касаюсь уже предела жизни, как бы от упоения нетверды стали стопы мои, и я, несчастный, иду излучинами, меня изнуряет брань с пресмыкающимся змием. То простираю ум к Богу, то опять увлекаюсь в худую слитность мира, и не малую часть души моей исказил смутный мир... Сего-то греха боюсь и трепещу день и ночь, видя, как душа ниспадает от Бога на землю, больше и больше сближается с перстью, которой желал я избежать. Так на берегах осенней реки гордящуюся сосну или вечнозелёный чинар, подрывшись под корни, погубил соседний ручей... И на мою душу, цветущую для Христа-Царя, напал жадный и неукротимый враг, завистливый велиар»...

«Беги от меня, злобный зверь, человекоубийца! Отойди, у меня в сердце Христос! Подкрепи снова в небесных надеждах, и мне, угасающему, мне, жаждущей светильне в светильнике, удели несколько влаги, несколько капель елея, чтобы я сподобился вечной жизни... Ах, помогите мне, ангелы предстатели! Умоляю вас, друзья, избавьте меня от него!»⁶⁰⁸

«Долго ли мне сидеть у гноища? Как будто все блага жизни заключены в одном утешении – изо-дня-в-день то принимать в себя, то извергать отмеренное... Всем я пресыщен. Другую даруй мне жизнь и другой мир, для которого охотно несу все тяжести трудов... Лучше бы мне умереть, когда Ты заключил меня в матернюю утробу... Лучше бы не вступать во врата жизни, чем, после стольких скорбей, понести ещё наказание, тяжелейшее здешнего. Одно благо – это небесные надежды... Я умер для мира, а мир умер для меня. Я – дышащий мертвец; моя жизнь в ином мире; я воздыхаю под дебелую плоть, которую мудрые прекрасно называют мраком ума... Оставив всё, я имею одно – крест, светлый столп моей жизни... Оставив весь мир и всякое здешнее бремя, направляю парус в небесную жизнь»⁶⁰⁹.

Подвижника гнетёт земная суета. Всё земное суетно. «Где крылатые речи? В воздухе. Где цвет моей юности? Погиб. Где слава? Скрылась в неизвестности... Теперь я, одинокий странник, скитаюсь на чужой стороне, влача скорбную жизнь и дряхлую старость; не имею у себя ни престола, ни града, ни чад, хотя обременён заботами о чадах, и непрестанно скитаюсь, день за днём провожу на ногах... Где сброшу с себя это тело? Какая земля, и какая страннолюбивая могила укроет меня в себе? Кто положить персть на мои померкающие очи? Покину все земное счастье» даже сладостный солнечный свет, самое небо, звезды. Всё это оставлю тем, которые после меня. А сам, с повязкой на голове, как мертвец и бездыханный, возлягу на одре, получу ненадолго похвалу, потом камень и под ним неумирающее тление. Впрочем, не от этого смущается моё сердце; трепещу единственно правдивых Божиих весов»⁶¹⁰.

Мысли о близком конце жизни и предстоящем суде Божиим всё более и более занимают душу аскета. «Последний подвиг

жизни близок, худое плавание кончено; уже вижу и казнь за ненавистный грех, вижу мрачный тартар, пламень огненный, позор обличенных дел. Но умиلسердись, Блаженный, и даруй мне, хотя вечер добрый, взирая милостиво на остаток моей жизни»... «Цвет опал, приблизилось время жатвы. Побелели у меня волосы, гумно призывает к себе колос; уже нет незрелости в ягоде, близко собирание гроздов. О, мой злой день! Как избегну его? Что со мною будет!»⁶¹¹

Мысль о пастырском назидании своим примером и здесь является господствующей. «Пусть сам я понесу свой жребий, – говорит он, – но вам, которые будете жить после меня, даю заповедь: нет пользы в настоящей жизни, потому что жизнь эта имеет конец... Я сетую, болезнь обдержит мои члены... Впрочем, не столько сетую по причине болезни, но гораздо более озабочивают меня малодушные; боюсь, чтобы из них кто-нибудь не преткнулся, видя мои бедствия... Вспомни сие, Великий, и помоги Своему служителю, не доведи меня до позорного конца жизни!»⁶¹²

С точки зрения преподавания пастырских наставлений мы должны, в силу сказанного самим Григорием, глядеть и на все остальные его «Плачи» и «Покаянные песни», столь обильные и богатые раскрытием внутренней духовной жизни св. отца.

Подвиги поста, молитвы, самоуглубления и оплакивания грехов в течение 6–7 лет Арианзского периода жизни приугодили душу Григория в избранный сосуд Божий и сделали его достойным лицезрения св. Троицы, во славу Которой он так много потрудился в жизни. В последнее время он усиленно взывал к Богу о прекращении своей жизни, чтобы скорее войти в теснейшее единение с Богом. «Ты, Милосердый, соблюди мою старость и мою седую голову и пошли добрый конец жизни. Я утруждён жизнью, едва перевожу дыхание на земле, уязвляемый множеством бедствий от врагов и от друзей, что и огорчает меня чрезмерно. Потому плачу и припадаю к Твоим коленам. Подай мертвецу Твоему кончину жизни, подай утруждённому отдохновение и возведи меня к легчайшей жизни, для которой терплю скорби и тысячи горестей»...⁶¹³

«Прощай мир, прощай многотрудный, и пощади тех, которые будут после меня⁶¹⁴. Восхитив в ангельские лики, приблизь путника к Небесному Чертогу, где слава единого великого Бога, сияющего в Трёх Светах»⁶¹⁵.

Молитва праведника была услышана. Около 390 года, на 61 году жизни, он мирно почил в Арианзе.

Тело его было предано земле не в Арианзе, а в Назианзе, вместе с могилами его родителей. Его светозарный дух приобщился к Свету Невечернему, а святые мощи были оставлены земле, как залог правоты и чистоты его учения. В 950 году они были перенесены в Константинополь и поставлены в церковь св. Апостолов.

«Кто вспомянет о Григории, которого воспитал каппадокийцам небольшой Диокесарийский город?» – задавал он себе тревожный вопрос. «Кто же восхвалит меня, который после тебя, Василий, оставляю жизнь, если и доставлю слову нечто достойное похвалы?» – говорил он в надгробном слове своему другу. Он почтил надгробными словами отца, брата Кесария, сестру Горгонию, своего друга Великого Василия, св. Афанасия Великого. Но надгробного слова ему самому нам не сохранила история, хотя живы были его знаменитые современники: св. Григорий Нисский, св. Иоанн Златоуст и др.

Как бы предчувствуя такой пробел, святой Григорий написал два надгробия – себе самому и на общую гробницу своего семейства.

«Здесь лежит любезный сын Григория и Нонны, служитель Священной Троицы, Григорий, который мудростью уловил мудрость и в юности ещё имел одно только богатство – пренебесную надежду».

«Я – один камень – покрываю двоих знаменитых Григориев, родителя и сына, два равных светила, двух иереев. А этот камень заключил под собой благородённую Нонну с великим её сыном Кесарием. Так разделили они между собой и сыновей и гробы. Но у всех один был путь – в горнее; у всех одна была любовь – к жизни небесной»⁶¹⁶

По духовному завещанию главной наследницей своего имущества св. Григорий сделал Церковь Назианзскую, с

условием, чтобы имущество его шло на благотворительные цели. Затем перечисляются в нём и другие наследники его имущества. «Тех из моих рабов, которым я дал свободу по личной воле или воле родителей, я объявляю отныне вполне свободными, а имущество их объявляю неотъемлемой их собственностью». В завещании не забыты никто из родственников, близких, сослужителей и слуг. Все они наделены то имуществом, то деньгами, то одеждой. Все рабы или рабыни получили свободу или отданы Церкви⁶¹⁷.

Так окончилось земное странствование того пастыря, коего «и жизнь была, по словам Руфина, как нельзя быть не укоризненное и святее; и красноречие — как нельзя быть блистательнее и славнее; и вера — как нельзя быть чище и правильнее, и ведение самое полное и совершенное»⁶¹⁸.

Если бы теперь, обозрев целожизненный пастырский подвиг св. Григория, мы задали себе вопрос: чем же руководился он в своей пастырской деятельности, какая черта была главной и существенной, то должно ответить, что это была любовь, чистейшая любовь к людям и ревность об их совершенствовании, ярко светившаяся во всех его делах и поучениях, питаемые и поддерживаемые аскетическими подвигами, удалявшими из его души всякое страстное омрачение. Он был всегдашним слугой для всех, в нём нуждавшихся; он самоотверженно шёл туда, где нужна была его помощь; он смиренно терпел бесчестие за имя Христово, подражая тем, к сословию коих принадлежал уже при жизни.

Св. Церковь причислила Григория Назианза к лику святых, празднуя его память 25 и 30 января.

Святой Григорий оставил нам значительное количество своих сочинений, состоящих из слов, писем и стихотворений. Несомненно, принадлежат ему 45 слов, 4 послания, 158 стихотворений и 238 писем. Трагедия «Страждущий Христос», долгое время приписываемая св. Григорию, принадлежит другому автору⁶¹⁹.

Сочинения его пользовались самым высоким уважением в Церкви, и ещё при его жизни их стали переводить на другие языки. Они были предметом самого внимательного изучения. Ни

на чьи сочинения не написано так много толкований как на творения св. Григория.

Церковь наименовала св. Григория именем «Богослова», тем высоким именем, которым она почтила одного только Иоанна между апостолами и евангелистами. Этим она оценила характер его учения. После первого Богослова, св. Григорий столь глубоко и высоко постиг тайны Божества, сколько возможно постичь их человеку при свете откровения. Его мысль, как и мысль первого Богослова, обращена была к предвечному Слову. Древние говорили: «Григорий – ум — νοῦς: он зрит беспредельного». Его возвышенность помыслов, восходящая во внутреннее святилище Божьего естества (насколько это доступно человеку), – такая собственность св. Григория, которой в одинаковой мере с ним никто не обладал. Если он обращается к рассудку, чтобы с его помощью разрушить неправильным построения рассудка, то идея ума о Беспредельном всегда с ним, и от того все рассуждения его, как бы зрение ума. Св. Григорий употреблял рассудок на то, чтобы как можно точнее выражать мысли, откровения о такой тайне, как тайна св. Троицы⁶²⁰. При всей образности выражений и игре словоопределений, слова его с изумительной точностью выражают боговдохновенные мысли о Триипостасном. Поэтому-то и самые разномыслящие не смели спорить о веровании св. Григория. Богослов имел полное право говорить новокрещённому: «если ты написал исповедание веры в Триединого несогласно с моим учением, поди сюда и дай мне переписать: я искусно напишу»⁶²¹.

И по требованию обстоятельств, и по особенной любви к богословствованию, св. Григорий почти непрестанно обращался в области догматических предметов. Можно сказать, что Он был Богословом по призванию свыше. «Когда я был отроком и нисколько разумения имел в груди, тогда, следуя какому-то прикровенному разуму и похвальным обычаям, восходил я горе к светозарному престолу и не блуждающими стопами шёл по царскому пути» – говорит он о себе⁶²². Умосозерцание было отличительной чертой его духа. Потому-то он и любил уединение, что в нём свободно мог уноситься мыслью в

надмирные сферы. «Желал бы я стать или легкокрылым голубем, или ласточкой, чтобы бежать из человеческой жизни, или поселиться в какой-нибудь пустыне. Там желал бы провести свою однодневную жизнь без забот, имея одно преимущество пред зверями – ум, который ведаёт Божественное и небожественное. Там собирал бы я свет бы к небу, где окрест Неизреченного Тройственного Света сияют многие красоты»⁶²³. А так как истины веры Христовой представляют самый возвышенный материал для чистого умозерцания, то в умопредставлении их св. Григорий погружался всецело, находя в этом истинное наслаждение. Потому-то и речь о догматах у него – не сухая материя, а проявление особенного воодушевления, высшего всякого человеческого чувства. При изложении догматов он мало или вовсе не занимается филологическим рассмотрением изречений Св. Писания. В этом отношении его ученик бл. Иероним далеко превзошёл своего учителя, но за то дух Св. Писания является живым началом богословствования св. Григория, и из этого духа он извлекает каждую мысль.

По характеру и направлению своего догматического умозрения св. Григорий принадлежит к александрийской школе, к тому новому её направлению, представители которого были поборниками идеи осуществления теории соединения философии с религией, под условием ограничения разума и строгого подчинения его авторитету веры, при чём знание должно было не преобладать над верой, а служит её интересам, помогать в исследовании и решении вопросов христианского вероучения, давая последнему только форму, но, не касаясь сущности его содержания. В своих теологических изысканиях св. Григорий остаётся верным этому направлению, впервые осуществлённому св. Афанасием. Вера, и знание религия и наука всюду являются необходимыми элементами его богословия. Главное и преобладающее он отдаёт вере: она служит основанием его знания, руководит и управляет его философским мышлением и созерцанием.

Одной из отличительных черт богословствования св. Григория является следование учению о вере и гносисе,

согласно которому внутренняя, философская сторона христианства должна быть уделом немногих совершенных, вера же простых должна довольствоваться внешней стороной – буквальным смыслом писания и историей спасения. Вера, как основание знания и деятельности, необходима для всех, но строить здание на этом основами – удел учёных христиан, избранных. В слове 32-м «О соблюдении доброго порядка в собеседовании и о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге» эта мысль развита подробно и картинно с опровержением возможных возражений. «Не любопытствуй о естества Отца, об осуществлении Единородного Сына, о славе и силе Духа, об Едином в Трёх Божестве, об единой светлости, о нераздельном естестве и исповедании, о нераздельной славе и надежде верующих. Держись речений, которые приняты тобой с воспитанием, а слово предоставь мудрейшим. Довольно, чтоб в тебе было основание, а надстраивает пусть художник. Без чего нельзя быть христианином, то – полезнее доступного немногим. Одни из верующих богаты дарами созерцания, другие скудны умом и бедны языком. Но последние имеют все средства спастись. Путь непробитый и недоступный оставь другим, а иди протоптанным, который спас многих... Скудный в слове и знати, опирающиеся на простых речениях и спасающийся на них, как на малой ладье, выше борзого на язык глупца, который с невежеством доверяет доводу ума, а крест Христов, который выше всякого слова, упраздняет силой в слове, где слабость доказательства служит умалением истины»⁶²⁴

Очевидно, причиной разграничения св. Григорием верующих на младенцев по вере и на мужей совершенных послужила тогдашняя страсть к спорам, выносившая на улицу предметы веры, несмотря на *disciplina arcani* – неразглашаемость тайны веры для непосвященных.

Это уважение к вере несколько не унижает знания. Христианское «веруй» такой же принцип христианства, как и всякие принципы в других дисциплинах, например, «сам сказал» у пифагорейцев⁶²⁵. Но им вовсе не запрещается для христиан научное образование. В словах «обличительных на

Юлиана» св. Григорий считает науку достоянием общечеловеческого ума, а не греческого только, и для себя лично искусство красноречия предпочитает всем прочим благам мира. «Всё, что кружится на земле и услаждает людей, не больше, как сновидение, – богатство, знатность породы, славу, власть – я оставил желающим. Одно только удерживаю за собою – искусство слова и не порицаю себя за труды на суше и на море, которые доставили мне сие богатство»⁶²⁶.

По способу изложения богословского учёта метод св. Григория есть догматико-полемический, как наиболее соответствовавший нуждам времени, требовавшему от богослова IV в. изложения христианского учения совместно с обличением лжеучений. Эту задачу богослова своего века св. Григорий ясно признавал и для её разрешения установил особый метод своего богословствования, по которому он излагает сначала своё учение, а потом опровергает доводы еретиков или наоборот. Причём он останавливается только на тех христианских догматах, которые отличаются особой таинственностью, или служат предметом особого интереса современного общества, каковы о св. Троице, о Сыне, о Духе.

Природные способности св. Григория и искусство в слове, в соединении с глубоким пониманием основ веры на основании Св. Писания и Предания, сообщили ему необычайную смелость, которая отличает богословствование св. Григория. Его ум нередко направляется к решению таких вопросов, пред трудностью которых другие отцы отступают. – «Почему в Боге именно Три лица, а не больше или меньше? Каким образом при Троичности Бог Один? Чем занята была мысль Бога до сотворения мира?»⁶²⁷ – на все эти вопросы ум св. Григория не довольствуется ответом – не знаю, а усиливается и в эту глубину внести луч света.

Смелость умозрения высказывается у св. Григория и в языке. Он говорит, как вдохновенный, говорит сильно, решительно, не боясь за то, что люди злонамеренно перетолкуют его слова в ущерб их смыслу: «Ангел – струя света; душа – частица Божества, человек – Бог»⁶²⁸.

Пламенный и необыкновенно даровитый любитель созерцания, св. Григорий является в нём самостоятельными. Во всё, во что он ни входил, он вдумывался глубоко, всё перерабатывал в лаборатории своего любознательного ума, и усвоял до того, что его учение, будучи вселенским, есть в то же время его собственное учение, будучи плодом Духа, оно, в то же время, есть плод и его собственного умосозерцания.

Главная и существенная особенность его умозрения состоит в том, что о чём бы он ни рассуждал из учения о Боге, мире, человек, – мысль об уме и созерцании, о свете и озарении стоит на первом плане, и при решении трудных вопросов почти всегда выводит его из затруднения. Это его угол зрения на предметы, при котором учение его получает возвышенность. Григорий – ум и по жизни, ум и по своему учению.

Для своих возвышенных созерцаний он с любовью искал и соответствующих форм в слове: высокоценя ум, он столько же дорожил и даром слова. «Я – орган Божий, и в благозвучных песнопениях приношу славословие Царю, пред Которым всё трепещет. Пою же не Трою, не свиную голову, не неистовство страстей, но воспеваю царствующего в горних великого Бога, воспеваю песни ангельских ликов, стройность мира, нетленную славу Христовых страданий. Для всего этого язык мой должен быть как гусли»⁶²⁹. Поэтому-то св. Григорий выработал в себе свой оригинальный возвышенный язык, необычайно трудный для перевода. Его речь строится из слов и выражений отборных, имеющих определённый обдуманый строй и указывающих на заботливость Богослова о том, чтобы, как вся его речь, так и каждое слово, были достойным выражением высоких мыслей. Эта тщательность в выборе выражений и служит объяснением того факта, что в разновременных написанных трудах об одном и том же предмете он буквально повторяет целые отрывки. Что для другого писателя свидетельствовало бы о его слабости, то у св. Григория было результатом раз навсегда тщательно сделанного предпочтения одной формы пред другими⁶³⁰.

Ораторские дарования св. Григория также беспримерные во многих отношениях, так что его сравнивали с лучшими витиями

того времени. К внешним достоинствам их, кроме указанной возвышенности, силы мыслей, чистоты и точности выражений, нужно отнести: а) игру образов и выражений. «Св. Григорий чрезвычайно любит объяснения чрез сравнения и примеры. Пастырь душ – пастух овец; жизнь человеческая – море; еретик – вино; смешанное с водой; его привязанность к св. Василию – прилипчивость полипа; св. Василий – орёл; св. Афанасий – магнит и алмаз. Пословицы и антитезы встречаются весьма часто. В обличениях еретиков часто слышится ирония и сарказм, хотя и смягчённые любовью. Однако, любовь Григория к искусственной художественности речи и способность его к такой речи вовсе не развиваются на счёт простоты и ясности в изложении, особенно в словах нравоучительных»⁶³¹.

б) Библейский тон речи, достигаемый как указанною жизненностью сравнений и живостью речи, так и обилием искусно вплетаемых цитат из Св. Писания, свидетельствующих о любви к нему и знании его оратором. Не только целые мысли, но часто одно слово, одно выражение собственной мысли словами Св. Писания придаёт речи невыразимо прекрасно библейский облик и тон.

в) Тематизация слов. В установлении типа тематизованного слова св. Григорию принадлежит первенство в проповеднической литературе IV в. Тематизация сказывается в единстве предмета речи, пред намечаемого в начале каждого слова или ещё раньше намеченного (учение о Св. Троице напр.). Поэтому, мысль его, при своей гениальной плодovitости, течёт вполне свободно, в строгой логической ассоциации, всегда более или менее остроумных и своеобразных комбинациях, мало уклоняясь в сторону от непосредственного предмета речи.

г) Наконец, указанный выше тщательный выбор слов и выражений и отделка слов дают основание думать, что св. Григорий не выступал на кафедре без приготовления, не имел обыкновения говорить импровизации. Напротив, самая

отделка слов показывает, что духовный оратор желал говорить вполне достойным образом, готовя, обрабатывая слова для церковной кафедры, заботясь о том,

чтобы никакой диалектик, каких много было в тогдашней публике, частью ещё языческой, не мог заставить оратора краснеть хотя бы то и за одно выражение. Поэтому, и по тону, и по форме речи св. Григория – не беседы, но в полном смысле слова.

С внутренней стороны проповедническое слово св. Григория отличается особой торжественностью, священным величием, духовною властью, доходящею до пророческой смелости. Приносит ли он благодарение или славословие Богу, излагает ли он учение, препирается ли с еретиками, обличает ли прочность слушателей, сетует ли о бедствиях Церкви, изливает ли скорбь своей многоплачевной и многострадальной жизни, торжественный тон слышится у него наравне с тоном строгости и умиления. Одинаково он возводит дух читателя на некоторую высоту, отрешая его от суеты текущей жизни с её мелочными помышлениями, надеждами, и удерживает на этой высоте. При таком постоянно повышенном настроении духа, св. Григорий является на кафедре с истинным величием пророка Божия. Как ни глубоко было его смирение, в каких бы скорбных обстоятельствах он ни находился, слово его никогда не переставало быть величественным, заповедующим, убеждающим. Речь его из умиленной исповеди часто обращается в величественную проповедь покаяния, и голос оратора звучит таким величием и силой, что невольно преклоняется пред ним всякий слух, как будто внимая не человеческому, а Божественному вразумлению и обличению. «Вам угодно, чтобы я говорил...» – читаем в слове 19 по случаю народной переписи. – «Произнесу не что-либо нежное, приятное и усладительное, но скажу что-нибудь весьма мужественное и сильное, от чего вы могли бы сделаться лучшими, как возведённые от плоти к духу и достаточно возвысившееся умом. Сынове человечести, доколе жестокосердии, всякую любите суету»⁶³², и далее он обличает суету человеческую. Даже в обличительных словах, препирая еретиков, он торжествует над ними не только логическою силою доводов, но и величием духа, открывающимся в слове.

При чтении произведений такого оратора, у читателя невольно получается настроение возвышенное, чуждое мелких словопрений и состязаний; он невольно пленяется истинами веры и нравственности. Если таково действие речей св. отца на читателя, то легко можно вообразить, каково было действие их на слушателей. Они, как мы видели, приходили в восторг, шумно выражали его, прерывали речь возгласами одобрения, льнули к оратору.

Влиянию речи Григория на слушателей много способствовала его властность и убежденность в своём посланничестве. Он сам свидетельствует о себе: «Я – орган Божий», «язык мой, как гусли»⁶³³. Слово Григория – слово истины, ведения благодатного озарения, слово человека, призванного к благовествованию и имеющего на себе помазание. И это не тщеславное заявление, но слово правды, засвидетельствованное аскетическим образом жизни святителя. «Прощальное слово» – прекрасное доказательство сему. Св. Григорий знал значение своего слова, уважал и чтит оное, стараясь быть достойным носителем его и заботясь о развитии его. Очищать ум и слово было непрестанной его заботой. Постом, и безмолвием он готовил себя к изречению «того великого ведения полезного и вредного, которое вложил в него Бог».

В силу сказанного, св. Григорий есть истинный духовный вития, пример и образец для подражания проповедникам всех времён.

Наконец, нравственное учение св. Григория Богослова имеет ту отличительную особенность, что оно основывается у него на христианских догматических принципах, из коих вырастают метафизические основы морали, как дерево из своего корня. Вопрос о постулатах или метафизических принципах морали, этот первый вопрос как

нравоучения, находит у св. отца своё надлежащее разрешение. Он уясняет нравственный смысл догматов и их отношение к общей норме христианской жизни. Он указывает общее отношение человека к бытию, выясняет связь его с другими личностями, ставит ему определённую цель жизни,

раскрывает смысл существования, его назначения и его будущей участи. В этом отношении все его творения относятся к этическим, так как моральные наставления и рассуждения рассеяны у него по отдельным произведениям, потому что специальной нравственной системы св. Григорий не оставит. «Как всякая вещь имеет свой больший или меньший отличительный признак, так и мои речи имеют отличительными свойствами назидательность в мыслях и догмате» – характеризует он Никомулу свои писания, собирая их по его просьбе⁶³⁴.

Основами нравственности указываются Григорием следующие:

а) Теологическое. Личное бытие Бога и всегдашняя зависимость от Него всех разумных существ по преимуществу служит основанием их нравственности, так как индивидуальная жизнь каждого укрепляется в Божестве и относится к Нему, как одна из периферий к своему центру. «Памятовать о Боге необходимо, нежели дышать. Бог начало и конец всякого дела»⁶³⁵. Единство лиц в Св. Троице обязывает всех к единомыслию, представляя совершеннейший идеал для сотворенного. «Единомыслие ведёт начало от Троицы»⁶³⁶. Оно есть выражение любви и согласия, к которому обязываются и все, живущие в Боге⁶³⁷.

б) Онтологическое – из учения о человеке, как созданном по образу Божию и призванному к духовному союзу с Богом. Человек – соединение духа Божия и персти земной; его душа – струя Божества. Посвящение души Богу – его первая, высшая жертва. Но эта жертва есть дело свободного личного проявления самого человека, чтобы он, ставши самопроизвольным делателем добра, борьбой и подвигом приобрёл венец⁶³⁸. В борьбе и подвиге сущность основной проблемы нравственной жизни, состоящей (проблемы) в нравственном самовоспитании духа и умерщвлении страстных влечений плоти, загрязняющих жилище души⁶³⁹.

в) Космологическое – из признания не самослучайности мировой жизни, а движения по известным законам Божьего о нём промысления. Только в этом убеждении человек черпает

силу для борьбы со злом. «Худому только рабу свойственно оказывать уважение господину, когда он улыбается, и почитать его злым, когда наносит удары. Христианину же должно без ропота принимать, куда ни повернёт Бог его кормило»⁶⁴⁰. «Нужно вполне довериться Богу и Его водительству, потому что предвидение Божие полагает основание важных событий»⁶⁴¹.

г) Сотериологическое – в воссоздании человека и обожении его естества чрез воплощение Сына Божия. Новая жизнь, открывшаяся с этого момента человеку, обязывает его к внутреннему обновлению и пересозиданию: «сделаться богом, хотя бы и по усыновлению, ради Христа, Который стал человеком ради нас»⁶⁴².

д) Эсхатологическое – из учения о будущей загробной жизни и мздовоздаянии. Как жизнь в теле есть отхождение от Господа и пребывание в узах и оковах, так, наоборот, жизнь по Боге, в единении с Ним – блаженство⁶⁴³. «Поминающий здесь Бога выше смерти и по отшествии нуждается в исправлении в аде»⁶⁴⁴. Полное же блаженство, состоящее в совершенном познании св. Троицы, возможно только в будущей жизни⁶⁴⁵, в духовном Иерусалиме, этом небесном отечестве христианина, куда единственный путь – благочестие⁶⁴⁶.

Воспитание в людях благочестия и приготовление их в граждан для этого небесного Иерусалима составляет задачу пастырства, к учению св. Григория о каковом мы теперь и переходим.

Часть вторая. Св. Григорий Богослов, как учитель пастырства

Глава 1-я. Общее учение о пастырстве, его богоучреждённости, важности, задачах и ответственности

«Править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, есть искусство — из искусств и наука из наук». (1, 20).

Учение св. Григория Богослова о пастырстве находится в тесной связи с общим мировоззрением его на домостроительство спасения Богом рода человеческого. Поэтому, чтобы вполне войти в круг идей св. отца по данному вопросу, необходимо, хотя кратко изложить точку зрения его сотериологической теории.

Человек, Божие творение, представляет собой в ряду тварей существо срединное между миром вещественным и духовным, соединив удивительным образом начало того и другого. «Было время, говорит Богослов, когда высокое Слово ума водрузило не существовавший дотоле мир. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда всё это — земля, небо и море — составило мир, нужен стал зритель премудрости, матери всего, и благоговейный царь земной. Тогда Слово рекло: небо населяют непорочные умы, добрые ангелы... Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мне создать такой род твари, в котором заключалось бы и то, и другое, род тварей между смертными и бессмертными, — разумного человека, который бы увеселялся моими делами, был мудрым тайником небесным, великим владыкой земли, новым Ангелом из персти, песнопевец Моего могущества и Моего ума. Так рекло Слово, и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образ и уделило ему Своей жизни, потому что послало в него дух, который есть струя невидимого Божества. Так из персти и дыхания создан человек — образ Бессмертного»⁶⁴⁷.

Отсюда, как земля, человек привязан к здешней жизни, а как частица Божественная носит в груди любовь к жизни будущей⁶⁴⁸.

Душа человека, как струя невидимого Божества, и по природе и происхождению, «причастна горнего благородства и к нему поспешает, хотя и сопряжена с худшим»⁶⁴⁹, – т.-ё. перстью. Как Божие дыхание и будучи небесной, она только терпит смешение с перстным. Это – Свет, заключённый в пещере, однако Божественный и неугасимый, всегда стремящийся к своему первообразу⁶⁵⁰.

Для осуществления предназначений и из самого состава его естества вытекающей цели – быть на земле песнопевцем Божьего могущества и ума и участником вечных благ, – человек создан свободным, хотя Премудрый Творец и не предоставил его самому себя, но связал заповедью. «Поелику нетленный Сын создал Своего человека с тем, чтобы он приобрёл новую славу, изменив в себе земное в последние дни, и как бог шествовал отсюда к Богу, то и не предоставил собственной свободе, и не связал его совершенно, но, вложив закон в его природу и напечатлев в сердце добрые склонности, поставил среди вечно цветущего рая, хотя в таком равновесии между добром и злом, что он мог по собственному выбору склониться к тому или другому, однако же, чистым от греха и чуждым всякой двуличности»⁶⁵¹. Для различения добра и зла Господь дал заповедь, необходимую для двух целей: «Во-первых, чтобы душа могла наследовать горнюю славу за подвиг и за борьбу с дольным, и, быв здесь искушена ими, как золото огнём, получило упоеваемое в награду за добродетель, а не только как дар Божий. И, конечно, в том – верх благодати Божией, что добро соделано и нашей собственностью, не только всеяно в нас естеством, но возделывается также нашим произволением и движениями свободы, преклонной на ту или другую сторону. Во-вторых, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрешая от дебелости, привлекать к себе и возводить горе, чтобы она, став руководительницей для служебного вещества и обратив его в сослужебное Богу, была для тела тем же, чем Бог для души»⁶⁵².

Человеку предстоял славный подвиг: своим свободным произволением, при помощи Богом дарованных сил, восходить до высшего совершенства, но этот «царь земной, новый ангел из персти, извратил весь порядок, когда, по ухищрению

завистливого человекоубийцы, вняв убедительности женского слова, преступил заповедь и облекся в кожаные ризы – тяжёлую плоть – и стал трупоносцем получив в удел многотрудную жизнь... И этот новонасажденный грех к злосчастным людям перешёл от прародителя... Как увлечённый бурными волнами мореходец отнесён назад и, потом, или отдав парус на волю легчайшему веянию, или с трудом на вёслах, пускается снова в плавание, так и мы, далеко отплывшие от великого Бога, опять не без труда совершаем вожденное плавание»⁶⁵³.

Обратное плавание оказалось не по силам человеку. Гибельные следствия греха не замедлили сказаться. «Первым в Адаме был поражён ум, как говорят врачи о болезнях», т.-е. исказился образ Божий, а тело взяло перевес над умом, увлекая его к созерцанию дольного, чувственного. Помрачение ума, непрерывная борьба духа с плотью, болезнь и «Смерть тела, зависимость от дьявола – вот наследие от Адама его детям и всему роду человеческому, «ибо и в них злобный дьявол старался насадить зло и смерть»⁶⁵⁴. Стремление к Высочайшему уму и жажда созерцания Бога, заложенные в самой природе души, были причиной того, что душа, «истаевала желанием, находясь, как бы в предсмертных муках, и не терпя мучений от владычества плоти, пускается в новое плавание, чтобы или из видимого сделать что-нибудь богом, или из красоты и благоустройства видимого познать Бога, употребить зрение руководителем к незримому, но в великолепии видимого не потеряет из вида Бога»⁶⁵⁵. Результатом нового плаванья было идолопоклонство. «От сего-то стали поклоняться кто солнцу, кто луне, кто изображениям умерших... Иных богов оставили на земле, других скрыли под землей, а иных возвели на небо... В содействие к обольщению присоединилась какая-нибудь басня, сперва принятая с верой не зложелательными друзьями, потом никем не уличённая во лжи, с течением же лет приобретающая новую силу»⁶⁵⁶. Даже и избранный Еврейский народ «погубил ум, не покорялся пророкам, убивал их, презирал писанный Закон, – и за всё это был отвергнут».

«Когда же многообразные вразумления – кары, наводнения, войны, неожиданные перевороты в судьбе людей,

городов, народов и пр., – посылаемые Богом в преграждение возраставших врагов, оказались не достигающими цели, тогда, наконец, по причине сильнейших недугов, стало нужно сильнейшее врачество: болезнь требовала сильнейшего пособия... И оно было дано. Само Слово Божие, превечное, невидимое... носит плоть ради плоти, соединяется с разумной душой ради души человеческой, делается человеком по всему, кроме греха»⁶⁵⁷. Сочетав в Себе два естества, – Божеское и человеческое, и явившись посредником двух народов, Предреченный Христос Бог даровал смертным двоякое очищение – одно вечного Духа, и им очистил в человеке прежнее повреждение, рождённое от плоти, другое — нашей крови. Теперь не богом создал Бог человека, а поставил в равновесие, удобопреклонным туда и сюда. Потому и поддерживает его многими подпорами⁶⁵⁸.

Для удовлетворения естественному и природному стремлению человека к высшему и начальственному, открывается новое поприще с новыми благодатными силами, этими «новыми подпорками». Самое звание христианина утверждается на вере в Того, «Кто окрылил душу, исхитил её из мира, Кто присоединил к горнему миру и сделал человека богом и причастником горнего блаженства»⁶⁵⁹

Отсюда, обожение человека произошло от самого факта соединения в Богочеловеке «иного и иного»: здесь то и другое явилось в срастворении – «и Бог вочеловечился, и человек обожился»⁶⁶⁰. Оно же разрешает и глубочайшую, основную проблему нравственной жизни, состоящую в постепенном самовоспитании духа при постоянной борьбе с влечениями плоти. Возрождённый во Христе, человек, получившей от Него «и бытие и благобытие», живёт жизнью не своей личной, но Христовой. «К Нему мы переселяемся или, точнее сказать, возвращаемся, чтобы, отложив ветхого человека, облещись в нового, и как умерли с Адамом, так будем жить со Христом, со Христом рождаемые, распинаемые, погребаемые и совозстающие»⁶⁶¹. Постоянно нося в своём сердце образ Божественного Страдальца и твёрдо уповая на Его помощь, христианин очищается нравственно в борьбе с собственными

страстями, исторгая из своего существа привития от вне семена порока и развивая в себе ростки жизни высшей, божественной.

Таким образом, происходит постепенное обновление внутреннего человека его из перстного в духовного. «Ибо мне, продолжает св. отец, необходимо претерпеть сие спасительное изменение, чтобы, как из приятного произошло скорбное, так из скорбного вновь изникло приятное»⁶⁶².

Отныне задача христианина сделаться богом. «Уподобимся Христу, ибо и Христос уподобился нам; соделаемся богами ради Его, ибо и он стал человеком для нас»...⁶⁶³ Лучшая со стороны человека жертва Тому, Кто восприял худшее, чтобы дать людям лучшее, это – «если представить Ему самого себя, разумеющего силу таинства и соделавшегося всем для Христа, как Он для нас»⁶⁶⁴. Только путём следования во всём примеру Начальника нашей жизни и Совершителя спасения Господа Иисуса Христа возможно осуществление задач духовно-нравственной жизни и благополучное плавание к намеченной цели.

Положив основание новой жизни, Господь собрал во едино, вокруг Себя Своих чад, как наилучший и чадолюбивейший Отец. Для тех, которые добровольно признают Его царем, подчиняются Ему, Он основал на земле царство – св. Церковь⁶⁶⁵ с тем, чтобы приобретение духовного совершенства и осуществление нравственного идеала достигалось не обособленно каждым членом в отдельности, но в общем царстве личностей, соединённых между собой единством нравственной цели, одинаковостью духовных стремлений, тождеством религиозных понятий, взаимной любовью, единоклассием и взаимопомощью. Члены Церкви–части одного тела.

«Мы, чтители Бога, срослись между собою, стали единоклассны и равночестны, горим ревностью не друг против друга, но за одно друг с другом, стали сострадательны и готовы облегчать взаимные тяготы, образуя одно стройное тело и принося на общую пользу всё, чем кто богат»⁶⁶⁶. Между членами Церкви должно быть такое же единоклассие, мир и любовь, какие наблюдаются и в естественном организме.

Взаимное исправление недостатков, поддержка слабых, утешение изнемогающих, братские, а не властелинские отношения должны царствовать среди христиан⁶⁶⁷. Но как в теле есть важнейшие органы пред наименьшими, или как в семье есть старшие, или руководители для младших, так и в Церкви, для достижения целей нравственно-воспитательных и церковно-административных, собрание верующих разделяется на руководителей – пастырей и воспитываемых – пасомых, на духовно-начальствующих и подчинённых.

Таким образом, в общей идее церкви заключается и другая частная идея христианского пастыреначалия, как института, специально установленного для достижения нравственно-воспитательной цели Церкви. «Порядок в церквах распределил, чтобы одни были пасомые, а другие – пастыри, одни начальствовали, а другие были подначальными; кто составлял как бы главу, кто – руки, кто – ноги... Целое тело есть одно из различных частей сложенное... Не у всех членов один образ действования, хоть и все одинаково имеют нужду друг в друге для дружного и взаимного действования. Так и у нас в общем теле Христовом. Один начальствует и председательствует, а другой водится и управляется; оба действуют не одинаково, но оба делаются едино в едином Христе. И хотя Дух один, однако же, дарования не равны... Будем уважать и соблюдать сей порядок»⁶⁶⁸.

Итак, в церковном организме существует два класса или разряда лиц: пастыри и пасомые. На учении св. Григория Богослова о первом классе в Церкви — пастырстве мы и остановимся.

Переходя к частнейшему изложению этого учения, мы видим, что св. отец в учении о пастырстве указывает нам:

1) Само понятие о нём. Что такое пастырство, по учению св. отца?

Пастырство – не начальствование, каковым склонны бывают считать его те люди, которые относятся к нему так же, как и к остальным светским служебным преимуществам пред другими. Такое представление о нём, как о чисто внешнем превосходстве, было бы совсем несовместимо с духом

пастырства и оказывало бы неправильное понимание его в самом его существе, в его корне. Св. отца глубоко возмущают те люди, которые стремятся к пастырским должностям, как к таковым. «Мне стыдно, – говорит он за других, которые, будучи не лучше прочих (если ещё не хуже), с неумытыми, как говорится, руками, с нечистыми душами берутся за святейшее дело; и прежде, нежели сделались достойными приступить к священству, врываются во святилище, теснятся и толкаются вокруг св. трапезы, как бы почитая сей сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию, не служением, подлежащим ответственности, но начальством, не дающим отчёта»⁶⁶⁹.

Пастырство – «не начальствование, но, правильнее сказать, служение», основанное на бесспорном нравственном превосходстве одних перед другими. Самый факт существования пастырства, как института, не противоречит нравственному закону. «Ни мало не странно и не вне порядка, что многие богомудрые из подначальных выходят на степень начальника; сие не вопреки правилам, какие предписывает любомудрие, и не предосудительно, равно как и то, что искусному корабельщику дают управлять корабельным носом... или мужественный воин делается начальником отряда»⁶⁷⁰.

Понятие о пастырстве св. отец выводит из аналогии церковной организации с телом человеческим (как мы упомянули выше). «Как в теле, говорит он, иное начальствует, и как бы председательствует, а иное состоит под начальством и управлением: так и в церквах Бог постановил, чтобы одни, для кого сие полезнее, словом и делом направляемые к своему долгу, оставались пасомыми и подначальными; другие, стоящие выше прочих по добродетели и близости к Богу, были пастырями и учителями к совершению церкви, и имели к другим такое же отношение, как душа к телу и ум к душе, дабы и то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи, подобно телесным членам соединено и сопряжено в один состав, совокупно и связано с союзом Духа, представляло одно тело, совершенное и истинно достойное Христа – нашей главы»⁶⁷¹.

Таким образом, из признаков пастырства должно быть совершенно исключено представление о начальствовании, как о чём-то внешнем, чуждом его духу.

Уподобление далее св. отцом пастырства «детовождению, а не начальствованию»⁶⁷² точнее раскрывает пред нами точку зрения его на этот вопрос: пастырство есть руководство младших старшими, неопытных опытными.

Как таковое, оно должно быть актом только свободного избрания, как со стороны пастыря, так и со стороны паствы, или, как любит выражаться св. отец, «начальствованием желающих над желающими, ибо, по закону нашему, должно водить не насильно и не нуждой, но волей. Если вообще начальство не может утверждаться принуждением, ибо управляемое насилием, при всяком удобном случае, старается освободиться: тем паче наше, не столько начальствование, сколько детовожделение, всего более соблюдает свободу. Ибо тайна спасения – для желающих, а не для насилуемых»⁶⁷³: Отсюда, если пастырство – детовожделение, то, как таковое, оно может созидаться только на нравственном авторитете воспитателя, который, само собой понятно, должен обладать совершенствами, ставящими его в глазах воспитываемых на должную высоту.

2) Необходимость пастырства св. отец видит в самой природе человека. Пастырство нужно «по причине непостоянства и переменчивости устройства природы человеческой; почему для него не менее трудное дело, как сохранить в себе достоинство и стройность (гармонию сил), так и вначале благоустроить себя и сделаться достойным восприятия Божества»⁶⁷⁴.

В частности, пастырство нужно:

а) для начала веры, для утверждения в ней и возрастания в добрых делах, «потому что самое необходимое дело – благовествование о спасении мира»⁶⁷⁵;

б) для дальнейшего нравственного преуспеяния христиан. «Конечно, – рассуждает св. отец, – в том, верх благодати Божией, что добро соделано и нашей собственностью, но оно не только всеяно в нас с естеством, но и возделывается также нашим

произволением и движениями свободы, преклонной на ту и другую сторону»⁶⁷⁶. Это возделывание, выращивание добра на ниве Божией, борьба с терниями, препятствующими росту добрых посевов, составляет назначение пастырства. Работники нужны для всякой нивы; для нивы Божией такими являются пастыри, каковые тем более нужны, что человек предназначен к бесконечному совершенствованию чрез отрешение от дебелости плотской и чрез постепенное восхождение горé. Руководительство в этом постоянном движении к высшему совершенству, поддержка, помощь – требуют существования пастырства.

Далее, необходимость пастырства св. отец выводит из сравнения врачевания телесного с духовным. Пастырь для души нужен так же, как врач для больного тела. Даже более того, насколько душа важнее тела, настолько оказывается более нужным пред врачом недугам «наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведение, свободное произволение, и всё в нас тому подобное; исторгать, что приросло к нам зверского и дикого, а на место сего вводить и укоренять всё, что есть кроткого и благородного, устанавливать надлежащее отношение между душой и телом, не попуская, чтобы лучшее управлялось худшим, что было бы величайшей несправедливостью, но низшее по природе подчиняя начальственному и владычественному, как без сомнения требует» Божий закон, – прекрасно поставленный для всего творения, и видимого и сверхчувственного»⁶⁷⁷.

Деятельность пастыря в восстановлении в человеке образа Божия, повреждённого грехом, св. отец уподобляет работе живописца над отделкой картины, или корабельного строителя над мореходным кораблём, или плотника над созданием дома⁶⁷⁸.

Далее, «большая часть людей худы, и без путеуказателя склонны к пороку. Немногие же идут к совершенству»⁶⁷⁹. Поэтому, руководство, детоводительство или путеуказательство крайне важно для верующих, ибо «кто из них находясь под надлежащим руководством, будет не в силах и кто не отважится говорить и подвизаться за истину»⁶⁸⁰.

Упоминаемое св. Григорием детоводительство имеет глубочайшее основание для своего существования в том неоспоримом факте, что «человек так же уступчив доводам разума, как медь – огню»⁶⁸¹; что, поэтому, при надлежащей ревности детоводителя, не может быть такого недостатка в поведении врученного ему пасомого, который оказался бы совершенно неисправимым и неустранимым.

в) Пастырство нужно для порядка в церковном организме, каковой порядок, по мысли св. отца, есть необходимое условие благоустройства всякой организации, а церковной в особенности.

«Не думаю, – говорит он, — чтобы безначалие и беспорядок были полезнее порядка и начальства, как для всего прочего, так и для людей; напротив того, всего менее полезны они людям, которым угрожает опасность в важнейшем. Для них, если не соблюдут первого требования разума, чтобы не грешить, важно второе, – чтобы согрешившие возвращаемы были на истинный путь»⁶⁸².

г) Пастырство необходимо, наконец, для совершения богослужения, этой важной стороны церковно-общественной жизни, почему наличность священства есть явный знак милости Божией к людям, равно как, отсутствие его – наказания.

«Где и кем, – вопрошает он, – совершалось бы у нас таинственное и горе возводящее богослужение, которое у нас всего превосходнее и досточтимее, если бы не было ни царя, ни князя, ни священства, ни жертвы, ни всего того, чего, как важнейшего, были лишены непокорливые древле в наказание за великие преступления?»⁶⁸³.

3) По учению св. отца, пастырство имеет *происхождение божественное*. Оно, являясь существенным и неперменным институтом в Христовой Церкви, имеет не случайное происхождение, но преднамеченное Самим Богом.

«Бог постановил быть пастырям и учителям»⁶⁸⁴, – учит он. – Он же и охраняет их⁶⁸⁵, и помогает им, «Сам пася пастырей и водя вождей, поддерживает десную руку их, путеводствует их по Своей воле и наставляет упасти паству Его благоразумно, благоискусно»⁶⁸⁶. Господь Сам «усматривает Себе пастыря для

начальствования»⁶⁸⁷, по Своей воле избирает его⁶⁸⁸. Пастырское служение, поэтому, есть результат «не человеческой милости, но дар Божией благодати»⁶⁸⁹, и акта «предпочтения Христова»⁶⁹⁰. «Пастырь – орган Божий, орган словесный, который настроил и в который ударяет Добрый Художник Дух»⁶⁹¹. Но «вещать Божию премудрость пастырь может только тогда, когда он будет иметь сие поручение»⁶⁹².

Даже избрание той или иной паствы также не есть дело случая или стечения обстоятельств, но – Божьего промысления о Своей Церкви. Ибо при таинственном сопряжении пастыря с паствой участвует «Св. Дух; Он вручает пастырю паству, которая становится ему своим народом; её приводят пастырю Ангелы»⁶⁹³.

4) Из понятий о пастырстве и его божественном происхождении открывается *величие и важность пастырского служения*.

«Пастыри, по учению св. отца, – служители и сотрудники Божьего детоводительства и врачевания человеческой немощи, возвращающих ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящих к древу жизни, от которого удалил людей плод древа познания, безвременной неблагоразумно вкушенный»⁶⁹⁴. Пастырь предназначен «быть богом, стоять с ангелами, славословить с архангелами, возносить жертвы на горний жертвенник, священнодействовать со Христом, воссоздать создание, восстанавливать образ Божий, творить для горнего мира и, даже более, – творить богами»⁶⁹⁵. Как таковые, пастыри являются весьма важными по своей деятельности. Они – «основания мира, свет жизни, опора слова, тайновводители в жизнь светлую и нескончаемую. Они – христоносцы»⁶⁹⁶.

Св. отец называет пастыря земным Христом. «Первое место дай Богу, а следующее затем — иерею, земному Христу, руководителю твоей жизни»⁶⁹⁷. Он, иерей – «глава полноты Христовой (Церкви)»⁶⁹⁸, заботящийся «об очищении образа в возможно большем числе людей»; ибо как в сравнении с одним растением лучше и больше сад, в сравнении с одной звездой – целое небо и все его украшения, и в сравнении с членом – тело: так и пред Богом целая и благоустроенная Церковь

предпочтительнее человека»⁶⁹⁹. «Пастырь – невестоводитель, уневещающий Христу души»⁷⁰⁰.

А так как созидающие и восстанавливающие образ Божий в людях пастыри суть «боги в отношении к однодневным тварям»⁷⁰¹, но посему-то св. отец заповедует почитать пастырство. «Прежде всего, бойся Бога, чти родителей, об иереях говори с похвалою и имей в уважении старцев»⁷⁰². Ибо пастырское слово, молитвенное или клятвенное, влечёт за собою или долговременное благо или временную скорбь⁷⁰³.

5) Цель и задачи пастырского служения св. Григорий Богослов определяет вышеприведённым сравнением пастырства с врачеванием. Подобно тому, как целью врачевания является восстановление физических сил в человеке, цель духовного врачевания – есть та, чтобы окрылить душу, похитить из мира и предать Богу; сохранить образ Божий, если он цел; поддержать, если в опасности; обновить, если повреждён; вселить Христа в сердце Духом; короче сказать: «того, кто принадлежит к горнему чину, соделать богом и причастником горнего блаженства»⁷⁰⁴.

Для достижения этой общей и высочайшей цели, для того, чтобы «представить Господу людей избранных, язык святой, царское священство»⁷⁰⁵; чтобы не расточить овец паствы, не погубить тех, за кого положил душу Пастырь Добрый, но известить их из неверия в веру, из настоящей жизни в будущее успокоение»⁷⁰⁶, и предать их Богу, ибо предавшийся Ему сам будет в приобретении, потому что Сам Бог делается достоянием предающегося Ему⁷⁰⁷. Для того, чтобы научить паству шествовать правым путём, путём царским, не уклоняясь ни направо, ни налево, но под руководством Духа шествовать узким путём, как пространном, и оставив пути недобрые⁷⁰⁸, сделать светлую не только душу, но и тело, облакающее благовидную душу, чтобы эта двойная одежда-багряница «просвечивающая нежною сребровидностью»⁷⁰⁹, содействовала человеку, хотя бы и по усыновлению только «стать богом, светоносно предстоять Всевышнему Богу и ликовать с ангелами»⁷¹⁰: – для достижения всех этих целей пастырство должно предпринять ряд таких целесообразных действий

общего и частного душепопечения, которые привели бы заботы пастыря к достижению желанного результата.

Для этого, прежде всего, должно очистить пасомым крылья и дать им (пасомым) такое учение, которое «поднимет их вверх, вознесёт на эфир, как легкокрылых птиц»⁷¹¹. Затем, должно «утолять глад слышания Слова Господня»⁷¹² предлагать богатое слово, напитывая им души и раздробляя алчущим хлеб духовный, или, подобно древнему Моисею, «низводя, как дождь, пищу с неба»⁷¹³; потом должно «осолившийся слух омыть сладким, удобопиемым словом», заботясь о том, чтобы трапеза была наполнена добрыми яствами, и чтобы никто не остался на пиру веры голодным⁷¹⁴. Должно, далее, преподавать здоровое учение, созидать духовное целомудрие⁷¹⁵, «сделать здоровым в вере народ»⁷¹⁶, чтобы он «стал, как светило в мире, живоносною силою для других людей, совершенными светом представить Великому Свету, чище и яснее, озаряемый Троицей»⁷¹⁷.

Помня, что Бог ничему так не радуется, как исправлению и спасению человека, чему служит всё слово и всякое таинство, пастыри должны «всех очищать от греха и убелять, как снег, как волну»⁷¹⁸, должны учить жить для Единого Христа, Им утешаться, для Него, возносясь отселе, отрешать сердце от земного..., обогащать ум чистыми представлениями, «касаться даже небесной Троицы, утвердить Её образ в своём сердце и чистыми жертвами приуготовлять народ богоподобный, приносить бескровную, сердечную жертву»⁷¹⁹.

При мысли о сердечном жертвоприношении св. отец цель и задачу пастырства приравнивает к строительству «скинии Божией Церкви, создаваемой из различных украшений добродетели, вносимой в разной степени – одними меньше, другими – больше, но всеми одинаково, при строительстве Духа слагаемой и сочетаваемой в дело совершенное, в жилище Христово, во храм святой... Для созидания этой скинии никто, учит св. отец, да не будет тощ и бесплоден, ни одна душа да не окажется лишённою плодородия и чадородия. Но всякий да плодоносит Богу по своим силам и способностям»⁷²⁰. Здесь годна всякая душа. Посему, каждую душу пастырь должен

научить благочестию, поставляя его не в том только, чтобы часто говорить о Боге, но и в том, чтобы больше молчать, ибо язык, не управляемый разумом, есть претыкание для людей. В этих видах пастырю приходится внушать пасомым держаться той мысли, что безопаснее слушать, нежели говорить, возжеленнее учиться, нежели учить, высказывая благочестье менее словом, а более делом, и обнаруживая любовь свою к Богу в том, чтобы соблюдением заповедей убегать зла, преуспевать в добродетели, духом жить, духом ходить, собирая себе для строительства в будущей жизни вещества твёрдые и прочные, а не скоро воспламеняющиеся, являясь и здесь чистыми и непорочными чадами Божиими среди рода лукавого и развращенного⁷²¹... Каждую душу пастырь должен очистить, стереть с неё ржавчину пороков, исправить, просветить, осветить⁷²², изнемогшее поднять, падшее восстановить, заблуждающееся обратить, погибшее взыскать и крепкое сохранить⁷²³, употребляя для этого разнообразие способов врачевания – то человеколюбие, то строгость, то смешение и растворение, и человеколюбия и строгости; одних благодаря, других укоряя, третьих обличая⁷²⁴, но всех, привлекая к строительству Божию, надстраивая их, как художник⁷²⁵, приближая тем к Богу и творя их богами⁷²⁶.

6) Из соображения цели и задач пастырского служения открывается *необычайная трудность его*. «Я не думал и теперь не думаю, – говорит по этому поводу св. Григорий Богослов, – чтобы одно и тоже значило – водить стадо овец или волон, и управлять человеческими душами. Там достаточно и того, чтобы волы или овцы сделались самыми откормленными и тучными... А о добродетели овец и волон никто заботится. Но уметь начальствовать над людьми гораздо труднее, особенно иметь такое начальство, каково наше, которое основывается на Божием законе и возводит к Богу, в котором, чем больше высоты и достоинства, тем больше опасности». Трудность эта увеличивается тем, что «порок есть дело, удобно возбуждающее к соревнованию и без труда исполняемое; почему всего легче сделаться порочным, хотя бы никто нас в том не руководствовал; напротив того, стяжание добродетели есть

дело редкое и трудное, хотя бы и многое к ней влекло и побуждало»⁷²⁷. На этом пути пороков и насаждения добродетелей пастырям приходится преодолевать значительные трудности и препятствия. Если врачующий тело бывает принуждён бороться с прихотями больного и принимать все меры к тому, чтобы «эти прихоти не воспрепятствовали искусству, предписывающему, когда и над кем нужно употреблять прижигание, резание и другие, ещё более жестокие способы лечения, то хотя всё это оказывается очень трудным и тяжёлым, однако же не столько, как врачующему душу наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведение, свободное произволение и всё тому подобное исторгать, что приросло зверского и дикого, а на место сего вводить и укоренять всё, что есть кроткого и благородного, и устанавливать надлежащее отношение между душою и телом»⁷²⁸.

При всём том, врачевание духовное несравненно труднее телесного, потому что тело не изыскивает средств воевать со своим врачом, как делает это душа грешника. «Охраняемое врачом тело, — говорит св. отец, — каково есть по своей природе, таковым и остаётся, само же собою нимало не злоумышляет и не ухищряется против средств, употребляемых искусством, напротив того, лечебное искусство владеет веществом; разве иногда произойдёт какой-либо временный беспорядок от воли больного, что впрочем не трудно предотвратить и пресечь»⁷²⁹. Не то во врачевании духовном. Здесь пастырю приходится бороться со злою волею и ложно понимаемом самолюбием грешника. «В нас, — говорит св. отец, — мудрование, самолюбие и то, что умеем и не терпим легко уступать над собою победу, служат величайшим препятствием к добродетели и составляют как бы ополчение против тех, которые подают нам помощь. Сколько надлежало бы прилагать старания, чтобы открыть врачующим болезнь, столько употребляем усилия, чтобы избежать врачевания. Мы храбры против самих себя и искусны ко вреду своего здоровья. То рабски скрадываем свой грех. Утаивая его в глубине души, как некоторый загноившийся и злокачественный струп, как будто, скрывши от людей, сокроем и от великого ока и суда Божия; то

под различными предлогами извиняем в себе грехи и придумываем оправдания своим страстям, то, наконец, явно не стыдимся ни греха, ни врачующих грех; идём, как говорится, с открытою головою на всякое беззаконие»⁷³⁰...

Если и вообще «самоmnение отнимает у человека большую часть того, чем он есть», то деле исправления нравов оно вместе с тщеславием бывает для людей величайшим препятствием к добродетели⁷³¹. Поэтому, нет ничего удивительного, если в силу указанных противодействий со стороны самого человека, пастырю часто приходится «сеять на камне или говорить в уши глухому»⁷³².

В силу изложенных доводов, духовное врачебное искусство гораздо труднее искусства врачевать тело. Но оно труднее ещё и потому, что последнее мало заглядывает в глубь, более же занимается видимым; напротив того, «наше врачевание и попечение всё относится к потаённому сердца человека, и наша брань – с врагом, внутрь нас воюющим и противоборствующим, который, оружием против нас употребляя нас же самих (что всего ужаснее), предаёт нас греховной смерти»⁷³³. Поэтому, «не легко переменить то, что вошло в обычай и долговременно было уважаемо»⁷³⁴.

Трудность пастырского служения обусловливается ещё тем, что в деле исправления нравов и стяжания добродетели всегда удобнее повредить, чем сохранить⁷³⁵. Поэтому-то, «легче вновь напечатлеть истину в душе, которая подобна ещё не исписанному воску, нежели по старым письменам, то есть, после принятых правил и догматов начертывать слово благочестия, в каком случае оно сливается и смешивается с первыми. Правда, что лучше идти по битой и гладкой дороге, нежели по шероховатой и непротоптанной, и легче пахать землю, которую неоднократно резал и умягчал плуг; однако же лучше писать на душе, которую не избороздило ещё негодное учение, и на которой не врезалось глубоко начертание порока. Иначе благочестивому краснописцу два будут дела – изгладить прежние изображения, и на место их написать лучшие и достойные сохранения»⁷³⁶.

Для выяснения трудности духовного врачевания св. отец пользуется, далее, сравнением пастырской деятельности с укрощением зверей. «Трудно сделать ручным или править одним зверем, – говорит он. – Паства – тело церкви – этот многовидный и многообразный зверь, – составленное из многих больших и малых, кротких и свирепых зверей, разнородное чудовищное существо, сложенное из многих и различных нравов и умов... Чтобы управлять таким чудовищным существом, без сомнения, потребовалось бы много труда и усилий»⁷³⁷.

Отсюда, неудивительно, если пастыри прежде всего подвергаются притеснениям и нападениям как со стороны внешних врагов – от язычников и гонителей⁷³⁸, – так со стороны внутренних – от, своих пасомых, которые гонят от себя, как врагов, тех, кого надлежало бы любить, как благодетелей, ненавидя обличающих, гнушаясь словом праведным, подобясь тем, которые, терзают плоть ближних, предполагая нанести тем больший вред своим доброжелателям, чем больше зла сделают себе⁷³⁹. Отсюда, жизнь ревностного пастыря – сплошное «жертвоприношение себя, самого для пользы других», «постоянное горение в огне, т.-е. во множестве искушений»⁷⁴⁰, «ежедневное самопожертвование для блага паствы»⁷⁴¹, которая «не успокаивается на месте злачне, не воспитывается на воде покойне, но ищет стремнин, пустынь и пропастей, где может рассеяться и погибнуть»⁷⁴². И если врачи тел должны переносить известные труды, бдения, заботы, и, как сказал один из их мудрецов, из чужих несчастий собирать себе скорби, и всё это часто для того только, чтобы больше дней прожил на земле человек заведомо негодный и порочный... то какой подвига предлежит врачам духовным, коим угрожает опасность утратить спасение души, души блаженной и бессмертной, которая будет вечно или наказываема за порочность, или прославляема за добродетель?»⁷⁴³

В частности, особенно трудна для пастыря «первая его обязанность – раздание слова Божественного, и высокого... дело, не только непростое, но требующее и немалого духа – каждому давать во время житомерие слова и с рассуждением вести домостроительство спасения... Так что, ежели кто

приступает к делу сему с дерзновением и почитает оное достойным для всякого ума, то нужно дивиться многоумию, чтобы не сказать – малоумию такого человека»⁷⁴⁴.

Вследствие изложенных трудностей пастырского служения, все всеми силами должны вспомоществовать слову и делу пастырскому⁷⁴⁵. От приступающих же к нему требуются особые добродетели⁷⁴⁶, не имеющим каковых безопаснее слушать и подчиняться, нежели учить и начальствовать⁷⁴⁷. «Если даже такие богоизбранные люди, как Моисей, Аарон, судьи, Давид, пророки, апостолы со многими трудами и усилиями проходили каждый в своё время звание начальника», то каковы труды и подвиги предлежат каждому пастырю⁷⁴⁸? Пастырю нужна не только великая и совершенная вера, не только собственная его ревность, выражаемая и действительно оказываемая словом и делом, но в большей мере – «Божие содействие, если он хочет, чтобы вверенные ему души, которые для него всего предпочтительнее, хорошо были врачуемы, очищаемы и ценимы дороже всего»⁷⁴⁹.

7) Пастырское служение, затем, не только трудно, но и крайне *ответственно* для его носителей.

«Если дома, города, лики, колесницы, стада, – сравнивает св. отец, – всё терпит вред от невежества ими управляющего, то ещё больше колеблется от не достоинства вождей и предстоятелей Божие стяжание, тот народ, для которого Бог снисшел с небесного престола, истощил Свою славу в смертной утробе..., в великую цену искупления предал на страдание Своё тело и для избавления нас от греха изливал Божественную кровь»⁷⁵⁰.

Поэтому, Бог не оставляет пастырей без ответственности, если они наносят вред Его народу или оказываются недостойными. «Принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и людьми – признаю не безопасным», – говорит св. отец⁷⁵¹.

Недостойных пастырей пусть страшит участь сынов Аарона и Илии, пусть они всегда будут в памяти пастырей⁷⁵². Те прещения ветхозаветным священникам, которые «моль костям»; блаженный Михей, не терпящий неправедных пастырей; прр.

Иоишь и Аввакум, оплакивающие умаление достойных руководителей народа, Малахия и Захария, жестоко укоряющие священников за презиране имени Господня; Иезекииль и Иеремия, оплакивающее злонравие предстоятелей, – одинаково относятся и к новозаветным пастырям. «Горе пастырям, иже погубляют и расточают овцы паствы Моей» – говорит Господь (Иерем. 23, 1)⁷⁵³. «Те, которые хватаются за всякое начальство, должны бояться, чтобы, связав им руки и ноги, не извергли их из брачного чертога, как вторгшихся в круг возлежащих там, – если они, сами не научась быть хорошими пасомыми, обязываются должностью – править паствою, изгнав из сердца всякий страх и его место заменив бесстыдством»⁷⁵⁴...

Пастыри должны опасаться, чтобы о вверяемых их попечению не услышать следующего: «души их от рук ваших взыщу» (Иез. 3:18), боязно худо приступающим к пастырству оказаться соломой, приближающеюся к огню и им истребляемой⁷⁵⁵.

Так страшны угрозы и ужасны наказания тем, кто с готовностью, как за самое лёгкое дело, берётся за начальствование⁷⁵⁶. Уча добродетели и воспитывая добрые нравы в пасомых «должно бояться, чтобы не оказаться худыми живописцами чудной добродетели, особенно же негодным подлинником для других живописцев..., чтобы не подойти под пословицу: берутся лечить других, а сами покрыты струпьями»⁷⁵⁷. Они должны всегда памятовать о своём долге, «что значит иметь попечение о душах, и кратковременных ли занятий требует сие⁷⁵⁸; должны помнить о долге истинного пастыря, заботящегося о спасении стада, а не о своём кормлении на счёт его⁷⁵⁹. Пастырю придется дать отчёт не только в исполнении долга, но и приобретении роста, не только таланта, но и прибытка, «показать плодородие своей нивы, не напрасно ли он сеял»⁷⁶⁰. Ибо в растлении драгоценных членов паствы Христовой, или в нанесении им какого-либо ущерба будут порицаемы и обвиняемы не пасомые, но пастыри⁷⁶¹. В рассуждении же своих обязанностей, пастырь должен руководиться не мнениями человеческими, но иметь своими советниками разум и Божии оправдания⁷⁶², всемерно опасаясь,

чтобы по его вине «не хромала истина»⁷⁶³, или чтобы по его нерадению не произошло какое-либо зло⁷⁶⁴,

Сама собой понятна отсюда та боязливость, которая сопровождала св. Григория Богослова при вступлении его в пастырское служение⁷⁶⁵. Он видел в нём серьезные «причины к самому сильному страху и самую крайнюю опасность для сознающего и важность преуспевания и пагубные следствия прегрешения в деле», когда пришло время отдавать себя в главу полноты Христовой. Так как избежать сего невозможно было, то он сделал это не с радостью или охотно, но по необходимости, предпочитая раскланиваться, издали с выгодами служения и, находя приятнее жить с небольшим и скудным куском хлеба и влачить дни в безопасности и безмятежии, нежели для больших выгод кидаться в долговременную и большую опасность. Он думал, что «для человека, поставленного высоко, и то уже потеря, если он не предпринимает большего, не распространяет доблестей своих на многих, но останавливается на малом числе людей, и как бы большим светом освещает малый дом или юношеским всеоружием покрывает детское тело. А для человека маловажного всего безопаснее нести малое бремя, не возбуждать смеха и не увеличивать опасности возложением на себя чего-либо не по силам»⁷⁶⁶. Иго служения он принимал на себя, только уступая перед угрозами наказания за неповиновение, побеждаемый страхом оказаться непокорным⁷⁶⁷ плача и сетуя на своё не достоинство. При помазании и даровании ему Духа, он испытывал чувство удовольствия, смешанного с ужасом, ибо с одной стороны он считал себя органом худым и ненастроенным⁷⁶⁸, а с другой видел в пастырском звании нечто великое, самодовлеющее и доставляющее какую-то чудную приятность⁷⁶⁹.

8) «Сознание важности и ответственности пастырского служения не должно, однако же, *всецело удерживать* от принятия его лиц, вполне достойных и призванных к нему, ибо иногда так же благовременно уступить над собою победу, как бывает время и для всякого другого дела; и лучше быть честно побеждённым, нежели отказываясь, одержать победу со вредом

и незаконно»⁷⁷⁰. «Как домогание начальства неданного означало бы дерзость, так и отвержение данного – непокорность, а и то и другое вместе невежество... Против страха быть начальником подаст, может быть, помощь закон благопокорности, потому что Бог, по своей благодати, вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто на Него уповает и в Нём полагает все надежды. Но неизвестно, кто будет помощником и какое внушит упование в случае непокорности?»⁷⁷¹. Посему, «всего лучше и безопаснее соблюдать средину между желанием и страхом, и в одном уступить желанию, в другом – Духу... И не вовсе убегать служения, чтобы не отринуть благодать, чтобы было опасно; и не брать на себя бремени выше сил, что было бы тягостно... Напротив этого, благочестно и вместе безопасно соразмерять служение с силами»⁷⁷².

Различного рода искушения и препятствия в деле пастырского служения не удивительны: «ни что великое не бывает без искушения; ибо, по естественному порядку, маловажное сопровождается удобством, а высокое – трудностью. Пусть кричат враги и расширяют уста свои, как псы, лающие по пустому» – пастырь должен твёрдо и безбоязненно идти своей дорогой, помня, что он идёт по стопам Христовым»⁷⁷³.

Пусть мысли о высоте сана и собственном не достоинстве не оставляют пастыря день и ночь, сушат в нём мозг, истощают плоть, лишают бодрости, не позволяют ходить с поднятыми высоко взорами. Это – страх спасительный, гордыни, особенно если его пастырские дела явятся благоуспешными. «Сие смиряет сердце, сокращает ум, налагает узы на язык, и заставляет думать не о начальстве, но о том, как самому избегать грядущего гнева, очиститься, умудриться, стать светом, руководителем»... Величие, высота, достоинство, чистые существа – всё сие пусть удерживает его долу и содействует смиренным⁷⁷⁴. Молитвенная надежда на Божью помощь поможет пастырю достойно и непостыдно проходить его высокое и ответственное служение⁷⁷⁵.

Таким образом, достойное прохождение обязанностей возлагает на пастыря долг стяжать необходимые добродетели, которые способствовали бы ему в его великом деле.

К изложению учения св. отца о качествах, требуемых от пастыря, мы теперь и переходим.

Глава 2-я. Учение св. отца о качествах лиц пастырского звания

«У нас цель всякого слова
и дела – нести к совершенству тех,
которые нам вверены». (1, 218).

Как уже замечено, величие и достоинство пастырского звания налагают на носителей его известные обязательства, удовлетворением коих обуславливается самая возможность звания. Св. Григорий Богослов, излагая мысли об идеальных качествах пастыря, предъявляет ряд требований, который можно классифицировать следующим образом.

1) Пастырь должен иметь *призвание* к пастырскому служению и быть хорошо подготовлен к прохождению его. «Если ты о Христе — муж, чувства у тебя обучены и имеешь ясный свет ведения, то вещай Божию премудрость, глаголемую в совершенных и в тайне сокровенную, и, при том, когда откроется случай и будешь иметь поручение», – так в общих чертах св. отец характеризует кандидата пастырства⁷⁷⁶.

Частнее, под призванием он понимает внутреннее душевное расположение и готовность посвятить себя на служение Богу, сопровождаемые преданностью себя волю Божией, сознанием правоспособности к прохождению его и постоянным смиренным трудом для уготования себя в избранный сосуд Божий.

Это внутреннее соизволение человека иногда соединяется с пред избранием Божиим. И как из согласного соединения свободной воли человеческой с Божией благодатью появлялись великие и достославные вожди и пастыри церкви, так, напротив, из-за неполной преданности Богу, из-за не потребления всецело зла и оставшейся вражды духа и плоти возникали печальные результаты. Отсюда, горе человеку, если он, получив право учить других, не чувствует собственного недостойнства..., но дерзновенно считает себя достойным невестоводителем, уневещающим души людей Тому..., Которого покрывает бездна, утаивает тьма, Который просвещает ум, убегает и от быстроты и выпренности ума, столько всегда удаляется,

сколько постигается, и возлюбленного своего возводит горе тем, что убегает и как бы как бы вырывается из рук... Не меньшее горе, очевидно, человека, если он в самообольщении сочтёт за призвание горделивое самопревозношение. Такое самомнение отнимает у человека большую часть того, что он есть, и тщеславие бывает для людей величайшим препятствием к добродетели»⁷⁷⁷.

В пример пастыря, сочетавшего в себе достойным образом призвание с предизбранием, св. Григорий Богослов представляет самого себя. «Хотя я, – говорит он, — и призван от юности, даже к Нему (Христу) привержен есмь от ложесн, Ему принесён в дар по матернему обету, а потом и сам, когда опасности укрепили меня, любовь возросла и помог рассудок, Восприявшему и Спасшему меня добровольно отдал я всё – и имение, и знатность, и самый дар слова, – однако, боюсь, чтобы связав мне руки и ноги, не извергли меня из брачного чертога, как не имеющего на себе брачного одеяния и нагло вторгшегося в круг возлежащих там... Из всего этого извлёк я одну ту пользу, что презрел всё сие, и нашлось у меня, чему предпочесть Христа. Слова Божии сделались для меня сладки, как соты мёда. Я призвал разум и дал глас своей мудрости, учился умерять гнев, обуздывать язык, уцеломудривать око, укрощать чрево, попираť земную славу... Но, признаюсь, я ещё немощен для брани внешней. А потому и обратил хребет, сокрыл лице в бегстве... Не говорю ещё о брани внутренней, которая в нас самих, в наших страстях, и которую воздвигает на нас день и ночь, то явно, то тайно, сие тело смирения и рассеянность жизни, мятущая и волнующая нас посредством чувственности и временных удовольствий, и грязь персти, с которою мы смешаны, и закон греховный, воюющий против закона духовного. Почему, едва ли кто в состоянии преодолеть влекущее долу естество, разве уже обучил себя долговременным любомудрием и постепенно отторгал от низкого и сопряженного с тьмой, что есть в душе благородного и световидного, или удостоился милости Божией, или сверх того и другого прилагал всевозможные старания вознестъ взор свой горе. Но не препобеждена мною, по возможности, персть, пока

не очищен ум, пока далеко не превосхожу других близостью к Богу, – не безопасным признаю принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и людьми, что составляет долг иерея⁷⁷⁸.

Примером же пагубного несоответствия человека Божьему предизбранию св. отец выставляет царя Саула. «Не могу порицать себя за страх и сетование по случаю помазания» – говорит он... – «Ибо как солнце обличает слабость глаза, так Бог пришествием Своим — немощь души, и для одних Он – свет, а для других – огонь, смотря по тому, какое вещество и какого качества встречает в каждом. Как думать и о Сауле? И он был помазан, прияв Духа, сам стал духовен, даже пророчествовал, притом весьма неожиданно и необыкновенно... поскольку же он не всецело предал себя Духу и не совершенно обратился в мужа иного, как было предсказано (1Цар. 10, 6), но оставалась в нём некоторая искра прежнего зла и несколько худого имени, ещё продолжалась борьба плоти и духа..., то и был он отвергнут... Из сего можем познать разве то, что благодать не касается людей недостойных и органа худого и ненастроенного)... Нередко сама благодать, приводя в кичение и надмеая, удаляла от Бога приближавшихся к Нему неправо, и мы в самом уже возношении бываем низлагаемы»⁷⁷⁹.

Отсюда, если пастырство обусловливается избранием и предизбранием, то «худо и противно порядку всем желать начальства»⁷⁸⁰. Напротив того, «хорошо и уклоняться несколько от призвания Божия, как в древности поступили Моисей и Иеремия и др., ибо умедление пред Богом иногда лучше и драгоценнее поспешности других»⁷⁸¹. «Учиться лучше, нежели учить других: учить – дело великое, но учиться – дело безопасное»⁷⁸², ибо ужасна и жалка погибель пастырей недостойных⁷⁸³.

Но мы сделали бы неверный вывод и неправильно истолковали бы мысли св. отца, если бы, ссылаясь на общечеловеческую немощь, признали для всех возможным уклоняться от пастырского служения. «Равно худо и в одинаковой мере противно порядку, – говорит он, – как всем желать начальства, так и никому не принимать оно на себя...

Когда бы все стали избегать сего начальства, тогда бы прекрасной полноте церкви не доставало бы значительнейшего, и она не была бы уже прекрасною»⁷⁸⁴. Обращаясь к примерам истории и рассматривая самых благоискусных мужей древности, св. Григорий находит, что «из тех, кого благодать предизбрала в звание начальника или пророка, одни с готовностью следовали избранно, а другие медлили принимать дар, но ни те, ни другие не подвергались осуждению, как отрекавшиеся за боязнь, так и изъявившие согласие за ревность. Ибо одни устрашались важности служения, а другие повиновались по вере в Призывающего»⁷⁸⁵. «Не почтите меня боязливым сверх меры», – дополняет свою мысль св. отец о собственном недостойнстве, – «похвалите даже мою предусмотрительность»⁷⁸⁶. Участь Ионы памятна ему. «Но если для Ионы, может быть, и извинительно было отречься от пророческого служения, оставалось ли бы какое извинение и место к оправданию для меня, – говорит он, – если бы стал я долее упорствовать и отрицаться от возлагаемого на меня легкого или тяжёлого, но все же ига служения? Страшны угрозы, ужасны наказания за неповиновение, равно как и за противное сему, если кто не мало не смущается, не отрицается, как скоро слегка призывают его к принятию начальства, но с готовностью, как за самое лёгкое и удобное дело, берётся за то, в чём не безопасно переменять намерение и принятое поправлять новым»⁷⁸⁷.

Следуя примеру св. Григория Богослова, пастырю лучше всего избрать средину между слишком дерзновенными и между слишком боязливыми, – быть боязливее тех, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннее тех, которые всякого убегают. Ему следует прямо и верно держаться среди сих страхов, не помогаясь начальству неданного и не отвергая данного. «Ибо первое означало бы дерзость, последнее же непокорность, а и то и другое вместе – невежество»⁷⁸⁸. Принимать же самое звание пастырское следует с благоговением, страхом Божиим и рассуждением⁷⁸⁹.

После страха Божия и веры в Призывающего, лучшим средством к преобладанию боязливости пастырского звания является, по мнению св. отца, серьёзная подготовка и, при том,

довольно продолжительная. Не та подготовка, когда мы «почти прежде, чем острижём у себя первые волосы и оставим детский лепет, прежде, нежели войдём во дворы Божии, узнаем наименования свящ. книг, если только затвердим два или три слова о благочестии, и то понаслышке, а не из книги..., если ловко умеем надеть плащ, или до пояса походить на философа, – мы уже и мудры, и учителя, и высоки в божественном, первые из книжников и законников, сами себя посвящаем в небесные и желаем почестей руководителей ⁷⁹⁰.

Нет, нужно приготовление основательное, без которого непозволительно и даже преступно приступать к пастырской деятельности. «Напротив того, лучше другим искуснейшим вручить бразды правления над собою, нежели быть несведущими правителями других, лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать не наученный язык... Ибо не знающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно делать, лучше – учиться, нежели, не зная, учить... А посему, брать на себя труд – учить других, пока сам ещё не научился достаточно, и, по пословице, на большом глиняном сосуде учиться делать горшки, то есть, над душами других упражняться в благочестии, по моему мнению, свойственно только людям крайне неразумным и дерзким, не благоразумными если они не чувствуют своего невежества, дерзким, если, сознавая оное, отваживаются на дело» ⁷⁹¹.

Пастырская подготовка должна сказываться, прежде всего, в известной постепенности в продолжение пастырских обязанностей, начиная с низших и простейших, в определении известного «предела, когда учить и когда учиться», оставление какового предела в небрежении весьма прискорбно и плачевно по своим последствиям ⁷⁹². «Прежде всего нужно сделаться достойным церкви» – учит св. отец, – «а потом уже алтаря, и прежде достойным алтаря, а потом уже – председательства» ⁷⁹³. «Тот же, кто ещё младенец, питается молоком, не прилагал старания и не учился уразумевать премудрость Божию, в тайне сокровенную, – кто ещё не сопричтён к Израилю, не вписан в воинство Божие, не способен, как следует взять на себя крест Христов; кто не стал, может быть, никаким ещё почётным

членом тела Христова: – тот ужели охотно и с радостью примет, чтобы поставили его во главу полноты Христовой?»⁷⁹⁴

Скороспелое возведение в высшие степени пастырского звания св. Григорий Богослов осуждает, как беспорядок в церковном строе, как поругание церковного чина, как недостойный элемент, приносимый в церковно-общественную жизнь самоуправством и происками сильных людей. И наоборот, постепенное прохождение ступеней церковно-иерархической лестницы, с возрастающим самоусовершенствованием и преуспеванием в добродетели, он относит к многообразному человеколюбию и смотрению Божию о людях. «Не хвалю беспорядка и неурядицы, какие у нас, т.-е. когда спешно возводятся на высоту желающие предстоятельства» – говорит он... Хвалю же закон мореходцев, по которому управляющему теперь кораблём сперва дано было весло, а от весла возведён он на корму, и, исполнив первые поручения, после многих плаваний по морю, после долговременного наблюдения ветров, посажен у кормила. Тот же порядок и в военном деле: сперва воин, потом начальник отряда, наконец, военачальник. И это самый лучший и полезный для подначальных порядок. И наше (пастырское) дело было бы лучше, гораздо достоуважаемее, если бы соблюдалось то же. А теперь есть опасность, чтобы святейший чин не сделался у нас наиболее осмеиваемым, потому что председательство приобретает не добродетелью, но пороками, и престолы занимаются не достойнейшими, но сильнейшими... Нет ни врача, ни живописца, который бы прежде не вникал в свойства недугов, или не смешивал разных красок, или не рисовал. А председатель в церкви удобно выискивается не трудившись, не готовившись к сану, едва посеял, как уже и вырос, подобно исполинам в басне. В один день производим мы во святые и велим быть мудрыми тем, которые ничему не учились, и кроме одного произволения, ничего у себя не имеют, восходя на степень... Так быстро возвеличенный в председатели становится надменным, думая, что, получив могущество, стал он и премудрее, – так мало знает он себя, до того власть лишила его способности рассуждать⁷⁹⁵. Всякий предстоятель, далее, вступая в тесную родственную духовную

связь с врученною ему Богом паствою, приносит с собою то или иное духовное наследство: учение, веру, добродетель. Приступающие же к сему без подготовки и сопутствующей ей опытности, являясь по тому самому священниками чуждыми, незаконными и недостойными сана, ничего не привносят с собою, как нимало не потрудившиеся для добродетели, оказываясь вместе и учениками и учителями благочестия, и когда сами ещё не очистились, начинают очищать других. Да и что могут привнести доброго те, которые «вчера святотатцы, а ныне священники, вчера не смевшие приступить к святыне, а ныне тайноводители, устаревшие в пороках и новоявленные в благочестии, произведение человеческой милости, а не дело благодати Духа, – они весь свой путь ознаменовали насилием и гнетут самое благочестие»⁷⁹⁶.

Наконец в сатире «к епископам» св. отец зло осмеивает дерзновение неподготовленных и недостойных кандидатов папства, которые, несмотря на свою заведомую негодность, смело входят чрез незапертую дверь к высшим иерархическим степеням. В числе лиц, коих он иронически приглашает к духовному начальствованию, поименовываются «люди с едва пробивающимся пушком на бороде, невежды в небесном новопросвещённые. Приходите сюда, – иронизирует он, – все служители греха», ставшие поношением людей, чревоугодники, лжецы, обидчики, обманщики и под... Приходите смело: для всех готов широкий престол; приходите и преклоняйте юные выи под простёртые десницы... Никто не оставайся в дали, земледелец ли ты, или плотник, или кожевник, или ловец зверей, или занимаешься кузнечным делом; никто не ищи себе другого божественного вождя; лучше самому властвовать, нежели покоряться властвующему. Брось из рук, кто большую секиру, кто рукоять плуга, кто мехи, кто дрова, кто щипцы, и всякий иди сюда; все толпитесь около божественной трапезы, и теснясь, и тесня других. Если ты силен, гони другого, несмотря на то, что он совершен, много трудился на престоле, престарел, измождён плотью, небожественен, презритель мира, живёт в Боге, мертвец между живыми и добрый священник Царя⁷⁹⁷.

Из примеров Моисея и Аарона, вошедших внутрь облака, тогда как другие оставались вне его, из примера колена Левиина, одного избранного на служение скинии, из примеров Аммонитян и Моавитян, не допущенных до великого храма, – св. отец заключает, насколько строго ограждалась подготовленность и добродетель служителей даже Ветхого Завета. «Если же мы опять назначаем награду пороку, – говорит он, – и понизим требования к служителям Церкви, то, о, гибель! Оплачет ли сие какой певец, искусный в сложении плачевных песней»⁷⁹⁸.

Итак, постепенное прохождение обязанностей пастырского звания, начиная с простейших и низших, в связи с долговременным обучением себя любомудрия и постепенным отторжением от души всего, что есть в ней низкого и сопряженного со тьмою, является необходимым подготовительным периодом, пренебрегая которым небезопасно принимать на себя попечение о душах⁷⁹⁹. Если задачей пастырского служения является очищать царский образ в людях, умудрять и готовить их в живые храмы Богу, то пастырю прежде всех самому надобно стать таким, каким он должен сделать вверенных ему⁸⁰⁰. «Не достоин великого Бога, и жертвы, и архиерея тот, кто не представит себя самого в живую жертву Богу, или, лучше сказать, сам не сделается святым и живым храмом живого Бога... Посему, надобно сперва очистить самих себя, а потом уже беседовать с чистым... и очищать других, умудриться, потом умудрять; стать светом, потом просвещать; приблизиться к Богу, потом приводить к Нему других; освятиться, потом освящать»⁸⁰¹. «Нехорош порядок – сперва учить, а потом учиться, хотя бы шло дело не о божественном и столь высоком предмете (как пастырство), но о чём-ни-будь маловажном и ничего не стоящем»⁸⁰². «Духовный порядок требует сперва очистить себя самого деятельным любомудрием, потом, отверзши уста разума, привлечь дух и исполнять пастырей обязанности»⁸⁰³.

«Многие ныне рвутся в предстоятели, – с прискорбием замечает св. отец, – но не всякий достоин его.., Принять на себя власть и управление душами тому, кто ещё сам не научился

быть хорошим пасомым» – предосудительно⁸⁰⁴. Пастырство – не столь лёгкое и незатруднительное дело, что всякому стоить только захотеть, и он сделается хорошим пастырем⁸⁰⁵. Для благоискусного прохождения пастырства, которое отвлекает от мира, приводит к Богу, истощает тело, соединяет с Духом, избегает тьмы, собирает стадо в ограду..., правит душами, учит словом, делом и примером..., нужно ведение о божественном и человеческом, нужна мудрость, которая выше всех искусств. Но если для пляски и игры на свирели, каковые искусства гораздо ниже упомянутой мудрости, есть науки, и им учатся, и на то нужны время, непрерывный труды и усилия, иногда надобно тратить деньги, приискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать дальняя путешествия, а также делать и терпеть всё, чем приобретается опытность, то искусство пасения – ποιμαίνῃς – есть тоже наука, имеющая свои уставы, которые нужно изучать. Нужно научиться любви к пастве, заботливости и благоразумно, внимательности, неусыпности, пастырским трудам и приёмам, на какие пажити водить стада, к каким ходить источникам, или каких избегать пажитей и источников, наконец, кого и как пасти⁸⁰⁶.

Насколько цель пастырского искусства – творить богами – выше целей всех остальных искусств, настолько важно образовать защитника истины, призванного быть богом для других, особенно зная величие Божие и человеческую немощь, а также и то, чьи пастыри-служители, где они сами поставлены и куда готовят других?»⁸⁰⁷.

Само собой понятно, что приобретение пастырской опытности или «благоискусства в делах духовных»⁸⁰⁸ есть дело настолько серьёзное, что в нём «и глубокая старость – недолговременная отсрочка, ибо седина с благоразумием – лучше неопытной юности, рассудительная медлительность – неосмотрительной поспешности..., небольшое количество золота – многих талантов свинцу, малый свет – великой тьмы. А что касается до поспешности, поползновенной и излишней ревности, то опасно, чтобы они не уподобились... тому основанию, положенному на песке, которое не устояло при небольшом дожде и ветре... Кто же возьмётся, как глиняное

какое-нибудь изделие, изготовляемое в один день, образовать пастыря?»⁸⁰⁹

Поэтому, если где, то в деле воспитания и приготовления пастыря особенно вредна поспешность и скороспелость. Вот почему сам св. отец усиленно отдалял от себя время принятия бремени пастырского служения, считая себя мало подготовленным и пригодным для этого высокого сана. После получения обширного образования⁸¹⁰ и общеклассического и духовно-любомудренного он смиренно просил «научить его пастырскому искусству»⁸¹¹.

2) Пастырь должен обладать как вообще умственным развитием и образованием, так и *знанием специально пастырским*, должно твёрдо знать и исповедовать истины веры и уметь преподавать их верующим.

«Положим, – говорит св. отец, – что иной непорочен и взошёл на самый верх добродетели: всё ещё не вижу, каким запасшись знанием, на какую понадеявшись силу, отважится он на такое начальство. Ибо править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, по-моему мнению, действительно есть искусство из искусств и наука из наук. В Нём всякий может удостовериться, если врачевание душ сравнить с лечением тел, изведает, сколько трудно последнее, и разберёт, сколько наше врачевание ещё труднее, а вместе и предпочтительнее, и по свойству врачуемого, и по силе знания, и по цели врачевания»⁸¹².

Пастырь – духовный врач, для которого «важно не только знать и врачевать собственные немощи и недуги, но гораздо важнее быть в состоянии врачевать и искусно очищать других. Поэтому, какие нужны ему сведения, чтобы и других уврачевать и самому уврачеваться, чтобы исправить образ жизни и персть покорить духу», сообразно духовным потребностям, нуждам и положению каждого члена его паствы⁸¹³. Затем, на примере ап. Павла св. отец показывает, что значит иметь попечение о душах, и кратковременных ли занятий, малых ли требует сие сведений⁸¹⁴.

Общего умственного развития от пастыря требует, – по мысли св. отца, – первая его обязанность – раздаяние слова,

доступное не для всякого ума, но только для ума обученного, дисциплинированного. «Для меня кажется не простым и не малого духа требующим делом – каждому даяти вовремя житомерие слова и с рассуждением вести домостроительство истины наших догматов», – поясняет он свою мысль⁸¹⁵. Пастырям должно быть «сведущими правителями других, иначе им лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать не наученный язык; должно непрестанно обогащать ум чистыми представлениями, касаться даже небесной Троицы, созерцать Единую Славу в Трёх добродетелях, приносить бескровную сердечную жертву... Пастырю должно раскрыть уста, губы и язык, и расширить их привлечением и наполнением Духа, связать уста божественным чувством, чтобы им и растворяться благовременно, а язык исполнить радованием, чтобы он стал органом божественного сладкопения: должно так знать Св. Писания, чтобы они были как бы трижды написаны на широте сердца; должно иметь высшее ведение, должно иметь ум Христов, и быть в состоянии обогащать им других, быть живым жилищем Христовым в духе, чтобы опытно и умозрительно исследовать силы Христовы от высочайших и первых до низших и последних, свободно переходить от закона к благодати, научиться уразумевать премудрость Божию, в тайне сокровенную»⁸¹⁶.

Если и вообще знание, и «учённость составляет неотъемлемую собственность приобретших её и является в жизни наибольшей славой для обладателей её, так что ничего нельзя предпочесть учёности»⁸¹⁷, то для пастыря ведение вообще, а религиозное в частности, не только обязательно, но отсутствие его не извинительно. «Может быть, – говорит св. Григорий Богослов, – извинили бы мы (в неведении) простолюдинов; но как простить это учителю, который... должен помогать в неведении другим? Если всякому, сколько бы кто ни был груб и невежественен, непростительно не знать какого-либо римского закона, и если нет такого закона, который бы покрывал сделанное по неведению, то не странно ли тайноводствующим ко спасению не знать начал спасения, хотя бы они во всём другом были и очень просты и неглубокого ума?»⁸¹⁸.

Пастыри, далее, призваны быть совершенными, «мудрейшими, художниками-строителями, кормильцами и поильцами людских душ»⁸¹⁹. Для этого они должны и даже обязаны обладать учёностью и, притом, не безгласною, сухою и пресмыкающеюся по земле, но живую, жизненную, способною отвечать на всякая «речения прекословныя»⁸²⁰. Пастырю по долгу звания приходится всегда вести борьбу с разными врагами веры. «Чтобы не испытать участи неопытных борцов, которые, истощив силу в напрасных и примерных только борьбах, оказываются бессильными для борьбы действительной и доставляющей победу, за которую провозглашаются увенчанными»⁸²¹, пастырю нужно обладать солидной учёностью и опытностью в борьбе с неверующими и еретиками. Почему св. отец и присовокупляет: «полагаю, что всякий имеющий ум признаёт первым для нас (пастырей) благом учёность, и не только сию благороднейшую и нашу учёность, которая, презирая все украшения и плодovitость речи, емлется за единое спасение и за красоту умосозерцаемую, но и за учёность внешнюю, которую многие из христиан, по худому разумению, гнушаются, как злохудожною, опасною и удаляющею от Бога»⁸²².

Сравнивая попечение о человеке с ухаживанием за зверем, св. отец из этого сравнения выводит заключение, какую нужду имеет пастырь в обладании широким умственным развитием и познаниями. «Если хочешь хорошо управиться со зверем и соблюсти его, то тебе, – поучает он, приставнику зверя, нужно приобрести для сего многосторонние и разнообразные сведения и употреблять хождение, приличное каждому свойству зверя... Так, поскольку общее тело Церкви подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается из многих и различных нравов и умов, то предстоятелю совершенно необходимо быть вместе как простым относительно к правоте во всём, так сколько можно более многосторонним и разнообразным для приличного со всяким обращения, а равно – способным к полезной со всяким беседе»⁸²³. Эта пастырская многосторонность и способность к разнообразному обращению и полезному собеседованию достигаются ничем иным, как

обширную пастырскую осведомленностью и большим запасом умственного багажа.

Умственное развитие и богословское знание крайне нужны пастырю в целях апологетических и полемических, как уже упомянуто. Св. отец особенно настаивает на этой своей мысли. Пастырю, по его мнению, даже «неразумно заменять доказательства и доводы истин веры», к каковым научным доводам он вынуждаем, бывает обращаться по долгу своего звания, – «призраком безотчётной веры... но точными исследованием и прямыми заключениями должно приводить в ясность достоверность умозрения»⁸²⁴. Пастырю Церкви всегда предстоит борьба «с изобретателями суетных речений», «с соплетениями слов и обольщениями», «с умствованиями новых богословов, всё бесчестящих, чтобы других сделать нечестивыми»⁸²⁵. Сколько же нужно пастырю учёности, чтобы разоблачать эти соплетения и доказать, что «учение новых богословов – хула, а не богословствование?»⁸²⁶.

Твёрдое знание и исповедание чистого учения веры нужно пастырю для утверждения своей паствы в вере чистого исповедания. «Беседующему о предметах веры в многочисленном собрании людей всякого возраста и разных способностей», – рассуждает св. отец, – «которое, подобно многострунному органу, требует неодинаковых ударений, трудно найти слово, которое бы всех назидало и озаряло светом ведения. Трудно уже и потому, что, как опасность с трёх сторон, т.-е. от мысли, слова и слуха, то невозможно не преткнуться, если не во всём, то, по крайней мере, в чём-либо одном. Ибо если ум не просвещён, или слово слабо, или слух не очищен, и потому не вмещает слова; то от одной из сих причин так же, как и от всех, необходимо храмлет истина»⁸²⁷. Упомянув о противодействии тех людей, которые, «чем горячее в вере, тем с большим упорством внимают слову, почитая покорность оному не благочестием, но изменой истине, и скорее готовы отказаться от всего, нежели от своих мыслей, с которыми пришли, и от привычки к догматам, в которых воспитаны», св. отец останавливается на тех людях, которые, «по невежеству и следствию оного – дерзости, с жадностью, как свиньи, кидаются

на всякое учение». Такие, не имея у себя ни собственного мнения, ни какого-либо образца, худого или доброго, для учения о Боге, готовы слушать всякое учение и всякого учителя, чтобы из всего выбрать лучшее и безопаснейшее, и такой выбор доверяют самим себе – худым судьям истины. А потом, переходя и возвращаясь от одной вероятности к другой, нагруженные и подавленные учениями всякого рода, переменяя многих учителей и многие писания разбросав легкомысленно, как пыль на ветер, когда утомится и слух и ум, начинают оказывать одинаковое отвращение ко всякому учению, и напечатлевают в себе гибельное правило – осмеивать и презирать саму веру христианскую, как нечто нетвёрдое и не имеющее в себе ничего здорового, делая невежественное заключение от учащих к учению, подобно такому человеку, который «имея расстроенные глаза или повреждённые уши, винит солнце или звуки, – первое, что оно темно и не блещет, а последние, – что они слабы и беззвучны»⁸²⁸.

Но ни одного умственного развития, ни в соединении с богословским знанием далеко недостаточно для пастырского делания. К обладанию «священной философией»⁸²⁹ и к богословской начитанности нужно присоединить искреннюю убежденность в правоте своего учения, горячую веру в него. Иначе холодная рассудочная вера всегда будет сильна только логическими доводами и выводами; не имея же сердечной теплоты и проникновенности ею, будет отзываться фальшивящим чувством. Личная искренность и убежденность необходимы пастырю на каждом шагу. Он всегда должен помнить, что наилучшее средство привлечь шатающиеся умы к послушанию уму Христову и удержать их в вере – есть личная горячая вера самих пастырей и учителей, а потом уже устойчивость и неизменность чистого исповедания⁸³⁰, соединённые с непоколебимой преданностью ей⁸³¹, – качества, являющиеся наилучшим средством побудить сделать заключение от учащих к учению в благоприятном для веры смысле.

Наконец, правое учение веры пастырь должен уметь преподавать и верующим. Слово пастыря, являясь «для одних

– младенцев по вере – млеко и растениями, для других – совершенных – пищей высшею и более твердою, но всех, укрепляя во Христе и давая им возрасть достойным похвалы возрастанием, какое производится словом, которое хорошо питаемого им совершает в мужа и приводит в меру духовного возраста», должно быть словом чистого учения без примеси посторонних учений. В писале пастыря не должно быть ничего чёрного, чтобы того же не оказалось и в письменах, начертанных им на скрижалях пасомых»⁸³². Свою мысль св. отец характерно и метко выражает такими словами. «Мы неспособны корчемствовать словом истины и мешать вино с водою, т.-е. учение, веселящее сердце человеческое, с учением пошлым и дешёвым, влачимым по земле, пропадающим и текущим понапрасну, как делают многие. Они, чтобы от такого корчемства получить и себе прибыль, беседуют с приходящими о том и другом, так и иначе, в угождение всякому, подобно каким-нибудь чревоушителям и суесловам, для собственной своей заботы употребляют слова, из земли изглашаемые и в землю уходящие, как будто тем более они прославляются в народе, чем больше вредят себе и губят себя, проливая кровь неповинную самых простых душ, которая будет взыскана от рук наших »⁸³³.

Пастырь Церкви должен всегда помнить, чей он ученик, чьё учение преподаёт и какому взысканию подвергнется за неверность своего учения. К служению словом он должен приступать так, как требуется от приступающих к священнодействию, т. е. очистивши уста и мысль, заботясь о том, чтобы слово его «было благочестивым и спасительным для целого мира учением»⁸³⁴. Он должен являть и силу в слове, чтобы «ясно выразить умопредставляемое»⁸³⁵; должен стяжать опытность в учении, чтобы «уста его могли растворяться благовременно, а язык – исполняться радованием и быть органом божественного сладкопения»⁸³⁶. Пастырь должен «мудрствовать выше, нежели по-человечески»⁸³⁷. Сам «испытав все глубины Духа, из сих глубин он должен почерпнуть всё нужное, чтобы образовать нравы, отвлекать от настоящего и

переселять в будущее, имея для себя примером великих отцов и учителей церкви»⁸³⁸.

3) Пастырь церкви должен *обладать высокими нравственными качествами.*

Если и вообще для верующих нельзя указать «предела нравственного совершенствования, то для пастыря Церкви, в частности, в силу его долга, не может быть определена мера в добре и в восхождении к совершенствованию».

Св. отец предъявляет к пастырю ряд, хотя строгих, но вполне справедливых требований. По его мнению, пастырь прежде, всего сам должен иметь то, чему он хочет научить других. Он сам должен вести богоугодную жизнь, если хочет научить ей пасомых, ибо нельзя возродить живой и добродетельной веры тому, у кого эта вера мертва и бесплодна⁸³⁹. «Первое, чего нам бояться должно, – говорит он, – есть то, чтобы нам не оказаться худыми живописцами чужой добродетели, особенно же негодным подлинником для других живописцев, может быть не худых, но многих, или чтобы нам не подойти под пословицу берёмся лечить других, а сами покрыты струпями. Во-вторых, если бы кто из нас сохранил себя, даже, сколько можно более чистым от всякого греха, то, не знаю ещё достаточно ли и сего готовящемуся учить других добродетели? Кому вверено сие, тот не только не должен быть непорочным, но должен отличаться добродетелью. Он обязан не только изглаждать в душе своей худые образы, но и напечатлевать лучшие, чтобы ему превосходить других добродетелью больше, нежели сколько он выше их по достоинствам. Он должен не знать даже меры в добре и в восхождении к совершенству, почитать не столько прибылью то, что приобретено, сколько потерю то, что не достигнуто, пройденное же обращать всегда в ступень к высшему, и не высоко думать о себе, если и многих превосходит, но признавать уроном, если не соответствует в чём сану. Ему должно измерять свои успехи заповедью, а не примером ближних... Напротив того, должно почитать пороком в частном человеке то, что произведено им худого, заслуживает наказания и строго истязуется самым законом, а в начальнике и предстоятеле – даже то, что он не достиг возможного

совершенства и не преуспевает непрестанно в добре, потому что ему надобно превосходством своей добродетели привлекать народ к порядку, и не силой обуздывать, но доводить до порядка убеждением»⁸⁴⁰.

По мысли св. отца, кто, чем выше по достоинствам или по положению в обществе, тот тем превосходнее должен быть по добродетели. Пастырю Церкви, а в особенности, предстоятелю, призванному возглавлять Церковь, предлежит подвиг постоянного совершенствования в добродетели. Если к кому, то более всего к пастырю относится пожелание св. отца: «Превзойди самого себя»⁸⁴¹.

Наконец, замечательна и та мысль св. отца, что известная степень нравственной высоты служить условием обладания истиной и, потому, если для пастыря Церкви разумение истины есть главное дело, без чего нельзя быть даже и христианином, то нравственная испорченность крайне вредна и опасна в познании истин веры⁸⁴².

В частности пастырю нужны: а) «ревность по добродетели, как собственное его произволение, выражаемая и действительно оказываемая словом и делом, если он хочет, чтобы вверенные ему души, которые для него всего предпочтительнее, хорошо были врачуемы, очищаемы и ценимы дороже всего»⁸⁴³;

б) опытность в побеждении дурных навыков и возвращении добрых. Пастырям, как служителям и сотрудникам Божьего врачевания и детоводительства, тем более, как председательствующим пред другими, «важно знать и врачевать собственные немощи и недуги, чтобы быть в состоянии врачевать и искусно очищать других, так чтобы от сего была польза тем и другим, и имеющим нужду во врачевании, и поставленным врачевать»⁸⁴⁴;

в) наличность качеств, обуславливающих вступление и прохождение пастырского звания. «Кто, поверив сам себя по правилам и определениям, какие Павел постановил для епископов и пресвитеров, а именно: быть трезвыми, целомудренными, не пьяницами, не бийцами, назидательными, во всём не укоризненными и неприкосновенными ни к чему

худому, кто, говорю, не найдёт себя много уклонившимся от правоты правил? А какие законы даёт Иисус ученикам, посылая их на проповедь? Существенное в них, – не говоря о подробностях, состоит в том, чтобы ученики таковы были по добродетели, так благоустроены и ответственны своему званию, и, если должно выразиться короче, столь небесны, что благовествование не менее распространялось посредством их жизни, как и посредством слов»⁸⁴⁵. Служение священника должно быть непорочное, ангельское, ибо оное служение, как достойное их собственного служения, уважают и ангелы, служащие Чистейшему⁸⁴⁶;

г) стяжание того духа богобоязненности и чувства постоянного хождения пред Богом, которые бывают следствием долговременного упражнения в добродетели. «Не столько важно соблюдать образ добра, – наставляет св. отец, – как обновить в себе богобоязненность. Первое есть дело навыка, последнее – дело благого произволения; и первое находим во многих, а последнему немного видим примеров»⁸⁴⁷

д) обладание в возможном совершенстве, как христианскими добродетелями, так и общечеловеческими достоинствами, напр., честностью, благородством. Только в пастырстве, как сословии, открытом для всех верующих, о благородстве и худородстве судят не по крови, но по нравам, по свойствам характера и поведения⁸⁴⁸.

В ветхозаветных постановлениях о том, чтобы даже телесные пороки и в священниках и в жертвенных животных подвергались строгому исследованию, а равно и в узаконениях о том, чтобы совершенное приносили совершенные, св. отец видит символическое требование душевной непорочности от служителей Церкви. Если запрещалось касаться священных предметов, вкушать жертвы, входить во святилище и пр. тем, кто был хотя мало нечист душою и телом, если и для правомочных ограничивался доступ во Св. Святых и не для всех возможно было касаться к завесе, или к святилищу, или к кивоту, то, «зная всё это, а вместе и то, что всякий недостоин Великого Бога, Архиерея и Жертвы, – как может облечься в образ и сан иерея тот, кто не освятил рук преподобными

делами..., кто всякий член свой не сделал оружиями правды, не отложил всякую мертвенность..., кто не показал на опыте своих доблестей?»⁸⁴⁹

Неуверенность в собственном преуспевании в добродетели или сознание своей маломощности в ней должны являться причиной к самому сильному страху и представлять самую крайнюю опасность для кандидата во главу полноты Христовой, если он сознаёт и важность преуспеянья и пагубные следствия погрешения в сем деле. Свои мысли по сему поводу св. отец образно изображает в следующей картине. «Пусть другой, рассуждал я, кто многоопытен в мореходства и торговле, плывет за куплю, переходит обширные моря, борется всегда с ветрами и волнами, многое, если удастся, приобретая и много бедствуя. А для меня, который держуся суши, веду неглубокую и легкую борозду жизни, с выгодами и морем раскланиваюсь издали, – приятнее жить так, как могу, с небольшим и скудным куском хлеба, и влачить дни в безопасности и безмятежии, нежели для больших выгод кидаться на долговременную и большую опасность. Для человека, поставленного высоко, и то уже потеря, если он не предпринимлет большего, не распространяет доблестей своих на многих, но останавливается на малом числе людей и как бы большим светом освещает малый дом, или юношеским всеоружием покрывает детское тело. А для человека маловажного всего безопаснее нести малое бремя, не возбуждать смеха и не увеличивать опасности возложением на себя чего-либо не по силам. Ибо, как слышим, и башню строить прилично только тому, у кого есть чем её довершить»⁸⁵⁰.

Пастырю предлежит постоянный подвиги постепенного восхождения посредством дел, чтобы чрез очищение приобретать высшую чистоту. Он не должен подобию тем, которые только собирают материал для постройки, а к самой постройке все не приступают. Пастырю нужно не казаться добродетельным, а быть им на деле, не грезить совершенством, а стремиться к нему в действительности⁸⁵¹. Св. отец считает истинным богословом не того, кто высоко рассуждает, но того, кто свято живёт. «Хочешь ли со временем стать богословом и

достойным божества? – вопрошает он. – Соблюдай заповеди и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию. Трудись телом для души... Царство небесное есть не что иное, как достижение чистейшего и совершеннейшего»⁸⁵². Св. отец указывает и источник святых чувствований, из коего пастырь может черпать силы для преуспевания в совершенстве. Это – чтение книг духовно-нравственного и подвижнического содержания. Оно «очищает душу и тело, делает человека угодным для Бога храмом, органов, в который ударяет Дух, песнопевцем Божией славы и Божия могущества... Через него я образуюсь, прихожу в благоустройство, из одного человека делаюсь другим, изменяюсь божественным изменением»⁸⁵³.

Если бы потребовалось в немногих словах характеризовать нравственный облик пастыря, то отличительной чертой его должно признать благочестие и, при назидательной жизни, – обладание словом⁸⁵⁴. «Для Бога ничто так не достолепно, как слово очищенное и душа совершенная учениями истины»⁸⁵⁵. У пастыря Церкви слово не должно расходиться с делом, чтобы он учил так, а жил и подвизался иначе. «Напротив того, в нём всё одно другим должно поддерживаться, и как в одной лире, всё одинаково должно быть настроено, – и жизнь, и учение, и подвиги, и бедствия. Он должен нести всем мир и благословение, всех привлекая ко Христу, подражая свойствам двух похваляемых камней, являясь для одних адамантом, для других – магнитом. Он должен так жить и учить, чтобы дела и нравы его служили примером для других, а учение его было точным выражением истинной веры»⁸⁵⁶. Для пастыря красотой должна быть добродетель, величием – богословие, шествием – непрестанное стремление и восхождение к Богу, силою – сеяние и раздаяние слова⁸⁵⁷. Вся жизнь пастыря, его поступки, поведение должны быть выражением забот только обо всём богоугодном, а не о мирском⁸⁵⁸. «Остерегайтесь, о иереи, – предупреждает св. отец, – чтобы язык ваш, долженствующий быть как гусли, не прозвучал чего-либо нестройного... Один источник не даёт сладкой и горькой струи»⁸⁵⁹. По своей жизни и по своим качествам пастырь должен быть «заслуживающим

большее одобрение, быть во всех отношениях украшенным лепотою добродетели», должен быть из числа возбуждающих зависть, а не сожаление, из числа не всякому во всем уступающих, но умеющих в ином случае и воспротивиться для общего блага», для пользы в жизни будущей⁸⁶⁰.

Уже из изложенных мыслей св. отца о нравственных качествах пастыря явствует, какие высокие требования он предъявляет к кандидату пастырства. Он требует от него известного совершенства в добродетели, как выражения высшей нравственной чистоты и святости жизни. Пастырь должен быть не просто добродетелен, но высок по добродетели, её образцом и учителем⁸⁶¹. Вслед за св. Григорием Богословом он должен, возможно, чаще задавать себе вопросы: «по плоти я девственник, но девственник ли я в сердце? На словах я небесен, а сердцем не прильнул ли к земле?»⁸⁶². «Подобно золоту и серебру обращаясь всюду, он во всяком обстоятельстве и деле не должен звучать, как поддельная и нечистая монета, нисколько не должен содержать в себе вещества худого, которое бы требовало сильнейшего огня»⁸⁶³. Авторитет пастыря – в его добродетели⁸⁶⁴. Он должен быть не просто нравственен, но безукоризнен и по предшествующей и по настоящей своей деятельности, как то подобает учителю благочестия и тайноводителем ко святыне, призванному приносить жертвы не столько за себя, сколько о людских невежествах⁸⁶⁵. Он должен быть настолько непорочен, чтобы смело мог смотреть в глаза всякому и говорить: «скажи мне мои неправды»⁸⁶⁶. Лекарю других должно быть самому здоровым⁸⁶⁷, потому что «неприлично бороться со злыми скорбями тому, кто должен быть целителем недугов в других»⁸⁶⁸. Путеводящее око должно быть светло. «Особенно вам, служители алтаря, – учит св. отец, – советую не быть оком, исполненным тьмы, чтобы не оказаться первыми в порочной жизни. Ибо если свет темен, чем будет самая тьма?»⁸⁶⁹. Помня удобопреклонность ко греху, по которой человек всегда в пути, и предназначение его к величественной цели, пастырь должен опытно знать свойства духовной борьбы и способы успешного шествования в высоту⁸⁷⁰. Он не должен, подобно кубарю, кружащемуся на

одном месте, хотя и имеющему видимость как бы движущегося, оставаться на одном месте, в одном положении и не совершенствоваться в добре. Он должен идти впереди и впереди других⁸⁷¹. Воспитывая же других в добродетели, он должен быть бдителен за самим собою, чтобы не преткнулись в чём-либо его ноги»⁸⁷².

Помня, что «диавол входит в сердце человека сначала не важными грехами, а потом врывается большою мутною рекою, пока не поглотит его, как бездна»⁸⁷³, пастырь должен быть не только целомудренным, но не подавать даже и подозрения в чём-либо гнусном⁸⁷⁴ должен постоянно отрешаться от дебелости плоти, очищать и обновлять себя светлою жизнью⁸⁷⁵. «Будем бегать доброцветности, – увещает св. отец сопастырей, – и смотреть в самих себя. Похоть – сладкая приманка, доброценная отравка... Войди в себя»...⁸⁷⁶

Должно сказать даже более того, что сказано о требованиях нравственной высоты, предъявляемых св. отцом к пастырям: он желает от пастырей аскетизма, который должен проявляться как в преуспевании в добродетели, так и во внутренней борьбе со страстными пожеланиями. Молитвенные уединённые подвиги, само собранность, упражнение в духовной жизни обязательны для того, кто желает быть учителем духовной жизни для людей всякого времени и случая, рода и возраста. Пастырь должен приучаться всегда жертвовать своими личными интересами и чувствами для долга своего звания⁸⁷⁷. Являя собою пример рассудительности, не гневливости, не мстительности, он должен приучаться управлять своими помыслами⁸⁷⁸. «Похотливое око – самое наглое и ненасытимое из чувств: оно касается часто даже и неприкосновенного»⁸⁷⁹. Тело всегда поднимает войну со стремлением человека подавить и ограничить страстные движения. Оно, сродник и сослужитель души, всегда является и ласковым врагом и коварным другом, напоминая человеку о том, что он, образ Божий, смешан с грязью, что он велик и низок, земен и небесен⁸⁸⁰. «Нося в теле того же сатану, который был дань ап. Павлу», пастырь имеет возможность бороться с ним слезным исповеданием своих немощей и частым совершением литургии⁸⁸¹. Кроме того, св. отец для

умерщвления страстных движений плоти, для увядания красоты, привлекающей козни, для снискания милосердия на смиренно прибегающего к Богу, усиленно рекомендует пастырю пост и сон на голой земле «Ибо никаким служением так не благоугождается Бог, как злостраданием, и за слезы Он воздаёт милостью»⁸⁸². По примеру Господа, совершавшего дела – Свои чудотворения – на народ, а для молитвы уединявшегося в пустыню, пастырю потребно возможно чаще погружаться в безмолвие для невозмутимого собеседования с Богом, для «высшего упражнения», чтобы, хотя несколько возводить свой ум от непостоянного, суетного к вечному⁸⁸³. Мозоли на коленях, потоки слёз, постнический вид – лучшие свидетели аскетических трудов пастыря⁸⁸⁴.

4) Св. Григорий Богослов предъявляет к пастырю ряд *пожеланий касающихся его внешности, его семьи его отношений к сослуживцам и сопастырям.*

Желая видеть иереев, почтенных сановитостью и летами⁸⁸⁵, и требуя от них благоговейного приступания к их высоким и священным обязанностям⁸⁸⁶, св. отец убеждает их «не совершать святого нечисто, высокого – низко, честного – бесчестно, духовного – по земному. «Всё у нас, духовных, должно быть, как духовно: действие, движение, желание, слова, даже походка и одеяние, даже мановение, потому что ум на всё простирается и во всём образует человека по Богу»⁸⁸⁷. «Не запрещай давать себе и прохладу, но пресекай неумеренность». Если справедливо, что одежда человека, его манера носить её, походка, движение и пр., есть язык его, то пастырь должен тщательно наблюдать за этим своим языком, всякому красноречиво свидетельствующим о внутреннем содержании его обладателя⁸⁸⁸. Однако, по мысли св. отца, забота пастыря о величавой наружности, соединенная с презрением простоты, – предосудительна, «как будто всё общеупотребительное и обыкновенное достойно презрения»⁸⁸⁹. Отсюда, величавость наружности должна быть следствием благородной простоты и естественности.

Члены семьи пастыря должны вести себя благоприлично, чтобы посторонние не соблазнялись их поведением. «Людам

всего приятнее рассуждать о чужих делах»... Они обращают, как бы в постоянное занятие укорять и блазниться поведением членов семьи пастыря, если видят, что последние идут за веком, а не поставляют для себя и единственной славы, и безопасности, и обогащения в том, чтобы мужественно противоборствовать времени и поставить себя как можно дальше от всякой нечистоты и скверны. Как в этом случае пастыри убедят другого не увлекаться временем, как наказывать провинившихся в чём-нибудь, когда сами они терпят в своей семье что-либо подобное?⁸⁹⁰ Вся обстановка семейной и обыденной жизни пастыря должна быть выражением того христианского духа, проповедником коего пастырь является по призванию. Было бы, в частности, преступно, если бы его трапеза «умащалась срамом благовония», а «плоть разрасталась бы шире плоти слона», когда другие нуждаются в самом насущном для жизни⁸⁹¹.

В отношениях пастырей к сопастырям должны проявляться чувства солидарности и взаимного уважения. Из сферы их отношений всецело должен быть изгнан мелкий дух зависти и соперничества, подобный тому, который заставляет занимающихся одним ремеслом косо, подозрительно и недружелюбно смотреть на своих конкурентов по профессии. «И горшечник косо смотрит на горшечника, и плотник на плотника»⁸⁹². Между людьми образованными, культурными таких чувств не должно быть. В отношении же к пастырям они свидетельствовали бы о непонимании ими духа своего служения и задач звания. Св. отец глубоко страдал душой, когда видел вражду между пастырями. «В мире живут разбойники, коих связало злодеяние, сообщники воровства, заговорщики мятежа, соучастники прелюбодеяния. В мире живут певцы одного хора, и воины одного отряда, и пловцы одного корабля. Только у нас (пастырей) нет согласия», – с горечью замечает он⁸⁹³.

Но бывает мир и мир. «Кони приятны коням, орлы – орлам; галка садится рядом с галкой»⁸⁹⁴. Среди сослужителей и сопастырей должно различать добрых от худых, и, поддерживая сношения с первыми, пастырю должно удаляться последних.

«Жизнь человеческая бывает или божественною, или порочною, хотя по наружности часто это различие не замечается. Так неодинаково и сердце молитвенников великославного Христа. Один – всегдашний слуга человеческого могущества, смотря по обстоятельствам, как трость, колеблемая ветром, клонится туда и сюда, и подаёт не врачество, но образец всякого порока. Другой трепетными и благоговейными руками возносит дар благодарения Христовой Плоти и великим страданиям, какие понёс на земле Бог в избавление наше от первородных недугов. Такой живёт для Единого Христа, Им утешается, для Него возносясь отселе, отрешает сердце от земного... Такой не заботится о богатстве, о великих престолах, о человеческой славе, пресмыкающейся долу. И нося на себе кожу могущественного царственного льва, не скрывает под нею раболепства лисицы, чтобы не быть мертвоядцем, хитрецом, злодеем, перекидываться во все виды порока»⁸⁹⁵.

Пастырь должен смотреть, в среде каких молитвенников он вращается, «свидетельствуясь рукою бессмертного Бога и страшным днём, который потребит огнём лёгкое вещество, что он – не сопрестольник и не сотрудник таким, и не хочет участвовать с ними ни в совете, ни в плавании, ни в пути, но желает идти своим путём, пребывая вдали от злых сослужителей и напечатлевая в сердце мысли божественные, не смешивающиеся с худшим, и просветлённые»⁸⁹⁶...

Должно сторониться худых пастырей ещё и по другой, причине – для поддержания авторитета пастырского сословия, именно, чтобы не дать пищи злоречию, не дать повода обвинять в злонравии целое сословие пастырей, а вместе с тем и «высокое и досточтимое наше таинство». «Людские речи, – говорит св. отец, – приражаются к пастырям так же, как пена к камню, как ветры к сосне или к другому густому и высокому дереву... Сколько бы кто ни был твёрд в душе и искренен в благочестии, сему не хотят даже и верить, что он верен, нелицемерно добродетелен и свободен от притворства. Напротив того, один у нас явно худ; в другом правдивость – одна личина и прикраса, обманывающая наружностью. Хотя не все кажутся чёрными, потому что есть чёрные, не все

неблагородными, неблагообразными, немужественными, невоздержными, потому что много таких..., однако же, обвинение в злонравии удобно распространяют на всех и делают общим обвинением целого (сословия), не только потому, что многие, но и потому, что некоторые злонравны. Но гораздо страшнее сего то, что обвинение не останавливается на нас одних (пастырях), но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство. Ибо с нашими судьями бывает то же, что почти и со всеми охотниками судить о чужих делах: одни из них довольно снисходительны и человеколюбивы, а другие очень жестоки и немилосердны. И первые нас одних укоряют в пороках, оставляя без укоризны наше учение. Другие же особенно, когда встречают много худых людей между удостоенными предстоятельства, обвиняют самый закон, будто бы он учит злонравно»⁸⁹⁷.

5) Отношения к пастве требуют от пастыря *«благоискусного прохожденья пастырства, которое отвлекает от мира, приводит к Богу, истощает тело, соединяет с Духом, собирает тело в ограду и пасёт его»*⁸⁹⁸.

Закон пастырского служения повелевает пастырю радоваться с радующимися и в печали стенать вместе с пасомыми⁸⁹⁹. Пастырелюбивость предстоятеля должна быть главным руководящим началом и в его деятельности⁹⁰⁰, «чтобы быть ему не из числа тех пастырей, которые млеко едят, волною одеваются, тучное заколают, оскорбляют трудом... которые пасут самих себя, а не овец; — но принадлежат к числу тех пастырей, которые могут сказать о себе с Павлом: кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется и меня не воспламеняет забота? Не ищу бо ваших, но вас»⁹⁰¹. Пастырь должен быть готовым всегда всем жертвовать для блага паствы, не скрывать своих дарований, не закапывать своего таланта в землю, но наставлять вверенные ему души словом истины и соделывать их сообразными духу»⁹⁰². Он должен жить не больше для себя, чем для других, стараясь идти и вести стадо прямым путем, не принимая разные виды, не соображаясь с обстоятельствами и делами, делаясь то таким, то иным, меняя разные цвета, подобно как полип принимает

цвет камня, к которому он пристал; но всегда пребывая одним и тем же, – непоколебимым среди колебаний, несовратимым среди превратностей, являясь скалою, которая при ударах ветров и волн стоит незыблемо и сокрушает приражающихся к ней»⁹⁰³. Паства для пастыря – и слава, и радость, и венец похваления. Как здание или картина являются безмолвными выразителями или показателями гения зодчего или живописца, так и паства носит на себе следы пастырской любви и влияния своего предстоятеля, свидетельствуя о его внутренних качествах⁹⁰⁴.

В практических житейских сношениях пастырь должен взять такой тон, который его необходимое в жизни верующих как света, судьи, ангела Божия не низводил бы с пьедестала беспристрастного и ровного отношения на обычную в житейской среде страсть к пересуживанию, по которой «людям всего приятнее рассуждать о чужих делах, особливо если увлекаются или благорасположением или ненавистью»⁹⁰⁵.

Наконец, пастырю нужно иметь в виду определённые цели, определённый ясный идеал и применять определённые и наперёд обдуманые средства к достижению его. Его пастырские мероприятия не должны быть только «по поводу», с характером случайности. Его идеал – не есть что-либо туманное, расплывающееся, а – обдуманный, предназначенный, сроднившейся с его душою. Как начальнику отряда нельзя рассчитывать на успех в борьбе с противником, которого он себе точно не представляет, так и пастырю нельзя вести пасомых к идеалу, не выяснившемуся в сознании его самого, их духовного вождя. Св. отец неоднократно предохраняет пастыря от увлечения туманными идеалами и случайными средствами. «Гони коня к цели... Всегда старайся, чтобы стрела твоя попадала в самую цель»⁹⁰⁶.

Частные, отношения к пастве требуют от пастыря любви к пастве, благоразумия, заботливости о ней, внимательности, неусыпности, при кротости строгого обращения, при производстве дел — ровности духа и спокойствия⁹⁰⁷.

Пастырь должен чувствовать себя так родственно и тесно связанным с паствою, чтобы у него не хватало терпения жить в

разлуке, с нею, но чтобы иметь общий дух и общие чувствования.

Подлинно, один день составляет целую человеческую жизнь для тех, которые страдают любовью... И в этом нет ничего необыкновенного. Пастух скорбит о тельце, который отстал от стада, об овце, которой недостаёт в десятке, и птичка горюет о гнезде, которое оставлено не на долго. Один, взяв свирель, зовёт заблудившихся, и, если послушаются, радуется о них больше, нежели об остальном стаде. А другая с криком летит к гнезду, припадает к щебечущим птенцам и обнимает их крыльями. Какая же привязанность должна быть у доброго пастыря к словесным овцам, которых он любит и об оберегании которых от всяческих врагов он беспрестанно заботится»⁹⁰⁸. Пастырь добрый, полагающий душу свою за паству, хорошо знает её, будучи и сам знаем ею⁹⁰⁹. Не должен пастырь забывать и телесных потребностей и нужд своей паствы, часто бедствующей, голодающей. Уча других милосердию и состраданию, нельзя самому оставаться безучастным зрителем их бедствий. В деле организации помощи бедствующим его пример так же необходим, как и руководство в делах духовных. А потому, он чаще должен повторять себе: «Не дай мне Бог ни жить богато, когда бедные нуждаются, ни наслаждаться здоровьем, если не дам помощи болящим... Пусть могучий ветер убьёт и вихрь рассеет посев мой, если только для себя одного буду я сеять»..., и помнить, что имущество, это скоро истлевающее стяжание, может освятиться только тем, если мы будем обладать им как должно, делая соучастниками его неимущих⁹¹⁰.

Являясь для пасомых примером для подражания, подобно тому, как если «кто пишет картину с подлинного изображения, тот ставит пред собою подлинник, и потом картина принимает на себя списываемый образ»⁹¹¹, так добрый пастырь представляет собой образец то самопожертвования, когда исполняет должность стража, возвещая непокорному народу о грядущем мече и признавая его грехи своими⁹¹²; то – истинной скромности, поставляемой не в одежде, а в благоустройстве души, и выражаемой не согбением выи, не густотой усов, не

обрением головы, не походкой, но смиренным мнением о себе⁹¹³; то – простоты и незлобия⁹¹⁴; то – преданности воле Божией и упования на Него⁹¹⁵.

Вообще же, в сношениях с пасомыми пастырь должен «соединять в себе мудрость змия в рассуждении зла и незлобие голубя в рассуждении добра, не попуская и благоразумию сделаться злоторным, и простоте доходить до слабоумия»⁹¹⁶.

Отношения его к духовным детям должны быть вполне благожелательные, миролюбивые, словом – отеческие, ибо щадить детей требует закон отеческой любви»⁹¹⁷. Пасомые для пастыря – дети, соединённые с ним общим духом и общими чувствованиями⁹¹⁸. Его наставления пасомым – заповеди кротко советующего и сердечно любящего отца⁹¹⁹. Он «увлекательно беседует, назидательно шутит, обличает не оскорбляя, выговора не доводит до наглости, а похвалы до потачки, но в похвале и выговоре избегает неумеренности, пользуясь ими с рассуждением и наблюдая время всякой вещи»⁹²⁰. Пастырь должен проявлять в отношении ко всем пасомым одинаковое беспристрастие, ровность и нелицеприятие. Являясь судьёй их дел, и по долгу звания, и по их желанию, он не должен подражать обычаю «тех судей, которые легко простят и самую важную вину людям значительным, нежели малость – незначительным»⁹²¹.

Если бы мы хотели, возможно, точнее и короче охарактеризовать отношения пастыря к пастве, как это понимает св. отец, то для сего едва ли может быть что-либо лучше следующего его завета: «будьте живоносною силою для всех людей»⁹²²

Но трактуя о миролюбии пастыря, мы должны оговориться. По мысли св. отца, миролюбивость пастыря не должна переходить в послабление слабостям пасомых, в потаковничество им. «Мир хорош с миром», – говорит св. отец. «С прекращением же мира и мир перестаёт быть миром... Но не всяким миром должно дорожить. Есть прекрасное разногласие и самое пагубное единомыслие... Должно любить добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом»... Пастырю нужно не совсем соглашаться, но и не со всеми разногласить⁹²³.

По смыслу своего звания, пастырь принадлежит к числу тех людей, на которых часто неприятно действует приятное для других⁹²⁴.

В своих творениях св. Григорий Богослов оставил нам описание многих выдающихся пастырей: Афанасия Великого, свм. Киприана, св. Василия В. и других⁹²⁵. Вот напр., какими чертами рисует он св. Афанасия, как пастыря: «Он сколько высок был делами, столько смирен сердцем; в добродетели никому недоступен, а в обращении всякому благоприступен, кроток, не гневлив, сострадателен, приятен в беседе, ещё приятнее по нраву, ангелоподобен наружностью, ещё ангелоподобнее сердцем; когда делал выговоры – он был спокоен; когда хвалил – назидателен. Он ни одного из сих добрых качеств не портил неумеренностью, у него выговоры были отеческие, и похвалы, приличные начальнику, и мягкость не составляла слабости, и строгость – жестокости; напротив того, первая представлялась снисходительностью, последняя – благоразумием, а та и другая – любомудрием. Ему немного нужно было слов, потому что для наставления других достаточно было его жизни; ему редко нужен был жезл, потому что достаточно было слова... Нравом был прост, в управлении – многообразен; мудр в слове, ещё премудрее разумом, гостеприимен, заступник просящих, отвратитель зол"...⁹²⁶ В таких же приблизительно чертах характеризует он «пастырское искусство» св. Василия Великого⁹²⁷.

6) Для полноты изложения мыслей св. Григория Богослова об идеале пастыря нам остаётся ещё познакомиться с теми *наименованиями*, коими он наделяет его, характерно выражая самыми этими именами те признаки и черты, с которыми должны являться иереи, ибо «слово иерей – не одно пустое имя»⁹²⁸.

А) Как посредники между Богом и людьми и как носители высших идеалов духовно-нравственной жизни, пастыри именуются:

а) «органы Божии, органы словесные, которые настроил и в которые ударяет добрый художник, Дух... Он ударяет в ум, и

пастырь изглашает слово»; его любомудрие – только говорит внушения Духа⁹²⁹;

б) стражи народа, возвещающие непокорному народу о грядущем мече — возмездии за не исповедание грехов и за не исправление пороков и привязанность к ним⁹³⁰;

в) служители и таинники Божии, прозрители в небесное, начаток рода христианского, опора веры, драгоценный жемчужины, камни храма, для коего основание и краеугольный камень Христос; камни, предназначенные быть первыми работниками в осуществлении Божьего домостроительства спасения рода человеческого⁹³¹;

г) делатели Божиих законов и таинств, как призванные устроить духовно-нравственную и церковно-административную жизнь христианского общества⁹³²;

д) достославные приставники душ, носящие на своих руках создание великого Бога, приводящие людей в преимущественное единение с Богом; – основания мира, свет жизни, опора слова, тайноводители в жизнь светлую и нескончаемую, христоносцы поскольку они уполномочены быть носителями высшей жизни⁹³³;

е) добрые священники Царя, они являются как бы полководцами воинствующей со врагами Церкви, с падением каковых вождей всё воинство преклоняется долу; как бы кормчими, без коих мореходный корабль опрокидывается губительным ветром или сокрушается о камни; как бы управителями, без коих, или при невежестве коих, подобно, как дома, города, лики, колесницы и стада, терпит вред и Церковь. Посему, в силу своей всегдашней готовности первому принять на себя все опасности, грозящие его стаду, пастырь есть «мученик без крови, без ран венценосец»⁹³⁴;

ж) пастырь – светильник Церкви, подобно тому, как светильник телу – око. Посему, «как оку необходимо быть чистым, чтобы тело двигалось правильно, иначе, если око нечисто, то и тело движется неправильно; так вместе с предстоятелем Церкви, каков он будет, и Церковь или подвергнется опасности, или спасётся»⁹³⁵.

Б) Как руководители верующих ко спасению и создатели их в избранные сосуды Божии, пастырь –

а) земной Христос, воспитатель в христианской жизни. Пути пастыря совпадают с путями Христовыми; посему «поспеши за пастырем на крылах» – учит св. отец, – «покоряйся ему безмолвно; с ним радуйся, когда простираешься вверх, и ему подчиняйся, когда падаешь, чтобы, пришедши в страх, опять вознестись высоко»⁹³⁶;

б) путеводитель жизни и как бы предводитель стада птиц, улетающих за улетевшими вперёд; он – детоводитель душ, заботящийся о приличном со всяким обращении и о питании, соответственно силам каждого; он – невестоводитель, уневещающий Христу души и опасющийся, чтобы какую-либо из них не извергли из брачного чертога, как не имеющую брачного одеяния и нагло вторгшуюся в круг возлежащих там⁹³⁷;

в) споручник Божия человеколюбия, свидетельствующий о неизменной милости Божией к каждому раскаявшемуся грешнику, ибо «гнев Ему противоестественен, а милость – естественна; к гневу принуждаем Его мы, а к милости Он Сам стремится»⁹³⁸;

г) – добрый образователь и учитель, охотно со Христом умирающий и восстающий, облакающий в нового человека, в новую тварь, в рождаемых по Богу; – художник, надстраивающий на основании здание верного раба Христова; зодчий и живописец, по произведениям которых, говорящим сильнее слова, судится о достоинствах их самих; пастырь – «архиепископ Божией скинии употреблявший в дело всякое вещество и искусство, все соплетающий вместе, чтобы составилось преизящество и стройность единой красоты»; кораблестроитель того корабля и зодчий того дома, благополучно жить в которых предоставляется верующему, хотя бы он и не прилагал к устроению их особого труда от себя⁹³⁹;

д) пастырь – строитель слова – учения христианского, правдивый раздаятель жит твёрдого слова, действующий в согласии с волею своего Небесного Домовладыки; раздаятель пшеницы, новой пищи для прекрасно алчущих, т.-е. жаждущих истинного учения Христова; распорядитель пира, заботящийся о

том, чтобы не отпустить своих гостей голодными, но обильно и щедро напитать каждого, сообразно с его нуждами и запросами⁹⁴⁰;

е) пастырь – родитель верных в жизнь благочестивую, переписчик в сердца пасомых того, что написано, назнаменовывающий добрыми письменами правую веру и заботящийся о неизменном хранении написанного, при коловратности времён; благочестивый краснописец, старающийся об изглаждении прежних лукавых образов и изображении и о начертании новых, лучших и достойных сохранения: добрый советник, вооружённый тремя доспехами – опытностью, дружбою и смелостью; добрый купец, требующий не только долга, но и роста добродетели, не только таланта, но и прибытка; – добрый сеятель, заботящийся о плодоношении семени по силам каждого – во сто крат, шестьдесят или тридцать⁹⁴¹

ж) наконец, для нравственно болящих пастырь – врач духовный, врачующий по примеру и заповедям кроткого, человеколюбивого и понесшего наши немощи Христа⁹⁴².

Глава 3-я. Учение св. отца о средствах пастырского воздействия

«Или вовсе не учи, или учи доброю жизнью» (V. 170).

Достижение задач пастырского служения – приводить к Богу людей избранных, царское священие, язык свят, и сделать, чтобы в большем числе людей очищался образ⁹⁴³, – возможно при помощи средств пастырского воздействия. Главнейшими из таковых представляются: примерная жизнь пастырей в соединении с их словесным учением, молитва, милостыня и вообще добрые дела. По мысли Небесного Пастыреначальника, «благовествование учеников Его и их преемников должно распространяться не менее посредством их жизни, как и посредством слова»⁹⁴⁴. В благоискусном прохождении пастырства, в управлении душами, в совершении людей «научение словом, делом и примером являются оружием правды десными и шуиими»⁹⁴⁵.

К изложению мыслей св. Григория Богослова об этих средствах пастырского воздействия, или оружиях воинствования и о способах их применения мы и, переходим.

Добрая примерная жизнь должна быть признана первым, главнейшим и непременно средством пастырского воздействия, потому что метод наглядного обучения есть самый естественный и действенный. «Или вовсе не учи», – заповедует св. Отец, – «или учи доброю жизнью. Иначе будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать... Меньше потребуется слов, если делаешь, что должно. Живописец больше учит своими картинами... Особенно вам, служители алтаря, – продолжает он, – советую не быть оком, исполненным тьмы, чтобы не оказаться первыми в порочной жизни... Будь более привязан к Богу, чем стой за учение о Боге. Всякое слово можно оспаривать словом, но жизнь чем оспоришь?»⁹⁴⁶.

Добрая жизнь есть наилучший показатель сердечного следования Христу. Потребностью благодарного сердца человеческого является принесение даров своему Владыке. «Хотя бы ты всё принес Богу, однако не принесёшь Ему ничего

достойного. Наилучший дар Богу – добрые нравы: последовать за благим Владыкою, убегать от мирских похотей, от обманчивого мира и миродержителя, всецело посвятить себя Богу.... принести слёзы, очищение от грехов, восхождение и усилие простираться вперёд»⁹⁴⁷. Для пастыря же добрые нравы – не только показатель личной преданности Богу, но и могущественное средство пастырского воздействия на пасомых, в силу указанного долга учить доброю жизнью, уподобляясь в этом случае «добрым живописцам, которые обучают учеников тем, что показывают им много образцов»⁹⁴⁸.

По мнению св. отца, «пример доброй жизни, убедительный для всех, особенно убедителен для простого народа, который пленяется не столько словом, сколько делом, – этим безмолвным увещанием»⁹⁴⁹. Поэтому, «не нужно много слов тому, у кого для наставления других достаточно доброй жизни»⁹⁵⁰. Но научение примером жизни есть оружие обоюдоострое, оно может иметь и обратную сторону.

«Так как жизнь пастыря есть образец и урок благочестия», и он призван своим примером научить народ исправлению порочной жизни⁹⁵¹, то «готовящемуся учить других добродетели должно отличаться добродетелью же и всемерно избегать того, чтобы его личная жизнь не произвела тем большего зла, чем над большим числом людей будет он начальствовать, потому что порок, распространяющийся на многих, значительнее порока, остановившегося на одном»⁹⁵². Пастырь должен помнить, что «не так удобно ткань принимает на себя не выводимую краску, и близкие вещи занимают одна от другой зловоние или благовоние, не так быстро разливается в воздухе и из воздуха сообщается животным какое-нибудь вредное испарение, производящее заразу и называемое заразою, как подчинённые, в скорейшем обыкновенно времени, принимают на себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку – добродетель. В сем порок и берёт особенно верх над добродетелью... Особенно печально то, что порок есть дело, удобно возбуждающее к соревнованию и без труда исполняемое, что всего легче сделаться порочным, хотя бы никто нас в том не руководствовал, напротив того, стяжание

добродетели есть дело редкое и трудное, хотя бы и многое к ней влекло и побуждало... Добродетель неудобоприемлема для человеческой природы, как и огонь для влажного вещества, но большая часть людей готовы и способны принимать на себя худое, подобно тростнику, который, по сухости своей, легко воспламеняется и сгорает при ветре от искры. Ибо всякий скорее принимает в себя в большей мере малый порок, нежели высокую добродетель в малой мере. Так небольшое количество полыни тотчас сообщает горечь всему мёду, а мёд и в двойной мере, не сообщает полыни своей сладости»⁹⁵³. Пастырю должно помнить об этой удобопреклонности человеческой природы к злу более, нежели к добру, и о лучшей переимчивости худых навыков пред хорошими, и стараться не подавать ни малейшего соблазна своею жизнью. «Выдерни малый камень, – метафорически поясняет свою мысль св. отец, – он повлечёт за собою всю реку в открытое место; удержать же и преградить её едва ли возможет самая твёрдая плотина»⁹⁵⁴.

Итак, самое лучшее средство для пастыря привлекать народ к нравственному порядку – доводить его до порядка убеждением и расположением добровольно следовать доброму примеру своего наставника и руководителя, коего должно возвышать превосходство добродетели. Иные средства, как например, насильственные, совершенно непригодны и ненадёжны. «Ибо всё, что делается недобровольно, кроме того, что оно насильственно и непохвально, ещё и непрочное. Вынужденное, подобно растению, насильственно согнутому руками, как скоро бывает оставлено на воле, обыкновенно возвращается в прежнее своё положение. Напротив того, что делается по свободному произволению, то, как скрепляемое узами сердечного расположения, и весьма законно и вместе надёжно. По сему, закон и Сам Законоположник пастырства особенно повелевает пасти стадо не нуждою, но волею»⁹⁵⁵.

Если пример доброй жизни пастыря, обусловливаемый высокими нравственными достоинствами его самого, является истинным детоводительством, направляющим человека к достижению цели его жизни⁹⁵⁶, то само собою понятно, «какой подвиг предлежит пастырю и какие нужны ему сведения, чтобы

хорошо и других уврачевать и самому уврачеваться, чтобы исправить образ жизни и персть покорить духу?»⁹⁵⁷ Как для ходящего по высоко натянутому канату не безопасно уклоняться в стороны, и малое, по-видимому, уклонение ведёт за собою большее, безопасность же его зависит от равновесия: так и в пастырском деле кто, по худой жизни или по невежеству, уклоняется в ту или другую сторону, для того очень опасно, что и сам он впадёт, и вовлечёт в него управляемых. Напротив того, должно идти самым царским путём и остерегаться, чтобы... не уклониться ни надесно, ни нашуе... Отсюда, сколько труда доброму пастырю, желающему быть вождём своих пасомых по закону прямого и справедливого пастырства, которое было бы достойно истинного нашего Пастыря!»⁹⁵⁸.

Наконец, добрая жизнь по христианским законами и обычаями, которые сохранились и утвердились не человеческими соображениями, но силою Божией и долговременным постоянством, есть необходимое средство в образовательном отношении: «Невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро»⁹⁵⁹.

Таким образом, для надлежащего исполнения пастырских обязанностей нужна примерная жизнь, как наилучшее средство пастырского воздействия. Такая жизнь, по мысли св. отца, свидетельствуя о внутреннем высоком содержании души пастыря, является показателем истинной мудрости, как необходимого средства при следовании закону истинного пастырства. «Первая мудрость, – говорит он, – есть жизнь похвальная, очищенная или очищаемая, для пречистого и пресветлого Бога, Который требует от нас одной жертвы – очищения... Я хвалю и лобызаю ту мудрость, которою прославились незнатные, для которой предпочтены униженные, с которою рыбаки уловили в сети Евангелия всю вселенную, победив упраздняемую мудрость словом совершенным и сокращённым. Не тот мудрец, кто мудр на словах, у которого оборотлив язык, а душа не обучена, кто подобен гробам, которые снаружи благообразны и красивы, а внутри полны мертвых костей и скрывают в себе великое зловоние, – но тот, кто хотя мало говорит о добродетели, однако же, многое

показывает на деле, и жизнью удостоверяет в слове»⁹⁶⁰. В делах, а не в словах пастыря почерпают себе пасомые силы, необходимые им для религиозно-нравственной жизни⁹⁶¹. «Трудись телом для души», — этого совета св. отца не следует забывать тому, кто и сам должен стремиться к царству небесному, которое есть не что иное, как достижение чистейшего и совершеннейшего, и других вести за собою. «Дела, как ступени, ведут к высшей духовно-религиозной жизни»⁹⁶². Не по хорошим словам, но по добрым делам пасомых познаётся плодотворность и жизненность пастырского благовествования⁹⁶³. Поэтому, говорить о Боге – великое дело, но гораздо больше – очищать себя для Бога⁹⁶⁴. И спасение наше – не столько в словах, сколько в делах, ибо благодать даётся не тому, кто хорошо говорит, но тому, кто хорошо живёт»⁹⁶⁵.

2) Научение словом, или «житомерие» слова, составляя главнейшую обязанность пастырского звания⁹⁶⁶, является важнейшим после доброй жизни средством благотворного воздействия пастыря на пасомых. Неведущих оно просвещает; оно заставляет заблуждающихся переувериться и перемениться, верующих – укрепиться в исповедании, производя или внутренне или внешне благовременный удар в их сердце, подобно как железо в кремь, часто от малой искры зажигая светильник истины⁹⁶⁷.

Слово, учение, проповедь – есть наилучший способ сеяния слова Божия в сердца человеческие; это – сеяние, приносящее свой плод в добром и плодотворном сердце⁹⁶⁸. Оно – способ купли душ человеческих на торжище мира для царства небесного⁹⁶⁹. Слово – меч Христов, отделяющий верных от неверных, худших от лучших, возбуждающий сына против отца, дочь против матери, невестку против свекрови⁹⁷⁰. Слово пастыря – труба, оглашающая большую часть воздуха, глас Божий, объемлющий мир и потрясающий вселенную⁹⁷¹.

Служением словом пастырь приносит самую приличную благодарственную жертву; оно – лучший способ торжествовать, духовно⁹⁷². Оно – дар, злата, дороже многоценных камней, ценнее тканей, святые жертвы подзаконной. Оно – лучшее

богатство пастыря, – его слава, хвала, гордость. Оно делает его дерзновенным проповедником⁹⁷³. «Как служитель слова, я, – говорит св. отец, – добровольно никогда не пренебрегу сего стяжания, но ценю, люблю его и веселюсь о нём более, нежели о всём том в совокупности, что радует большую часть людей; делаю его сообщником всей жизни, добрым советником, собеседником и вождём на пути к горнему и усердным сподвижником. И так как презираю всё дольнее, то вся моя любовь после Бога обращена к слову, или, лучше сказать, к Богу, потому что и слово ведёт к Богу... Я домогаюсь даров премудрости и слова... Чрез слово я обуздываю порывы гнева, им усыпляю иссушающую зависть, им успокаиваю печаль, оковывающую сердце, им уцеломудриваю сластолюбие, им полагаю меру ненависти, но не дружбе... Слово в изобилии делает меня скромным и в бедности великодушным; оно побуждает меня идти с идущим твёрдо, простирать руку помощи падающему, сострадать немощному и сорадоваться возмогающему. С ним равны для меня и отечество и чужая сторона, и переселение для меня не более, как переход с одного чужого места на другое, не моё. Слово для меня разделяете лиры, и от одного удаляет, к другому приводит. Оно научает меня не возноситься десными оружиями правды, и в несчастных, и в прискорбных обстоятельствах со мною любомудрствует, облегчая настоящее будущим. Словом предлагаю трапезу словесную и чашу духовную и вечную»⁹⁷⁴.

Насколько видно из представленного панегирика слову, последнее является могучим орудием в руках преданного своему делу пастыря. Из личного примера св. Григория Богослова, и особенно из константинопольского периода его жизнедеятельности, можно видеть, сколько полезного и великого может сделать пастырь с помощью только одного красноречия, сопутствуемого доброю жизнью.

Прославлению силы и значения слова св. отец посвящает много места. Вот ещё одно из них. «Конечно, в этой жизни для меня самое главное – слово, – говорит он, – это для обладающего сим даром не расхищаемое богатство, некрадомое, доброе стяжание... Преимущественно пред всем

другим уважаю тебя, о сила красноречия. Ибо дар слова служит основанием моей жизни; им отличен я от зверей, воздвиг города, изобрёл законы, воспеваю великославного Бога, превозношу до небес светлую добродетель, укрощаю бедственное для меня могущество ужасного греха, разделяю миры... Быть сильным в слове и живущему одиноко не скучная жизнь, и помогающемуся знаменитости славный неувядаемый венец... Быть сильным в слове – великое врачество от страстей; сим укрощаю воскипающий гнев, – это омрачение ума; сим усыпляю скорбь и полагаю меру веселью, не сокрушаюсь слишком в обстоятельствах затруднительных, и не надмеваюсь благополучием... Дар слова и царей руководит, и народ привлекает, процветает в народных собраниях, царствует на пирах, утишает брани, делает человека кротким, нежным и ласковыми речами умягчая всякого, сколько бы кто ни был упорен, подобно тому, как сила огня смягчает железо»⁹⁷⁵.

Представляя собою, таким образом, мировую силу, слово в устах пастыря есть универсальное средство, при помощи которого он даёт каждому, сообразно его индивидуальным потребностям, по различию возраста и привычек, необходимую духовную пищу⁹⁷⁶. Слово – пастырский хлеб и вода для алчущих и жаждущих душ⁹⁷⁷. Оно – пастырское угощение⁹⁷⁸. Слово– «хлеб ангельский: им питаются и напоеваются души, алчущие Бога и ищущие нескоро гибнущей и преходящей, но вечно пребывающей пищи»⁹⁷⁹.

Но так как «слово пастырское – слово не пустое, теряющееся в воздухе и не проникающее далее слуха, но слово, которое пишет Дух не чернилом, но благодатью, это – слова, не слегка и на поверхности начертываемые и удобно изглаждающиеся, но глубоко врезающиеся»⁹⁸⁰, то пользоваться словом надо с должною осторожностью и осмотрительностью. Того требует и достоинство слушателя и цель слова. «Судьёй слова будет слушатель, который умеет сличить слово с истиною», если не умом и разумением, то, как это бывает с простолудином, внутренним чувством⁹⁸¹. Горе пастырю, если он зародит сомнение или посеет недоверие в сердце слушателя к своим словам. Его пастырские наставления

будут бесплодны и напрасны. А так как, далее, цель слова (как и дела) – вести к совершенству тех, которые вверены пастырю⁹⁸², то пастырю нужно достоверно знать, убедительны ли его слова, имеют ли они надлежащую силу⁹⁸³. Для действенности же слова нужна подготовка и весьма серьёзная. Св. отец многократно внушает пастырю сначала самому очиститься, чтобы к чистому прикасалось только чистое, а затем уже очищать других; сперва самому научиться как можно совершеннее любомудрствовать, прекрасно расточая собранное худо, т.-е. учения, собранные часто не из священных, а из языческих источников, – как это было на примере самого св. отца, – а потом уже рассчитывать на силу своего слова⁹⁸⁴.

Из сказанного заключаем, что совершенное любомудрие обуславливается осторожностью в употреблении слова. Злоупотребление им, даже невольное, недопустимо. «Образовавшие в себе дар слова, – наставляет св. Григорий Б., – не слишком полагайтесь на сей дар, не мудрствуйте до излишества и паче разума, не желайте во всём, даже со вредом, одерживать верх, но в некоторых случаях, только было бы полезно, уступайте над собою и победу... Принесите слово в дар Слову; обратите учёность в оружие оправдания, а не смерти»⁹⁸⁵.

При пользовании словом пастырь должен знать, как ему распорядиться словом и найти способ, чтобы и не продлить его чрез меру, совершенно вне пределов времени, и не сделать большого ущерба присутствующим, если об ином будет умолчано; должен уметь соблюдать середину, чтобы и время сберечь, и удовлетворить желанию слушателей; ибо обременение словом столь же неприятно для слуха, сколько излишняя пища для тела⁹⁸⁶.

Своё слово пастырь должен сообразовать со способностями слушателей: «к хитрым в слове, любящим скверные суесловия и прекословия лжеименного разума», речь его должна быть хитра, изыскана, с благородными, отборными, словами, далёкая, однако, от увлечения сим до низведения слова о важных вещах до пустословия или игры словами⁹⁸⁷. «Простолюдинов же, по мысли св. отца, должно отводить от

пути слова, обращать же к другому безопаснейшему роду добродетели, где и нерадение менее вредно, и неумеренность не противна благочестию, указывая им на то, что путь слова и умозрения – не единственный, и не всем прилична одна и та же пища»⁹⁸⁸. «Любомудрствовать о Боге можно не всякому..., не всегда..., не пред всяким и не всего касаясь, но должно знать, когда, пред кем и сколько»⁹⁸⁹. «Говори, но со страхом; говори, но знай – кому, сколько, где и как говорить»⁹⁹⁰. «Сей, когда время; собирай и разрушай житницы, так же когда время; и сади в пору и обирай виноград зрелый; смело пускай в море корабль весною, и вводи его в пристань, когда наступит зима и начнёт бушевать море»⁹⁹¹. Пастырю должно соблюдать во всём приличие. «Ибо одно таинственно, другое свойственно зрелищам; одно прилично церквам, а другое – торжищам; одно прилично трезвым, другое – упившимся»⁹⁹². Нужна особенная осторожность в словах, чтобы умно говорить и умно слушать, ибо спасение наше не в словах, а в делах⁹⁹³. Пастырю должно сообразоваться с обстоятельствами современной жизни. Поэтому, иногда ему лучше быть бережливым на истину, уступая времени, часто омрачающему Церковь, подобно облаку, – чем ясною проповедью привести истину в упадок⁹⁹⁴. Отсюда, молчание и уступка в одно время преступно, в другое – похвально, свидетельствуя о мудрой пастырской предусмотрительности⁹⁹⁵. «Посмотрите, – говорит св. отец, – на уставы состязаний и на подвиги борцов: у них часто лежащий внизу одерживает победу над теми, которые были вверху»⁹⁹⁶.

Чтобы слово пастыря было действенно, оно должно быть по содержанию словом мудрым, а не многословным, ибо «обильное слово, доставляя, быть может, несколько удовольствия, скоро улетает и исчезает вместе с колебанием воздуха, не производя ничего больше, и только очаровывает красноречием пленяющийся им слух; а мудрое слово проникает в ум; расширив уста, исполняет их духом, переживает своё рождение и немногими словами возделывает многое»⁹⁹⁷. В слове пастыря ничего не должно быть необдуманного, водянистого и удобно распускающегося, но оно должно быть плотным, твёрдым, свободным и от грубого, и от излишнего⁹⁹⁸.

Оно не должно быть слишком мягким и льстивым для человеческого себялюбия, ибо такое слово не угодно Совершеннейшему Слову. В нём не должно заключаться и «малого угождения друзьям, но должны быть благочестивые советы, изрекаемые из глубины сердца, заимствованные из небесных книги и того, кто имеет к ним благопокорное ухо, делающее лучшим, очищенным, богоподобным»⁹⁹⁹. Если пастырь сам просветился светом ведения, прозрел в глубины Духа, с Богом исследовал всё, что ведомо о Боге, если он обладает крепкою способностью мыслить логически, если слово и мысль живут у него в полном согласии, то слово такого пастыря способно плодотворить – «образовывать нравы, научать высокой добродетели, отвлекать от настоящего и преселять в будущее»¹⁰⁰⁰. Такое слово по своему действию приближается к тому творческому слову, которое образовало мир и уделило человеку частицу божественного достоинства¹⁰⁰¹.

Как великий мастер слова, св. Григорий Богослов оставил нам несколько ценных методологических указаний относительно пользования словом. Так, напр., со стороны слова должен заботиться первее всего не о красоте или стильности речи, не об изяществе и подборе красивых выражений, не о научной обоснованности её, но о её ясности, простоте, назидательности и общедоступности. Приспособительность к наличному состоянию слушателей и удобопонятность её должны быть дороже научности. Вера – не результат учёных изысканий, но область сердечных чувствований. «Пусть иные заботятся об отделке речи и о стяжании похвал, нам же мало заботы о внешности речи, ибо наше спасение в назидательности её»¹⁰⁰².

Со стороны метода изложения христианское любомудрие должно преподавать «догматически, а не состязательно, по способу рыбаков, а не Аристотеля, духовно, а не хитросплетено, по уставам Церкви, а не торжища, для пользы, а не для тщеславия», черпая нужную для слова силу в собственной крепости, а не в языческой риторике¹⁰⁰³. «Цель и назначение своё пастырское слово получает от того, в какой мере оно исполняет свою главную задачу – сделать доступными для всех христиан истины веры. «Не было бы ничего

несправедливее нашей веры, – говорит св. отец, – если бы она была уделом одних мудрых и избыточествующих в слове и в умственных доводах, а простому народу надлежало бы так же оставаться без приобретения веры, как без золота, без серебра и без всего того, что так дорого ценится на земле и чего многие домогаются»¹⁰⁰⁴.

Св. Григорий Богослов особенно сильно бичует страсть к богословским спорам, заразившую всех его современников от высших до низших слоёв населения и часто нарушавшую церковное единомыслие в вере. Слово пастыря должно быть свободно от такого пристрастия. «Побережёмся от вражеских языков, – увещает он. Ужели не отстанем от сильной привычки спорить? Доселе не выразумеем, какие предметы и в какой мере доступны нашему исследованию, и какие выше наших сил? Ужели не различим, какие исследования возможны в настоящее время, при дольной слитности вещей, омрачающей мысль, и какие должно предоставить будущему веку, будущей свободе? Ужели не отделим сами для себя того, о чём совсем не должно предлагать вопросов, о чём надобно спрашивать умеренно, в чём можно уступать охотникам до споров, что должно предоставлять одной вере, а что и разуму?»¹⁰⁰⁵.

Затем, для оживления и красоты слова пастырь может пользоваться метафорами, подобиями, сравнениями из окружающей природы. Речь самого св. Григория изобилует такими приёмами напр., Слово 26-е, произнесённое им по возвращении из села в Константинополь, после Максимова покушения на престол, в котором красиво описание созерцания морской бури и навеянных на св. Григория по сему поводу мыслей. Пастырь умело и метко пользуется случаем к тому, чтобы вывести нравоучение из сравнения моря с жизнью человеческою, ветра – с искушениями, волн – с людскими нападениями, скалы неподвижной – с человеком укреплённым на камне, на котором верующие утверждены и которому служат¹⁰⁰⁶.

Не отрицает св. отец допустимости в частной беседе и шуток, конечно, умеренных. «Шутит и седина, но её шутки – степенные шутки. Она ко Христу примешивает детскую

невинность... И смеясь с какою-то важностью, услаждает тем сердце»¹⁰⁰⁷.

Частнейшее применение и пользование методами изложение св. отец оставляет на долю пастырской усмотрительности и приспособляемости. «Беседующему о высоких истинах веры, особенно в многочисленном собрании людей всякого возраста и разных способностей, которое подобно многострунному органу требует неодинаковых ударений, – трудно найти слово, которое бы всех назидало и озаряло светом ведения. Трудно

уже потому, что, как опасность с трёх сторон, т.-е. от мысли, слова и слуха, то невозможно (кому-нибудь) не преткнуться, если не во всём, то, по крайней мере, в чём-либо одном. Ибо если ум не просвещён, или если слово слабо, или слух не очищен, и потому не вмещает слова, – от одной из сих причин, как и от всех, необходимо храмлет истина¹⁰⁰⁸.

3) К изложенным средствам пастырского воздействия нужно присовокупить ещё молитву пастыря за себя и за паству и дела христианской любви.

Хотя молитвенное настроение должно сопутствовать и учению словом, и примеру жизни, однако, молитва рассматривается св. отцом и как самодовлеющее средство пастырского душепопечения. «Если для начинающего всякое слово и дело самый лучший порядок – и начинать Богом и оканчивать Богом», – наставляет он, – то для пастыря в его многотрудном, высокоответственном и важном служении молитва Богу и о своём вразумлении и о ниспослании помощи и благословения на его труды и на паству и естественна и обязательна, ибо «Бог по своему человеколюбию может открывать многие и необыкновенные пути ко спасению»¹⁰⁰⁹. По этой причине, должно заметить, все свои Слова св. отец или начинает, или оканчивает молитвенным воззванием ко Господу, то с славословием Ему, то с благодарением, то с просьбою о нуждах паствы¹⁰¹⁰, в надежде, что «Господь не презирает седин отца, молящегося о чадах»¹⁰¹¹.

В устах пастыря молитва должна соединяться с дерзновенным ходатайством за народ и поручительством за

него пред Богом для умиловления правосудия Божия и удержания Его гнева, подобясь во всём Моисею и Аарону¹⁰¹². «Ей, чада возлюбленные, ей, участвующие со мною в наказании и в человеколюбии Божиим! Спасите души ваши слезами. Знаю, что и мне, служителю Господню, заповедано в жалком виде жалостным голосом неотступно вопиять о себе и о народе, не щадя ни труда, ни слова, ни всего, чем только умиловляется Бог; тем большей предаться скорби, чем выше наше достоинство, чтобы своим примером научить народ сокрушению и исправлению порочной жизни, за которыми следует Божие долготерпение и прекращение наказания»¹⁰¹³. Вот образец пастырской молитвы за духовных детей! Ходатайственное молитвенное предстательство должно соединяться с принесением бескровной жертвы, посредством которой пастырь возводит людей к Богу¹⁰¹⁴.

Наконец, молитва есть сильнейшее средство пастырского противоборства с врагами и обидчиками. «Я стоял – повествует св. отец, – посреди священнодействующих и мечущих в меня камнями и в защиту от камней употребляя молитву», – и, как знаем, остался невредимым¹⁰¹⁵. Молитву, соединённую со слезами, он употреблял и «при разлитии нечестия, и при воздвижении гонения на правое слово от представителей Слова»¹⁰¹⁶. Молитву противопоставил сам св. Григорий Богослов своим врагам, когда они угрожали его жизни¹⁰¹⁷. По его словам, и отец его, епископ Григорий, молитвами и молениями отразил Юлиана, когда тот наступал на город¹⁰¹⁸.

Милостыня и человеколюбивое участие пастыря в судьбе больных, нуждающихся и обездоленных, этих по преимуществу клиентов Церкви, является одним из могущественных средств пастырского воздействия. «Человеколюбие, по словам св. отца, должно считать единственным залогом нашей безопасности телесной и душевной»¹⁰¹⁹. Такого рода заботы, свидетельствуя о горении сердца пастыря, являются верным средством привлечения ко Христу душ людских. В Слове 14-м «О любви к бедным», сказанном в Василиаде, – богадельне устроенной св. Василием для прокажённых, – имеется много богатых мыслей св. отца по данному вопросу. На примере прокажённых, этих

живых мертвецов, не злодеев, но несчастных, часто неповинных в своих страданиях, пастырь учит соболезнованию к ним, обязывающему не столько радоваться благополучному состоянию своего тела, сколько скорбеть о телесных страданиях братьев, показывая тем, что все мы – едино, члены одного великого тела; учить благочестию и милосердию, обязывающим или всё оставить для Христа, или разделить своё имущество со Христом; предостерегает от самонадеянного упования на своё благоденствие, которое не постояннее ветра, следов корабля на воде; наконец, наглядно указывает, как можно приобрести настоящим будущее, временным – вечное, и спасти свою душу милостыней¹⁰²⁰. Св. отец восхваляет св. Василия и за то, между прочим, что «этот благородный и сияющий славою муж не гнушался лобзанием уст чтить болезнь, обнимал недужных, как братьев, преподавая тем многовещное и безмолвное увещание»¹⁰²¹.

Наконец, должно заметить, что св. Григорий Богослов отрицательно относился к физическому воздействию и насильственным мерам, обычно, как видно, практиковавшимся пастырями того времени. О себе самом он свидетельствует: «занести на кого-нибудь и руку – совершенно вне обычаев нашего двора, и мы отвергаем сие, предоставляя оное нашим ненавистникам»¹⁰²². В Слове 42-м, прощальном в Константинопольской пастве, он ставит себе в заслугу то, что он никого не оскорблял, не мстил обидчикам, не наказывал, не изгонял, не конфисковал имений противников, не прибегал к содействию властей, ибо «какое общение у слова с земною властью?» «Не делал я щита своему неразумию из дерзости, признавая законным не принуждать, но убеждать»¹⁰²³. Также и в похвалу своему отцу он ставит то, что «человеколюбие его было более, нежели человеческое. В числе угроз бывали иногда колеса и бичи, являлись исполнители наказания; бывала опасность пожатия ушей, удара в щёку, поражения в челюсть..., но тем и прекращалась угроза. С преступника совлекали одежду и обувь, расprostирали его по земле, и потом гнев его обращаем был не на обидчика, а на того, кто усердно содействовал, как на служителя злу. Мог ли кто быть

милостивее и достойнее приносить дары Богу?»¹⁰²⁴. Равным образом, св. Афанасия В. он хвалит за то, что «ему редко нужен был жезл, и ещё реже нужно было употреблять сечение, потому что достаточно было жезла, поражающего слегка»¹⁰²⁵.

4) В отношении к еретикам, заблуждающимся и согрешающим св. Григорий Богослов был горячим сторонником снисходительного обращения с ними и мирного разрешения всяких недоуменных вопросов. «Не похваляю я, – говорит он, – слово Соломона, который узаконяет время, как для всякой вещи, так и для брани и мира... Лучше, доколе только можно, преклоняться на мир, потому что сие и выше, и богоугоднее. Единомыслие необходимо в обществе так же, как и в доме. Для общего же состава Церкви оно лучше и приличнее всего. Ни с чем не сообразно предполагать, что хотя Бог повелевает прощать согрешившим против нас не только седмижды, но и в несколько крат более, однако мы можем делать зло и тем, которые нас не обижали; хотя знаем, какое блаженство уготовано миротворцам, однако не можем думать, что, враждуя, делаем угодное Богу, за нас пострадавшему и прекратившему внутреннюю в нас брань. Не будем так думать»¹⁰²⁶...

К милосердию подвигать должно пастыря и Божие человеколюбие. «Поелику Бог нас ради истощается, терпит ослабление и умаление славы, то нам, зная, что человек есть существо переменчивое и по природе непостоянное, должно милостью искупать себе милость. Как блаженна была бы твоя высокость, если бы она была чистота, а не надменность, дающая законы, неисполнимые для человека, и исправление, оканчивающееся отчаянием... Равно худы – и отпущение грехов не исправляющее, и осуждение, не знающее пощады; первое совершенно ослабляет узду, а последнее чрезмерным напряжением душит... Докажи мне твою чистоту, и я одобрю твою жестокость... Бог ничему так не радуется, как исправлению и спасению человека; для сего и всё слово, и всякое таинство»¹⁰²⁷.

По мысли св. отца, суровые меры в отношении к заблуждающимся и согрешающим свидетельствовали бы о бессилии и несостоятельности практикующих их. «Наложить

запрещение неважно; это без труда сделает всякий, кто захочет; от человека же благочестивого и умного требуется, чтобы он заменил запрещаемое собственным рассуждением»¹⁰²⁸.

Насильственные меры не соответствуют духу христианского общества и бесплодны. «Благовествование вводилось не вдруг, не по первому приёму за дело. Для чего же? Нам нужно было знать, что нас не принуждают, а убеждают. Ибо что произвольно, то и непрочно, как поток или растение не надолго удерживаются силою. Добровольное же и прочнее, и надёжнее. И первое есть дело употребляющего насилие, а последнее – собственно наше. Первое свойственно насильственной власти, а последнее – Божью правосудию»¹⁰²⁹.

Св. отец признаёт «законным не принуждать, но убеждать, находя сие более полезным как для нас самих, так и для тех, кого приводим к Богу. Добровольное навсегда твёрдо, потому что связано неразрешимыми узами любви»¹⁰³⁰. «Не дело пастыря заводить прю и расторгать тело Церкви, которая всегда сама является боримой и в опасном положении от врагов»¹⁰³¹. Поэтому, в применении хотя горьких, но необходимых мероприятий он хвалит обычай врачей, дающих больным врачество, искусно приправленное чем-либо приятным, лишь бы оно было принято. «Ибо нелегко переменить того, что вошло в обычай и долговременно было уважаемо»¹⁰³². Кротость и человеколюбие в отношении к разномыслящим, соединённым со строгим, но умиротворяющим исследованием причин разлада, он признаёт «полезнее продолжительных трудов и речей, к которым всегда бывает присоединено несколько честолубия, предпочтительнее многих бдений и возлежаний на голой земле, которые приносят пользу только упражняющимся в оных»¹⁰³³. Он рассуждал, что «впасть в болезнь есть общий удел природы и немощи человеческой, которая на всех простирается, и на самых крепких по телу и по духу, но восстать от болезни есть дело рассуждения и благодати, которая прекрасно вознаграждает прибегающих к ней». Посему, согрешающие и отделяющиеся являются для св. Григория теми же братьями, а не злонамеренными и неисправимыми людьми, хотя бы они и вели себя не по-братски»¹⁰³⁴. Однако, не

угодливостью и неблагородными поступками прилично сану пастыря достигать единения с отторгшимися. Пастырю должно смотреть не на одно настоящее, но промыслить и о будущем. Примечая, что от мягкости нрава происходит уступчивость и робость, а от суровости – строптивость и своенравие, пастырь помогает одному другим, и упорство растворяет кротостью, и уступчивость – твёрдостью. Не власть должно употреблять наперёд, но пощадою покорять власти и доводить до покорности признанием преуспевания в добродетели одного и заблуждения других¹⁰³⁵.

Равным образом, в решении дел о согрешающих и отторгающихся от церковного единения св. отец настойчиво рекомендует кротость, терпение, осторожность и медлительность в наказаниях. «Не уходи от брата стремительно, или осудив его, или отчаявшись в нём; но здесь покажи себя, пока можно, смиренным. Здесь предпочти брата без вреда для себя, здесь, где осудить и унижить значит отлучить от Христа и от единой надежды, значит не обнаружившуюся пшеницу, которая может быть сделается честнее тебя, исторгнуть вместе с плевелами. Напротив того, частью враг или не милосердный врач, который только и знает одно средство – прижигать и резать; частью же познай самого себя и свою немощь. Не одно и тоже – срезать растение, или какой кратковременный цветок, и человека. Ты – образ Божий, и беседуешь с Божиим образом. Ты – судящий другого, сам будешь судим... Посему, не скоро отсекай и бросай член, пока неизвестно, не сделает ли сие вреда и здоровым членам... Подай совет. Запрети, умоли. У тебя есть правило врачевания; ты – ученик Христа, кроткого, человеколюбивого и понесшего наши немощи... Потерпи зловоние брата своего... Грех – не такой яд ехидны, от которого тотчас же по уязвлении постигает мучительная боль, или самая смерть, так что тебе было бы извинительно бежать от зверя, или убить его. Напротив того, если можешь, уврачуй брата»...¹⁰³⁶.

Поборником таких же кротких мер в отношении еретиков и врагов веры являлся св. Григорий Богослов и в своей практике, твёрдо держась этих своих принципов. В письме к Феодору, еп.

Тианскому, он объясняет причины такого отношения к еретикам, учинившим над ним насилие в храме Анастасии. «Важным почитаю наказать тех, которые нас обидели, но гораздо выше и божественнее сего – терпеливо перенести обиду. Первое заграждает уста пороку, а второе убеждает стать добрыми». Приведя, затем, примеры человеколюбия Божия, он призывает подражать ему. «Не пожелаем на себе самих изведать, как тяжко воздаяние за грех. Видишь порядок, в каком действует благость. Сперва узаконяет, потом побуждает, обещает, угрожает, укоряет, борется, овладевает, снова угрожает, когда к тому же вынуждена, наносит удар, но постепенно давая место исправлению. Поэтому, и сами не будем поражать вдруг; ибо это небезопасно; но, уцеломудривая страхом, препобедим человеколюбием и обяжем к благоговению, истязывая более совестью, нежели гневом... Дела, так великого и славного, не разрушим в такое короткое время, по навету, может быть, и по зависти лукавого, но пожелаем оказаться более человеколюбивыми, нежели совершенными, более нищелюбцами, нежели правдолюбцами»¹⁰³⁷.

Но мы неправильно поняли бы отношение св. отца к заблуждающимся, если бы на основании вышеприведённых выдержек заключили, что он не предпринимал никаких ограничительных мер по отношению к ересям, не противодействовал им, и тем самым давал им возможность расхищать его стадо. Нет, вся его жизнь свидетельствует не о ином чём, как о том, что он «не признавал достаточным в безмолвии оплакивать бедствие и к Богу только воздевать руки, у Него искать прекращения обдержавших зол, а самому между тем почивать». Напротив, он вменял себе в обязанность «бороться, не покладая рук, не щадя своей головы, не давая ни сна очам, ни дремания веждам, не боясь брани и восстающего на Церковь зверя (Юлиана), – сей полноты лукавого, хотя бы грозил он огнём, мечом, зверями, стремнинами, пропастями, хотя бы превзошёл бесчеловечием всех когда-либо неистовавших, изобрёл мучительнейшие неизвестные доселе казни». Он изыскивал всевозможные средства, лишь бы «остановить общий пожар Церкви и разорять облежавшую её

тьму»¹⁰³⁸. Он строго разделял учащихся от учения, заблуждающихся от заблуждения, и, относясь к первым со снисхождением, последнему объявлял непримиримую вражду. «Смотрите, – говорит он, – языки противников стали кротки, и вооружившиеся против Божества безмолвствуют предо мною. И, это – плоды Духа, и это – плоды моего делания. Ибо учу, не как не учёный, но поражаю противников укоризнами, как делают многие, сражающиеся не с учением, но с учащими, и укоризнами покрывавшие иногда слабость своих умозаключений... Своё воинствование за Христа доказываем тем, что сражаемся, подражая Христу, Который мирен, кроток и понёс на Себе наши немощи... Но не заключаем мира во вред учению истины, уступая что-нибудь, ради славы–именоваться снисходительными, и блюдем мир, сражаясь законно, не выступая из своих пределов и правил Духа. Так о сем разумею и вменяю это в закон всем строителям душ и раздаятелям слова: ни строгостью не ожесточать, ни потворством не надмевать, но соблюдать благоразумие в слове, и ни в том, ни в другом не преступать меры»¹⁰³⁹.

В применении средств пастырского воздействия пастырь должен проявлять мудрую приспособительность к душевному состоянию каждого члена своей паствы и к внешнему его положению – полу, возрасту, экономическим и социальным условиям. Иначе говоря, пастырь должен широко практиковать искусство частного пастырского душепопечения, как деятельности, приноровленной к индивидуальным особенностям каждого верующего. Необходимость и польза такого душепопечения несомненна. «Обрати внимание на это мудрое слово, — замечает св. отец, — большая часть людей худы и без путеуказателя склонны к пороку. Немногие же идут к совершенству. Остановить поток для меня трудно, а дать ему течь по скату – весьма легко»¹⁰⁴⁰.

Мысли о частном душепопечении развиты св. Григорием Богословом довольно обстоятельно. «Пастырю не должно думать, – учит он, – что всем прилично одно и то же; так как не у всех один и тот же возраст, одни и те же черты лица, не одинакова природа животных, не одинаковы качества земли,

красота и величие светил... Не одинаковы стремления у львов и у других животных, а равно у мужей и жен, у старых и юных; напротив того; немало различая в каждом возрасте и поле»¹⁰⁴¹.

Сравнивая духовное врачевание с телесным, св. отец из врачебной практики берёт нравоучение для врачества духовного. «Врачующий тело принимает во внимание место, случай, возраст, время года и тому подобное, даёт лекарства, предписывает образ жизни, предостерегает от вредного, чтобы прихоти больного не воспрепятствовали искусству: иногда же, когда и над кем нужно, употребляет прижигания, резание и другие, ещё более жестокие способы лечения. Хотя все сие оказывается очень трудным и тяжёлым, однако же, не столько, как наблюдать и врачевать нравы, страсти, поведение, свободное произволение»¹⁰⁴². «Врачебное искусство мало заглядывает внутрь, более же занимается видимым: духовное врачевание всё относится к внутреннему человеку, воюет с греховною смертью, более страшную, чем физическая. Посему, если желательно, чтобы души человеческие, которые всего предпочтительнее, были хорошо врачуемы, очищаемы, то нужно иметь искусство врачевать и очищать их, чтобы от сего была польза и врачующим, и врачуемым»¹⁰⁴³. «Если в телесном врачевании приносит великую пользу здоровое или болезненное состояние плоти, нищета и богатство, слава и бесславие, унижение и знатность и пр., то и в духовном врачевании имеет значение всё то, что будучи безразлично само по себе, делается лучшим или худшим по употреблению или произволу обладающих»¹⁰⁴⁴. Поэтому, там, где «есть опасность утратить спасение души, души блаженной и бессмертной, которая будет вечно или наказываема за порочность, или прославляема за добродетель, – какой предлежит подвиг и какие нужны сведения, чтобы хорошо исправить образ жизни и персть покорить духу? Ибо неодинаковы понятия и стремления у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у весёлого и печального, у больного и здорового, у начальников и подчинённых, у мудрых и невежд, у робких и смелых, у гневливых и кротких, у стоящих твёрдо и падающих. А если ещё

разберём подробнее, – то, какое различие между вступившими в супружество и безбрачными! И у последних опять – между пустынножителями, между находящимися в общежитиях и между остающимися в мире! Между опытными и преуспевшими в созерцании и между теми, которые просто исполняют должное! Между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми делом и живущими праздно, между претерпевшими измену счастья и благоуспешными, не встречавшими неудач! Все таковые различествуют между собою желаниями и стремлениями, – иногда более, нежели сколько они различны по телесному виду, или (если угодно) по сочетанию и растворению стихий, из которых мы состоим; и потому нелегко иметь над ними смотрение. Но как телам неодинаковые даются лекарство и пища, – иное пригодно здоровому, иное больному: так и души врачуются различным образом и способом»¹⁰⁴⁵.

Разных мер лечения требуют индивидуальные особенности каждого верующего. «Свидетелями такого врачевания – сами болящие. Одних назидает слово, другие исправляются примером. Для иных нужен бич, а для других – узда, ибо одни ленивы и неудобоподвижны к добру, и таких должно возбуждать ударами слова; другие сверх меры горячи духом и неудержимы в стремлениях, подобно молодым, сильным коням, бегущим далее цели, и таких может исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для одних полезна похвала, для других – укоризна; но та и другая во время; напротив того, без времени и без основания они вредят. Одних исправляет увещание, других – выговор, и последний – или по всенародном обличении, или по тайном вразумлении. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумлениями, сделанными наедине, но приходят в чувство, если укоряют их при многих, другие же при гласности обличений теряют стыд, но их смиряет тайный выговор, и за такое снисхождение к себе воздают они благопокорностью. Иные, надмеваясь мыслью, что дела их тайны, о чём они и заботятся, считают себя умнее других, и в таких надобно тщательно наблюдать все, даже самые маловажные, поступки; а в других лучше иного не замечать, и, как говорится, видя не видать,

слыша не слышать, чтобы подавив их ревностью обличений, не возбудить к упорству, и, напоследок, не сделать дерзновенными на всё, истребив в них стыд, – сие средство ко внушению покорности.

Иногда нужно гневаться, не гневаясь, оказывать презрение, не презирая, терять надежду, не отчаиваясь, сколько сие требует свойство каждого; других должно врачевать кротостью, смирением и соучастием в их лучших о себе надеждах. Одних полезно побеждать; от других часто полезнее быть самому побеждённым; и хвалить и охуждать должно — у иного достаток и могущество, а у иного нищета и расстройство дел. Ибо наше врачество не таково, каковы добродетель и порок, из которых первая всегда и для всех всего лучше и полезнее, а последний всего хуже и вреднее; у нас одно и то же, например, – строгость или кротость, а равно и прочее, мною исчисленное, не всегда даже для одних и тех же оказывается или самым спасительным или самым опасным.

Напротив того, для иных хорошо и полезно одно, а для иных другое, первому противное, – сообразно тому, думаю, как требуют время и обстоятельства и как допускает нрав врачуемого. Хотя сколько бы кто ни употреблял тщания и ума, невозможно всего изобразить словом и обнять мыслью в такой подробности, чтобы вкратце был виден весь ход врачевания; однако же, на самом опыте и на деле делается то известным и врачебной науке и врачу... В нашем деле... очень опасно, что по худой жизни или по невежеству... пастырь и сам впадает в грех, и вовлечёт в него управляемых¹⁰⁴⁶.

Другую аналогию св. отец усматривает в обращении со зверями. «Если бы кто захотел укротить и сделать ручным многовидного и многообразного зверя, составленного из многих, больших и малых, кротких и свирепых зверей; то, без сомнения, потребовалось бы много труда и усилий, чтобы управлять таким разных свойств чудовищным существом; потому что не все звери любят одинаковые звуки голоса, пищу, ласки, свист и другие способы хождения за ними; напротив того, для одних приятно и неприятно одно, а для других другое, по природе и привычке каждого. Что же надлежало бы делать приставнику

такого зверя? Конечно то, чтобы если хочешь хорошо управиться со зверем и соблюсть его, – приобрести для сего многосторонние и разнообразные сведения, и употребить хождение, приличное каждому свойству зверя. Так, поскольку общее тело Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается из многих и различных нравов и умов; то предстоятелю совершенно необходимо быть вместе как простым, относительно к правоте во всём, так, сколько можно более, многосторонним и разнообразным для приличного со всяким обращения, а равно — способным к полезной со всяким беседе. Ибо одни, по способностям младенцы, и можно сказать, ещё не окрепшие, требуют себе в пищу млека, то есть, самых простых и первоначальных уроков, и не могут принимать словесной пищи, приличной мужу. А если бы кто предложили, им такую не по силам пищу; то вкусивши и обременившись, они потерпели бы ущерб даже в прежней своей силе. Другие же, достаточно обучившие чувства к различению истинного и ложного, имеют нужду... в пище высшей и более твёрдой. А если бы стали напоевать их млеком и питать растениями – пищею слабых, то они совершенно по праву огорчились бы тем, что их не укрепляют по Христе, не дают им возрастать достойным похвалы возрастанием, какое производится словом, которое хорошо питаемого им совершает в мужа и приводит в меру духовного возраста»¹⁰⁴⁷.

Различные бывают люди и в отношении к проповедываемому им благовестию. У одних не просвещён ум, у других не очищен слух. Одни более внимают слову, другие – менее. Слышание его в сердцах одних производит благовременный удар и оплодотворяет их разумение; в сердцах других оно не вызывает отзвука¹⁰⁴⁸. «Иной богат даром созерцания, стоит выше многих по духовному преуспеянию; другой скуден умом и беден в языке, не знает оборотов речи, загадок мудрецов и пр. Но всякий имеет средства спастись чрез усвоение ему благодати. Как в человеческом быту много разности между родами и правилами жизни, из которых одни выше, другие ниже, одни знатнее, другие менее славны, так и в жизни Божественной много путей к добродетели... Или хотя и не

всем прилична одна пища, но каждому нужна своя, по различию возраста и привычек»¹⁰⁴⁹. «Не ставь льву в образец долгохвостую обезьяну», – так на своём образном языке кратко выражаете св. отец истину частичного пастырского душепопечения¹⁰⁵⁰.

Практические примеры частного душепопечения св. отец усматривает в деле Господа, Который «делается для иудеев – иудеем, для подзаконных — подзаконным, чтобы искупить подзаконных, для немощных – немощным, чтобы спасти немощных. Он делается всем для всех, чтобы всех приобрести... Он переменяет места одно за другим... То учит на горе, то беседует на равнине, то сходит в корабль, то запрещает бурям иногда и плачет. Ко всем снисходит, всё терпит, делается рыбарём, закидывает сети, чтобы только извлечь из глубины рыбу, т.-е. человека, плавающего в непостоянных и солёных волнах жизни»¹⁰⁵¹.

Равным образом, и св. ап. Павел применял разнообразие способов врачевания: то человеколюбие, то строгость, то смешение и растворение и человеколюбие и строгости, так чтобы ни кротостью не расслаблять, ни суровостью не ожесточать. Он излагает законы рабам и господам, начальникам и подчинённым, мужам и жёнам, родителям и детям, супружеству и безбрачию, воздержанию и роскоши, мудрости и невежеству, обрезанию и необрезанию, живущим по Христе и по миру, плоти и духу. За одних благодарит, других укоряет; одних именует своею радостью и венцом, других обличает в безумии. Кто ходит право, тем сопутствует и соусердствует; а кто ходит лукаво, тех останавливает. Он то отлучает, то утверждает любовь, то плачет, то веселится; то напоевает млеком, то касается тайн; то снисходит, то ведёт с собою на высоту; то угрожает палицею, то объемлет духом кротости; то возносится с высокими, то смиряется с смиренными¹⁰⁵².

Св. Григорий прославляет пастырскую приспособительность своего отца, — в похвальном ему слове, — соединявшую в себе мудрость змия в рассуждении зла и незлобие голубя в рассуждении добра, не попуская и благоразумию сделаться злотворным и простоте доходить до слабоумия»¹⁰⁵³. Те же

качества св. Григорий отмечает в пастырской деятельности св. Василия Великого¹⁰⁵⁴ и св. Афанасия Великого. Особенно хвалит он искусство частного душепопечения и пастырское разнообразие в управлении св. Афанасия, который действовал на других «кого похваляя, а кого умеренно наказывая: одних возбуждая к медлительности, в других обуздывая горячность; об иных заботясь, чтобы как-нибудь не пали, а иным, подавая средства по падении исправиться; будучи тихошествен со смиряющимися, возвышен с высокопарными..., действительно в одном себе, совмещая всё то, что язычники приписывали по частям которому-либо из своих богов»¹⁰⁵⁵. Сам св. Григорий Богослов в самом начале своей пастырской деятельности, в Слове 9-м «Защитительном по рукоположению», просит своего отца «научить его своей любви к пастве, заботливости и благоразумию, внимательности и победам»... «Скажи, на какие пажити водить стадо, к каким ходить источникам, или каких избегать пажитей и вод; кого пасти палицею и кого пасти свирелью; когда выводить на пастбище и когда сзывать с пастбищ..., как изнемогшее поднять, падшее восстановить, заблуждающее обратить, погибшее разыскать, крепкое сохранить; как мне научиться сему и соблюсти сие согласно с истинным и вашим учением о долге пастыря... Сему научите меня, сими правилами подкрепите меня»...¹⁰⁵⁶ Наученный и подкреплённый, он широко применял в своей пастырской практике приёмы частного душепопечения, каждого члена своей паствы пася и управляя в Царство небесное соответственно его положению и состоянию. Так, например, считая себя обязанным давать законы самим законодателям, он увещал царей к милостивому отношению к подданным, для коих они должны быть богами, учил их смирению. Сановников двора он убеждал надеяться больше на Бога, а не на земную силу; гордящимся своим благородством по происхождению указывал на их неблагородных предков и тем смирял их гордость; мудрецов и софистов он вразумлял обличением неправоты их учения; богатых призывал облегчить «свой корабль» милостынею; жителей «первого города – столицы» увещевал быть первыми по нравам, преуспевать в добродетели и не давать соблазна

своим поведением¹⁰⁵⁷. Иначе он вразумлял женский пол, иначе – мужской; и из первого иначе замужних и иначе девственниц¹⁰⁵⁸. Иначе он убеждал разгневанного начальника и иначе провинившихся его подчинённых¹⁰⁵⁹. Иначе он говорил сельским жителям, иначе воинам, иначе градоправителям, иначе философам и риторам¹⁰⁶⁰; иначе начальнику и царскому чиновнику¹⁰⁶¹, иначе монахам и девственникам, и иначе живущим в миру и брачующимся¹⁰⁶²; иначе богатым, иначе бедным¹⁰⁶³; иначе женщинам скромным, иначе любящим наряды¹⁰⁶⁴; иначе добрым, иначе порочным¹⁰⁶⁵; иначе терпеливым, иначе малодушным, иначе злословящим¹⁰⁶⁶; иначе верным, иначе отделившимся, иначе братолюбивым, иначе самолюбивым¹⁰⁶⁷; иначе беседует в утешение скорбящим о смерти, иначе сетующим о разлуке, иначе – о голоде¹⁰⁶⁸; иначе относится к любящим неуместно богословствовать, иначе к любопытствующим совопросникам¹⁰⁶⁹, иначе к суеверно откладывающим крещение, иначе к неправо богословствующим, иначе к соблазняющимся, иначе к обидчикам¹⁰⁷⁰; иначе к своим, иначе к пришельцам¹⁰⁷¹; иначе вразумлял он здоровых, иначе больных¹⁰⁷²; иначе притеснителей, иначе лихоимцев, иначе жадных ростовщиков¹⁰⁷³.

Особенно изобилуют чертами частного пастырского душепопечения письма св. отца, частные послания его и стихотворения.

Разными путями руководствуя всех ко спасению, св. Григорий Богослов всякому мужу и жене, старцу и юному, городскому жителю и поселянину, простолюдину и начальнику, богатому и бедному, – так как всех призывает один подвиг, – даёт один совет: «приготовиться к борьбе на позорище мира, не расслабевать, не медлить, не терять времени, которого возвратить уже невозможно. Ибо настоящее время есть время делания, а будущее – время воздаяния»¹⁰⁷⁴. На этом поприще деятельного восхождения к нравственному усовершенствованию и стяжания радостей вечно блаженной жизни пастыри должны быть впереди всех, помня, что «венцы даются тем, которые подвизались, а не тем, которые сидели на верху»¹⁰⁷⁵.

Глава 4-я. Пастырь, как член общества

«Руководителю нужны руки, советнику — благоразумие (I, 48).

Пастырь, как человек, поставленный в известном отношении к окружающим его людям и действующий в данных условиях жизни, так или иначе, отзываясь на происходящие вокруг него события, принимает участие в общественной жизни, является членом не только церковного общества, но и государственного, приобретает особый облик не только религиозного деятеля, но и общественного. Такое положение ставит пастыря в двоякое отношение к жизни и может иметь значение с двух сторон. Именно: с одной стороны, пастыри, врезываясь в жизнь, могут производить в ней благодетельное изменение, как культурные работники, общественные деятели, носители высших идеалов. С другой стороны, вращаясь в миру, пастыри сами заражаются мирскими обычаями и пороками, вносят затем дисгармонию в пастырскую жизнь, ухудшаются в своих нравах, и тогда их дурное влияние на жизнь других является обратно пропорциональным их положительному внутреннему содержанию.

До того времени, когда жил св. Григорий Назианзин, христианское общество, только что вышедшее из состояния уничижения, имело довольно светлый вид. Гнёт и преследования научили его желать чистейшего и полнейшего счастья; пастырское сословие, жертвующее собой для блага ближних, в горниле внешних несчастий и борьбы очистилось, сделалось внутренне крепче и сильнее. Но во времена св. Григория Богослова с положением христианского учителя не была сопряжена внешняя опасность, напротив, оно нередко сопутствуемо было честью, богатством и сильным влиянием. Строй церковно-общественной жизни удалился теперь от простоты времён апостольских и перво-христианских. Епископы отложили страннический посох посланников Христовых, и в колесницах с пышными свитами являлись во дворец императоров, где им воздавали те же почести, что и первым

сановникам империи. Они заботились, чтобы голос их имел силу в совете царском. Всё это увеличивало средства и поводы к разложению нравов духовенства и порождало в его среде множество дефектов, которые глубоко возмущали св. отца и дали ему богатую пищу для его сатир. Представить несколько характеристических черт из этой стороны церковно-общественной жизни пастырей и указать отношение к ним св. отца составит предмет настоящей последней главы этой книги.

1) Первым камнем преткновения и соблазна для пастырей того времени являлся вопрос об отношении к материальным благам. Церковь, как общество гонимое, в течение первых трёх веков не имела юридической правоспособности приобретать и иметь собственность, хотя фактически и владела богослужебными зданиями и усыпальницами. По заведённому св. апостолами обычаю (1Кор. 16, 2) делать каждое воскресенье сборы на нужды общины, у христиан собирались церковный суммы, которые поступали в распоряжение епископа или пресвитера для бедных, странников, больных и клириков. С течением времени в Церковь начинают поступать пожертвования и вклады деньгами, землею и другим имуществом, начинает вводиться обычай приносить в Церковь начатки и десятину. Возникают регулярные церковные доходы, присваивать которые епископу запрещалось, хотя разрешалось продовольствовать себя и клир пищей и одеждой¹⁰⁷⁶. С IV века Церковь обогащается движимым и недвижимым имуществом, частью на счёт закрытых языческих храмов, частью специально вкладываемых на обеспечение новых христианских храмов от императоров и частных лиц, путём пожертвований и завещаний. В церквях собиралась значительная казна, раздел которой по-прежнему оставался в ведении епископа¹⁰⁷⁷. Но епископы или их доверенные начинают злоупотреблять церковным достоянием, стараясь доказать своё право на бесконтрольное от общины распоряжение им. Они начинают тратить громадные деньги на представительство, на роскошные приёмы и выезды, на обстановку и обзаведение предметами роскоши, начинают обращать особое внимание на усиление своих средств, на изыскивание доходов, «на высчитывание ежегодных доходов»,

начинают проявлять алчность к золоту. Всё это делалось за счёт бедных, коим по идее принадлежит всё имущество Церкви¹⁰⁷⁸.

Св. Григорий Богослов глубоко возмущался тем обстоятельством, что дело пастырства сведено на профессию, что на него смотрят, как на один из источников доходов. Он сам всей душой любил пастырство и другим внушал любить его ради него самого и ради той великой цели, какую оно преследует. «Кто упражняется в добре из каких-нибудь видов, тот не твёрд в добродетели: ибо цель минуется, и он оставит доброе дело, подобно как плывущий для прибыли не продолжает плавания, если не видит прибыли. Но кто чтит и любит добро ради самого добра, тот, поскольку любит нечто постоянное, и расположение к добру имеет постоянное, он один и тот же и не изменяется... А потому он не будет превращаться, принимать разные виды, соображаться с обстоятельствами и делами, делаться то тем, то другим, менять разные цвета, подобно как полип принимает цвет камня, к которому он пристал, но всегда пребывает один и тот же... как незыблемая скала»¹⁰⁷⁹...

Мы уже видели, как сам св. отец относился к материальным благам и устройству своего внешнего декорама¹⁰⁸⁰. Крайне невзыскательный образ жизни, самая обычная, простая пища и одежда, вместе с нестяжательностью и аскетическим поведением, с излишком покрывались частью доходов с родовых поместий и ставили его в независимое положение к церковным доходам. «Покорыстовался ли я чем-нибудь от сего народа? – спрашивал он Константинопольцев в прощальной речи; приумножил ли я сколько-нибудь свою собственность, чему вижу примеры на многих?.. Напротив того, соблюл я священство чистым и не скверным. Если же возлюбил я владычество, или высоту престолов, или если возлюбил попираť дворы царей: то пусть не буду иметь никакой другой славы, а если и приобрету, то да лишусь оной!»¹⁰⁸¹.

Но св. отец и учил, как жил. Церковные доходы, составлявшие часть доходов епископов, он признавал всецело достоянием бедных и алтарей¹⁰⁸² он считал худыми тех

пастырей, которые только млеко едят, волною одеваются, тучное закаляют или продают, а прочее оставляют зверям и стремнинам, самих себя пасут, а не овец»; он призывал таких к бескорыстию и стяжанию душ пасомых, а не их имуществ¹⁰⁸³. «Если, во всяком случае, худа ненасытимостъ, – учил он, – то ещё хуже быть ненасытимым духовному лицу»¹⁰⁸⁴. Добрый пастырь не дозволит себе «обогащаться нищетою других, не смешает богатства своего с чужими слезами, от которых оно, как от ржавчины и моли, пропадёт и изблужается»¹⁰⁸⁵. Он не будет «ненасытимым, подобно пьявице Соломоновой»¹⁰⁸⁶. «Есть добрая любостяжательность: польза церквей. Она и общее спасение – пастырское стяжание. Ибо, о чём более должно заботиться взирающему горе? Когда целое в хорошем или худом положении, тогда по необходимости и каждый член общества приходит в подобное же состояние»¹⁰⁸⁷.

Единственное имущество пастыря – собственное его тело, которое, притом, он всецело приносит Богу и долгу своего звания, и необходимые покровы для тела. Его богатство – ничего у себя не иметь, и жить с единым крестом, который для пастыря дороже многих стяжаний¹⁰⁸⁸. У него «одно великое богатство – Христос, прочим пусть владеет мир»¹⁰⁸⁹. «Обогати себя, – учит он, – не имуществом, но благочестием, не золотом, но добродетелью»¹⁰⁹⁰. «Земному благоденствию доверяй не больше, чем ветру, или писанному на воде»¹⁰⁹¹. Страсть к любостяжанию он осуждает характерным изречением: «не сжимай того, что взятое в руки расплывается»¹⁰⁹². По мысли св. отца, пастырь должен всецело служить Христу, не разделяя своей любви между Ним и миром. «Не принимаю твоего половинного благочестия, говорит он; не хорошо, если как в сомкнутом в кружок хороводе одного держаться правою, а другого левою рукою; так и ты, вместе касаясь Божества и отделяясь от Него, половиною принадлежишь Христу, а половиною – миру, плоти»¹⁰⁹³.

По учению св. Григория Богослова, признак истинных и достойных пастырей и их отличие от недостойных в том и состоит, что первые и в дни общественных бедствий и в обычное время не с бедным, но со щедродательным

расположением духа собирают «уязвленных голодом, а иных даже едва дышащих, мужей и жен, младенцев, старцев, весь жалый возраст», и не гнушаются удовлетворять их потребности и духовные и телесные, «прикрывая их наготу и не презирая единокровных»¹⁰⁹⁴. Они и сами подражают своему Учителю, препоясавшемуся лентием и не погнушавшемуся умыться ноги ученикам, и пасомых своих деятельным примером располагают к милосердно и благотворительности, научая их в сем также подражать Божью человеколюбю. «В человеке всего божественнее то, что он может благотворить. Ты можешь стать богом, ничего не сделав: не пропускай же случая к обожению»¹⁰⁹⁵. «Бог воздаст людям тою же мерою, какою сами отмериваем здесь человекам»¹⁰⁹⁶. Пастырь, наконец, должен опасаться возбудить о себе дурное и позорное мнение, что он «в противоборстве с бедными»¹⁰⁹⁷.

Итак, звание пастырское должно принимать не для плотских целей, – хотя обычно и выставляется на вид польза духовная, – не для собственного удовольствия или прославления от посторонних, — что свойственно человеку мирскому, для которого нет иного блаженства, кроме настоящей жизни. «Ибо многие, – поясняет свою мысль св. отец, – сделали то, что звание это почитается великим, самовластным и доставляющим какую-то чудную приятность, хотя бы надлежало быть предстоятелем и правителем паствы, которая мала, незначительна и приносит более досад, нежели удовольствия»¹⁰⁹⁸. Великость внутреннего настроения паствы, молитвенный дух, живые храмы Бога живого, одушевлённые жертвы, разумные всесождения, сплочённость стада с пастырем и между собою, препятствующие войти в него татям и чужим – вот желанные для пастыря достоинства его паствы, а не какие-нибудь иные внешние, пространственные или количественные измерения¹⁰⁹⁹.

2) Пастыри времён св. Григория Назианзина вместе с обеспеченной сытой жизнью внесли в пастырство и те пороки, которые обычно сопутствуют ей: беспечность и небрежение о пастве невоздержание, пресыщение. Аскетическое настроение пастырей, готовность к всегдашнему молитвенному

предстательству и самособранность исчезли. Пастыри в большинства вели светский образ жизни, усердно посещали общественные места увеселений, участвовали в конских ристалищах и состязаниях, ласкательствовали и раболепствовали пред высшими, были напыщены и надменны в отношении низших¹¹⁰⁰.

Порочный образ жизни большинства современных св. отцу пастырей, особенно больших городов и в частности столицы – Константинополя, вызывал с его стороны открытые обличения и порицания. Угрожая судом Божиим и различными наказаниями за непотребство, он называет таких пастырей «начальниками и учителями злонравия», а их пороки – развращением мутным и опьянением, коими напоеваются окружающие их, а их молитвы и жертвы – недостойными дарами¹¹⁰¹. «Обуяша пастыри и рассыпаша овцы», – взывал он словами пр. Иеремии¹¹⁰². Такие пастыри гнетут благочестие и нуждаются приносить жертвы больше за себя, чем за людские невежества¹¹⁰³. Он вразумлял их указанием на тот соблазн, который они поселяют своим поведением среди пасомых, надмеаясь мыслью, что дела их тайны, между тем как их поступки, даже маловажные, замечают все, делают печальное заключение от учащих к учению, выводя пороки пастырства на зрелища народные и осмеивая оное наравне с самыми развратными людьми в предположении, что «ничто так не усладительно для слуха и зрения, как христианин и, в особенности; духовное лицо, поруганное на зрелище»¹¹⁰⁴. В виду заразительности дурных примеров, единственная польза от испорченности пастырей та, что поведение их «настолько отвратительно, что смотрящие на них неминуемо пойдут противоположную стезею»¹¹⁰⁵. Но такое общее бесславие тяжело гнетёт и достойных пастырей. Посему, порочные пастыри для организма церковного общества то же, что «моль костям»¹¹⁰⁶.

Затем, пороками пастырей и соблазном, производимым ими, обесценивается добродетель и легко разрушается трудно создаваемое дело нравственного прогресса. Поэтому, св. отец в праве был восклицать: «Погибла вера в Бога, погибла у людей! Куда кому обратиться, чьим стать ближним? Если светильники

сделались таковыми, если свет таков, то рассуди, какова тьма?... Таковы вожди..., а недалеко отстал и народ». Всякий мудр на злое, даже и без вождя. Нет никакого различия между добром и злом, между благоразумною сединою и безрассудною юностью, между люботрудной, богобоязненной жизнью и между жизнью распутной!... Один закон: тому иметь преимущество, кто всех порочнее... Да тот, кто хочет, чтобы всё слилось во-едино – Христос, человек, солнце, звезда, тьма, ангел добрый и злой..., чтобы в равной цене были и золото, и серебро, и железо, жемчужина с камнем, сток нечистот и чистый источник чтобы всё слилось в первозданный хаос»¹¹⁰⁷.

Напротив того, добрый пастырь имеет добрую жизнь и добрые нравы; степень священства для него есть прямое следствие известной высоты его добродетельной жизни и награды за добродетель¹¹⁰⁸. Содержание пастырской деятельности – учит познавать Бога и искренно чтить Его словом и делом¹¹⁰⁹, – явится постоянным всегдашним содержанием его жизни, а таковое постоянство в добродетели весьма ценно, потому что отдельные кратковременные порывы к добру непрочны и малоценны. «Что редко, то не закон для Церкви, – учит св. отец, – так как одна ласточка не показывает весны, или одна черта не делает геометром, или одно краткое плавание – мореходцем»¹¹¹⁰. Отсюда, добрый пастырь не будет предаваться забавам, когда другие нуждаются и злостраждут, не отступит так далеко от Божьей правдивости, не будет презирать твари для твари, но будет стараться воспитывать христианские добродетели и добрые нравы в пасомых, на самом себе опытно показывая, как нужно уцеломудриваться, мужественно стоять против вещества, соделоваться мужем желаний духовных и самого себя всецело предавать в жертву Богу и ближним, дабы всецело и воспринять себя самих для вечной жизни¹¹¹¹. Добрый пастырь ищет отдохновения от трудов не в порочных склонностях и не среди дурных сообществ, но в занятиях облагораживающих и возвышающих его дух¹¹¹².

Радость пастыря и услада его трудовой жизни – преуспевание его учеников в вере и добродетели, рост его пастырского посева и добрый сбор плодов; это – бескорыстная

радость не только о надлежащем росте, но и о духовном прибытке в добродетели пасомых, для получения какового прибытка пастырь не задумается, если бы пришлось ему приобретать эти духовные блага каплями крови¹¹¹³.

По учению св. отца, частная пастырская жизнь должна умело соединять в себе черты и уединённо-созерцательной и общественно-деятельной жизни, как это видно на примере самого св. Григория Богослова. Для пастыря его дом – тот же храм, где он обновляется духом и набирается сил для общественной деятельности. Это – его лаборатория, где задумывается, и созревают все его пастырские дела, подобно тому, как «Иисус совершал дела пред народом, а молитвы большею частью на свободе, в пустынях... Какой же сим преподан урок? Тот, думаю, что нужно погружаться в безмолвие для не возмущаемого собеседования с Богом», – рассуждает он¹¹¹⁴. «Собеседование с Богом» – родник и источник пастырского служения: и силы, и благодатное озарение он получает в этом безмолвном сношении с Высочайшим Существом. Отсюда ещё раз доказывается необходимость и благотворность для пастыря аскетизма. Правда, такая обстановка жизни будет не совсем обычною для принятого порядка её, будет несогласованною с окружающею пастыря жизнью. Но, ведь, пастырь должен идти не за жизнью, а и поперек её, если она не благочестна. Он является таким человеком, «на которого неприятно действует приятное для других, и который увеселяется тем, что для иных огорчительно»¹¹¹⁵.

3) Обильную пищу для сатир дал св. Григорию водворившийся в церковной иерархии беспорядок в распределении высших духовных должностей, выразившийся в том, что эти должности замещались лицами невежественными, недостойными, неподготовленными к их прохождению. «Почти невероятно, – говорит Ullmann, – чрез какие происки, с каким произволом, с каким даже насилием многие епископы достигали своего почётного места»... Решительное влияние на выбор епископов одерживали попеременно власть двора, лицеприятие духовных и монахов, и воля народа, который свои притязания

на право избрания, раньше предоставленное ему, а потом постепенно отнимаемое, часто отстаивал довольно бурно, нередко мятежом и кровопролитием¹¹¹⁶.

Своё негодование по поводу таких беспорядков св. отец выразил в стихотворениях «О своей жизни, о различиях в жизни и против лже-иереев, к епископам, в словах прощальном и о бегстве, и, в особенности, в большом стихотворении XII в 836 стихов, «De se ipso et de episcopis»¹¹¹⁷.

По словам св. отца, искатели священных степеней при рукоположении прибегали к разным низостям. Смотри по тому, от кого в данный момент зависело предоставление иерархической должности, они «кланялись гордыне чиновначальствующих, особливо тех, которые имели силу при дворе и неспособны были ни к чему другому, как только собирать деньги. Трудно сказать, с каким усердием, и с какими происками припадали тогда к самым вратам Царёвым; друг друга обвиняли, перетолковывали, употребляли во зло даже благочестие, одним словом, отваживались на всякие постыдные дела»¹¹¹⁸; раболепствовали, изгибались, припадали к ногам сильных, засылали ходатаями кого-либо из друзей, наиболее расположенных к ним и сильных у властей, сыпали золотом, оправдывая себя тем, что теперь всё раболепствует времени. Поэтому, часто шутя, они приобретают то, что не снискивается и другими средствами, даже не покупается. В ласкательстве и заискивании претенденты на престол не знали меры: они целовали окровавленные руки, ласкали подбородок, чтобы добиться, хотя небольшой милости. И они очень бывали, польщены, если сильные и знатные сажали их с собою, удовлетворяя тем своему мелкому тщеславию¹¹¹⁹.

Когда же избрание зависело от народа, тогда искатели престолов и степеней унижались пред народом, готовы были «отринуться глаголов Духа из заботливости снискать любовь у народа; они устраивали для народа развлечения и зрелища, сами посещая их в угоду толпы. В погоне за популярностью и славой, таковые «сами подобились состязующимся на ристалищах в ловкости и изворотливости, или обгоняющим друг друга, и это не для того, чтобы умерить страсть, поученьями

обуздать гордыню, источниками слёз вызвать слёзы, но чтобы вкусить одну жестокую отраву, которая причиняет несомненную смерть, – удовлетворить страсти гоняться за страстью»¹¹²⁰.

Там, где сталкивались интересы нескольких соискателей, развивались ссоры, распри, вражда, интриги, не останавливавшиеся ни перед каким злодеянием¹¹²¹. Если принять в соображение, что у каждого претендента была своя партия единомышленников, то легко представить, какие сцены разыгрывались в борьбе из-за престолов, хотя предлогом к ненависти выставлялось благочестие. «Эти председатели и учителя народов, податели Духа, с высоты престолов сияющие спасительным учением и непрестанно среди церквей широковещательным гласом проповедующие всем мир, с таким ожесточением восставали друг на друга, что, с грозными восклицаниями собирая себе сподборников, обвиняя других, сами подверглись обвинениям, предаваясь сильным движениям, перебегая с места на место, расхищая, что только удавалось захватить прежде других, в страсти к любоначалию и единоначалию, расторгли всю вселенную»¹¹²². У служителей алтаря, по свидетельству св. отца, развилась какая-то специфическая для их сословия болезнь, «останок первоначального недуга: это было врожденное зло – не прекращающаяся зависть, губительная, никогда не успокаивающаяся, которая всё уязвляет или явно, или тайно»¹¹²³. В соединении с другими постыдными и разрушительными страстями – ненасытностью и лицемерием, оба эти порока были причиной глубоких раздоров и вражды, делавших служителей алтаря «неукротимыми воителями, возглашавшими: мир и хвалившимися кровью»¹¹²⁴. Поэтому и собрания таких пастырей св. отец называет «сбором хриstopродавцев», «крикливыми собраниями гусей» или журавлей, которые дерутся между собою без всякой причины», собраниями, где раздоры, смятения, а ещё, прежде всего, где собраны в одно место все тайные срамоты враждующих»¹¹²⁵.

Само собою понятно, что при таких условиях о какой-либо постепенности в передвижении с низших мест на высшие, или о

степени подготовленности к прохождению того или другого служения не могло быть и речи.

Все эти недостатки св. Григорий Богослов ярко оттенил своим картинным, образным языком. «Мы как-то не в меру человеколюбивы, – говорит он, – поставили пред алтарями проповедническую кафедру и всем вопием: входи сюда, кто хочет, хотя бы два и три раза переменял веру.

Настало время торжища... Никто не уходит без прибыли. Время всего изменчивее, может быть, кость ляжет другою стороною; тебе не удалось, мечи снова»... «Что ныне происходит, смешно то видеть. Всем отверст вход в незапертую дверь, и кажется мне, что слышу провозвестника, который стоит посреди и возглашает: приходите сюда все служители греха, ставшие поношением для людей, чревоугодники..., бесстыдные..., бродяги..., убийцы, люди с едва пробивающимся пушком на бороде..., невежды в небесном, новопросвещенные..., приходите смело: для всех готов широкий престол; приходите и преклоняйте юные выи под простёртые десницы: оне простираются ко всем, даже и не желающим! Опять даётся манна – этот необычайный дождь собирай всякий в своё недро, кто больше, а кто скуднее... Никто не оставайся вдали, земледелец ли ты или плотник, кожевник или кузнец; никто не ищи себе другого божественного вождя; лучше самому властвовать, нежели покоряться властвующему... Брось из рук, кто большую секиру, кто рукоять плуга..., и всякий иди сюда; все толпитесь около божественной трапезы, и теснясь и тесня других. Если ты силен, гони другого... Так говорит громогласный проповедник»...¹¹²⁶.

Или в другом месте: «Как легко ныне делаются предстоятели общества, которые без всякого труда внезапно являются подготовленными к достоинству! О, скорое превращение нравов!.. Ещё вчера ты находился в среде мимиков и актёров (что было после представления – пусть скажет другой), нынче ты сам являешься для нас новым зрелищем. Недавно – ты любитель лошадей и наездник..., а ныне скромн и застенчив... Вчера, как оратор, ты продавал право, ворочая законами, сегодня ты – судья и новый Даниил.

Вчера, толкуя право с обнажённым мечом, ты превращал трибунал в вертеп разбойников, воруя и насильничая, и какой скромный ты сегодня! Едва ли кто так легко переменяет одежду, как ты нравы...»¹¹²⁷. «Было бы ещё утешительно, – присовокупляет св. отец, – если бы такие держались середины, а не явно предавались к противной стороне. Эти епископы, ныне только научившиеся знать Бога..., вчера святотатцы, а ныне священники, вчера не смевшие приступить к святыне, а ныне тайноводители, устаревшие в пороках и новоявленные в благочестии, произведение человеческой милости, а не дело благодати Духа; они весь путь свой ознаменовали насилием и, наконец, гнетут самое благочестие; не нравы дают им степень, а степень нравы»¹¹²⁸.

Нечего и говорить, что св. Григорий Богослов жестоко осуждал подобный порядок в замещении епископских престолов и считал необходимым упорядочить как способ перехода с низших должностей на высшие, так и нравы духовенства. Одним из мотивов своего бегства от священства он приводил то соображение, что ему «стыдно было за других, которые, будучи ничем не лучше прочих, если ещё не хуже, с неумытыми, как говорится руками, с нечистыми душами берутся за святейшее дело и прежде нежели сделаться достойными приступить к священству, врываются в святилище, теснятся и толкаются вокруг св. трапезы, как бы почитая сей сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию; не служением, подлежащим ответственности, но начальством, не дающим ответа... Иные пороки по временам то усиливались, то прекращались, но ничего никогда, и ныне и прежде, не бывало в таком множестве, в каком ныне у христиан сии постыдные дела и грехи»¹¹²⁹.

Мы уже излагали раньше мысли св. отца о том, что скороспелость возведения на престолы препятствовала достоподобной подготовке кандидатов пастырства. Теперь отметим учение его о том, что нарушение вполне естественных и законных принципов в раздаянии священных должностей и взаимные из-за них пререкания предстоятелей вели к понижению нравственных начал и тем наносили Церкви

непоправимый вред. «Ныне слово иерей признаётся одним пустым именем, и лучше, если бы оно было одно пустое имя. Ныне же изгнан из сердца всякий страх, и его место заступило бесстыдство; кто бы ни пожелал, для всякого отверсты и знание, и глубины Духа... Все мы благочестивы единственно потому, что осуждаем нечестие других; а суд предоставляем людям безбожным, повергаем святая псам, бросаем бисеры пред свиньями, разглашая божественное тем, у кого не освящены и слух, и сердце... Совершеннее у нас тот, кто более злословит ближнего»¹¹³⁰.

Между тем, «если бы желающие предстоятельства... удостоивались чести по порядку и по закону духовного восхождения, если бы соблюдался самый лучший и полезный для подначальных порядок, обычный во всяком деле – морском, военном, когда высшая должность соответствует богатству знания и опыта в своём деле, тогда и дело пастырства было бы гораздо достоуважаемое... А теперь есть опасность, чтобы самый святейший чин не соделался наиболее осмеиваемым, потому что председательство приобретает не добродетелью, но происками, и престолы занимаются не достойнейшими, но сильнейшими»¹¹³¹. Всем этим обесценивается добродетель и как бы венчается порок¹¹³². Могут ли лечить других те, которые сами покрыты струпьями; могут ли быть учителями порочные, когда это трудно и непорочному?¹¹³³. Междоусобия и брани пастырей соделывают христиан новым позором, но не для ангелов и человек, как Павел, но почти для всех, ведущих худую жизнь – и во всякое время, и на всяком месте – на торжищах, на нетрезвых пиршествах, среди веселостей, среди сетований¹¹³⁴. Худые люди между удостоенными предстоятельства дают повод к укоризнам веры и к обвинению самого закона в том, что он будто бы учит злонравии. Если вообще мир и единомыслие вожделенны во всякой организации, то в пастырстве они – необходимое связующее начало, без коего оно устоять не может¹¹³⁵.

4) Кроме понижения в пастырстве нравственного его уровня, св. Григорий Богослов засвидетельствовал и о

понижении его в умственном развитии. Таковое понижение находилось в теснейшей зависимости от вышеописанных его нравов, приведших к пренебрежительному отношению к науке и научно-литературным занятиям. Лёгкий незаконно-сообразный доступ к высшим духовным должностям, минуя тщательную долголетнюю подготовку и серьёзные богословские познания, каковых требовала от пастыря церковная жизнь того времени, возможность обойти научное образование, – вели к необразованности многих членов пастырства. Если выгодами пастырского звания можно пользоваться без богословской образованности, то, – во мнении тогдашних кандидатов, – кто или что могло заставить их трудиться так тяжело и бесплодно? Понятно, что многие члены духовенства предавались лени, увлекались посторонними занятиями, а в своё оправдание выдумывали разные доказательства в пользу того, что учёные занятия не только излишни, но даже вредны для пастыря. Одни из таковых в странном самообольщении, ничего не хотели слышать ни о каких требованиях касательно умственного развития, как скоро им сообщена благодатная сила чрез рукоположение, каковая сила, по их разумению, должна была заменить естественное развитие ума. При этом они злоупотребляли примерами тех достоуважаемых рыбаей и мытарей, которые хотя не имели богословского образования и были просты речью, однако силою своего слова победили весь мир¹¹³⁶. Другие, перешедшие к пастырскому служению непосредственно от разных житейских профессий, часто низкого сорта, уже в силу этой своей неподготовленности, не только не обладали никаким богословским образованием, но были прямо невежественными. Пастыри, по словам св. отца, часто не знали даже первых элементов веры¹¹³⁷. А так как они были большею частью люди порочные, то их невежество не покрывалось нисколько их благочестием. Третьи, наконец, из ложного благочестивого опасения заразиться язычеством, сосредоточившим в себе тогдашнюю ученость, унижали значение внешней учёности сравнительно с откровением¹¹³⁸. Ни одного из этих возражений против научного образования св. отец не оставил без основательного опровержения, заявив

себя, вместе с тем, горячим защитником этой великой мировой силы и оставив нам наставления о том, как пользоваться языческой ученостью.

Тем, которые отрицали необходимость научного образования для пастыря, дерзновенно сравнивая себя с богомудрыми апостолами, он предлагал явить ту же силу чудотворения, которую имели те, если они так же святы по жизни, как и оные богодухновенные мужи. Св. отец острым ножом сарказма вскрывал гнойный струп невежества, лени, порочности и лицемерия, скрывавшийся за их якобы благовидным доводом. «Ты ссылаешься на апостолов, которые, не будучи учёными, силою слова победили мир... Это верно. Но то были апостолы, и при том им дано было это для того, чтобы действие проповедуемого ими слова было тем чудеснее. Но ты дай мне веру хотя бы одного апостола, яви мне такого, который, подобно апостолам, прожил бы без денег, без определенного жилища, без обуви, богатый одною надеждою... Покажи такого, который бы изгонял бесов, исцелял прокажённых, воскрешал мёртвых... После этого мы сделаем тебя сообщником ангелов... Ты ссылаешься на апостолов. Матвей был мытарь, но он – девственник, и прославляется не как мытарь, но как сосуд Св. Духа; Пётр – глава учеников, но он – скала веры, и является не как рыбарь, но как учитель веры»¹¹³⁹.

Унижавшим учёность якобы из опасения языческой заразы, а на самом деле руководившимся лицемерными соображениями, он отвечал, что «не должно унижать ученость, как рассуждают о сем некоторые, а напротив того, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, держась такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве»¹¹⁴⁰.

Всем же противникам науки он отвечал дифирамбами учёности не только христианской, но и внешней, которой, если кто из христиан и гнушается, то по худому разумению¹¹⁴¹.

Нам уже известно, что св. отец выше всего и дороже всего ценил науку, и в особенности царицу наук — красноречие, считая обладание ею своим неотъемлемым сокровищем,

некрадомым стяжанием; он гордился им, как высоким даром Божиим, как предметом своей славы. Воспоминание о школьных годах и о долголетних трудах, потраченных на собирание знаний в центрах тогдашней учёности были любимыми воспоминаниями пережитого, наполнявшими его душу радостью в тяжёлые моменты его подвижнической жизни. «Наука! Дорогие Афины! Ранние условия вести божественную жизнь!»¹¹⁴². Слышать недоброжелательные отзывы об учёности для св. Григория, грека по рождению, старого эллина по уму, воспитавшегося на высокой умственной культуре; слышать от людей, лицемерно оправдывавших своё невежество, порицавших и унижавших, в сущности, Великий Ум, источник человеческого знания, – как прискорбно было слышать всё это и считаться с таким мнением невежд лицу, «исчерпавшему едва не до дна жадным умом сладкую чашу наук» и печаловавшемуся о том, что не «всё ещё он изведаль, как бы хотелось, и не обтек ещё на полных ветрилах целого моря наук!»¹¹⁴³. Св. Киприана он хвалит за разнообразие его сведений и за высоту познаний¹¹⁴⁴. Похвальное слово св. Василию В. – сплошной панегирик науке. Он прославляет своего друга за успехи в философии, «действительно возвышенной и простирающейся в горнее, т.-е. в деятельной и умозрительной, а равно и в той её части, которая занимается логическими доводами и противоположениями, а также состязаниями, и называется диалектикой, – в астрономии, геометрии, науке об отношении чисел и во врачебной науке, этом плоде любомудрия и трудолюбия; он именует его «кораблём, столько нагруженным учёностью, сколько сие вместительно для человеческой природы»¹¹⁴⁵. Попытку Юлиана закрыть для христиан школы под тем благовидным предлогом, что в божественном откровении даны все нужные христианам сведения, он обличает, как хитрое покушение лишить Церковь одного из важнейших её благ и нанести делу Евангелия непоправимый вред, сведя оное к религии для невежд и обессилив его лишением возможности сражаться с врагами одинаковым оружием¹¹⁴⁶. Другой же мотив Юлиана, что эллинское образование принадлежит язычеству, он называет

неразумным, злонамеренным и произвольным «ибо эллинская словесность принадлежит не язычеству, а языку и есть общечеловеческое достояние», почему и запрещение христианам образовываться в слове и тем якобы похищать чужое добро, – не состоятельно. «Сие значило бы тоже, если бы не позволять нам и всех искусств, какие изобретены у греков, а присвоить их себе по тому же сходству наименования»¹¹⁴⁷.

Мы видели, как св. Григорий Богослов заботился о научном образовании христианских мальчиков, видя в том лучшее средство «делать их из вихирей голубями», по характерному выражению св. Василия Великого в письме к Ливанию¹¹⁴⁸. Он избирал для юношей учителей, писал им рекомендательные письма, справлялся об их успехах¹¹⁴⁹. Остроумное письмо от имени матери, посылающей сына к Ливанию, останется вековой памятью об отношении св. отца к науке¹¹⁵⁰. Затем, сам он охотно переписывался с риторам, обменивался книгами¹¹⁵¹. Наконец, в двух посланиях – «От Никовула сына к отцу» и «От Никовула отца к сыну»¹¹⁵², св. отец подробно изложил свой взгляд на научное образование христианского юношества, дав тем самым всем пастырям отеческое наставление по данному вопросу. Послания эти настолько увлекательны, что не процитировать их нельзя.

Св. отец в уста Никовула-сына влагает трогательную мольбу дать ему образование: «Ты родил меня, отец, и вскормил. Не велико благодеяние: тоже делают для своих детёнышей и животные. Пищу же ты даёшь и рабам, и волам... Не желаю я ни золота, ни серебра, ни шёлковых тканей, ни блеска драгоценных камней... Другим предоставляю знатное супружество, престолы, забавы. Погибай всё то, что приносит вихрь горькой жизни, которым здесь и там клубится неверный для всякого прах... Взамен всего желаю теперь, родитель, одного – быть сильным в слове. Прекрасна сила красноречия, но прекрасно также иметь ум, обогащённый историей, потому что история — складчина мудрости, ум многих. Не маловажны грамматика, логика и та наука, посредством которой усовершенствовавшиеся мужи образуют в человеке добрые нравы, как творог, который принимает вид плетеного сосуда. Не маловажны

остроумные изыскания, передаваемые мудрецами в книгах... Они, мудрецы, уразумели природу вещей и воздушных, и земных, и морских, и небесных. Их изыскания стараются постигать законы Божьего мироздания и мироуправления. Их мысль стремится к Божественному Духу и Его прославлению, имея вождём в своих полётах – Христа. Они жаждут созерцать чистыми очами самую истину»... Сын просит отца дать средства для образовательного путешествия по центрам тогдашней учености. «Предоставь мне то, что делает человека счастливым». Быть может, отец копит богатство для сына, чтобы видеть его обеспеченным и счастливым. Но что за приятность иметь у себя обезьяну, – это безобразие в человеческом виде, разукрашенную золотыми петлями? Наряд не изменяет смешной и глупой наружности. Что за радость ослу носить на себе таланты золота? Осёл, хотя и золотом увешан, не перестаёт кричать по ослиному. Какая польза – ни к чему негодный для сражающегося свинцовый меч спрятать в серебряные ножны? А таков и человек, который превозносится одною внешностью». Сын обещает со своей стороны приложить все усилия, чтобы оправдать расходы отца, просит отца не жалеть имущества для его образования и убеждает мать присоединиться к его просьбам, «чтобы именовать их родителями не одного перстного естества, но и бессмертной души». «Я для тебя, отец, дороже всякого имения... Будь же для своего сына не человеком, но Богом!»¹¹⁵³.

Отец отвечает сыну: «Желая быть сильным в слове, желаешь ты, сын мой, прекрасного. И сам я услаждаюсь словом, которое Царь Христос дал людям, как свет жизни, как преимущественный из даров, ниспосланных нам с небесного круга. И Он особенно любит своё наименование – «Слово». Идя на встречу, прекрасным стремлениям сына и прославляя значение образования, отец даёт молодому и неопытному сыну ряд наставлений. Он желает видеть в юноше больше стыдливости, меньше кичливости; больше смирения, меньше дерзости; он хочет заставить его научить свой ум покорности, осторожности в словах, не давая им свободы, отсекая всё лишнее, ограничивая свою горячую стремительность, словом –

воспитывая в себе добрые нравы и добродетель. Он наставляет сына, какой из трёх путей жизни ему избрать, и как смотреть на ученые занятия, чтобы сделаться не только учёным, но добродетельным, целомудренным или, как любит выражаться св. отец, – любомудренным»¹¹⁵⁴.

Не приводя многословных комментариев на эти слова, отметим ясную и определённую мысль св. отца о том, что научное образование необходимо человеку для укрощения страстей и образование нравов, для развития данных Богом способностей, для понимания красоты и истины, для стремления к Высочайшему Существо¹¹⁵⁵. Истинное образование не только не учит язычеству или порокам, но влечёт к Богу, образует мудрость, как совокупность умственного и нравственного преуспевания, учит владычеству над страстями и побуждает всемерно стремиться к добру¹¹⁵⁶. Без образования человек не может быть вполне счастлив.

После изложенного само собою понятно, насколько несостоятельно мнение тех лиц, которые, на основании писем св. отца к Григорию Нисскому по поводу открытия последним школы риторики, к ритору Евдоксию с советом отказаться от своей профессии, к Адамантию по вопросу о высылке ему книг риторического содержания, – считают его противником классического образования¹¹⁵⁷.

Должно оговориться, что св. Григорий Богослов, уважая светское образование и защищая необходимость его от нападков лицемерных невежд, не придавал ему, однако, безусловного значения и не отдавал учёности предпочтения пред богословием, а требовал от неё служебного отношения к последнему. «Сведения свои по эллинской словесности, – наставляет св. отец Селевка, – покори, что и прилично, в служение свободе истинных догматов и премудрому разумению Писаний. Ибо самая справедливость требует, чтобы духовная мудрость, как горняя и происшедшая от Бога, господствовала над учёностью дольнею, как над служительницею, которая должна не надмеваться напрасно, но приобучаться к скромному служению. Ибо дольная мудрость да будет рабою мудрости божественной»¹¹⁵⁸. «Важно изучение философии, но ещё

важнее научиться страху Божию»¹¹⁵⁹. Философия – внешнее любомудрие. Из неё должно заимствовать всё, что может споспешествовать нашему любомудрию, потому что нужна сила и в Слове, и отбрасывать то, что не может сделать лучшим. Нужна и важна философия, однако же, первое и важнейшее – познать Бога и искренно чтить его словом и делом¹¹⁶⁰. Таково учение св. отца.

Если с этой точки зрения мы посмотрим на вышеприведённые письма его, то увидим, что смысл их другой, чем какой иногда придают им: св. Григорию Нисскому он выговаривает не за посвящение себя риторским занятиям, так как и сам одно время предавался им, а за предпочтение для этого должности чтеца и священных удобопиемых книг – солёным и неприемым, звания христианина – ритору; от Евдоксия-ритора, как учителя нравов, он требует соответственной нравственной высоты и зовёт его к высшему совершенству, от детского лепета, каковым само по себе взятое является его занятие в сравнении с абсолютной истиною, – к Единому Вечному Благу; равным образом, и Адамантию он советует просить и искать более божественных книг, а не светских, стараться не лепетать по-детски, а заглянуть в истинную учёность¹¹⁶¹.

Возвращаемся к тому, с чего начали. Если научные занятия и нужны и благодетельны для людей, то для пастыря они обязательны, «ибо руководителю нужны руки, советнику – благоразумие»¹¹⁶². «Образование придаёт пастырю большую силу, как топор дровосеку»¹¹⁶³. Оно нужно пастырю и как подготовительное средство для правильного разумения «книг, начертанных Духом чрез языки святых мужей, чтобы, затем, при помощи высоких книг и божественных пророков, стать сведущими в небесном, явиться просвещёнными самим Богом и восходить выше и выше, сколько нам, однодневным тварям, возможно восходить здесь к Богу»¹¹⁶⁴.

«Когда ум твой, – пишет св. отец тому же Селевку, – как на поприще достаточно изведает силы свои в различных произведениях словесности, тогда займи его богодухновенными писаниями, собирая великое богатство двух заветов»¹¹⁶⁵.

По мысли св. отца, пастырь должен быть на высоте современного ему уровня научного образования. Это видно из тех доводов, какие приводил он в обоснование своего учения о важности образования для пастыря. Именно оно нужно, как средство апологетическое, чтобы с помощью логически развитой и истинною мудростью насыщенного ума заграждать уста лжеименному образованию, как увлекающемуся одними обольстительными словами, очаровывающими ухо и сердце сладкоречием, изяществом вымыслов и богатством выражений, ибо плодом одной лжеименной философии часто являются построенные на словах города, ничего не значащие термины, разложения смеси и пр.; оно нужно для того, чтобы смирить кичливость эллинских философов и посрамить их суеверие и многобожное безбожие, их гнусные басни; оно нужно для того, чтобы пастырю «не быть скудным умом и бедным в языке, знать обороты речи, изречения и загадки мудрых, Пирроновы способы настоять, задержать, противопоставлять, Хризипповы приёмы решать силлогизмы, злохудожности Аристотелевых ухищрений, обаяния Платонова красноглагольства, – знать и опровергать всё то, что, подобно египетским язвам, ко вреду вкралось в нашу Церковь, как разбойнические и страшные учения»¹¹⁶⁶. Занятие языческой философией уже потому не может быть для пастыря делом чуждым или предосудительным, что языческие учёные, «разимые стрелами великого божества, близко подошли к истине, ибо заглядывали в божественные книги, не блуждали в совершенной темноте, но изредка бывали, озарены молнией»¹¹⁶⁷. Отсюда, философия и богословие, как имеющие общий источник происхождения, не чужды друг другу, но родственны.

Однако, чтобы занятия философией, или вообще научное образование, приносило надлежащую пользу, должно знать, как пользоваться языческой учёностью. Св. отец даёт ряд таких наставлений, весьма необходимых пастырю в деле и своего образования и руководства пасомыми.

По мнению св. отца, изучение философии – дело обоюдоострое, ибо «из-за увлечения ею молодые люди бесятся и сходят с ума»¹¹⁶⁸. «Ты, сын мой, наставляет он упомянутого

Селевка, – сберегай добрые нравы, это богатство в собственном смысле, тебе принадлежащее и сродное, не допускай его до ржавчины упражнением в науках, занимайся стихотворными книгами, историческими писаниями, красноречивыми произведениями витий, тонкими рассуждениями философов. Но со всем этим обращайся благоразумно; с мудростью собирай отовсюду полезное, с рассудительностью избегай всего, что в каждом писателе есть вредного, подражай работе мудрой пчелы, которая садится на всякий цветок, но весьма умно берёт с каждого только полезное. У ней наставницей – сама природа, а у тебя есть рассудок. Обильно пожинай, что может доставить пользу, а если что приносит вред, заметив дурное, лети скорее прочь; потому что ум человеческий быстропарящ. Посему, что ни написано в похвалу добродетели, – то изучай тщательно, затверживай мысль и красоту речения. А что суесловили они о богах, какие по научению демонов написали нескромные басни, достойные смеха и слёз сказки, того бойся, как силков и сетей. Так, обойди терны, сорви розы. Вот наилучшее для тебя правило, как читать языческие писания»¹¹⁶⁹.

Бесспорно, в языческой учёности есть много и худого, поскольку она в течение столетий проходила чрез сознание язычников. Но всецело, огульно охуждать её за это нет оснований. «Небо, землю, воздух и всё, что на них, не должно презирать за то, что некоторые худо уразумели, и вместо Бога, воздали им божеское поклонение. Напротив того, мы, воспользовавшись в них тем, что удобно для жизни и наслаждения, избежим всего опасного и не станем с безумцами тварь восставлять против Творца, но от создания будем заключать о Создателе... Также и об огне, о пище, о железе и о прочем – нельзя сказать, что которая-либо из сих вещей сама по себе всего полезнее или всего вреднее; но сие зависит от произвола употребляющих. Даже между пресмыкающимися гадами есть такие, что мы примешиваем их в целебные составы. Так и в науках нужно заимствовать исследования и умозрения, но откидывать всё то, что ведёт к демонам, к заблуждению и в глубину гибели. Должно извлекать из них

полезное даже для самого благочестия, чрез худшее научившись лучшему и немощь их обратив в твёрдость нашего учения... И из наук словесных должно заимствовать то одно, что может споспешествовать нашему любомудрию¹¹⁷⁰.

Много в языческих писаниях соблазнительного и для ума, и для сердца человека, особенно молодого и неопытного. «Много людей, которые походят на шелудивых, или другою какою болезнью заражённых, животных, которые вводят в искушение простодушных... Но ты, добрый мой, – сердечно наставляет св. отец, – подобно, как умеющий узнавать доброту серебра, заимствуй у внешних, что хорошо, и отбрасывай, что не сделает тебя лучшим»¹¹⁷¹.

Что касается, затем, разного рода мистерий и обрядов, тесно связанных с языческой ученостью, то для христианина всякий их обряд и всякое таинство есть сумасбродство, тёмное изобретение демонов и произведение жалкого ума, которому помогло время, и которое закрыла баснь»¹¹⁷².

В пример нормального отношения к внешней учёности св. отец выставляет себя и св. Василия Великого. «Еще не опушились мои ланиты, – свидетельствует он о себе самом, – мною овладела какая-то пламенная любовь к наукам. И не совсем чистые учения старался я придать в помощь учениям истинным, чтобы не превозносились ничему не обучавшиеся, кроме суетного и пустого краснословия, и чтобы я сам мог не запутываться в хитросплетениях лжеумствований... С любовью посвятил я себя любомудрию чуждому и земному, обратился к речениям прекословным... Одна слава была для меня приятна – отличать познаниями, какие собрали Восток и Запад и краса Эллады – Афины; над сим я трудился многое и долгое время. Но все сии познания повергнув долу, положил я к стопам Христовым, чтобы они уступили Слову Великого Бога, Которое затмевает Собою всякое извитие и многообразное слово ума человеческого»¹¹⁷³.

5) В ближайшем отношении к изложенным недостаткам пастырского сословья того времени, а в особенности – к умалению вкуса к серьёзному научному образованию, находится отмечаемая и осуждаемая св. Григорием Богословом

страсть к богословским словопрениям и шаткость религиозных принципов его современников. Не получая серьёзного образования и относясь к нему в большинстве презрительно, пастыри того времени, а, вслед за ними и их пасомые, самонадеянно считали себя способными и правомочными пускаться в богословские мудрования и изыскания, запутываясь в них и внося смуту в религиозную жизнь общества. Появилась масса ересей, толков, учителей. Всё спорило и прекословило. Истина из храмов вынесена была на улицы и площади. «Дьявол из кровопийцы стал учёным», – по характерному определению Боссюэта¹¹⁷⁴.

Св. отец всемерно старался отвлечь своих современников с этого опасного пути на путь более надёжный. В «Слове о соблюдении доброго порядка в собеседовании и о том, что не всякий человек и во всякое время может рассуждать о Боге», посвящённом данному вопросу, он указывает на вред природной греческой горячности в словах и делах, от излишества претупающей пределы совершенства и добродетели. Он старается охладить всеобщий пыл к учительству. Быть всем учителями нельзя. Каждый член должен исполнять своё назначение, как это видно в телесном организме. «Глаз не ходит, но указывает путь, нога не смотрит, ухо не говорит... Так и у нас – в общем теле Христовом. Пусть один учит, другой учится, а другой делает собственными руками, чтобы подать требующему и нуждающемуся... Не все будем языком, всегда готовым, не все пророками, не все апостолами, не все толкователями... Путь ведения лучше, нежели надменное мнение, которое кичит... Говори, когда имеешь нечто лучшее молчания, но люби безмолвие, где молчание лучше слова... Не знаете, какой дар Божий молчание! Как хорошо не иметь необходимости во всяком слове, но пользоваться свободой иное избирать, а другого избегать и быть для себя сокровищем хранителем и слова, и молчания! Ибо всякое слово, по природе своей, гнило и удобоколеблемо, а слово о Боге – тем паче, чем выше предмет, чем сильнее ревность и тяжелее опасность... Богословствование вещь весьма трудная, ибо Бог есть Свет и Свет Высочайший. Входить в общение с Ним не для

всех возможно... А у нас, если как ни попало заучили два или три речения из Писания, и не в связи и без должного вразумления, надо уже и высокоумствовать и делаться ругателями и безбожниками»¹¹⁷⁵.

Тоже и в «Слове I-м о Богословии»: «Любомудрствовать о Боге можно не всякому, потому что способны к сему люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего, очистили тело и душу... Даже запрещаю не богословствование..., но безвременность, и не преподавание учения, но несоблюдение меры. Мёд, несмотря на то, что он мёд, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту. Даже прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка... Нельзя, отринув благоговение, любомудрствовать вслух всякому, и врагу, и другу, и благонамеренному, и злонамеренному»¹¹⁷⁶.

Неуместные споры и изысканья для составления новых вероопределений так же мало помогают выяснению истины, как если бы кто «растение, скривившееся на одну сторону, стал со всем усилием перегибать в противную, исправляя кривизну кривизною, а не довольствовался тем, чтобы выпрямить только до середины, остановившись в пределах благочестия»¹¹⁷⁷. Лучшее средство бороться с этим злом – доверить толкование Св. Писания и богословствование призванным к тому людям, а самим избрать более верный путь спасения – не слов, а дел, не учения, а жизни, как всем доступный и удобный¹¹⁷⁸. «Если бы этому совету следовали, то во дворы Божии не имело бы доступа это излишнее, сладкоречивое и ухищрённое богословствование. Напротив того, сказать или услышать о Боге что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству, значило бы то же, что играть в камни, или забавлять зрителей разнообразными движениями тела. Благочестие – в простоте и благородстве слова, а не в вычурности... А это новое благочестие, эту мелочную мудрость, выражающуюся в словопрениях, презирай больше, нежели ткани пауков, которые задерживают мух, но легко прорываются осами, не говорю уже пальцами. Учи одного только бояться, – а именно – своими – лжеумствованиями – подкапывать веру»¹¹⁷⁹.

Правильно любомудрствовать о Боге доступно только человеку одухотворённому, с просвещённым умом, не смешивающимся с негодными и блуждающими образами, как благовоние мира не смешивается с грязью, человеку чистому и достойному Божества¹¹⁸⁰.

б) Пастыри, как члены общества, являются не только учителями, носителями высших идеалов, но и их воплощениями в жизни. Своим личным примером они помогают христианской закваске производить брожение в нравах общества и перерабатывать их, перестраивая весь уклад жизни на началах христианственности. Если обычный жизненный строй основан на эгоизме, то пастыри, как воплощение нового принципа, внесённого в жизнь Евангелием, принципа любви и самоотверженного служения людям, необходимо внесут благодетельную перемену в бытовые отношения, заменяя старые руководящие идеи новыми. Учителем такового образцового передового пастырства является сам св. Григорий Богослов, и на его некоторых взглядах по вопросам общественной жизни мы теперь остановимся.

а) В учении св. отца об отношении к материальным благам мы видим, что оные в его глазах не имели того значения, какое обычно им приписывается. Как мы уже знаем, для него было богатством собирать познания, владеть красноречием и образовывать добрые нравы. Материальное же богатство он ценил, как средство братского общения между верующими. Его «Слово о любви к бедным останется вечным укором для бессердечных людей, живущих только для себя самих. Это – сплошной вопль о внимании к бедным, об исполнении постоянно забываемой и попираемой заповеди о любви к ближним. По мнению св. отца, обладание имуществом возможно только тогда, когда оно будет надлежащим образом употреблено и когда соучастниками в нём будут бедные. Иначе, обладание им – признак болезни душевной, страсти любостяжания, которая гораздо тягостнее телесной, потому что переходит в жизнь вечную. «Не дай мне Бог, – восклицает он, – ни жить богато, когда другие нуждаются, ни наслаждаться здоровьем, когда не подам помощи к уврачеванию их ран, ни

иметь достаточной пищи, ни одежды, ни покойного крова, когда не разделю с ними хлеба, не снабжу их по возможности одеждою и не упокою их под моим кровом! Ибо нам должно или всё оставить для Христа, дабы, взяв крест, истинно следовать за Ним или разделить своё имущество со Христом, дабы и самое обладание имуществом осветилось чрез то, что мы будем обладать им, как должно, и соучастниками в нём будут неимущие... Если же я стану строить житницы, собирая сокровища от маммоны и для маммоны, то пусть в сию же ночь истяжут душу мою для истребования отчёта в злом стяжании богатства»¹¹⁸¹.

Считать за что-либо существенное земные блага нельзя по той причине, что они также ненадежны, как след корабля на воде, что они скоротечны, быстро протекают, «даются на час», и подобно как камешки в игре, перекидываются с места на место и переходят то к тем, то к другим... Ничего здесь нельзя назвать своим; всё или время отнимет, или зависть переведёт в чужие руки»¹¹⁸². Даже более того, земные блага прямо вредны, так как подвергают владеющих ими массе неприятностей и превратностей; они обманывают и так привязывают к себе своею прелестью, что обладатели их становятся рабами, подвергаются часто неразрешимым узам и теряют своё человеческое достоинство¹¹⁸³. Наконец, обладание золотом, серебром, дорогими и лишними одеждами, самоцветными камнями и другими драгоценностями может быть прямо преступным, если по своему происхождению это богатство является результатом войн, междоусобий, насилий¹¹⁸⁴.

Единственно, что делает допустимым обладание богатством, есть благотворение. «Нищий есть творение Божией руки и, потому, не должен быть презираем..., он – прекрасный твой заступник»¹¹⁸⁵. «Будь для несчастного богом, ибо ничто так не уподобляет человека Богу, как благотворение»¹¹⁸⁶. «Человеколюбие должно считать единственным залогом нашей безопасности – телесной и душевной»¹¹⁸⁷.

Св. отца занимало разрешение вопроса, – когда не будет ни одного бедного, и он решал его в смысле самого широкого пожертвования имуществом в пользу нуждающихся, глубоко

возмущаясь обычным распоряжением им только для личных потребностей и называя этот порядок невежеством собственного опыта, какое зло бесчеловечие»¹¹⁸⁸. Вместе с тем он жестоко высмеивал страсть к богатству, повергающую других в множество скорбей и лишений. «Если хочешь разбогатеть, то сделайся начальником разбойников»¹¹⁸⁹.

б) Социальные различия (как и имущественные) появились в роде человеческом с течением времени и причиной своего происхождения имеют насилие и неправду, кои произвели их. «Сначала же не было так. Сотворивший человека в начале соделал его свободным, ограничив его только одним законом заповеди; соделал и богатым среди сладостей рая, а вместе с сим благоволил даровать сии преимущества и всему роду человеческому. Тогда свобода и богатство заключались единственно в соблюдении заповеди, а истинная бедность и рабство – в преступлении оной. Но с того времени, как появились зависти и раздоры, как началось коварное владычество змия, непрестанно и неприметно привлекающего нас ко злу лакомой приманкой удовольствия, и вооружающего дерзких людей против слабых, – с того времени расторглось родство между людьми, отчуждение их друг от друга выразилось в различных наименованиях званий, и любостязание, призвав и закон на помощь своей власти, заставило позабыть о благородстве естества человеческого»¹¹⁹⁰.

Христианин должен иметь в виду это первоначальное равенство прав и оное иметь руководством, а не последовавшее разделение, должен смотреть не на закон властителя, а на закон Создателя¹¹⁹¹.

Какие же меры должно предпринимать к сглажению социальных неравенств? Только духовно-нравственные. «Помоги, сколько можешь, природе, почти первородную свободу, уважь самого себя, покрой бесчестие, нанесенное роду твоему»¹¹⁹², – вот заветы св. отца.

Отношения между высшими и низшими, начальствующими и подчинёнными, также должны быть выражением взаимной любви и памяти о первоначальном всех равенстве, не омрачённом насилием и законами. Но вывод из сего св. отец

делает тот, что для порядка и благоустройства нужно покоряться начальству и законам. «Покоримся Богу и друг другу, и начальствующим на земли, – учить он, – Богу – по всем причинам, друг другу – для братолюбия, начальствующим – для благоустройства, и тем в большей мере, чем они кротки и снисходительны. Между нашими законами есть один закон, – закон похвальный и прекрасно поставленный Духом, Который дал Свои законы, сличив возможное и наилучшее. По сему закону как рабы должны быть послушны пастырям и учителям; так и все, обязанные давать дань – повиноваться всем властям предержащим не токмо за гнев, но и за совесть, и не делать закона ненавистным; делая зло, не доводить себя до меча, но, очищаясь страхом, заслужить похвалу от власти»¹¹⁹³.

Внушая подчинённым о долге повиновения властям, св. отец наставлял представителей власти указанием на их ответственность пред Богом за злоупотребление ею. «Ты со Христом начальствуешь, со Христом и правительствуешь. Он дал тебе меч не действовать, но угрожать, и да соблюдется меч сей Даровавшему, как чистый дар. Ты сам – образ Божий, и руководишь образ Божий, о котором здесь надо заботиться, и с которым должно перейти в другую жизнь, а в неё мы все перейдём... Поэтому, пребудь с Богом, а не с миродержителем, с Христом Господом, – а не с лютым мучителем. Подражай Божью человеколюбию... Ты можешь стать богом, ничего не сделав: не пропускай случая к обожению»¹¹⁹⁴. Цель начальствования – сеять добродетель. «Быть начальником, значит часто то же, что быть помощником добродетели и противником порока»¹¹⁹⁵.

Но такие идеальные отношения между начальниками и подчиненными на практике всегда нарушаются. Роль пастыря в таких случаях, по учению св. отца, может состоять в праве печалования и ходатайствовала пред высшими о низших, пред богатыми о бедных, пред угнетателями за угнетённых. И мы видели, как широко пользовался этим своим нравственным правом сам св. отец. Из его писем мы узнаём, какую нравственную силу представлял собой авторитет уважаемого пастыря, как этой силе подчинялись, слушались её,

подвигались под влиянием её к выполнению Евангельского закона и водворению более лучших взаимных отношений, таких, которые скрашивали бы горечь тяжёлого жизненного креста тех, кому он выпадал на долю, предоставляя им возможность возносить дух свой горе и терпеливо ожидать лучшего неба и лучшей земли, на которых правда живёт.

Послесловие

«Христос напрасно пронзён гвоздями!» (Гр. Бог.).

Полной чашей мы черпали из духоносных творений св. Григория Назианзина спасительные наставления по нашему вопросу, и всё-таки не можем сказать, что исчерпали содержание их до дна. Да и возможно ли вполне исчерпать этот глубокий кладёзь и умозрительного богословствования, и практического руководства? Черпают из него вот уже на протяжении пятнадцати столетий христиане всех исповеданий, ибо редко какого другого св. отца творения так любили и писали на них так много толкований, как на творения св. Григория Богослова. Черпают, поучаются и преклоняются пред величием его пастырского духа. Вечно новы и вечно юны его мысли, вечно свежи и пленительны полёты его гениального ума, в высшей степени удачно сочетавшего в себе дары природные, культурные и благодатные. Молодое христианское чувство, трогательное горение сердца о славе Божией, высокие богословствия умозрительные концепции, – всё это дивным образом сочеталось в дивном муже и запечатлелось в его творениях. Размеры места и времени заставляют нас отвлечь жадные уста от этого кладёзя взгляд на свою работу.

Пред нами последовательно прошли все стадии жизненного подвига св. отца и все обнаружения его пастырского служения. Мы видели будущего великого пастыря жадно собирающим с полей классического язычества нужные цветы человеческого гения и усердно выращивающим их на новых нивах молодой христианской науки. Мы присутствовали при трогательной и поучительной борьбе его в выборе между двумя жизненными направлениями. Мы видели его сопастырем отцу, а потом и пастырем малого стада. С интересом мы следили за исключительным моментом в жизни не только его самого, но и всей церковной истории, – за борьбой богатого идеалами, но бедного материальными средствами, пастыря в шумной Византийской столице, – борьбой, завершившейся нравственной победой правды и истины над ложью и человекоугодничеством.

Видели мы св. отца предающимся не отдохновению, но непрерывным трудам на поприще поэтического творчества и продолжающим борьбу с врагами Церкви лично, и помощью чернил. Мы изложили начертанный им идеал пастыря и пастырской деятельности и остановились на мрачной картине нравственных недостатков духовенства того времени.

Тяжела эта картина. Если мы отнесемся к ней даже критически, если примем во внимание собственное замечание св. отца о том, что он не может удержать в себе желчи и просить великодушно снести колкое слово, сказанное им, как плод его горести¹¹⁹⁶; если, наконец, согласимся с Ullman'ом, что иное здесь поставлено для украшения¹¹⁹⁷: то, тем не менее, должно признать, что большая часть его характерных бытовых черт всё же взята из жизни, носит на себе печать действительности, а не вымысла, и что, посему, нравы духовенства того времени были ужасно развращены. Вполне понятно негодование св. отца, пастыря-аскета, видевшего всё несоответствие духовных руководителей их идеалу, сознававшего весь вред и позор для Церкви такого явления, глубоко скорбевшего о сём, всемирно боровшегося с этим пороком пастората того времени и, наконец, сознававшегося, что такая борьба выше его сил¹¹⁹⁸. Сколько горечи должно было накопиться в его душе, чтобы позволить себе исполненный отчаяния вопль: «Напрасно Христос пронзён гвоздями!»¹¹⁹⁹.

Думаем, что верно поймём мысль и намерение св. отца, если признаем, что клеймя своими едкими сарказмами порочное духовенство своего времени, он имел в виду цель не только полемическую, но и нравственно-педагогическую, – ту, чтобы ярким изображением пороков предохранить всех последующих пастырей от позорных недостатков и тем удержать их на подобающей им высоте. И он достигает своей цели. Горьки смех его сатир чрез все века доносился и доносится до сердца пастырей, и не может не трогать их как правдивостью и жизненностью изображения, так и своею святою ревностью о подобающей им святости. Достигает, трогает, волнует и производит благодетельный переворот в настроении, в мыслях, рождает решимость беречься от запечатленных

дурных образов и постоянно направлять свою передовую пастырскую ладью прямым путём к цели, не сбиваясь с пути и не увлекая за собою на ложный путь своё стадо, поэтому, всякий пастырь, пожелавший подогреть свою пастырскую ревность, найдёт в творениях св. отца необходимые наставления и указания. Дай Бог, чтобы каждый пастырь возможно чаще, от времени до времени, сверял свой пастырский подвиг с идеалом, завещанным св. отцом, как с зеркалом, смиренно сознавая свою человеческую немощь и с молитвою обращаясь за помощью к Пастыреначальнику, взывать к Которому для св. Григория нам самим изучение творений св. Григория Назианзина принесло пользу в том отношении, чтобы мы иное в своём собственном пастырском служении исправили, иное изменили, иное улучшили и вновь ввели, то мы были бы довольны достигнутыми результатами своей работы и могли бы дерзновенно сказать:

«Нет, Христос пронзён гвоздями не напрасно!»

Литература

а) Отдельные издания

- 1) Св. Григория Богослова. Творения. Русский пер. Москва. 1889 г., т. I–VI.
- 2) Греческие тексты. Migne P. C. S. Gr. T. XXXV–XXXVII.
- 3) G. Ulimann. Greg, bon Naz. d. T. Gotha, 1866.
- 4) Св. Василий Великий. Творения, т. I–VI, 3 д., 1902 г.
- 5) Св. Григорий Нисский. Творения, т. I–VII, изд. 1862 г.
- 6) Бл. Иероним. Творения, т. V, изд. 1879 г.
- 7) Феодорит Киррский. «Церк. История». СПб, 1852 г.
- 8) Сократ Схоластики. «Церк. Ист.» СПб., 1850 г.
9. Э. Созомен. Церковная История. СПб., 1851 г.
- Арх. Филарет. «Истор. уч. об О. Ц.», I–II. СПб., 1859 г.
- Фаррар. «Жизнь и труды Св. О. и Уч. Ц.». СПб, 1891 г.
- В. Геттэ. «История Церкви», I– III. СПб., 1875 г.
- Робертсон. « История Хр. Цер.» т. I–II. СПб., 1890 г.
- Проф. А. Лебедев. «Собрание ц.-исторических сочинений», т. X, «Духовенство»... М., 1905 г.
- Его же а) «Из истор. Всел. Соб. IV–V в.». изд. 1904 г.
- б) «Вс. Соборы IV–V в.». Москва, 1879 г.
- Еп. Иоанн. «История Всел. Соборов» Новочерк., 1893 г.
- Шлоссер. «Всемирная История», т. I–II. СПб., 1861–1862.
- Арх. Агапит. «Жизнь св. Григория Богослова и его пастырская деятельность». СПб., 1859 г.
- А. Говоров. «Св. Григорий Богослов, как христианский поэт». Казань, 1886 г.
- Свящ. Н. Виноградов. «Догматическое учение св. Григория Богослова». Казань, 1886 г.
- Проф А. Спасский. «Истор. догмат, движений». С.-Пос., 1908 г.
- Архим. Борис. «История христианского просвещения». Казань, 1890 г.
23. Проф. Певницкий. » Священники». Киев, 1885 г.
24. Архим. Порфирий. «О стихотворениях св. Григория Богослова», Киев 1863 г.

25. Ф. Терновский. «Греко-Восточная Церковь в период Вселенских Соборов». Киев, 1883 г.
26. Православная Богословская энциклопедия, т. IV, VIII.
27. Гарбель. «Настольный энциклопедический словарь».
28. Любкер. Реальный словарь класс. древностей.
29. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь (соотв. т.).

б) Журнальные статьи

30. Шалфеев. «Св. Григорий Богослов, как учитель веры». Христ. Чтение, 1861, 1.
31. «Последние годы жизни св. Григория Богослова», ib., 1863, 11.
32. «Второй Вселенский Собор», ib., 1878, II.
33. Барсов, Н. «Св. Григорий Б-в, как проповедник», ib., 1886, 11.
34. «Жизнь св. Григория Богослова», «Прибавление к творениям св. отец». 1843, 1.
35. Цветков. «Обзор апологетических трудов IV–V в.», ib., т. 25.
36. Борисовский, П. а) «Путешествия оо. и уч. Церкви II и IV в. для самообраз.». «Вера и Разум», 1894, 11;
б) «Догматич. основы»... – ib., ¹/₁, 525.
37. Его же. «Мысли св. Григория Богослова о жизни созерцательной и уединённой», ib., 1896, 1.
38. «Св. Григорий Богослов, как обличитель недост. пастырей». Труды Киев. Дух. Академия, 1869, 4.
39. Ковальницкий. «Значение национального элемента в ист. развитии христианства», ib., 1880, III.
40. «Деяния Второго Вселенского Собора». Православный Собеседник, 1859 г., прилож.
41. «Деятельность пастырей IV в. в отношении к общественной жизни», ib, 1860, 1.
42. Проф. А. Лебедев. «Христианский мир и греко-римская цивилизация», Чтен. в Общ. Люб. Дух. Просвещения, 1873, 1.
43. Его же. «Влияние язычества и христианства на питомцев греческих школ». Душеполезное Чтение, 1885, 1.
44. «Церковное проповедничество в IV в.». Духовная Беседа, 1874, 1.
45. «О характере слов св. Григория Назианзина». Воскресное Чтение, 1854, 44 т.

Примечания

- ¹ - Св. Григорий Богослов, творения I, 219.
- ² - Ib. VI, 5–6.
- ³ - G. Ullmann, „Greg. v. Naz «Gotha, 1866, 333.
- ⁴ - Евр. 12, 1–12; 13, 7
- ⁵ - Ullmann ц. с., 335.
- ⁶ - Настольный Энциклоп. словарь изд. А. Гарбель, т. IV, стр. 2050; энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона т 27, стр. 391; — „Православная Богосл. энциклопедия», т VIII, стр. 546–7: Ф. Любкер „Реальный словарь клас. древности» перевод професс. Модестова, стр. 200.
- ⁷ - Твор. Св. Григория Б. изд. 3-е, Москва 1889 г, том II, 116; I. 206–207; II, 87; VI, 7. В дальнейшем изложены будут и указаны лишь том и страница.
- ⁸ - VI. 6; I. 193; II. 110–115; I. 196. II, 86.
- ⁹ - V. 312; VI. 7; V. 308; IV. 232.
- ¹⁰ - I. 197; IV, 232
- ¹¹ - II. 91
- ¹² - I. 197
- ¹³ - II. 86, 91–93
- ¹⁴ - II. 94–95
- ¹⁵ - I. 196; V. 304–305
- ¹⁶ - IV. 241
- ¹⁷ - VI. 7; 1, 6: V. 318.
- ¹⁸ - Migne Patrologiae с с; series graeca т. XXXV, С. 153. Ф. В. Фаррар („Жизнь и труды Св. оо и Уч. Церкви» стр. 381) относит рождение св. Григория к 330 г.; Арх. Филарет (Историческое учение об отцах Церкви, т. II, стр. 158, прим 1-е)– к 320 г., считая неправильным сопоставление года рождения с началом пастырской деятельности отца Другие, как Свода и Ле-Клерк, относят рождение св. Григория к 300–1, годам. (Свящ. Н. Виноградов; „Догматическое учение св. Григория Б. стр. 110 прим.). Базой для определения времени рождения могут

служить следующие соображения: смерть Григория старшего последовала весной 374 года; в похвальном слове отцу св. Григорий свидетельствует, что сорок пять лет из своей почти столетней жизни он провёл в священстве (т. II, 115); следовательно, начало священства Григория старшего падает на 329 г. (374–45=329). Затем, нет основания понимать в каком то переносном смысл в (как это делает Преосв. Филарет ц. с.) слова отца Григория – сыну: „Ты не живёшь ещё столько на свете, сколько прошло времени, как я приношу жертвы Богу» (VI, 19)), так как по контексту речи отец говорить именно о своих священнических жертвах. Если же необходимо принять буквальное значение этих слов (а это необходимо), то рождение св. Григория имело место после принятия его отцом пастырских обязанностей, следовательно, после 328–9 гг. Такого же мнения о годе рождения св. Григория держится Ullmann: Gregorius von Nasianz der Theologe, Gotha 1886, § 382–383.

¹⁹ - VI. 7

²⁰ - IV. 241–242

²¹ - VI. 95; II. 85

²² - Фаррар ц соч. 381

²³ - Фаррар ц соч. V. 306

²⁴ - II. 87–91.

²⁵ - II, 101: V, 209

²⁶ - VI. 8.

²⁷ - IV. 242.

²⁸ - VI. 8.

²⁹ - IV. 242.

³⁰ - VI. 255.

³¹ - VI. 256.

³² - V. 52–3.

³³ - I. 203; V. 362; VI. 113.

³⁴ _

³⁵ - I. слово 7.

³⁶ - VI. 8.

³⁷ - VI. 8.

- 38 - V. 294.
- 39 - V. 293.
- 40 - II. 52.
- 41 - VI. 8.
- 42 - Архим. Борис: „История христ. просвещения в его отношении к греко-римской образованности», пер II, изд. – 1890, стр. 6.
- 43 - Борис Архим., ц. соч стр. 16. 95 и др; вопрос о христианственности всех без исключения учителей „Auditorium'a является сомнительным.
- 44 - Сократ, Церковная История книга 5, глава I, изд. 1750 года, стр. 213.
- 45 - Проф. А. Лебедев в „Христ. мир, и эл-рим. цивилизация в эпоху древней ц.» (Чтения в Общ. Л. Д. Пр., 1873, Апр., 435).
- 46 - II. 129.
- 47 - И. Борисовский, „Вера и Разум» 1894, 1/1 церк. отд., стр. 379 „Путешествия оо. и уч Церкви II–IV вв. для самообразования».
- 48 - II. 145.
- 49 - Caesaria – в Каппадокии, первоначально Mazaca, превращённый Тиберием. в 18 г. по Р. Хр. и названный так в честь императора Прп. Валента, главный город Cappodocia prima (Дюбкер „Реальный словарь кл. древн». т. II, 190).
- 50 - IV, 53.
- 51 - Migne с с. t XXXVII, с. 1461.
- 52 - V, 296.
- 53 - IV, 52.
- 54 - I, 198–9.
- 55 - Первоначально „Στρατώνος πύργος” — на границе Галилеи и Самарии, расширенная Иродом I в 13 г до Р. Хр. И названная им в честь Августа „Caesaria” (Любкер, ц. соч. стр. 190).
- 56 - Блажен. Иеронима „Книга о знаменитых» мужах, глава 113.
- 57 - I. 198

⁵⁸ - Ц. соч. Бл. Иер. capit CXVI, стр. 339.

⁵⁹ - Один из многих городов с таким названием. „εν Αἰγύπτῳ” основанная в 331 г до Р. Хр. для утвержд. греческого владычества в Египте на узкой полосе между Средиземным и Мареотийским озером, отличавшаяся надменностью и легкомыслием своих жителей (Любкер. Ц. соч. стр. 57–58).

⁶⁰ - I. 9.

⁶¹ - VI. 8.

⁶² - „Вселенские Соборы IV и V вв. ” А. Лебедев, изд. 1879. стр. 34.

⁶³ - IV. 53.

⁶⁴ - VI. 9, II. 107.

⁶⁵ - VI. 10.

⁶⁶ - II. 107.

⁶⁷ - II. 107.

⁶⁸ - Столица Аттики, — главное средоточие древне-олл культуры, седалище греческой философии, наук и искусств, — основаны за 1500 лет до Р. Хр., на берегу Эгинского залива, в слиянии 2-х рек Кефисса и Иллиса, в 4 километрах от морской гавани Пирея (Больш. Энцикл. II, 350: Прав. Богосл. Энцикл II, 189; Наст Энци. Слов Гарбея I. 360).

⁶⁹ - Шлоссер, „Всемирная История” 1. 248.

⁷⁰ - IV. 55.

⁷¹ - А. П. Лебедев „Собрана ц-ист. соч” т. X. Стр. 308.

⁷² - А. П. Лебедев „История параллели „Душепол. Чт.”1885, I, стр. 10.

⁷³ - IV. 55 и др.

⁷⁴ - Бл. Иероним: „Апология против Рунина”, кн. I твор т. V, стр. 21.

⁷⁵ - Т. IV. 58.

⁷⁶ - VI. 11.

⁷⁷ - IV. 238.

⁷⁸ - VI. 11 Св. Григорий Богослов.

⁷⁹ - IV. 54.

- 80 - VI. 11.
81 - IV. 54.
82 - IV. 57.
83 - IV. 58, VI. 11.
84 - IV. 60.
85 - IV. 62.
86 - IV. 39.
87 - IV. 60.
88 - V. 318.
89 - IV. 64.
90 - VI. 12.
91 - Церк. Истор. кн. IV, гл. 6, изд. 1858 г. Стр. 365.
92 - V. 288.
93 - Свидетельство Сократа схоластика (Церк. Истор. Кн. VI, 26 с.) о том, что Григорий с Василием отправлялись в Антиохию слушать — Ливания, нигде в творениях Григория не подтверждается.
94 - Св. Василий Вел. Т. VII, стр. 288–296.
95 - Архим. Борис. „История христианск. Просвещения”. пер. II стр. 449: деление наук иногда разнообразилось.
96 - IV. 63.
97 - 16.
98 - V. 316.
99 - VI. 63.
100 - VI. 12.
101 - I. 160.
102 - VI. 12.
103 - IV. 65.
104 - VI. 12; I. 200.
105 - IV. 64.
106 - V. 216.
107 - V. 240–243; I. 180–181.
108 - IV. 63.

- 109 - IV. 52.
 110 - V. 240.
 111 - V. 242; I. 108.
 112 - I. 290.
 113 - VI. 94.
 114 - VI. 14.
 115 - VI. 13.
 116 - VI. 12.
 117 - I. 179–180.
 118 - IV. 236.
 119 - VI. 13.
 120 - VI. 13–1.
 121 - IV. 236; 13–14.
 122 - VI. 256–7 Св. Григорий Богослов.
 123 - VI. 14.
 124 - IV. 231.
 125 - VI. 14.
 126 - Прав. Соб. 1860, I, 38 „Деят. Паст. церкви IV в. по
 отношен. к общеж.”
 127 - II. 158.
 128 - III. 136.
 129 - Терновский Ф. А. „Грековосточная Церковь в цер.
 Вселенск. Соборов», Киев, 1883. Стр. 19.
 130 - Терновский, ц. с. 39.
 131 - IV. 70; II. 187, 226; II. 161; IV. 34.
 132 - Св. Василий Вел. Твор. т. III, 250–252.
 133 - II, 187–189, 225–226; IV, 34–36; III, 161–2.
 134 - II . 192.
 135 - II, 187.
 136 - IV, 70.
 137 - А. П. Лебедев, „Вселенские Соборы IV–V вв.» стр. 39–
 41.
 138 - Терновский ib. 41.

- 139 - Терновский ib. 42.
140 - Ц. История, IV. 26.
141 - IV, 230.
142 - Тв. Св. Василия Вел., (изд. 1902 г.), т. VI, 7.
143 - VI. 87.
144 - Св. Василий Великий, IV, 44 изд. 1902 г.
145 - VI. 21.
146 - VI. 211.
147 - Д. Ковальницкий. „О знач. Национ. элемента в истор. разв. христианства” Тр. К д. Ак. 1880, 3, 409.
148 - Сократ С. Ц Ист. Кн. II, гл 40.
149 - А. П. Лебедев „Вселен. Соборы” Стр. 57 и др.
150 - II. 96.
151 - Св. Василий Вел. твор. изд. 1902 г., т. VI. 118–120.
152 - II. 251.
153 - I. 7.
154 - II. 114.
155 - IV. 14–15.
156 - I. 15.
157 - I, 15–16.
158 - VI, 15.
159 - VI, 14–15. Св. Григорий Богослов.
160 - I, 61.
161 - VI, 14.
162 - I, 61.
163 - I, 52–56.
164 - I, 56–63.
165 - Ib.
166 - I. 64.
167 - I. 65–67; VI. 15.
168 - I. 3.
169 - I. 3.
170 - I. 3–5.

- 171 - I. 3–6.
172 - I. 13.
173 - I. 14–16.
174 - I. 12–17.
175 - I. 7.
176 - I. 13.
177 - I. 45–49.
178 - I. 19.
179 - I. 60.
180 - I. 176–194.
181 - II. 96.
182 - I. 160.
183 - I. 93.
184 - I. 112, 113.
185 - I. 159.
186 - II, 101.
187 - I, 185.
188 - II, 108.
189 - I, 68–175 стр.
190 - I, 174.
191 - I, 69.
192 - I, 93.
193 - I, 171.
194 - I, 195.
195 - II. 109–110.
196 - II. 111–112.
197 - Письмо 11-е (VI, 101).
198 - IV. 70–72.
199 - IV. 69.
200 - IV. 69–70.
201 - IV. 101–104 св. Григорий Богослов.
202 - Ib.
203 - IV. 104.

- 204 - IV. 105–106: п. 16.
205 - 7-е, VI. 94.
206 - Ib.
207 - Письмо 22-е. VI. 111.
208 - Твор. VI. 63, изд. 1902 г.
209 - VI, 232.
210 - II. 23; VI, 112–3.
211 - 7-е; I. 195.
212 - I. 216.
213 - IV. 233; VI, 15.
214 - Письмо 24: VI. 113, IV. 232.
215 - I. 127.
216 - I. 128.
217 - Письма 10, 17. 18, 19, 20. 21, 25, 30 и др.
218 - IV. 228–231.
219 -
220 - Письмо 33 — IV, 121.
221 - Письмо 36 и 37 — IV, 125–127.
222 - II. 114.
223 -
224 - IV, 77.
225 - VI, 127. Письмо 38-е.
226 - Письмо 39-е. VI, 128.
227 - Письмо 40-е. VI, 129.
228 - IV, 71.
229 - Св. Василий Вел. твор. VI, 153.
230 - IV, 83–85.
231 - IV, 92.
232 - IV, 91.
233 - Проф. А. А. Спасский «История догмат движ.» т. I, 481.
234 - VI, 18.
235 - IV, 92.
236 - IV, 128.

237 - 43-е и VI, 134.

238 - IV, 134.

239 - VI, 17.

240 - VI, 134.

241 - Твор. св. Василия Вел. VI, 195.

242 - Фаррат. Жизнь и труды св. От. и Уч. Церкви 1891 СПб.

Стр. 414.

243 - I, 236–237.

244 - VI, 16–19.

245 - Ib. 17.

246 - Ib.

247 - VI, 18; VI, 138.

248 - VI, 18.

249 - I, 236–237.

250 - VI, 19–20.

251 - VI, 20.

252 - I, 241.

253 - 9-е — I, 234.

254 - I, 234–238.

255 - IV, 93.

256 - 10-е — I, 239.

257 - II, 115.

258 - I. 239–242.

259 - IV, 93.

260 - 11-е — I, 248–249.

261 - I. 262.

262 - II. 49 и 59-е. VI 136 и 137.

263 - VI. 136 и 49-е.

264 - II. 50-е; VI. 138.

265 - VI. 20.

266 - Письмо 51-е VI. 139.

267 - IV. 261.

268 - VI. 20.

- 269 - IV. 261.
270 -
271 - I. 250.
272 - VI. 130.
273 - Св. Василий Великий т. IV. 151 (изд. 1902 г.).
274 - VI. 133.
275 - I. 250.
276 - II. 40.
277 - 15-е — II. 40.
278 - Слово 15-е — II. 40–57.
279 -
280 -
281 - 56–57 и 58 — VI. 144–146.
282 - II. 120.
283 - II. 120–132.
284 - II. 3–39.
285 - Ib., 8–9.
286 - VI. 94.
287 - См. напр. Слово на память св. муч. Маккавеев (II, 58), произнесённое, по мнению некоторых, в Кесарии; оно важно, как памятник литургического характера и ораторского таланта св. Григория (Барсов ц. соч. 340).
288 - Письма 9-е и 10-е; VI, 99–100.
289 - Письма: 28–31; VI. 116.
290 - Письма: 16, 64, 65, 66 .
291 - Письмо 53.
292 - Письмо 57.
293 - Письмо 72.
294 - Письмо 17.
295 - Письмо 54.
296 - Письма: 62–63.
297 - Письма: 24, 25, 26, 27, 30, 45 и др.
298 - II. 15.

- 299 - V. 304–305.
 300 - VI. 143.
 301 - II. 118 Св. Григорий Богослов.
 302 - II. 18 .
 303 - 55-е — VI. 143.
 304 - V. 306–308.
 305 - VI. 20.
 306 - II. 120.
 307 - VI. 153: Письмо 168-е.
 308 - Письмо 59-е, VI. 147.
 309 - VI. 21.
 310 - IV. 261.
 311 - VI. 21.
 312 - II. 16–17.
 313 - V. 184, 198–203.
 314 - «Св. Григорий Бог, как проп.» — Хр. Чтен 1886, II, 347.
 315 - VI. 130.
 316 - Св. Григорий Нисский творения, изд. 1862 г. п. IV. 336–
 337.
 317 - III, 3–4.
 318 - IV, 35.
 319 - II. 193–195: 146: 131: VI, 39.
 320 - Сократ «Церк. История», V кн. 7 гл. 395.
 321 - III, 161–162.
 322 - III, 138; II, 227.
 323 - IV. 19.
 324 - Сократ «Церк. Ист., 5, 6–7.
 325 - Церк. История, 5, 8.
 326 - VI. 29; IV. 43.
 327 - VI, 22.
 328 - VI, 22.
 329 - VI, 81.
 330 - VI, 75.

- 331 - IV. 22.
- 332 - IV. 19.
- 333 - IV. 26.
- 334 - VI, 74.
- 335 - VI, 48.
- 336 - VI, 75.
- 337 - III. 141; IV. 238; VI. 23.
- 338 - IV. 271–273.
- 339 - V. 36.
- 340 - II. 133–142, Св. Григорий Богослов.
- 341 - II. 142.
- 342 - II. 162.
- 343 - II. 174–200
- 344 - II. 176
- 345 - II. 183
- 346 - II. 199
- 347 - III. 8–11.
- 348 - III. 12–41.
- 349 - III. 42–63.
- 350 - III. 63–83.
- 351 - III. 84–109.
- 352 - III. 110–134.
- 353 - III. 135–149.
- 354 - IV. 159.
- 355 - IV. 37; III. 141.
- 356 - VI. 65.
- 357 - III. 138.
- 358 - II. 148. 188. 193; VI, 47; I, 54.
- 359 - III. 170.
- 360 - VI. 25.
- 361 - III. 141–143. 124. 170.
- 362 - VI. 18–25.
- 363 - III. 196, VI. 30.

- 364 - IV. 37, 192: III, 136; VI. 46.
365 - VI. 159–161, II. 153 .
366 - II. 193–4.
367 - III. 139.
368 - III. 143, IV. 35.
369 - VI. 23.
370 - III. 161–163.
371 - VI. 159.
372 - VI. 24.
373 - III. 163.
374 - VI. 24.
375 - VI. 25.
376 - VI. 159.
377 - VI. 160.
378 - VI. 25.
379 - VI. 25.
380 - III. 139–140 Св. Григорий Богослов.
381 - III. 136–149; 171–173.
382 - VI. 26.
383 - IV. 271–272.
384 - V. 34.
385 - C, CXVII.
386 - VI. 29.
387 - VI. 28.
388 - II. 220.
389 - VI. 27–32.
390 - II. 217–23.
391 - VI. 29.
392 - VI. 30–31.
393 - VI. 32.
394 - VI. 33.
395 - V. 226.
396 - VI. 34.

- 397 - VI. 36.
- 398 - II. 243.
- 399 - IV. 263.
- 400 - IV. 263.
- 401 - IV. 212.
- 402 - IV. 217.
- 403 - IV. 237.
- 404 - IV. 245.
- 405 - II. 237–254 .
- 406 - II. 237.
- 407 - II. 253.
- 408 - III. 160–164.
- 409 - VI. 37.
- 410 - IV. 41.
- 411 - IV. 39.
- 412 - VI. 40.
- 413 - Сократ Церк. ист. 5, 6.
- 414 - VI. 42.
- 415 - VI. 43.
- 416 - VI. 44.
- 417 - Сократ 5, 7. Св. Григорий Богослов.
- 418 - VI. 47.
- 419 - VI. 45.
- 420 - VI. 47.
- 421 - V. 44–106.
- 422 - VI. 47, V. 287.
- 423 - III. 165–175.
- 424 - VI. 46.
- 425 - III. 150–159.
- 426 - II. 201–216.
- 427 - Барсов — Хр. Чт. 1866. II. 352.
- 428 - III. 166–175.
- 429 - III. 176–192.

- 430 - III. 193–207.
431 - III. 208–224.
432 - IV. 3–17.
433 - Сократ, Ц. Ист. 5, 8; Феодорит, Ц. Ист. 5, 6–8.
434 - VI. 48.
435 - Ц. Ист. 5, 7.
436 - Сократ. 5, 8.
437 - VI. 48.
438 - Феодорит. II. Ист. 5, 8.
439 - VI. 49–50.
440 - IV. 51–52.
441 - VI. 53.
442 - «Всел. Соборы IV–V вв.» М 1879, стр. 128.
443 - VI. 53.
444 - Цит. соч. 133.
445 - VI. 55.
446 - VI. 55–56.
447 - VI. 56.
448 - Феодорит «Церк. Ист.» 5, 8.
449 - VI. 273.
450 - VI. 165.
451 - VI. 169.
452 - VI. 57.
453 - VI. 58.
454 - VI. 71–73, 80. Григорий Богослов.
455 - VI. 59.
456 - VI. 66.
457 - IV. 33–35.
458 - IV. 18–40.
459 - IV. 40.
460 - IV. 43.
461 - IV. 41–113.
462 - Проф. Н. Барсов, цит. соч., стр. 356.

- 463 - IV. 112–113.
464 - VI. 166.
465 - VI. 165.
466 - VI. 59; IV. 111, 113.
467 - IV. 3.
468 - VI. 271–274.
469 - VI. 166, — 82-е.
470 - VI. 63.
471 - п. 87-е — VI, 169.
472 - IV. 39.
473 - VI. 60–78.
474 - Образ взят из обычной тогда игры в кости.
475 - VI. 61, 74, 63, 72, 75.
476 - К Филагрию п. 84 — VI. 167–8.
477 - VI. 5–60.
478 _
479 - п. 108 — VI. 179.
480 - VI. 221 — п. 160, к Олимпию.
481 - VI. 241 — п. 183, к Кастору.
482 - V. 9.
483 - VI. 241.
484 - V. 32–34.
485 - V. 9–32
486 - п. 112 — VI. 183
487 - VI. 221.
488 - VI. 218.
489 - IV.212.
490 - VI. 193.
491 - Письмо 90; VI. 171–2.
492 - 146 – VI. 212.
493 - IV. 112–122.
494 - IV. 123–149.
495 - А. Лебедев «Все соборы», стр. 68–72.

- 496 - Письмо 112 — VI. 182–183.
497 - VI. 182–183 Св. Григорий Богослов.
498 - 124-е — VI. 193 .
499 - VI. 158–176.
500 - IV. 158–9.
501 - IV. 162.
502 - IV. 169.
503 - п. 139, VI. 207–208 .
504 - п. 146 — VI. 211.
505 - п. 107 – VI. 179.
506 - п. 110 – VI. 181.
507 - п. 142 – VI. 210.
508 - п. 151 – VI, 215–216.
509 - п. 152 – VI. 216–217.
510 - VI. 155–157.
511 - А. Говоров „Св. Григорий Богослов, как хр. поэт, Казань, 1886, стр. 182.
512 - Ibid. 183.
513 - Созомен, Церк. ист., VI. 25 (428 стр.).
514 - VI. 82.
515 - VI. 82.
516 - VI. 28.
517 - VI. 83.
518 - VI. 84.
519 - Ibid.
520 - VI. 83.
521 - VI. 5.
522 - IV. 216.
523 - Проф. А. Говоров „Св. Григорий Богослов, как христианский поэт» Казань 1886, стр. 35 и др.
524 - De viris III с CXVII.
525 - Migne, t 35, 36, 37.
526 - VI. 83–84. Св. Григорий Богослов.

- 527 - Истор. уч. об отц. цер. т. II, стр. 175.
- 528 - V. 36.
- 529 - V. 8–9.
- 530 - Ibid. 10–32.
- 531 - V. 15, 18, 19, 21 и др.
- 532 - V. 25, 28–29.
- 533 - Арх. Порфирий „О стихотв. Св. Григория Богослова” из Трудов К. Д. А. за 1863 г., стр. 18.
- 534 - Говоров 3, 18.
- 535 - Сократ „Церк. История”, VI. 8.
- 536 - А. Говоров, ц сон., стр. 310.
- 537 - V. 5.
- 538 - IV. 123.
- 539 - III. 193 .
- 540 - IV. 7.
- 541 - V. 8–9.
- 542 - V. 9.
- 543 - Ibid, 10.
- 544 - Всего 238.
- 545 - п. 18 – VI. 107.
- 546 - п. 19 – VI. 108–109.
- 547 - п. 85, 73, 92, 139, 156, 151, 152, 167 и мн. др. (VI т.).
- 548 - п. 139, 232, 111, 141, 117, 140, 238, 143, 144 и мн. др (VI т.).
- 549 - п. 177, 180, 216.
- 550 - п. 182. 195, 200, 213.
- 551 - 65–68, 90, 106–107, 112, 122, 139, 151. 152, 154. 156.
- 552 - 188, 204–206, 59
- 553 - п. 74–76, 86, 109, 111, 115, 116–119, 123, 139, 141, 144, 148, 155, 157, 147, 161, 173, 187, 193, 194, 196–201, 211, 226, 227, 235 и др.
- 554 - п. 145, 180, 231, 238.
- 555 - п. 135, 136, 137, 138, 215, 217, 223, 224.

- 556 - п. 93, 94, 190.
557 - п. 87, 174, 229, 236.
558 - п. 82–84, 166, 167, 186.
559 - п. 188, 204–206, 59, 63, 185.
560 - п. 171, 172, 191, 192, 219.
561 - п. 134, 17.
562 - п. 113, 114.
563 - п. 113, 115.
564 - п. 135 — VI. 202–203.
565 - п. 210 — VI. 262.
566 - п. 174–181.
567 - п. 182.
568 - 184–187: – V. 215.
569 - п. 188–190.
570 - п. 192.
571 - п. 171 – V. 203.
572 - п. 220.
573 - п. 126.
574 - п. 127-e.
575 - п. 128-e VI. 196.
576 - п. 129 – ib.
577 - п. 131 – VI. 199.
578 - 132–134, ib.
579 - 140 – VI. 209.
580 - 158 – VI. 219.
581 - 161–162, 163, 165.
582 - п. 166–167.
583 - п. 168–169 – VI. 228–229.
584 - 170 – VI. 230.
585 - 75, 181, 120. 141, 184.
586 - Напр. дело Сакердота – п. 196, 211. VI. 252–262.
587 - „На безмолвие”, IV. 187–291.
588 - Ibid.

- 589 - Письмо 92 – VI. 172.
590 - 96 – VI. 175.
591 - п. 98 – ib.
592 - Слово 45 — IV. 123.
593 - п. 195: VI. 251.
594 - п. 212; VI. 263.
595 - IV. 224.
596 - V. 166–168. Св. Григорий Богослов.
597 - V. 23–24.
598 - Ibid., 25.
599 - IV. 248.
600 - IV, 248–252.
601 - 207.
602 - 194.
603 - 208.
604 - 212–214.
605 - IV. 218. 190.
606 - VI. 223, 242, 246–7, 292, VI. 203.
607 - IV. 230–231.
608 - IV. 237, 245; V. 27.
609 - IV. 220–221, 234, 298.
610 - IV. 268; V. 21.
611 - V. 32.
612 - Ibid., 32, 35.
613 - IV. 258, 267.
614 - V, 27.
615 - IV, 258, 267.
616 - V. 319, 314.
617 - А. П. Лебедев, „Собрание ц. ист. соч.», т. X, стр. 453–4.
618 - Арх. Филарет. „Истор. учение об отц. церкви”, т. II. стр.
167.
619 - Количество писем и стихотворений насчитывают разно:
писем до 243 и стихотворений – до 408. Мы следовали арх.

Филарету.

620 - Арх. Филарет, ц. соч. 190.

621 - III. 262.

622 - IV. 243.

623 - IV. 263–264.

624 - III. 125, 127, 129.

625 -

626 - 1. 126.

627 - IV. 177–189.

628 - I. 49; IV. 187, 197. IV. 198 .

629 - IV. 289–290.

630 - „Св. Григорий Бог., как учитель веры П. Шалфеев. „Хр. Чт.” 1861 г., I. 273.

631 - Проф. Барсов, ц. с. 361 стр. (Хр. Чт. 1886, 11). Св.

Григорий Богослов.

632 - II. 122.

633 - I. 250.

634 - II. 121 – VI. 191.

635 - V. 177.

636 - II. 198.

637 - I. 189.

638 - I. 86; V. 107.

639 - V. 107–108.

640 - V. 39.

641 - IV. 246; II. 210.

642 - V. 107; I. 5.

643 - IV. 189; I. 213 П. Борисовский. „ Догм. основы христ. морали по твор. св. Григория Богослова”, „Вера и Раз”, 1894, 1/1, 525.

644 - II. 46.

645 - III. 149.

646 - I. 248.

647 - IV. 199.

- 648 - IV. 200.
649 - I. 21.
650 - IV. 197 – Слово 7-е о душе.
651 - IV. 200–201.
652 - I. 21.
653 - IV. 201.
654 - IV. 202.
655 - III. 23–24.
656 - III. 24; IV. 202.
657 - IV. 203, 130.
658 - IV. 204–205.
659 - IV. 228; I. 24–25.
660 - IV. 160.
661 - III. 194.
662 - Ibid.
663 - I. 5.
664 - Ibid.
665 - I. 193; III. 66.
666 - I. 179.
667 - I. 192–193. Св. Григорий Богослов.
668 - III. 117–118.
669 - I. 16.
670 - I. 14.
671 - I. 13.
672 - I. 254.
673 - I. 254.
674 - I. 235.
675 - II. 242.
676 - I. 21.
677 - I. 22.
678 - VI. 63–65
679 - V. 220.
680 - I. 39; VI. 133.

- 681 - V. 86.
682 - III. 115–118; II. 126.
683 - I. 14.
684 - I. 13.
685 - I. 57.
686 - I. 67.
687 - IV. 38
688 - VI. 126.
689 - IV. 67–76.
690 - III. 123.
691 - I. 250.
692 - III. 119.
693 - I. 257.
694 - I. 25.
695 - I. 49.
696 - VI. 67.
697 - V. 79.
698 - I. 59–60.
699 - I. 252–253.
700 - I. 51.
701 - VI. 69.
702 - IV. 299.
703 - II. 102.
704 - I. 24; V. 107.
705 - I. 257, 252.
706 - II. 125.
707 - V. 109.
708 - I. 11; V. 108.
709 - V. 219.
710 - V. 167.
711 - V. 166.
712 - III. 150–151
713 - II. 3.

- 714 - III. 163–164.
715 - III. 192, 190.
716 - IV. 29.
717 - III. 223.
718 - Ibid.
719 - VI. 64.
720 - II. 125.
721 - I. 10–11,
722 - I. 48.
723 - I. 228, 257.
724 - I. 40.
725 - III. 125.
726 - I. 49.
727 - I. 17–18.
728 - I. 22.
729 - I. 22.
730 - I. 22–23.
731 - I. 33.
732 - I. 38.
733 - I. 23.
734 - III. 102.
735 - II. 239.
736 - I. 33–34.
737 - I. 34.
738 - II. 211; VI. 65.
739 - I. 23.
740 - IV. 105, 107; I. 237–8.
741 - I. 40.
742 - II. 83.
743 - I. 26.
744 - I. 29.
745 - III. 191–192.
746 - IV. 76.

- 747 - VI. 39–40.
748 - I. 39.
749 - I. 23.
750 - VI. 68.
751 - I. 56.
752 - VI. 68–71. Св. Григорий Богослов.
753 - I. 42–47.
754 - I. 51.
755 - II. 238.
756 - I. 50–65.
757 - I. 19.
758 - I. 39.
759 - I. 238.
760 - II. 241.
761 - II. 253.
762 - III. 172.
763 - I. 32.
764 - IV. 168.
765 - I. 13.
766 - I. 59–60.
767 - I. 64–65.
768 - I. 234–236.
769 - I. 252.
770 - I. 61.
771 - I. 65.
772 - I. 253.
773 - I. 257.
774 - I. 48–50.
775 - II. 3.
776 - III. 110.
777 - I. 38–50.
778 - I. 51, 55–56.
779 - I. 235.

- 780 - I. 14.
781 - I. 1. 3.
782 - I. 36; III. 119.
783 - IV. 71.
784 - I. 14.
785 - I. 65–66.
786 - I. 56.
787 - I. 64.
788 - I. 65.
789 - I. 235–236.
790 - I. 37.
791 - I. 35–36.
792 - I. 36.
793 - I. 64.
794 - I. 59–60.
795 - IV. 65–67 Cp. III. 10.
796 - II. 148
797 - VI. 69–70.
798 - VI. 73; III. 134.
799 - II. 133–134.
800 - I. 56. 238.
801 - II. 135; I. 48. 59; IV. 43.
802 - IV. 12.
803 - I. 176.
804 - III. 145; I. 51–57.
805 - I. 38
806 - I. 236–237. 38.
807 - I. 49.
808 - I. 257.
809 - I. 49
810 - III. 168.
811 - II. 42; I. 236–7.
812 - I. 20–21.

- 813 - I. 25–27
814 - I. 39.
815 - I. 29.
816 - I. 35, 59; VI. 64.
817 - IV. 299; V. 176; III. 124.
818 - II. 161.
819 - III. 125.
820 - III. 168.
821 - IV. 50.
822 - Ibid.
823 - I. 34.
824 - IV. 151.
825 - III. 156–157.
826 - Ibid.
827 - 1. 31–32.
828 - Ullman, Gregorius v. Naz. Gotha, 1866, 365.
829 - III. 148.
830 - IV. 84–86, 102.
831 - V. 40.
832 - I. 31–33.
833 - I. 34–35.
834 - IV. 43.
835 - IV. 53.
836 - I. 58.
837 - IV. 93.
838 - IV. 100.
839 - Ullman, стр. s. 364.
840 - I. 19–20.
841 - VI. 269.
842 - I. 33.
843 - I. 23.
844 - I. 25.
845 - I. 47–48.

- 846 - II. 81.
847 - II. 213.
848 - I. 220.
849 - I. 57–60.
850 - I. 59–60.
851 - IV. 120
852 - II. 142.
853 - IV. 101.
854 - IV. 45, 62.
855 - IV. 25.
856 - II. 166–167, 172.
857 - IV. 100.
858 - VI. 63–67.
859 - IV. 290.
860 - VI. 124; IV. 38.
861 - I. 13, 16.
862 - IV. 208.
863 - I. 18.
864 - IV. 76–78.
865 - II. 143–149.
866 - II. 143–149.
867 - I. 19.
868 - IV. 262.
869 - V, 170.
870 - IV. 208.
871 - I. 144.
872 - V. 8.
873 - V. 26.
874 - V. 96.
875 - V. 130.
876 - IV. 118.
877 - II. 71; I. 253.
878 - II. 166; IV. 68.

- 879 - II. 207.
880 - II. 8–9.
881 - IV. 38; VI. 54; II. 115.
882 - II. 208.
883 - II. 243.
884 - III. 124.
885 - IV. 39.
886 - VI. 70.
887 - I. 247.
888 - A. Vinet «Past. Theol, Paris, 1850. 149.
889 - I. 136.
890 - VI. 94–95.
891 - I. 169; II. 18; V. 94.
892 - VI. 228.
893 - II. 188.
894 - IV. 195.
895 - VI. 64.
896 - VI. 73.
897 - II. 193–195.
898 - I. 236.
899 - II. 78.
900 - II. 176.
901 - II. 240.
902 - III. 110.
903 - III. 172, 173
904 - Ibid.
905 - I. 12.
906 - IV. 131, 210 и др.
907 - I. 137; II. 162.
908 - II. 238–239.
909 - I. 6; III. 147.
910 - II. 18.
911 - VI. 70.

- 912 - II. 54.
913 - II. 99–100.
914 - II. 172, 149, 101.
915 - II. 253; IV. 65.
916 - II. 103.
917 - II. 200.
918 - II. 237.
919 - VI. 81, 196–203.
920 - IV. 99.
921 - I. 245.
922 - III. 223.
923 - I. 192.
924 - IV. 35.
925 - II. 143, 201; IV. 41.
926 - II. 149, 172.
927 - IV. 106–112, 96.
928 - I. 51.
929 - I. 250.
930 - II. 54.
931 - II. 131.
932 - VI. 56.
933 - VI. 67.
934 - VI. 68–69; IV. 91.
935 - VI. 122–123.
936 - III. 223; V. 79.
937 - V. 220; II. 162; I. 34; I. 51.
938 - II. 51.
939 - I. 4; III. 125, 173; V. 152; IV. 80; III. 261–263.
940 - I. 10; V. 81; III. 150; I. 246; III. 196.
941 - V. 220; III. 262; I. 34; V. 108; II. 241.
942 - III. 131.
943 - I. 252; V. 104.1.
944 - I. 48.

- 945 - I. 236.
946 - V. 170.
947 - V. 170; II. 123–123.
948 - VI. 150.
949 - VI. 159.
950 - II. 149, 142.
951 - II. 83, 51.
952 - I. 18–19.
953 - I. 18–19.
954 - I. 18–19.
955 - I. 20.
956 -
957 - I. 26.
958 - I. 28–29.
959 - I. 135.
960 - II. 41.
961 - II. 99–100; IV. 112.
962 - II. 142.
963 - II. 242.
964 - III. 119.
965 - IV. 103; V. 170.
966 - I. 29.
967 - I. 32.
968 - III. 4.
969 - III. 110.
970 - III. 113, 219.
971 - IV. 99.
972 - IV. 3.
973 - IV. 5.
974 - I. 180–181.
975 - V. 240–241.
976 - III. 133–134.
977 - Ibid. 125.

- 978 - Ibid. 133.
979 - IV. 74.
980 - I. 6.
981 - I. 217.
982 - I. 218.
983 - II. 131.
984 - II. 135; I. 31.
985 - II. 126.
986 - II. 205; III. 224.
987 - III. 3.
988 - III. 133–134.
989 - III. 5.
990 - VI. 40.
991 - III. 234.
992 - IV. 11–12.
993 - IV. 103.
994 - VI. 132.
995 - III. 42–147.
996 - II. 199.
997 - II. 40.
998 - IV. 136.
999 - IV. 275; III. 214.
1000 - IV. 100; II. 131; V. 218.
1001 - IV. 199.
1002 - Carmen de se ipso et de episc Migne, c c, s git. 37, c
1186; ст. 270–275, VI, 191.
1003 - II. 183.
1004 - III. 128.
1005 - II. 195.
1006 - II. 234–235.
1007 - V. 210.
1008 - I. 31–32.
1009 - I. 12, 94.

- 1010 - III. 12; II. 216; I. 248 и др.
1011 - II. 57. 173.
1012 - II. 57; III. 121.
1013 - II. 50, 51.
1014 - IV. 211.
1015 - VI. 159.
1016 - II. 160.
1017 - III. 146.
1018 - II. 109.
1019 - II. 9.
1020 - II. 9, 18, 21.
1021 - IV. 97.
1022 - II. 195.
1023 - IV. 33, 56; VI. 39–41.
1024 - II. 101.
1025 - II. 149.
1026 - II. 198–199.
1027 - II. 178, 221–223.
1028 - III. 42.
1029 - III. 102; VI. 41.
1030 - VI. 41.
1031 - IV. 68.
1032 - III. 102.
1033 - II. 171.
1034 - I. 184; III. 6.
1035 - IV. 77–78.
1036 - III. 130–132.
1037 - VI. 158–161.
1038 - IV. 79; I. 54,
1039 - IV. 28.
1040 - V. 221.
1041 - I. 20; II. 160–161.
1042 - I. 22.

- 1043 - I. 23, 25.
1044 - I. 26, 24.
1045 - I. 26–27.
1046 - I. 27–29.
1047 - I. 34–35.
1048 - I. 32.
1049 - III. 127–128, 133, 134.
1050 - V. 189.
1051 - III. 176–177.
1052 - I. 40, — ср. I. 237–238.
1053 - II. 103.
1054 - IV. 71.
1055 - II. 172.
1056 - II. 237–238.
1057 - III. 174–175.
1058 - III. 181–183; I. 222.
1059 - II. 72–81.
1060 - II. 126–127.
1061 - II. 128; V. 215.
1062 - V. 46, 94, 98, 204–205.
1063 - V. 101–102, 181.
1064 - V. 192–207.
1065 - V. 209–210.
1066 - V, 211–214, 35.
1067 - IV. 9; II. 174–184.
1068 - II. 40, 83–84; IV. 18–10.
1069 - III. 124, 180.
1070 - III. 247; I. 109; VI. 132, 158–161.
1071 - III. 153–155.
1072 - II. 83–39.
1073 - II. 54–56,
1074 - II. 123.
1075 - I. 71.

- 1076 - Ап. Прав. 38, 40, Ап. пост. VIII. 31.
1077 - А. П. Лебедев. Собр. Соч. т. X, гл. 6-я.
1078 - IV. 37; III. 166, 141; VI. 47; II. 193, I. 43.
1079 - III. 173.
1080 - III-я глава I-й части.
1081 - IV. 33.
1082 - IV, 37.
1083 - I. 238; II. 240; I. 46.
1084 - VI. 47.
1085 - II. 127.
1086 - II. 56.
1087 - II. 131; IV. 79.
1088 - II. 131; IV. 94.
1089 - V. 20.
1090 - I. 27.
1091 - I. 76.
1092 - IV. 119.
1093 - III. 189; V. 75.
1094 - IV. 74; II. 50, 57; III. 55.
1095 - IV. 74; II. 79.
1096 - V. 212.
1097 - VI. 161.
1098 - I. 252; II. 100; I. 35.
1099 - III. 146.
1100 - VI. 65; IV. 37.
1101 - I. 43, 47.
1102 - I. 238.
1103 - II. 148–149.
1104 - I. 27, 28, 33, 54, 60; VI. 57.
1105 - VI. 70.
1106 - VI. 71; I. 42.
1107 - VI. 80, 72; I. 52.
1108 - I. 257; II. 147.

- 1109 - V. 129.
1110 - III. 218.
1111 - II. 127–28; III. 251–259.
1112 - V. 240–241.
1113 - II. 236, 241, 212.
1114 - II. 243.
1115 - IV. 35.
1116 - G. Ullmann, цит. соч., стр. 356.
1117 - Migne. P с с. s. gr., t 37. С. 1166–1227.
1118 - IV. 91; VI. 15.
1119 - VI. 58, 53, 65.
1120 - VI. 66.
1121 - III. 135. Слово 33-е.
1122 - VI. 49.
1123 - VI. 28.
1124 - VI. 47. 71.
1125 - VI. 55. 66
1126 - VI. 69–70.
1127 - Migne, ц с ; с. 1193, стихи 393–424 (том 37)
1128 - VI. 54; II. 148.
1129 - I. 16–17.
1130 - I. 52.
1131 - IV. 66.
1132 - VI. 72–73.
1133 - I. 19–20.
1134 - I. 53–54.
1135 - II. 194–199.
1136 - Migne, ц. с. XII, ст. 190– 195; с 1179 (том 37).
1137 - I. 37–38.
1138 - IV. 51.
1139 - Migne, ц. соч. стихи 197–224.
1140 - IV. 51.
1141 - IV. 50.

- 1142 - IV. 53, 299; V. 176; III. 124; V. 317.
1143 - IV. 226; V. 240.
1144 - II. 204.
1145 - II. 63–64.
1146 - II. 70.
1147 - II. 70.
1148 - Св. Вас. В., твор., т. VII. 288.
1149 - Письма 125–128, 132–134 и др. – VI. 194 и след.
1150 - п. 238 – VI. 280.
1151 - п. 180 – VI. 238.
1152 - V. 228–244.
1153 - V. 228–235.
1154 - V. 235–244.
1155 - VI. 268; IV. 63.
1156 - VI. 268; IV. 63; II. 221.
1157 - VI. 105, 201, 93.
1158 - V. 262.
1159 - VI. 268.
1160 - II. 221; IV. 53; V. 129.
1161 - VI. 105, 201, 93.
1162 - I. 48.
1163 - V. 234.
1164 - IV. 236; V. 218–219.
1165 - V. 260.
1166 - I. 16, 165; II. 218–232; IV. 53; VI. 8, III. 127–128; IV. 158.
1167 - V. 223.
1168 - II. 188.
1169 - V. 256–257.
1170 - IV. 50–53.
1171 - V. 257. 128.
1172 - III. 209.
1173 - VI. 8; III. 168; IV. 231.
1174 - Говоров, ц с, стр. 250.

- 1175 - III. 114, 117–122.
1176 - III. 5–6.
1177 - II. 136.
1178 - VI. 39; III. 128.
1179 - II. 151, 235.
1180 - VI. 5; II. 142. Св. Григорий Богослов.
1181 - II. 17–18.
1182 - II. 20.
1183 - II. 20.
1184 - II. 25.
1185 - V. 190.
1186 - II. 27.
1187 - II. 29.
1188 - II. 25, 26, 29.
1189 - V. 321.
1190 - II. 25–26.
1191 - Ibid.
1192 - II. 26; V. 181.
1193 - II. 77.
1194 - II. 79.
1195 - VI. 195.
1196 - VI. 67.
1197 - Цит. соч., стр. 362.
1198 - VI. 59, 60.
1199 - VI. 72.